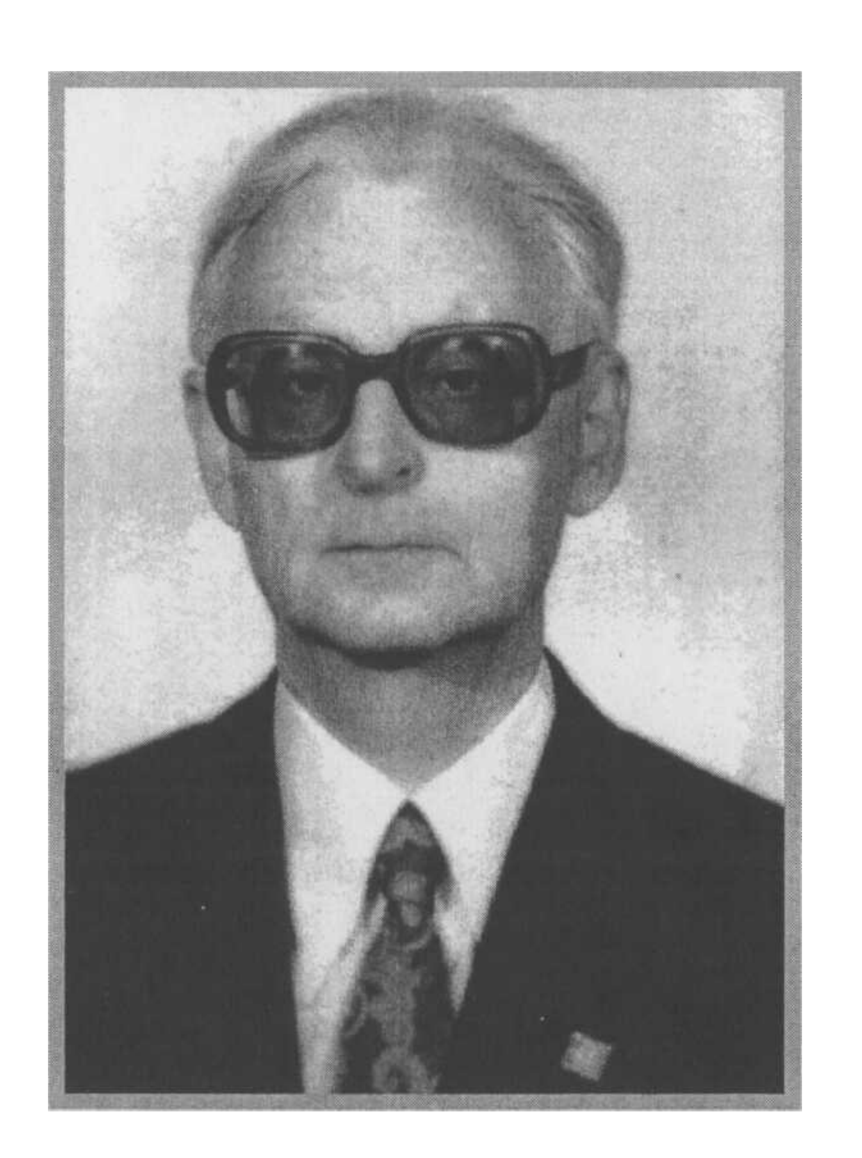
В.Н. Комиссаров

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

В.Н. Комиссаров

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Учебное пособие

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТС»
МОСКВА • 2002

УДК 81'25(07)
ББК 81.2-7
К632

Издание одобрено:
Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации
Рекомендовано к печати
Ученым советом Московского государственного лингвистического университета

К632 **В.Н.Комиссаров.** Современное переводоведение. Учебное пособие. - М.: ЭТС. — 2002. — 424 с.
Редактор — доктор филологических наук академии РАЕН и Испанской академии наук, проофессор С.Ф.Гончаренко

Предлагаемое вниманию читателя учебное прежде всего рассчитано на специалистов, изучающих переводческую проблематику. Но и тем, кто только делает первые шаги в освоении такой непростой области деятельности, как перевод, эта книга поможет правильно оценить качество своей работы, разобраться в возникающих проблемах, грамотно сориентироваться в особенностях своей профессии.

Книга написана доступным широкому кругу читателя языком.

УДК 81'25(07)
ББК 81.2-7

Все критические замечания и предложения просьба направлять по адресу:
103062 Москва, Подсосенский пер. 13. издательство «ЭТС»;
т./ф. (095) 917-21-60; e-mail:sales@ets.ru.

ISBN 5-93386-030-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора ... 7
Введение ... 9

ЧАСТЬ 1. ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Раздел 1. Перевод как объект лингвистического исследования ... 23
Раздел 2. Лингвосемиотические основы переводоведения ... 38
Раздел 3. Текстологические аспекты переводоведения ... 53
Раздел 4. Культурологчиские и социологические аспекты переводоведения ... 68

Литература ... 83

ЧАСТЬ 2. ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Раздел 1. Перевод в современном мире ... 84
Раздел 2. Общая характеристика современной теории перевода ... 105
Раздел 3. Переводческая эквивалентность ... 116
Раздел 4. Прагматические аспекты перевода ... 135
Раздел 5. Методы описания процесса перевода ... 150
Раздел 6. Переводческие соответствия ... 166

Литература ... 178

ЧАСТЬ 3. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Раздел 1. Вопросы теории перевода в трудах английских переводоведов ... 179
Раздел 2. Переводоведение во Франции и Канаде ... 200
Раздел 3. Лингвистическое переводоведение в США ... 221

Раздел 4. Лингвистическое переводоведение в Восточной Германии 236
Раздел 5. Развитие теории перевода в Западной Германии 254
Раздел 6. Лингвистическое переводоведение в Скандинавии 279
Раздел 7. Теоретические концепции Ф.Гюттингера, А.Людсканова и Г.Тури 296

Литература 314

ГЛАВА 4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Раздел 1. Общие принципы организации обучения переводу 317
Раздел 2. Профессиональная компетенция переводчика 329
Раздел 3. Профессиональная компетенция преподавателя перевода 347
Раздел 4. Содержание обучения 360
Раздел 5. Упражнения в процессе обучения переводу 373
Раздел 6. Методика работы со связным текстом 383
Раздел 7. Методика обучения устному переводу 398
Раздел 8. Обучение другим видам языкового посредничества 410

Литература 406

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Эта книга — своеобразный итог полувековой творческой деятельности ее автора. Профессор Вилен Наумович Комиссаров как лингвист и теоретик перевода внес немаловажный вклад в становление и развитие новой научной дисциплины — лингвистического переводоведения. Он автор 10 книг и более 80 научных статей по проблемам теории перевода, семасиологии и английского языка, и его имя хорошо известно теоретикам и практикам перевода, как в России, так и за ее пределами.

В.Н. Комиссаров — опытный переводчик, много лет работавший в области письменного и синхронного перевода. Этот богатый личный опыт позволяет ему успешно увязывать свои теоретические исследования с практической переводческой деятельностью.

Не менее плодотворна и третья сторона профессиональной деятельности автора этой книги — подготовка будущих переводчиков и преподавателей иностранных языков. Уже 50 лет он читает лекции и ведет практические занятия в высших учебных заведениях, а с 1966 года — в Московском государственном лингвистическом университете (бывшем ИНЯЗе им. М.Тореза), где в последние десятилетия возглавляет кафедру общей теории, истории и критики перевода. Он подготовил не одну сотню высококвалифицированных специалистов, среди которых есть доктора и кандидаты наук и выдающиеся мастера-практики. В.Н. Комиссаров создал целый ряд учебных пособий, которые широко используются при обучении переводу, как в России, так и в других странах.

Как всякий крупный ученый, профессор В.Н.Комиссаров создал не только авторскую теоретическую концепцию, которая обладает свойствами научной завершенности, связности, внутренней непротиворечивости и своего рода самодостаточности (не исключающей, естественно, комплементарных отношений с другими аналогичными концепциями), но

основами и главными разделами. Эту цель и преследует цикл лекций, о котором шла речь. Следует учитывать, что лекции цикла — это своего рода введение в лингвистическое переводоведение и они не могут претендовать на сколько-нибудь подробное изложение рассматриваемых языковедческих и переводоведческих концепций.

Первая часть пособия — «Общелингвистическое введение в переводоведение» состоит из четырех разделов.

В первом разделе, озаглавленном «Перевод как объект лингвистического исследования», рассматриваются особенности возникновения и развития лингвистической теории перевода, факторы, препятствующие включению перевода в сферу интересов языкознания, а также объективные и субъективные причины, сделавшие изучение перевода лингвистическими методами возможным и необходимым. Кратко характеризуется многообразие языков в мире, вызывающее потребность в переводческой деятельности, его причины и перспективы. Раскрываются лингвистические причины переводческих трудностей (несовпадение значений, «языковых картин мира» и называемых объектов) и общие принципы устройства и функционирования всех языков, которые позволяют находить пути преодоления этих трудностей. Наряду с существованием универсалий различного уровня, рассматриваются гипотезы, объясняющие единство человеческого мышления, способность ребенка овладеть любым языком и возможность приравнивания значений языковых единиц и речевых высказываний в межъязыковой коммуникации. В заключительной части раздела описываются лингвистические методы исследования перевода как традиционно используемые в других областях языкознания (методы компонентного, трансформационного и статистического анализа), так и модифицированные для целей переводческого исследования методы моделирования, интроспекции, психолингвистического эксперимента и др.

Второй раздел озаглавлен «Лингвосемиотические основы переводоведения». Здесь кратко освещаются основные понятия семиотики, характеризуется язык как система знаков особого рода. Демонстрируется обусловленность перевода основными свойствами языкового знака, его произвольностью, двусторонностью и значимостью, его существованием в языке и речи, его семантической структурой, отношениями с обозначаемыми объектами, другими знаками, использующимися языком. Идентифицируются переводческие проблемы, связанные со структурой языка, его нормой и узусом, с парадигматическими и синтагматическими связями его единиц. Особое внимание в разделе уделяется особенностям использования языковых знаков для построения сообщений, основным компонентам и определяющим факторам вербальной коммуникации. Перевод определяется как средство межъязыковой коммуникации и один

из видов языкового посредничества. Проблема переводимости рассматривается в связи с потерями информации в процессе передачи сообщения. Раскрывается коммуникативная схема перевода, отражающая роль источника информации, переводчика и рецепторов оригинала и перевода, а также соотношения процесса перевода с его результатом и другими релевантными факторами.

Третий раздел «Текстологические аспекты переводоведения» посвящен использованию в теории перевода положений лингвистики текста. Рассматривается роль текста в процессе речевой коммуникации как сложного формально-содержательного образования, обладающего вертикальной, горизонтальной и глубинной структурой. Раскрывается понятие тема-рематической структуры текста и его смысловой стратификации (соотношения языкового, конкретно-контекстуального и имплицитного содержания). Объясняется различие между пресуппозицией и импликацией и описываются различные виды импликативных связей и способы их воспроизведения при переводе. Особое внимание уделяется проблемам понимания содержания текста на разных уровнях и вариативности передачи этого содержания в переводе. В заключение раздела определяется роль текста как единицы перевода, разбираются принципы создания переводческой типологии текстов и текстоцентрические концепции перевода (теория «скопос»).

Последний раздел первой части посвящен описанию лингво-культурологических и социолингвистических аспектов переводоведения. Здесь рассматривается отражение в переводческой проблематике двух разных сторон проблемы «язык и общество» — существование языка как единого социально-культурного образования и отражения в нем неоднородности социума. Культурологические аспекты переводоведения включают изучение как роли перевода в развитии культуры (источник сведений о других культурах, вклад в формирование национального языка и литературы, доступ к научно-технической информации и пр.), так и культурной обусловленности переводческой деятельности (выбор переводимых текстов, общественный статус профессии, влияние на стратегию переводчика и пр.). В разделе освещаются переводческие проблемы, связанные с национально-культурными особенностями построения и использования речевых высказываний, формирования фоновых знаний и передачи реалий. В свете проблемы «язык и мышление» и гипотезы Сепира-Уорфа анализируется культурно-этническая концепция перевода и проблема культурной адаптации перевода.

Во второй части раздела рассматриваются проблемы перевода, возникающие вследствие социального расслоения языка (варианты языка, территориальные, социальные и профессиональные диалекты). Описываются

отражение в переводе несовпадения языковых средств аналогичных функциональных стилей и речевых регистров в разных языках. Особо рассматриваются способы перевода различных типов ненормативной лексики.

Вторая часть пособия «Основы общей теории перевода» состоит из шести разделов. Основные направления современного переводоведения во многом связаны с особенностями переводческой деятельности в последние десятилетия. Поэтому рассмотрению основных концепций общей теории перевода предшествует раздел «Перевод в современном мире», где кратко излагается историческая эволюция переводческой деятельности, особенно на ее современном этапе. Уже в первой лекции курса мы говорили о резком увеличении масштабов переводческой деятельности после Второй мировой войны, о появлении новых видов перевода, о выдвижении на первый план информативных переводов. Все эти факторы внесли существенные изменения в требования, предъявляемые к переводу, и в условия работы переводчиков. В разделе кратко характеризуются эти изменения и демонстрируется повышенная ответственность и сложность деятельности переводчика.

Прежде всего подчеркивается, что в современных условиях значительно возросли требования к точности перевода. Ошибки в переводе ответственных текстов могут повлечь за собой самые серьезные последствия — политические конфликты, материальные потери или человеческие жертвы. В разделе приведен ряд примеров из переводческой практики, показывающих, какими неприятностями для переводчика может быть чревато даже незначительное отклонение от оригинала.

В разделе последовательно освещаются такие отличительные черты современной переводческой деятельности, как преобладание текстов технического характера, большое тематическое, языковое и стилистическое разнообразие переводимых текстов, практическая невозможность узкой специализации, существование канонических переводов.

В последней части раздела дается краткая характеристика основных этапов истории перевода в России от времен Киевской Руси до наших дней. В истории России, где алфавит, переводы и литература возникли одновременно, деятельности переводчиков всегда играла важную роль. В разделе прослеживается превращение России в великую переводческую державу, называются имена переводчиков, внесших особый вклад в развитие отечественной школы перевода, характеризуются принципы выбора языков и текстов для перевода, описываются организационные формы, государственная политика в области переводческого дела и социальный статус переводчиков на разных этапах истории.

Следующий раздел этой части пособия содержит общую характеристику современной теории перевода. В отличие от многочисленных

высказывании о переводе, которые на протяжении многих веков формулировались, главным образом, самими переводчиками, основные положения современной науки о переводе носят не прескриптивный, а дескриптивный характер, то есть выводятся в результате обобщения реально наблюдаемых фактов. В разделе разбираются возражения против научного описания переводческой деятельности, что якобы принципиально невозможно в силу творческого характера этой деятельности, и раскрывается сложная связь теории перевода и переводческой практики. Определяется понятие «перевод» как важнейший вид языкового посредничества, изучение которого составляет предмет переводоведения, и сопоставляются задачи общей, частной и специальной теорий перевода. Далее приводится краткая характеристика письменного и устного перевода, а также даются определения терминам «эквивалентность», «адекватность», «буквальный перевод» и «свободный (вольный) перевод». В заключение раздела вводится понятие переводческой ситуации и характеризуется влияние на ход и результат переводческого процесса ее составляющих; цели перевода, типа переводимого текста и характера предполагаемого рецептора перевода.

В третьем разделе второй части пособия рассматривается одна из центральных проблем теории перевода — понятие переводческой эквивалентности. Хотя перевод предназначен для полноправной замены оригинала, его полная тождественность исходному тексту недостижима и можно говорить лишь об эквивалентности, то есть о какой-то степени близости перевода к оригиналу. В то же время эквивалентность признается важнейшей характеристикой перевода и предлагаются различные пути определения этого понятия. В разделе разбираются попытки определить эквивалентность как максимальную близость перевода к оригиналу и как сохранение какой-то инвариантной части содержания. Большая часть раздела посвящена описанию процедуры эмпирического определения эквивалентности путем сопоставления значительного числа реально выполненных переводов с их оригиналами. Выявляются несколько типов эквивалентности, в которых близость перевода к оригиналу оказывается различной, и в каждом таком типе раскрываются лингвистические основы этой близости. Демонстрируются способы достижения эквивалентности в рамках каждого типа (на каждом уровне эквивалентности) и связанные с этим проблемы передачи в переводе отдельных компонентов структуры содержания высказывания и текста.

Четвертый раздел второй части пособия посвящен рассмотрению прагматических аспектов перевода. В разделе дается определение прагматического потенциала текста и характеризуются факторы, влияющие на реализацию этого потенциала. Определяется понятие прагматики пе-

ревода, излагаются концепции, связывающие прагматическую адекватность перевода с типом переводимого текста и с целью перевода. Рассматриваются причины, вызывающие необходимость прагматической адаптации перевода и описываются основные виды такой адаптации с целью обеспечить полное понимание, адекватное восприятие, желаемую реакцию и решение прагматической «сверхзадачи». В заключение разбираются факторы, влияющие на оценку качества перевода, подчеркивается роль в этой оценке прагматического фактора и описываются практические методы оценки.

В следующем разделе пособия рассматриваются проблемы описания процесса перевода. Поскольку этот процесс осуществляется в голове переводчика и его нельзя наблюдать непосредственно, используются различные косвенные методы анализа. В начале раздела описываются попытки исследовать переводческий процесс путем выделения в нем отдельных этапов, а также использования методов интроспекции, особенно с помощью методики эксперимента «думай вслух». Разбираются достоинства и недостатки этих методов и оцениваются данные о мыслительных операциях переводчика, полученные таким путем.

Основная часть раздела посвящена описанию методов моделирования переводческого процесса и представления действий переводчика в виде различных типов межъязыковых преобразований (трансформаций). Характеризуются принципы построения и объяснительная сила ситуативной, трансформационной, семантической и психолингвистической моделей перевода. При описании каждой модели рассматриваются ее теоретические основы, способ осуществления перевода по этой модели, доказательства реальности модели и причины, ограничивающие ее объяснительную силу.

Раздел завершается описанием основных типов лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций. В каждом случае раскрывается сущность приема, выявляются основания для его применения и приводятся примеры переводов, в которых он был использован.

В последнем разделе этой части пособия излагаются основы теории переводческих соответствий. В процессе перевода между единицами двух языков устанавливаются определенные отношения и обнаруживаются единицы ПЯ, которые регулярно используются для передачи значения определенных единиц ИЯ. В разделе дается классификация типов подобных соответствий, раскрываются способы их взаимодействия с лингвистическим и ситуативным контекстом, описываются приемы перевода единиц ИЯ, не имеющих регулярных соответствий. Основное содержание раздела составляет подробное рассмотрение лексических, фразеологических и грамматических соответствий, которые обнаруживаются в переводах различных текстов, выполненных разными переводчиками.

В связи с ограниченностью объема пособия во всех его разделах излагаемые положения иллюстрируются только примерами из англо-русских переводов, хотя при чтении лекций в зависимости от состава аудитории в качестве иллюстративного материала используются и другие комбинации языков. Следует подчеркнуть, что в курсе рассматриваются проблемы общей теории перевода, положения которой приложимы к любой комбинации языков.

Задача третьей части пособия заключается в ознакомлении будущих переводчиков с наиболее значительными работами зарубежных переводоведов.

Как и всякая научная дисциплина, современное переводоведение создавалось усилиями ученых многих стран. Естественно, особый вклад в разработку теории перевода внесли исследователи тех стран, где переводческая деятельность приобрела широкий размах. Немалая заслуга в этой области принадлежит отечественной науке. Много ценных результатов получено учеными США, Великобритании, Франции, Германии и ряда других стран.

Теоретическое осмысление переводческой деятельности имеет несомненное практическое значение. Профессиональная компетенция переводчика предполагает знакомство с основными положениями современного переводоведения и умение использовать их при решении практических задач. Изучение трудов отечественных и зарубежных теоретиков перевода составляет важную часть подготовки будущих переводчиков.

В России учебные планы вузов, готовящих профессиональных переводчиков, включают, как правило, специальные курсы теории перевода. Однако ознакомление студентов с работами зарубежных переводоведов затруднено тем, что эти работы остаются малодоступными. Написанные на разных языках, они в большинстве своем никогда не переводились на русский язык и нередко отсутствуют даже в главных библиотеках. В связи с этим возникает необходимость в создании обзорного курса, который содержал бы хотя бы краткое изложение основных трудов зарубежных переводоведов, которые внесли большой вклад в развитие науки о переводе. Именно такую задачу и ставит перед собой данный цикл лекций.

Разумеется, в рамках краткого курса не может быть сколько-нибудь полно представлена многочисленная литература по теории перевода. Выбор авторов и их работ неизбежно будет в какой-то степени произвольным, а изложение содержания этих работ — субъективным и фрагментарным. В основном, при отборе материала курса автор старался придерживаться следующих критериев:

1. В обзор включены, в основном, фундаментальные работы (монографии). Ввиде исключения упоминаются отдельные статьи, сыгравшие важную роль в становлении современного переводоведения.

2. Рассматриваются работы, занимающиеся проблемами общей теории перевода. Как правило, исследование проводится на материале переводов с определенным набором языков, но его автор стремится выявить проблемы и закономерности, общие для всех переводов с любой комбинацией языков.

3. Рассматриваются работы лингвистической или квази-лингвистической направленности. Это означает, что существенная часть их содержаний, прямо или косвенно, связана с единицами, факторами, процессами и методами анализа, которые входят в сферу интересов современного языкознания. Лингвистичность подхода определяется проблематикой, а не исследуемым материалом, который может включать любые переводы — художественные и информативные, письменные и устные.

4. В курсе разбираются, в первую очередь, работы переводоведов тех стран, где исследования перевода наиболее многочисленны и значительны. Однако в некоторых случаях страна может быть представлена отдельными работами, внесшими существенный вклад в современное переводоведение. Ограниченный набор ведущих «переводоведческих» стран, разумеется, не означает отсутствия в других странах значимых работ по теории перевода.

5. Выбор анализируемых работ в каждой стране также ограничен и не указывает на меньшую важность или отсутствие других исследований перевода в этой стране, не включенных в обзор.

6. В большинстве случаев национальная принадлежность автора и его работ не вызывает сомнения, независимо от того, на каком языке они написаны. Однако некоторые авторы живут, работают и публикуют свои труды (или часть из них) за пределами родной страны. В таких случаях рассмотрение этих работ в том или ином разделе курса может оказаться недостаточно оправданным. Следует подчеркнуть, что наука о переводе не знает национальных границ и географический принцип построения курса принят исключительно для удобства изложения.

7. Некоторые труды по теории перевода можно объединить на основе общности исходных допущений, общетеоретических концепций или применяемых методов исследований, что позволяет говорить об отдельных научных школах или направлениях. Однако, как правило, в каждой стране сосуществуют различные направления исследований.

8. Последовательность разделов курса в значительной степени произвольна и не определяет сравнительную ценность вклада ученых разных стран.

Краткая характеристика отдельных работ в материале курса может дать лишь общее представление о их содержании и значимости. Более полную картину истории современного зарубежного переводоведения можно составить путем непосредственного знакомства с этими и другими трудами зарубежных теоретиков перевода.

Заключительная часть книги предназначена не только для будущих переводчиков, но и для преподавателей перевода. Наилучшие результаты при изучении любой учебной дисциплины достигаются, когда обучаемые и обучающие четко осознают цели обучения и методы достижения этих целей. Целесообразно поэтому дополнить изложение основ современного переводоведения описанием методики обучения переводу в учебных заведениях, программа которых предусматривает подготовку специалистов высокой квалификации в данной области человеческой деятельности.

В этих учебных заведениях умение профессионально осуществлять переводческую деятельность является конечной целью обучения. Такое умение составляет один из основных видов профессионального использования знания иностранного языка. Для большинства людей такое знание не служит основой их профессиональной деятельности. Они пользуются иностранным языком в собственных интересах в качестве средства, открывающего им доступ к дополнительной информации, к литературе и культуре другого народа, к непосредственному общению с иностранцами. Существует лишь несколько видов практической деятельности, где знание иностранного языка используется профессионально, для других — удовлетворяя определенную общественную потребность. Сюда можно прежде всего отнести преподавание иностранного языка и перевод. Понятно, что подготовка специалистов в каждой из этих областей требует соответствующей программы и методов обучения.

Методика обучения переводу остается до сих пор слабо разработанной вследствие ряда объективных и субъективных причин. Хотя сама переводческая деятельность имеет свою многовековую историю, потребность преподавания перевода как особой научной дисциплины возникла сравнительно недавно. Широкая сеть учебных заведений, занимающихся подготовкой профессиональных переводчиков, была создана лишь во второй половине двадцатого столетия, и до сих пор не решены многие вопросы, связанные с организацией и содержанием учебного процесса, конечными задачами обучения и требованиями, которые должны предъявляться как к обучаемым, так и к обучающим. Хотя многие учебные заведения обучают будущих переводчиков, ни один вуз не готовит преподавателей перевода и нигде не читаются курсы методики преподавания этой дисциплины. Обучением переводу занимаются либо преподава-

тели иностранного языка, либо переводчики-практики, хотя понятно, что ни знание языка, ни умение переводить еще не означают сами по себе способность квалифицированно и успешно вести занятия по переводу со студентами. Для этого нужна и специальная методическая подготовка, знание специфики преподаваемой учебной дисциплины, принципов и методов организации учебного процесса.

Разработке методики обучения переводу в немалой степени препятствует и то обстоятельство, что перевод (или, точнее, учебный перевод) традиционно использовался при обучении иностранному языку как средство введения, закрепления или контроля усвоения учебного материала. При этом перед преподавателем не возникало особых трудностей, связанных с обучением профессиональному переводу, а следовательно, и не требовалось специальной методической подготовки. Кроме того, многие методисты видели в переводе досадную помеху, препятствующую полному, «беспереводному» овладению иностранным языком, мешающую обучаемому мыслить на этом языке, усиливающую интерференцию и неидиоматичность речи. Поэтому перевод следовало по возможности изгнать из учебного процесса и уж, конечно, не заниматься методикой его преподавания.

Как мы увидим дальше, долгое время существовали сомнения в необходимости и возможности обучения переводу, которые, понятно, не способствовали разработке вопросов методики. Кроме того, в самом начале возникновения этой новой учебной дисциплины обнаружилось отсутствие научной теории, раскрывающей сущность переводческой деятельности и определяющей условия ее успешного осуществления. Лишь после того, как получила развитие новая научная дисциплина — переводоведение, возникла возможность дать методическое обоснование новой учебной дисциплины — обучению перевода.

Задача такого обоснования затруднена еще и вследствие того, что многие преподаватели перевода не видели в нем особой необходимости. Подобно тому, как преподаватель языка использует в своей работе перевод, не прибегая к каким-либо особым методическим приемам, так и преподаватель перевода нередко полагает, что все сводится к формуле «учить переводу переводя» и что вся методика обучения заключается в том, чтобы студенты как можно больше переводили различные тексты. При этом как сам перевод, так и оценка его результатов преподавателем осуществлялись интуитивно и не требовали какого-либо анализа или обоснования.

В настоящее время стало очевидным, что переводческая деятельность претерпела ряд количественных и качественных изменений, которые вызвали потребность в большом количестве высококвалифицированных переводчиков, что, в свою очередь, требует повышения качества их профессиональной подготовки. Важнейшим условием успешного обучения будущих переводчиков является совершенствование учебного процесса, разработка методики обучения. Для этого имеются необходимые предпосылки, поскольку за последние десятилетия преподаватели перевода накопили немалый опыт, нуждающийся в обобщении и осмыслении. За этот же период значительно продвинулось научное изучение переводческой деятельности, результаты которого дают возможность определить основные компоненты профессиональной компетенции переводчика, формируемой в процессе обучения. Вместе с тем следует признать, что мы еще не располагаем законченной методической системой подготовки переводчиков и излагаемые в предлагаемом курсе положения неизбежно будут носить предварительный и фрагментарный характер.

Эта часть книги состоит из восьми разделов. В первом разделе излагаются общие принципы организации обучения переводу. В нем кратко характеризуются некоторые особенности переводческой деятельности в современном мире, подробно рассмотренные в предыдущих частях пособия, обосновывается необходимость и возможность широкомасштабной подготовки профессиональных переводчиков, определяется прагматическая общеобразовательная и воспитательная значимость перевода как учебной дисциплины. Значительное место в разделе уделяется характеристике перевода как средства межъязыковой коммуникации, специфика которого определяет совокупность знаний и умений, которые будущий переводчик должен получить в процессе обучения. В заключительной части рассматриваются исходные постулаты, которые лежат в основе организации и методов обучения переводу.

Второй раздел посвящен описанию профессиональной компетенции переводчика. Основное внимание уделяется в нем характеристике особой языковой личности, которая формируется у переводчика и которая обладает рядом отличий от «нормальной — непереводческой — личности». Эти отличия выявляются во всех аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом. В разделе определяются основные понятия, характеризующие речевую коммуникацию, указываются особенности межъязыковой коммуникации, описываются различные формы переводческой деятельности. Центральное место в разделе занимает описание компонентов профессиональной компетенции переводчика, создаваемой в процессе обучения. В заключительной части раздела перечисляются основные умения, составляющие профессиональную технику переводчика.

В третьем разделе курса раскрывается понятие профессиональной компетенции преподавателя перевода. Обеспечить эффективное обуче-

ние будущих переводчиков может лишь преподаватель, получивший необходимую подготовку. В разделе перечисляется ряд требований, которым должен удовлетворять квалифицированный преподаватель перевода как специалист в области теории и практики перевода, иностранного и родного языков, страноведения, методики приобретения необходимого минимума знаний в самых различных областях. Указывается роль преподавателя в создании в учебных условиях конкретной переводческой ситуации, определяемой типом переводимого текста, целью перевода и характером рецептора, для которого предназначен перевод. В профессиональную компетенцию преподавателя входит и знание некоторых общих правил, которые он постоянно должен напоминать обучаемым. В заключение в разделе описываются принципы, которыми руководствуется преподаватель при подборе учебных материалов и оценки качества переводов, выполненных студентами.

Важное место занимает четвертый раздел, где раскрывается содержание обучения переводу, определяемое задачей создания у обучаемых профессиональной переводческой компетенции. В разделе дается краткая характеристика знаний и умений, которыми должны овладеть будущие переводчики. Объем получаемых специальных знаний включает знакомство с основными этапами истории перевода, понятиями переводимости, адекватности, прагматики перевода и другими фундаментальными понятиями теории перевода, а также изучение основных моделей переводов и переводческих трансформаций, видов переводческих соответствий и способов их использования при решении различных переводческих задач.. Описание способов формирования профессиональных умений охватывает как умения, необходимые для осуществления предпереводческого анализа, так и действия переводчика в процессе перевода. Первая группа умений определяет выбор различных аспектов общей стратегии переводчика; вторая группа умений включает, в частности: умение выполнять параллельные действия на двух языках, понимать текст «по переводчески» (полно и окончательно), переходить от поверхностной структуры к глубинному смыслу и обратно, выстраивать синонимичные ряды и делать выбор между синонимами и т.п. Значительное место в курсе перевода занимает овладение умением использовать технические приемы перевода и преодолевать трудности, связанные с лексическими, фразеологическими, грамматическими и стилистическими особенностями исходного языка. Различные переводческие умения сводятся воедино в умение анализировать текст оригинала, выявлять стандартные и нестандартные переводческие проблемы и выбирать способы их решения, соответствующие конкретному акту перевода. Формирование переводческих умений сопровождается работой по их практическому использованию с целью развития полуавтоматических и автоматических навыков перевода.

Методика создания переводческих умений и навыков раскрывается и в пятом разделе, который посвящен характеристике переводческих упражнений. Упражнения — это основной способ выработки умений, который дает возможность подобрать учебный материал и сосредоточить внимание обучаемых на решении отдельной переводческой задачи. В разделе дается классификация переводческих и собственно переводческих упражнений и подробно описываются упражнения каждого типа. Особое внимание уделяется организации работы с упражнениями, подбору материала для них, роли комментариев преподавателя, которые обеспечивают необходимую контекстуальную информацию при использовании в качестве исходных отдельных высказываний. Предлагаемое в разделе разграничение языковых, операционных и коммуникативных упражнений носит условный характер, но может быть полезным преподавателю перевода при отборе, составлении и использовании переводческих упражнений.

Шестой раздел посвящен методике работы со связным текстом. В нем указывается на особенности перевода связного текста, при котором переводчик сталкивается с целым комплексом проблем, ранее рассмотренных на материале переводческих упражнений. Наряду с такими проблемами внимание обращается и на специфику каждого отдельного текста, которая должна быть учтена при выборе варианта перевода. В разделе дается характеристика двух видов аудиторной работы с текстом — аналитической и синтетической — и описывается процедура этой работы. Большая часть раздела отводится детальному разбору организации занятия по переводу конкретного текста, посвященного деятельности одной из международных организаций. Предусматривается, что материал будет использован студентами при проведении семинаров по данной теме.

В седьмом разделе излагаются основы методики обучения различным видам устного перевода. Приводится характеристика четырех типов умений, которыми должен овладеть устный переводчик, определяется последовательность обучения отдельным видам перевода, описывается специфика шести основных видов устного перевода: перевода на слух, двустороннего перевода, перевода с листа, последовательного перевода с записью, синхронного перевода со зрительной опорой и синхронного перевода без зрительной опоры. Для каждого вида перевода указываются условия осуществления, факторы, усложняющие задачу, факторы, облегчающие задачу, и необходимые умения. В заключительной части раздела описываются специальные упражнения, предназначенные для развития навыков устного перевода.

В заключительном разделе этой части книги рассматриваются некоторые вопросы обучения другим видам языкового посредничества. В разделе описываются особенности выборочного, обзорного и упрощенного перевода и основные принципы составления аннотаций и рефератов иноязычных текстов. Разбирается классификация рефератов, их структура и предъявляемые к ним требования. В разделе описываются приемы составления рефератов различного типа и упражнения для развития соответствующих умений.

ЧАСТЬ 1

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПЕРЕВОД КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Перевод — это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные склады мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе — ***переводоведении*** — могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты.

Однако традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки, получило серьезное научное обоснование, и в современном переводоведении ведущее место принадлежит лингвистическим теориям перевода. Следует заметить, что включение перевода в сферу интересов языкознания произошло сравнительно недавно и при этом пришлось преодолеть значительные трудности. До сих пор в боль-

шинстве фундаментальных работ по лингвистике отсутствует даже упоминание о переводе как о возможном объекте лингвистического исследования, хотя уже Р.Якобсон подчеркивал, что «широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность должна находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки».

Отсутствию у многих языковедов интереса к переводческой проблематике в первой половине 20-го столетия способствовало преобладание в лингвистической науке идей структурализма. Стремясь обеспечить объективное описание языка, приблизить лингвистику к «точным» наукам, языковеды с готовностью восприняли призыв Соссюра изучать язык «в себе и для себя», ограничиваясь областью «внутренней лингвистики» или иначе «микролингвистики». Добиваясь научной точности и объективности, языковеды сосредоточили свое внимание на тех сторонах языковой структуры, которые можно непосредственно наблюдать, измерять, подсчитывать, доказательно описывать и классифицировать: звуковой, морфемный и лексический состав языка, его синтаксический строй, синтагматические и парадигматические связи его единиц, их сочетаемость, распределение в текстах (дистрибуция), частотность употребления и т.п. В результате языкознание достигло значительных успехов в научном анализе структурной организации многих языков.

Однако из структуралистского подхода к изучению языка логически вытекала необходимость отказа от исследования содержательной стороны языка. Поэтому всякие суждения о значениях заведомо считались ненаучными, «менталистскими», и семантике не находилось места в науке о языке. По этой же причине максимальной единицей языка, подвергавшейся анализу, оказывалось предложение, поскольку более крупные (речевые) единицы — тексты — невозможно было объективно анализировать, не обращаясь к их семантической структуре. Понятно, что такая лингвистика не способна была заниматься проблемами перевода, суть которого заключается в передаче содержания иноязычного текста средствами другого языка.

Со своей стороны сами переводчики весьма скептически относились к роли науки о языке в исследовании особенностей переводческой деятельности. Согласно широко распространенному мнению, в процессе перевода языковые факторы (под которыми часто понималось владение переводчиком двумя языками) имеют при переводе столь же второстепенное значение, как знание нотной записи при сочинении музыки. В основном же перевод — это операция отнюдь не лингвистическая, и языкознание мало что может дать теории перевода.

Но лингвисты не только игнорировали переводческую проблематику, они еще и дали дополнительные основания для появления так называемой *теории непереводимости,* согласно которой перевод вообще невозможен. Если поэты, критики и филологи высказывали сомнения в возможности воспроизвести в переводе художественные особенности оригинала, его национальную специфику, литературные, исторические и культурно-бытовые ассоциации и тому подобные тонкости, то известная языковедам уникальность словарного состава и грамматического строя каждого языка позволяла утверждать, что полное тождество текстов оригинала и перевода в принципе невозможно, а, следовательно, невозможен и сам перевод. Получалось парадоксальное положение: практическая деятельность, которая осуществлялась на протяжении многих веков, оказывалась теоретически невозможной и как бы несуществующей.

Встреча языкознания с переводом все же состоялась, правда, лишь в начале второй половины 20-го столетия. Этому способствовало несколько объективных и субъективных факторов, отразивших серьезные изменения как в переводческой деятельности, так и в самой лингвистике.

После окончания Второй мировой войны произошел так называемый информационный взрыв — резкое увеличение обмена информацией между людьми и народами, — который сопровождался «переводческим взрывом» — соответствующим увеличением масштабов переводческой деятельности во всем мире. Появились новые виды переводов: синхронный перевод, перевод (дублирование) кинофильмов, радиопередач, телепрограмм. Помимо большого числа переводимых книг, переводится устно и письменно огромное количество материалов в рамках деятельности различных организаций, учреждений и предприятий. Переводами стали заниматься не только профессиональные переводчики, но и многие другие специалисты, владеющие иностранными языками: инженеры, библиотекари, дипломаты, референты, преподаватели, сотрудники информационных центров и т.д. Возникла необходимость в подготовке большой армии переводчиков. Теперь уже недостаточно было готовить профессиональных переводчиков методом «индивидуального ученичества», когда какой-нибудь опытный переводчик опекал нескольких учеников,

знакомя их с тайнами переводческого мастерства, и во всех странах были открыты переводческие школы, факультеты, отделения университетов и тому подобные учебные заведения. Потребовалось разработать соответствующие учебные планы и программы. Невиданные ранее масштабы переводческой деятельности и задачи массовой подготовки профессиональных переводчиков сделали необходимым всестороннее изучение феномена перевода.

Большую роль в привлечении внимания лингвистов к проблемам перевода сыграло и качественное изменение переводческой деятельности. Хотя по-прежнему во всем мире переводилось большое количество произведений художественной литературы, на первое место по объему и значимости вышли нехудожественные (информативные) переводы: научно-технические, общественно-политические, экономические, юридические и др. Если в художественном переводе основные проблемы переводчика связаны с необходимостью передавать художественно-эстетические достоинства оригинала и его индивидуально-авторские особенности, то трудности информативного перевода были, главным образом, лингвистического характера. Здесь переводимые тексты были часто анонимными, написаны стандартным общеразговорным языком, индивидуально-авторские особенности несущественны, и переводческие проблемы, в основном, определялись различиями в значениях единиц двух языков, в их функционировании, в способах построения речевых высказываний и текстов.

Если изменения в переводческой деятельности не могли не привлечь внимания лингвистов, то само развитие языкознания сделало возможным включение перевода в сферу их интересов. Ко второй половине двадцатого столетия лингвистика существенно изменила свою научную ориентацию. Достигнув серьезных результатов в изучении формальной структуры языка, лингвисты значительно расширили область своих исследований, включив в нее проблемы внешней лингвистики (макролингвистики), в рамках которой рассматриваются такие фундаментальные вопросы, как связь языка с обществом, мышлением и действительностью, лингвистические и экстралингвистические аспекты вербальной коммуникации, способы организации и передачи информации в человеческом обществе и т.п. Важное место в науке о языке заняли исследования содержательной структуры речевых высказываний и текстов, контекстуальных значений языковых единиц, способов описания ситуаций. Возник ряд новых лингвистических дисциплин: психолингвистика, социолингвистика, прагмалингвистика, лингвистика текста, теория речевых актов, когнитивная лингвистика и другие. В распоряжении языковедов появились методы исследования того, как реально осуществляется обмен информацией с помощью языковых единиц в конкретных актах речи, в конкретных ситуациях общения. Понятно, что возможности такой лингвистики в изучении перевода неизмеримо возросли, и теперь многие важнейшие стороны этого феномена могут быть описаны в лингвистических терминах.

Немаловажным оказалось и то, что, приступив к изучению перевода, языковеды быстро обнаружили, что не только лингвистика может внести большой вклад в теорию перевода, но и перевод может много дать самой лингвистике. Переводы оказались ценным источником информации о языках, участвующих в процессе перевода. В ходе переводческой деятельности, которая в таких огромных масштабах осуществляется в современном мире, происходит своеобразный лингвистический эксперимент по коммуникативному приравниванию высказываний и текстов на двух языках. При этом обнаруживаются сходства и различия в употреблении единиц и структур каждого из этих языков для выражения одинаковых функций и описания одинаковых ситуаций. Благодаря этому удается обнаружить некоторые особенности структуры и функционирования языка, которые ускользали от внимания при использовании иных методов исследования.

Дополнительным стимулом для развития лингвистической теории перевода послужили попытки создать различные системы машинного перевода. Появление быстродействующих электронно-вычислительных машин породило надежды, что функции переводчика гораздо быстрее и дешевле сможет выполнять все более совершенствующийся компьютер. Компьютеры с успехом применялись для декодирования зашифрованных сообщений, а перевод можно было представить как декодирование текста на языке перевода, зашифрованного с помощью языка оригинала. Первые попытки машинного перевода давали мало удовлетворительные результаты, но были надежды, что новые поколения компьютеров с большим объемом памяти успешнее справятся с этой задачей. Однако вскоре стало ясно, что основные проблемы машинного перевода связаны не с недостаточной памятью компьютера, а с неумением создать такую программу, которая позволила бы машине столь же успешно преодолевать многочисленные переводческие трудности, как это делает человек.

И тут оказалось, что никто не может объяснить, как человек осуществляет перевод, поскольку этот вид человеческой деятельности оставался недостаточно изученным. Поэтому многие лингвисты, занимавшиеся вопросами машинного перевода, переключили свое внимание на изучение перевода «человеческого», пытаясь там найти пути преодоления трудностей.

В настоящее время современные программы машинного перевода не могут обеспечивать высокое качество перевода текстов любой сложности и, естественно не претендуют на полную замену переводчика-человека. Тем не менее, машинный перевод успешно применяется в трех основных случаях. Во-первых программа составляется для перевода узко специальных текстов, стандартных по форме, с ограниченным составом лексики и грамматики. Во-вторых, машина дает возможность быстро получить большой объем переводов невысокого качества, которые позволяют судить об общем содержании оригиналов и решать, что в них целесообразно дать переводчику для более точного воспроизведения. В-третьих, в работу включается редактор, который либо готовит текст к переводу (предредактирование), устраняя или разъясняя трудные для машины места, либо редактирует уже переведенный текст (постредактирование), устраняя ошибки и неточности.

Определенную роль сыграл и субъективный фактор. Переводческие факультеты и отделения создавались, главным образом, при университетах и институтах иностранных языков, и подготовкой будущих переводчиков занимались преподаватели иностранных языков, филологи и лингвисты. Именно они, в первую очередь, осознали необходимость теоретического осмысления переводческой деятельности и попытались решить эту задачу методами своей науки.

Хотя нельзя было рассчитывать, что можно будет изучить все стороны переводческой деятельности даже в рамках макролингвистики, было очевидно, что самые важные аспекты перевода связаны с языком. Особенности существования и использования языка определяют и саму необходимость перевода и основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, и возможности преодоления этих трудностей.

1. Перевод необходим потому, что люди говорят на разных языках. Лингвисты традиционно изучали языковые ситуации как в отдельных странах, так и во всем мире. Теперь предстояло рассмотреть многообразие языков как причину существования перевода. Перевод представляет собой достаточно сложное средство преодоления языковых барьеров. Языкознание и переводоведение не могут не интересовать вопросы, как возникли эти барьеры, долго ли они будут существовать и нельзя ли от них избавиться..

Многообразие языков не имеет биологической основы. Все люди принадлежат к одному биологическому виду. У всех людей одинаковое строение головного мозга, одинаковое количество зубов и позвонков, одинаково устроены пищеварительный тракт, кровеносная система и другие внутренние органы. Все они дышат кислородом и умирают при его отсутствии. Учитывая такое анатомическое и физиологическое единство человеческого рода, было бы естественно, если бы все люди говорили на одном языке.

Правда, люди разделяются на несколько групп по расовому признаку, цвету кожи, размеру и форме костей, составу крови и некоторым другим признакам. На этом основании могла быть еще одна естественная ситуация, когда в мире существовало бы пять-шесть языков, возможно с некоторым числом промежуточных диалектов.

В действительности дело обстоит иначе. По разным подсчетам в современном мире насчитывается три-четыре тысячи языков. Более точную цифру назвать затруднительно, поскольку во многих случаях не ясно, следует ли говорить о самостоятельных языках или о диалектах одного и того же языка. Такое многообразие языков, несомненно, нуждается в объяснении.

Если не принимать всерьез библейскую легенду о вавилонском смешении языков или возможность воздействия инопланетян, то придется признать, что многоязычие могло возникнуть естественным путем в ходе исторического развития человечества. Когда отдельные группы людей в поисках пищи уходили из своего племени и селились вдали от него, теряя с ним всякую связь, их язык начинал развиваться самостоятельно, в иных условиях, независимо от развития языка племени. В результате возникали расхождения, которые в конечном счете приводили к существенным различиям, к формированию нового языка.

Обладание собственным языком сыграло важную роль в сплочении этнического коллектива, в развитии племенного, а затем и национального самосознания, в организации совместной хозяйственной деятельности, охоты, земледелия, военных действий, готовности жертвовать ради общих интересов, ради «своих». Однако в современную эпоху мно-

гообразие языков часто рассматривается как чисто негативное явление, препятствующее взаимопониманию между людьми и народами, способствующее возникновению конфликтов и войн. Следовательно, надо искать пути как его ликвидировать или хотя бы уменьшить его пагубное влияние.

Одним из таких путей, наиболее очевидным, является искусственное создание единого языка, на котором могло бы общаться все человечество. Первые замыслы придумать искусственный язык появились еще в античности. В 17—20 веках было создано около тысячи подобных проектов, однако осуществлены были лишь немногие (воляпюк, бесик инглиш, эсперанто и некоторые другие). Наибольшее распространение получил язык эсперанто, завоевавший сторонников во многих странах. На нем пишутся книги, проводятся симпозиумы и конференции, на него переводятся литературные произведения с разных языков. Однако выполнить роль единого языка, заменяющего все остальные, и ему вряд ли удастся. Люди не проявляют желания отказываться от своего языка и тем самым от своей культуры, литературы, истории. Любой искусственный язык может, по-видимому, играть лишь вспомогательную роль.

Не подтверждается как будто и предположение, что человечество придет к единому языку естественным путем в ходе своего исторического развития. Поскольку по мере объединения людей во все более крупные сообщества и исчезновения небольших изолированных групп количество языков в мире постепенно сокращается, распространено мнение, что человечество движется к единому обществу, единой общемировой культуре, единому языку. Однако в обозримом будущем этого, по-видимому, не произойдет. В настоящее время можно наблюдать все более широкое использование в международных контактах так называемых *мировых языков* — национальных языков, которыми в той или иной степени владеют многие представители других языковых коллективов. Сегодня эту роль выполняют, в первую очередь, английский и в меньшей степени французский, русский и испанский языки. Можно ожидать, что в будущем все большее число людей будут билингвами, владеющими как своим собственным, так и одним из мировых языком. Следует заметить, что распространение мировых языков отнюдь не снизило потребность в переводах и переводчиках. Напротив, масштабы переводческой деятельности в современном мире постоянно возрастают, и в ближайшем будущем безработица переводчикам не грозит.

2. Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, также связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Здесь можно выделить три типа трудностей: специфичность семантики языковых единиц, несовпадение «картин мира»,. создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, описываемые в переводимых текстах.

Языковые единицы — это не просто ярлыки, используемые для обозначения соответствующих объектов. У каждого языкового знака имеется устойчивое, ему одному присущее значение, и эти значения у единиц разных языков, как правило, не совпадают. Поэтому перевод никогда не сводится к простой замене одной формы на другую, и переводчику приходится постоянно решать, значения каких единиц языка перевода наиболее соответствуют содержанию оригинала.

Вторым лингвистическим препятствием, которое вынужден преодолевать переводчик, является то обстоятельство, что каждый язык посвоему членит действительность, создавая своеобразную «языковую картину мира». Речь идет не только о часто упоминаемых экзотических примерах, подобно многочисленным названиям разновидностей снега у эскимосов или лошадей различной окраски у аргентинских пастухов, а о многих обычных наименованиях. Достаточно сравнить русское «рука» с английскими «hand» и «arm», русское «палец» с английскими «finger» и «toe», русские «собака» и «пес» с английским «dog» или «лошадь» и «конь» с «horse». Понятно, что разное членение ставит перед переводчиком особые проблемы при выборе варианта перевода.

Трудности перевода могут возникать и в связи с тем, что в оригинале называются какие-то явления, отсутствующие в принимающей культуре и неизвестные рецепторам перевода. Что такое русское «степь»? Чем занималась помещица Ларина, когда она, по словам Пушкина, «брила лбы»? Как должен понимать англичанин вопрос «Третьим будешь?» Что такое английское «Aunt Sally»? Как выглядят «marshes»? Какой вкус у «brown Betty»? Во всех подобных случаях переводчик должен не только быть знакомым с фактами чужой культуры и уметь их воспроизводить в переводе, но и позаботиться о том, чтобы сделать их понятными читателям перевода

3. Но языковые факторы не только порождают трудности для перевода, но и создают условия для их преодоления. Хотя каждый язык

уникален, в основе строения и употребления всех языков лежит один и тот же принцип, что делает возможным их соотнесение в процессе перевода. Все языки состоят из двусторонних единиц, обладающих звучанием и значением. Все они обладают словарным составом и грамматическим строем, служат средством формирования мыслей и передачи их в процессе общения с другими людьми. Все языки используются для построения сообщений о внеязыковой реальности. Все они способны различными способами выражать понятийные категории времени, места, числа, модальности и многие другие, обозначать классы предметов и отдельные объекты и их признаки, процессы и состояния. Языки обладают множеством других универсальных свойств, как самых общих, так и более частных. Эта универсальность отражает единство человеческого мышления и окружающего мира. И именно оно определяет в конечном счете возможность перевода.

Одним из примечательных проявлений универсального характера человеческого языка и мышления является врожденная способность любого человека овладевать любым языком. Известно, что ребенок независимо от его национальной принадлежности сравнительно легко овладевает языком любого языкового коллектива, в котором он живет. Эту способность нельзя полностью объяснить ни объемом языкового материала, стихийно воспринимаемого ребенком, ни целенаправленным обучением со стороны взрослых, хотя такие факторы также играют немаловажную роль. По-видимому, в мозгу человека существует какой-то генетический механизм овладения языком.

В современном языкознании предлагается несколько гипотез, пытающих объяснить происхождение такого механизма. Наиболее известна концепция «универсальной грамматики», предложенная американским лингвистом Н.Хомским. Согласно его предположению, в мозгу каждого ребенка уже имеется своего рода универсальная грамматика, которая включает в себя структуры всех языков мира. Под влиянием окружающей среды у ребенка активизируется одна из этих структур, и он овладевает соответствующим языком. Благодаря универсальной грамматике дети могут осваивать такую исключительно сложную систему, как человеческий язык в любом национальном варианте за столь короткий срок. Овладение языком напоминает овладение другими сложными и гибкими формами поведения ребенка (такими, как умение ходить), которые в какой-то степени, несомненно, контролируются нейрофизиологи-

ческими факторами. Универсальная грамматика, постулируемая Н.Хомским, представляет собой вычислительное устройство на какой-то нейрологической основе, делающее доступным для ребенка широкий набор грамматических моделей. Хомский полагает, что ребенок «выбирает» затем из имеющихся у него грамматических моделей те, что соответствуют моделям языка, который должен стать его родным.

Гипотеза Хомского дает объяснение способности ребенка быстро овладевать любым языком. Однако она вряд ли может быть безоговорочно признана. В частности, трудно себе представить, каким образом в процессе эволюции в мозгу человека могла сформироваться такая сложная структура, которая почти полностью остается неиспользованной. Не исключено, что эти известные факты могут иметь другие объяснения. Одно из таких возможных объяснений предложил американский лингвист Д.Бикертон.

Д.Бикертон изучал креольский язык, на котором говорят дети иммигрантов-рабочих на Гавайских островах. Он обнаружил, что они самостоятельно создали этот единый для всех них язык без какого-либо влияния со стороны родителей, которые были привезены на Гавайские острова из разных стран и говорили на разных языках «пиджин», не имевших определенной структуры. Этот креольский язык, не имевший ничего общего с грамматическими структурами языков, известных предыдущему поколению, обнаружил, однако, большое сходство со структурой других креольских языков, возникших в других частях земного шара. Развитие креольского языка на Гавайских островах позволяет предположить, что, когда дети учатся говорить, у них сначала формируется креольский язык абстрактного типа. Иными словами, врожденный механизм человека не представляет в распоряжение ребенка набор грамматических моделей, а формирует у него единственную и весьма специфическую модель. Такая специфическая модель не подавлялась впоследствии только в языковом коллективе, говорящем на «пиджин», где не было грамматических моделей, способных соперничать с врожденной грамматикой ребенка. А затем врожденная грамматика обросла лексическими единицами, которые имелись в данном месте, и возникли креольские языки.

В подтверждение своей гипотезы Д.Бикертон приводит факты, свидетельствующие о том, что ошибки, которые делают в раннем возрасте английские дети, соответствуют моделям креольского языка. Кроме

того, наблюдения показывают, что, когда грамматическая структура креольского языка не совпадает с соответствующей грамматической структурой местного языка, дети регулярно делают ошибки по отношению к структуре местного языка. Напротив, если грамматические структуры обоих языков более или менее совпадают, отмечается быстрое и безошибочное овладение ребенком структурой местного языка в очень раннем возрасте. Впоследствии, поскольку люди вокруг них упорно говорят по-английски, по-французски или еще на каком-нибудь языке, детям приходится модифицировать грамматику своего родного креольского языка, пока она не начинает соответствовать грамматике местного языка.

Независимо от справедливости той или иной гипотезы, наличие у всех языков существенных универсальных черт не вызывает сомнения. Эта универсальность, разумеется, является важной предпосылкой успешного перехода от одного языка к другому в процессе перевода. Наряду с этим, переводческая практика показывает возможность коммуникативного приравнивания отрезков разноязычных текстов, несмотря на несовпадение значений составляющих их языковых единиц. И эта возможность также находит лингвистическое обоснование, о котором пойдет речь в последующих лекциях

Положения различных лингвистических дисциплин не только проливают свет на многие важные аспекты переводческой деятельности, но также представляют в распоряжение исследователей перевода целый ряд методов анализа, позволяющих получать объективные данные об этом сложном феномене. Современное переводоведение широко использует лингвистические методы исследования, заимствуя их целиком или внося в них необходимые изменения.

Поскольку в процессе перевода устанавливается определенное отношение между текстами на разных языках, изучение перевода, естественно, предполагает использование процедуры сопоставительного анализа. Сопоставление текстов — источник очень важной информации о переводе. В современном переводоведении используются четыре процедуры такого анализа. Во-первых, сопоставляются тексты перевода с их оригиналами. Это сопоставление позволяет получить ценные данные о степени близости содержания и структуры оригинала и перевода, способах достижения эквивалентности, стандартных приемах перевода и многих других существенных характеристиках переводческого процесса. Во-вторых, сопоставляются несколько переводов одного и того же оригинала, выполненных разными переводчиками. Это дает возможность обнаружить общие закономерности, не зависящие от уровня квалификации и индивидуальных особенностей каждого отдельного переводчика. В-третьих, сопоставляются переводы с оригинальными текстами на языке переводов. Таким путем обнаруживается, что язык переводов представляет собой особую подсистему соответствующего национального языка. Дело не в том, что под влиянием иноязычного оригинала переводчик может порой нарушать норму или узус языка перевода. Такие нарушения обнаруживаются достаточно часто при сопоставительном анализе и рассматриваются как ошибки перевода. В теоретическом плане больший интерес представляют многочисленные случаи, когда переводчик, сознательно или бессознательно, расширяет коммуникативные возможности языка перевода, используя такие стандартные приемы перевода, как заимствования, кальки, дословный перевод, изменение частотности употребления отдельных форм и т.д. Подобные отклонения, обусловленные стремлением как можно полнее воспроизвести содержание оригинала, составляют своеобразную переводческую норму и вполне оправданы. Четвертый вид сопоставления заключается в сравнительном анализе параллельных текстов на ИЯ и ПЯ, то есть текстов близкого содержания, принадлежащих к аналогичному функциональному стилю или жанру. Таким путем обнаруживаются различия в использовании языковых средств в соответствующих текстах в двух языках, что вызывает необходимость в стилистической адаптации при переводе.

Сопоставительный анализ разноязычных текстов предполагает выявление сходства, различия и соотношения не только структуры и содержания текстов как целостных образований, но и сопоставление отдельных элементов этих текстов. При этом теория перевода широко использует такие лингвистические методы исследования, как компонентный анализ, методы трансформационного анализа и статистических подсчетов.

Применение компонентного анализа для выделения в значениях языковых единиц элементарных смыслов (сем) позволяет сопоставлять семный состав единиц оригинала и перевода и выявлять степень их соответствия друг другу. Так, при использовании английского «student» для перевода русского «студент» воспроизводятся семы «обучаемый» и,»единственное число», но утрачиваются семы «учащийся высшей школы» и «мужской род». Очевидно, что если утраченные семы оказываются коммуникативно значимыми, то они должны быть воспроизведены в

переводе с помощью других языковых единиц. Напротив, при нейтрализации отдельных сем в оригинале их утрата в переводе вполне оправдана. Например, в русской фразе «Хороший студент не будет прогуливать лекции» сема «мужской род» нейтрализуется (речь не идет только о студентах-мужчинах), а сема «учащийся высшей школы» подразумевается и в значении слова «лекция». Поэтому при переводе этой фразы на английский язык слово «student» будет вполне достаточно: «A good student would not stay away from his lectures».

Успешно применяется для описания процесса перевода метод трансформационного анализа, выделяющий ядерные структуры и их производные трансформы. С одной стороны, трансформационные преобразования могут рассматриваться как средство обеспечить адекватное понимание оригинала (трансформация в рамках ИЯ — исходного языка) и выбора окончательного варианта перевода (трансформация в рамках ПЯ). С другой стороны, сам процесс перевода может быть представлен как особый вид (межъязыковой) трансформации: преобразование синтаксических структур оригинала в структуры перевода по определенным правилам перехода. Таким путем оказывается возможным выявить и описать целый ряд приемов перевода в виде набора переводческих трансформаций.

Дополнительные данные о соотношении текстов оригинала и перевода можно получить путем точных статистических или приблизительных ориентировочных подсчетов. Сопоставляется частотность отдельных частей речи, синтаксических структур, лексических единиц, типов преобразований и т.д. Таким путем уточняются требования, которым должен удовлетворять полноценный текст перевода: преимущественно глагольный или именной характер, степень насыщенности эмоциональной лексикой, средняя длина предложений, количество логических связок и т.п.

Важное место в переводческих исследованиях занимает метод лингвистического моделирования: построение теоретических моделей процесса перевода. Поскольку этот процесс осуществляется посредством ряда мыслительных операций в голове переводчика, он недоступен для непосредственного наблюдения и представляет собой своеобразный «черный ящик». Лингвистическая модель переводческого процесса представляет его в виде ряда последовательных преобразований текста оригинала в текст перевода, с помощью которых теоретически может быть достигнут желаемый результат. Хотя любая модель перевода носит гипотетический характер, поскольку нет прямых доказательств, что переводчик действует именно так, как следует из данной модели, совпадение результата перевода с прогнозируемым по модели показывает, что она обладает определенной объяснительной силой. В современном переводоведении существуют несколько моделей перевода, что предполагает возможность осуществлять процесс перевода разными способами.

Заимствовали переводоведы у лингвистов (как, впрочем, и у психологов) и процедуру опроса информантов. С одной стороны, в качестве информантов выступают сами переводчики, пытающиеся ответить на вопросы, как они действуют и чем они при этом руководствуются. Хотя возможности интроспекции в исследовании переводческой деятельности ограничены и нередко переводчик действует интуитивно, не умея объяснить, почему он поступает именно так, некоторые данные о переводе получить таким способом удается. С другой стороны, информантами могут служить рецепторы перевода, которые могут высказывать суждения о языке перевода, его «читабельности», отличать переводные тексты от непереводных, формулировать свои требования к переводам и т.д.

Существенно повышает объективность получаемых данных организация психолингвистических экспериментов, в которых информанты действуют в строго заданных условиях эксперимента, и его результаты поддаются более или менее объективной интерпретации. Особенно ценные результаты достигаются при использовании метода «думай вслух». В этом эксперименте испытуемым предлагается выполнить письменный перевод текста, одновременно проговаривая в стоящий перед ними микрофон все мысли, которые приходят им в голову в процессе перевода, и называя все выполняемые ими действия. Все сказанное записывается на пленку, затем эта пленка переводится в письменный текст и сопоставляется с текстом перевода. Фиксируются также различные «околопереводческие» звуки (смех, стоны, хмыканье и пр.), а также паузы. Анализ протокола такого эксперимента позволяет делать выводы об общей стратегии переводчика и процедуре выбора варианта перевода, хотя и здесь получаемые результаты не дают полной картины, поскольку часть переводческого процесса осуществляется переводчиком интуитивно и не находит отражения в озвученных мыслях.

Подводя итог всему сказанному, можно заключить, что изучение перевода лингвистическими методами вполне обоснованно и продуктивно.

РАЗДЕЛ 2. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Как мы уже отмечали, переводоведы используют понятия, методы и данные многих лингвистических дисциплин. Большое значение для разработки теоретических основ переводоведения имеют положения общего языкознания, особенно его семиотические концепции. Раскрывая важнейшие стороны строения и функционирования языка, лингвистика опирается на некоторые положения семиотики — науки, занимающейся изучением различных знаковых систем. Знаком называется материальный объект, связанный в нашем сознании с определенным мыслительным содержанием, понятием или представлением о каком-то классе других объектов или отдельном объекте. Знаки могут по-разному быть связаны с репрезентируемыми ими объектами. Различаются иконические знаки, знаки-символы, знаки-сигналы и конвенциональные знаки. Человек живет в окружении многочисленных знаков, и они играют очень важную роль в его жизни. Иконические знаки репрезентируют другие объекты благодаря сходству с ними, изображая их определенным образом. Такую функцию выполняют картины, фотографии и другие способы воспроизведения облика объектов. Знаки-символы символически представляют обозначаемые объекты, как, например, флаги, гербы, значки и пр. Знаки-сигналы указывают на присутствие определенных объектов: дым — о наличии огня, лай — о собаке, гром — о молнии и т.д. В то же время многие знаки не имеют непосредственной связи с обозначаемым. Их знаковая функция носит условный, конвенциональный характер, закреплена за ними общественной практикой. В качестве примеров таких знаков можно упомянуть огни светофора, точки и тире азбуки Морзе, комбинации сигнальных флажков. Конвенциональный знак может существовать только в системе, в связи с другими знаками. Так, сам по себе зеленый свет не является знаком, но в системе трех цветов — зеленый, желтый, красный — он приобретает знаковую функцию: «разрешение продолжать движение». В дальнейшем мы будем говорить о таких знаках.

Каждый знак обладает тремя видами связи, без которых он не может выполнять свою функцию. Во-первых, знак связан с тем, что он обозначает, что в семиотике называется семантикой знака. Во-вторых, существуя в системе, знак связан с другими знаками этой системы. Эта

связь составляет синтактику знака. И, наконец, знак связан с людьми, пользующимися им как знаком, поскольку он может быть знаком только для кого-то. Если нет людей, воспринимающих данный предмет как знак, то нет и самого знака. Этот третий вид связи называется прагматикой знака. Три вида связи составляют значение знака, представляемую им информацию, благодаря чему знаки могут использоваться для формирования и передачи содержательных сообщений.

Язык представляет собой важнейшую и наиболее сложную знаковую систему, с помощью которой осознаются и интерпретируются другие виды знаков. Языковые знаки обладают рядом особенностей, определяющих как существование и использование самого языка, так и возможность и специфику перевода. Среди основных семиотических свойств языка нужно прежде всего отметить двусторонность, произвольность и значимость.

У языкового знака две стороны: материальная (звуковая или ее графическое изображение) и идеальная — мыслительное содержание, репрезентируемое звучанием языковой единицы. Эти две стороны называются также соответственно планом выражения и планом содержания (формой и значением). Они имеют социальную природу, хотя хранятся в памяти индивидов. Для всех членов языкового коллектива знак обладает, в основном, единым устойчивым значением, но каждый из них в разной степени владеет своим языком и может связывать со значением отдельных знаков какие-то собственные представления и ассоциации. Степень и особенности знания и владения языком отдельного человека характеризуют его идиолект. Социальный характер языковых знаков обеспечивает возможность использования языка как средства коммуникации.

Значение языкового знака представляет собой обобщенное отражение внеязыковой реальности и соотносится с другой обобщенной формой мысли — понятием. Напомним, что сознание человека способно отражать окружающий мир в формах двух сигнальных систем. Первая сигнальная система воспринимает окружающее через органы чувств человека. В результате воздействия на один из органов чувств (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) возникает ощущение. На основе совокупности ощущений, связанных с определенным объектом, у человека возникает целостное восприятие этого объекта. Воспринятый объект может сохраниться в памяти в виде соответствующего представления о нем уже без непосредственного чувственного контакта.

Вторая сигнальная система позволяет человеку, абстрагируясь от конкретных объектов, формировать обобщенные понятия об окружающем мире. В понятии различаются его объем, то есть класс объектов, обобщенных в понятии, и содержание понятия — признаки объектов, через которые осуществлено обобщение. Чем больше признаков включено в понятие, тем меньше его объем и наоборот. Например, включение в содержание понятия «деньги» дополнительного признака «металлические» дает новое понятие более узкого объема — «монета».

Значения языковых единиц складываются стихийно и часто лишены такого строгого соотношения между объемом и содержанием, которым обладают понятия (за исключением терминов, называющих научные понятия). Поскольку языковые значения также относятся ко второй сигнальной системе и все понятия формируются исключительно с помощью словесных наименований, то значения языковых знаков иногда именуют «языковыми», «бытовыми» или «общенародными» понятиями, в отличие от строго определенных научных понятий. Если содержание и объем понятия можно четко задать определением, то, раскрывая значение слова часто приходится дополнять определение соотносимого с ним понятия добавочной информацией, указывая синонимы, особенности употребления, приводя цитаты, давая различные пометы. Если понятие «остров» легко определяется как «часть суши, со всех сторон окруженная водой», то для полной характеристики значения русского слова «остров» это окажется недостаточно. Подобное определение не объяснит возможность таких, например, сочетаний, как «зеленые острова (островки) в пустыне», «остров тишины в городе», «острова (островки) сопротивления» и т.п. Если можно говорить о большой общности основных понятий у всех людей, то различия в значениях слов разных языков, соотнесенных с аналогичными понятиями, совершенно очевидны. Как уже отмечалось, эти различия вызывают немалые переводческие трудности.

Значения языковых знаков могут по-разному соотноситься с обозначаемой реальностью. Они могут называть классы действительно существующих объектов (дом, дерево, собака) или плодов человеческой фантазии (русалка, леший, жар-птица), единичные объекты (Москва, Наполеон, Африка), отвлеченные признаки (белизна, громкость, твердость) и абстрактные понятия (вечность, обобщенность, неопределенность).

Значение языкового знака может иметь сложную организацию (семантическую структуру). В значении основной единицы языка — слова можно различать смысловое содержание, присущее только его форме (лексическое значение), и элементы смысла, общие для целого ряда слов (грамматическое значение). В структуре лексического значения можно выделить несколько макрокомпонентов (которые часто называют также «значениями»). Это прежде всего предметно-логическое значение лексической единицы, ее способность обозначать определенный класс объектов. Как и в понятии, которое оно выражает, в предметно-логическом значении можно различать класс обозначаемых объектов (денотат) и признаки этого класса, составляющие обобщенное наименование (сигнификат). Поэтому предметно-логическое значение именуется также «денотативно-сигнификативным» или просто «денотативным».

Помимо денотативного значения, в семантику языковой единицы могут входить и дополнительные (коннотативные) значения: эмоциональные, стилистические, образные и некоторые другие. Многие слова, наряду с обозначением какого-то денотата, передают определенные эмоции, связанные с этим денотатом. В целом, эмоциональная характеристика может быть разделена на два вида: положительная и отрицательная. Стилистический микрокомпонент коннотации указывает на преимущественное употребление слова в определенных условиях общения. Такая экспрессивно-стилистическая характеристика относит слова к разговорным, книжным, официально-деловым или поэтическим. Образная характеристика выделяет в обозначаемом какой-то признак, который регулярно используется говорящими в качестве основы образа — метафоры или сравнения. Так, «снег» — это не только вид атмосферных осадков, но и эталон белизны. Русская «щепка» применяется для образного описания худобы человека, а более тонкая «иголка» лишена подобной образной коннотации.

Как денотативные, так и коннотативные аспекты значения создают многочисленные переводческие трудности, которые будут предметом специального рассмотрения в курсе «Основы общей теории перевода».

Особую важность для понимания сущности перевода имеет вторая особенность языкового знака — его произвольность. Между звучанием и значением языковой единицы нет в большинстве случаев какой-либо естественной или логической связи. В природе, внешнем облике или поведении «друга человека» нет никаких оснований, чтобы обязательно именовать его «собака». а не «кошка» или «верблюд» или, например, «a dog, le chien или der Hund». Произвольность языкового

знака делает связь между его звучанием и значением особо прочной, так как ни одна из сторон знака не существует без наличия другой: звук без значения не является знаком, а значение обязательно репрезентируется какой-то материальной формой. В то же время произвольность знака означает, что данное значение не обязательно должно быть связано только с данной формой и, напротив, определенная форма может выражать и другое значение. Отсюда следует возможность передавать одно и то же (или почти одно и то же) содержание с помощью разных форм (средств выражения), в том числе и средств другого языка, что и происходит при переводе. Произвольность знака предопределяет и его асимметрию: одна форма может иметь несколько связанных между собой значений (полисемия) или выражать совершенно разные значения (омонимия). Понятно, что полная произвольность свойственна лишь первичным знакам: у производных слов полностью или частично мотивированы и форма, и значение («белый — белизна», «писать — писатель». «камень — каменоломня»и пр.).

Третьим фундаментальным свойством языкового знака является «значимость», под которой понимается зависимость значения знака от значений других знаков, как бы отбирающих у него часть обозначаемого. Так, значение слова «собака» определяется не только тем, что оно называет определенный класс домашних животных, но и значением слова «пес». Аналогичным образом, значение слова «лошадь» ограничивает значение слова «конь» и наоборот. Поэтому другом человека оказывается не пес, а собака, а победитель гордо въезжает в покоренный город на белом коне, а не на лошади. Именно различная значимость приводит к несовпадению близких по значению слов (как и синтаксических структур) в разных языках. Она в значительной степени создает своеобразные «языковые картины мира» и тем самым серьезные проблемы для переводчика.

Как и всякая знаковая система, язык представляет собой не простой набор изолированных единиц. Это — целостное образование, все элементы которого взаимосвязаны. Единицы языка связаны между собой либо благодаря одинаковому положению в системе (парадигматические связи), либо благодаря совместному употреблению в речи (синтагматические связи). Совокупность связей между единицами языка составляет его структуру.

Единицы языка, входящие в его структуру, образуют несколько подсистем, связанных друг с другом межуровневыми отношениями. Основными уровнями языка считаются фонемный, морфемный, лексический (словесный) и синтаксический (уровень предложения). Единицы одного уровня могут сочетаться друг с другом и образовывать единицы более высокого уровня. Так, сочетания фонем образуют морфемы, морфемы — слова, слова — предложения. В процессе перевода между единицами двух языков могут устанавливаться как одноуровневые, так и разноуровневые отношения.

Не все возможности построения и употребления языковых знаков, заложенные в структуре языка, действительно в нем реализуются. Так, в русском языке от глаголов «читать, греть, жить» можно образовать деепричастия настоящего времени («читая, грея, живя»), а от глаголов «писать, петь, пить» аналогичные формы образовать нельзя, не нарушая нормы языка. «Рок» — это судьба, но есть и «судьбы», а у «рока» множественного числа нет. Не допускает норма потенциально возможных в структуре русского языка таких форм, как «человеки», «победю», «кочергов» и многих других. Норма языка определяет допустимую реализацию его структуры.

Кроме нормы языка реальное употребление языковых знаков определяется и нормой речи или «узусом». В каждом языке имеются общеупотребительные формы и структуры и малоупотребительные, хотя и соответствующие норме языка. Если нарушение нормы языка делает речь неправильной, неграмматичной, то нарушение узуса делает ее неестественной, неидеоматичной. По-русски можно сказать «Ответь на телефонный звонок» (ср. англ. «Answer the telephone»), но обычно говорят «Возьми трубку». Запретить мять траву можно надписью «Держись подальше от травы» («Keep off the grass»), но пишут совсем другое: «По газонам не ходить». Одно из важных требований к переводчику заключается в соблюдении правильности языка, на который делается перевод. Если нарушение нормы языка в переводе — явление сравнительно редкое, то соблюдение узуса требует от переводчика особой бдительности.

Семиотический подход к языку, предложенный Соссюром, позволил раскрыть важнейшие аспекты языка как средства коммуникации. Хотя Соссюр полагал, что для самостоятельного статуса науки о языке его надо рассматривать «в себе и для себя», ограничиваясь рамками внутренней лингвистики, включение языка в число знаковых (или кодовых) систем, необходимо ставило вопрос о том, как с помощью языково-

го кода создаются сообщения. Соссюр указал путь к решению этого вопроса, разграничив в речевой деятельности (langage) язык (langue) и речь (parole), то есть код и создание сообщения. По определению Соссюра, язык — это система знаков, выражающих понятия, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить функционирование способности к речевой деятельности. Под речью понималась индивидуальная сторона речевой деятельности, включающая комбинации, в которых говорящий использует код языка с целью выражения своей мысли, и психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации.

Соссюр особо настаивал на сугубо индивидуальном и случайном характере речи и на этом основании выводил речь за рамки языкознания, предметом которого должен быть, по его мнению, только язык. Он, конечно, понимал, что оба эти явления тесно связаны между собой, предполагают друг друга, но ему было важно утвердить главенство и самостоятельность языка как системы, и он всячески подчеркивал его особый статус. Правда, Соссюр говорил о возможности создания лингвистики речи, но он не раскрывал этого понятия, и оставалось неясным, каким образом такая лингвистика должна была изучать случайные и индивидуальные факты речи.

Принципиальное различение языка и речи имело большое значение для дальнейшего развития языкознания. Однако характеристику речи как принадлежащей целиком к психической деятельности индивида и полностью противостоящей языку вряд ли можно признать правильной.

Как отмечал Соссюр, акт речи представляет собой индивидуальный акт общения по меньшей мере двух лиц, единство говорения и слушания или, точнее, говорения и понимания. Конечно, в каждом акте и в части «говорение», и в части «понимание» можно обнаружить ряд особенностей, свойственных лишь данным конкретным индивидам или проявляющихся только в данном конкретном акте и не встречающихся в таком же виде в других актах коммуникации или у других коммуникантов. Сюда прежде всего можно отнести особенности психофизического механизма участников коммуникации, из-за которых появляется своего рода индивидуальный «речевой фон» (шепелявость, заикание, скандирование, излишние паузы, хрипота, особый тембр, искажение звучания слов, неполное или неправильное восприятие или интерпретация услышанного и т.п.). Эти индивидуальные особенности должны рассматри-

ваться как нечто побочное, не имеющее прямого отношения к речевому общению, как коммуникативный шум, который может лишь мешать взаимопониманию.

Разумеется речь не сводится к коммуникативному шуму, не имеющему социальной значимости. Для того чтобы коммуникация состоялась, отрезки речи, с помощью которых она осуществляется, должны создаваться из языковых единиц, звучание и значение которых неоднократно воспроизводятся в других речевых актах и, в основном, одинаково воспринимаются и понимаются всеми членами данного языкового коллектива. В этом смысле речь индивидуальна лишь потому, что акты речи создаются отдельными людьми, но для того, чтобы общаться, эти индивиды вынуждены использовать языковые знаки, звучание и значение которых закреплены общественной практикой и едины для всех. Отсюда следует, что речь имеет социальную основу и обладает общими закономерностями, что весьма важно для переводоведения, поскольку переводчик имеет дело не с системой языка, а с речевыми произведениями.

Мы уже говорили, что у языкового знака наличествует план содержания, благодаря чему он способен передавать некоторую информацию, которая используется в речи для построения более сложных информативных комплексов (сообщений), передаваемых в процессе коммуникации. Поскольку содержание языкового знака всегда социально значимо, всегда передает более или менее одинаковую информацию для всех членов языкового коллектива, любой акт речи всегда непосредственно или потенциально коммуникативен. Даже если человек произносит что-либо в порядке самовыражения, не предназначая сказанное ни для чьих ушей, он фактически участвует в акте коммуникации, который может быть завершен, если его речь будет кем-либо воспринята.

Составленные из единиц языкового кода сообщения выступают в речи в виде коммуникативных единиц — высказываний. По форме высказывание может состоять из одного слова, словосочетания или предложения. Ряд высказываний, связанных по смыслу, или отдельное высказывание, употребленное самостоятельно, составляют текст. Текст может создаваться как в устной, так и в письменной форме. Высказывание имеет определенное (конкретное) содержание и форму, Поэтому его иногда называют конкретным предложением, чтобы показать, что речь идет о единице речи, а не о грамматической единице языка — типе

предложения, обобщенном представлении структуры многих высказываний. Именно тексты и высказывания выступают в качестве непосредственных объектов перевода.

В процессе коммуникации происходит обмен высказываниями, содержание которых определяется набором составляющих их языковых единиц. Однако такое языковое содержание высказывания составляет лишь часть его общего смысла, хотя и оно не сводится к простой сумме значений, входящих в него языковых единиц. Формирование и понимание смысла высказывания осуществляется достаточно сложным путем. Поясним это на примере типичной коммуникативной ситуации.

Предположим, что вы идете утром по улице, и навстречу вам спешит женщина, которая на ходу спрашивает: «Сколько?» Вы отвечаете: «Без десяти», и она спешит дальше. Вечером, возвращаясь домой, вы видите стоящую у тротуара машину, в которой работает радиоприемник. Вы подходите и спрашиваете у водителя: «Сколько?», и он отвечает: «Три-два, Спартак». Очевидно, что в обоих случаях коммуникация успешно состоялась и собеседники правильно поняли друг друга. Но как это произошло? Почему услышав обращенный к вам вопрос: «Сколько?», вы решили, что женщина спрашивает у вас «Который час?». И как водитель машины догадался, что вы хотите узнать, какой счет в футбольном матче, а не сколько он возьмет, чтобы подвезти вас в Чертаново? Оказывается, для успеха вербальной коммуникации необходимо, чтобы ее участники проделали серьезную мыслительную работу, сопоставляя языковое содержание высказывания с двумя важными факторами, которые и позволяют определить его смысл: обстановкой общения и своим предыдущим опытом и знаниями языка и действительности. Так, чтобы правильно интерпретировать вопрос той женщины, вы должны были учесть, что он был задан в спешке посреди улицы. Если бы вы стояли в очереди за бананами и подошедшая женщина спросила бы у вас: «Сколько?», вы никак не подумали, что вас спрашивают о времени, а скорее всего решили бы, что женщина интересуется ценой на бананы. Кроме того, для правильного вывода о содержании сказанного вам необходимо много знать. Вы должны знать, что люди ходят по утрам на работу, что им надо приходить к определенному часу, что если они опаздывают, то у них могут быть неприятности и т.п. Необходимо также учесть, что по-русски можно сказать не только «Который час?», но и «Сколько времени?». Понятно, что английский вопрос: «How much?»

никак не был бы связан в сознании коммуникантов с желанием узнать о времени. Иными словами, вы должны были обладать значительным жизненным и лингвистическим опытом («фоновыми знаниями»), сопоставить этот опыт и обстановку общения с языковым содержанием высказывания и прийти к заключению, о чем вас спрашивают. Аналогичным образом, для правильной интерпретации вашего разговора с водителем машины нужно было учесть обстановку общения (работающий приемник, транслирующий ход футбольного матча) и знать, что представляет собой игра в футбол, что результат игры определяется соотношением забитых голов, что в данный момент играют известные и вам, и водителю команды и т.д.

Как видите, понимание простого высказывания требует значительной работы мысли. При этом надо учитывать еще два обстоятельства. Во-первых, говорящий всегда рассчитывает, что слушающий проделает эту работу и извлечет из высказывания передаваемое ему сообщение. Именно с этим расчетом создается высказывание. Во-вторых, сложный характер вербальной коммуникации предполагает возможность сбоя — неполного понимания или непонимания. Слушающий может не обладать необходимыми знаниями или не проделать работу по извлечению смысла. Возможны также случаи, когда говорящий неправильно оценивает познания слушающего и создает недоступное для того сообщение. На вопрос «Сколько?» мог последовать встречный вопрос: «Что сколько?».

Из особенностей вербальной коммуникации вытекает еще одно следствие, крайне важное для понимания сущности переводческой деятельности. Каждый из коммуникантов обладает собственными знаниями языка (идиолектом) и собственными фоновыми знаниями, вследствие чего их восприятие и понимание высказывания, как правило, нетождественны. Фактически поэтому каждый текст существует как бы в двух ипостасях: текст для говорящего и текст для слушающего. То, что говорит один, — это не совсем то, что воспринимает и понимает другой. Но при этом следует учитывать еще две особенности «одноязычной» коммуникации. Во-первых, сами коммуниканты обычно не осознают существования этих двух ипостасей текста. Они считают, что текст есть текст: что сказал один, то и услышал другой. Обе ипостаси текста воспринимаются ими как коммуникативно равноценные. Происходит как бы объединение двух разных форм существования текста в единое целое

в процессе коммуникации. Подобное коммуникативное приравнивание нетождественных сообщений как характерная особенность вербальной коммуникации оказывается весьма важным фактором при объяснении феномена перевода. Во-вторых, объединение двух ипостасей текста при одноязычной коммуникации обусловлено значительной близостью этих форм существования текста. Как мы уже отмечали, говорящие на одном языке используют для общения знаки с более или менее общим для всех них значением и обладают общими фоновыми знаниями. Они принадлежат к одной и той же культуре, у них общая история, литература, общественное устройство, повседневная жизнь. Такая общность и обеспечивает в большинстве случаев успешную коммуникацию. Отсутствие этой общности при общении людей, говорящих на разных языках, во многом определяет специфику перевода.

Важная особенность вербальной коммуникации заключается и в том, что в построении высказывания сочетаются произвольность и вынужденность. С одной стороны, говорящий свободен в выборе языковых средств в соответствии со своими коммуникативными намерениями. С другой стороны, язык навязывает ему определенные формы и значения, без которых нельзя обойтись. Так, независимо от желания говорящего в русском существительном воспроизводится значение рода, глаголы имеют значение совершенного или несовершенного вида, а прилагательные согласуются с существительным в роде, числе и падеже. Можно сказать, что языки отличаются друг от друга не столько тем, что в них можно выразить, сколько тем, что в них нельзя не выразить.

Как мы видим, языковое содержание высказывания составляет лишь часть сообщения, на основе которой выводится его глобальный смысл. При этом для успешной коммуникации обычно нет необходимости использовать всю информацию, которую потенциально можно вывести из содержания высказывания. Нередко коммуниканты довольствуются лишь частью глобального смысла, которая необходима и достаточна для данного акта общения. Предположим, что в тексте, описывающим тропический лес, говорится, что в этом лесу среди деревьев порхали колибри. Специалист- орнитолог может иметь исчерпывающую информацию о внешнем облике и образе жизни колибри. Но для среднего читателя такая информация недоступна, да и не нужна для понимания данного сообщения. Ему достаточно понять, что это какие-то экзотические птицы, видимо, небольшие (орлы, например, «порхать» не будут).

Он может не узнать колибри, если увидит его (или ее), но для данного акта коммуникации это не существенно. Подобная потеря нерелевантной информации еще одна характерная черта вербальной коммуникации.

Принципиальная возможность общения, несмотря на частичную утрату передаваемой информации, указывает на некорректность «теории непереводимости», которую мы упоминали в предыдущей лекции. Утверждение, что «перевод невозможен», основывалось на ложной предпосылке, что переводом можно считать лишь текст на другом языке, который полностью тождествен оригиналу, а если что-то утрачено, то это уже не перевод. Однако, ведь, перевод — это средство сделать возможной межъязыковую коммуникацию, то есть общение между людьми, говорящими на разных языках. Нет никаких оснований требовать от межъязыковой коммуникации, чтобы она осуществлялась без каких-либо потерь информации, столь характерных для коммуникации «одноязычной». В современном переводоведении признается принципиальная переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации.

Схема межъязыковой коммуникации выглядит следующим образом. Человек (источник информации), желающий что-то сообщить другим людям и владеющий каким-то языком (исходный язык -ИЯ), создает из единиц этого языка соответствующее высказывание, из которого другой человек, владеющий тем же языком, может извлечь передаваемое сообщение с учетом обстановки общения и своих фоновых знаний. Разумеется, это сообщение недоступно людям, не владеющим ИЯ, и для общения с этими людьми необходимо участие в процессе коммуникации какого-нибудь посредника (переводчика), который владеет как ИЯ, так и другим языком (переводящий язык — ПЯ), понятным предполагаемым иноязычным рецепторам. Переводчик извлекает сообщение из высказывания на ИЯ (оригинала) и создает на ПЯ новое высказывание, предназначенное для рецептора перевода (ПР), который способен извАечь из него передаваемую информацию. То же самое происходит и с рядом высказываний, организованных в единый текст: на основе текста на ИЯ (исходный текст — ИТ) создается текст на ПЯ (переводной текст — ПТ).

Рассмотрение перевода в рамках межъязыковой коммуникации позволило решить вопрос о том, что составляет предмет теории перевода. Понятно, что теория перевода (теоретическая часть науки о переводе —

переводоведения) должна заниматься **изучением** перевода, но что такое перевод? В обиходном употреблении слово «перевод» может иметь в интересующем нас плане два значения. Можно сказать: «Я сейчас занимаюсь переводом романа Ч.Диккенса 'Давид Копперфильд' на русский язык», то есть обозначить словом «перевод» определенный вид деятельности — сам процесс перевода. Но можно сказать: «Я сейчас читаю перевод романа Ч.Диккенса 'Давид Копперфильд' на русский язык», то есть иметь в виду текст перевода — *результат* осуществленного переводческого процесса. При возникновении лингвистической теории перевода разгорелась дискуссия о том, следует ли считать предметом этой теории процесс перевода или его результат. Сторонники одной концепции утверждали, что именно процесс перевода составляет суть переводческой деятельности, что его изучением не занимается никакая другая наука и его выбор в качестве предмета исследования оправдывает существование переводоведения как самостоятельной научной дисциплины. Их оппоненты указывали, что процесс перевода осуществляется в голове переводчика, он недоступен для непосредственного наблюдения и все сведения о нем можно получить, лишь изучая его результат. Такое противопоставление явно теряет смысл при коммуникативном подходе к переводу. Очевидно, что в рамках межъязыковой коммуникации должны изучаться и процесс, и результат перевода, и вся совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих возможность и характер общения между людьми, говорящими на разных языках.

Дальнейшее уточнение предмета переводоведения требует различения отдельных способов межъязыковой коммуникации. Передать содержание оригинала на другом языке можно с помощью различных процедур. Можно перевести текст оригинала, пересказать его на другом **языке**, составить на его основе реферат, аннотацию, резюме. В любом случае переводчик может выступать в качестве языкового посредника, обеспечивающего межъязыковую коммуникацию, и современное переводоведение изучает все виды языкового посредничества. Для всех этих видов, кроме перевода, характерна переработка содержания оригинала, его структурирование, компрессирование или обобщение по определенным правилам. Поэтому их обычно именуют «адаптивным переносом» или «адаптивным транскодированием» и противопоставляют «собственно переводу». Правда, при определении этого последнего вида языкового посредничества возникали некоторые трудности.

На первый взгляд представляется, что перевод отличается от адаптивного транскодирования тем, что при переводе содержание оригинала не перерабатывается, а воспроизводится «полностью», «точно» или «эквивалентно». Исходя из этого, многие исследователи включают в определение понятия «перевод» соответствующий качественный признак. Так, английский переводовед **Дж.Кэтфорд** определяет перевод как замену текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке. Американский лингвист Ю.Найда говорит о замене оригинала ближайшим естественным эквивалентом на языке перевода. Неудовлетворительность подобных определений заключается не столько в неопределенности понятия **«эквивалентный»**, сколько в подмене объекта описания. Ведь как бы мы ни определяли эквивалентность, всегда найдутся переводы, которые придется признать «неэквивалентными», а, следовательно, по определению не переводами. Реальные же переводы бывают хорошими и плохими, более или менее точно воспроизводящими оригинал или весьма далекие от него. Любые определения, включающие качественный признак, фактически относятся не к переводу вообще, а лишь к переводу «правильному» («хорошему», «эквивалентному», «точному» и пр.), то есть такому, который отвечает определенным требованиям. А переводы, не отвечающие этим требованиям, как бы и не переводы. При этом не учитывается, что для того, чтобы решить, является ли данный текст хорошим или плохим (эквивалентным или неэквивалентным) переводом, необходимо прежде отнести этот текст на каких-то основаниях к переводным. Кроме того, качественный признак не позволяет и провести границу между переводом и адаптивным транскодированием: хотя перевод во многих случаях, действительно, ближе к оригиналу, вполне возможно, например, что подробный пересказ будет полнее воспроизводить оригинал, чем плохой перевод. Для того чтобы найти более адекватное определение понятия «перевод», следует посмотреть, как тексты перевода функционируют в принимающей их культуре. Предположим, что вы прочитали сегодня в русской газете такое сообщение: «Вчера премьер-министр Японии **заявил...»**, затем следует двоеточие, кавычки и заявление японского премьера. Вы прочитали это сообщение в своей газете и считаете, что вы читали то, что сказал премьер-министр Японии. Вы можете цитировать его слова, давать им оценку, одобрять их или осуждать. Вы можете даже высказывать суждение о форме и языке его заявления, говорить, что он очень

сложно и непонятно выражается, употребляет витиеватые обороты или, напротив, разговорную лексику, любит сложные синтаксические структуры и т.д. Иными словами, вы действуете так, как будто вы, в самом деле, читали заявление японского премьера, хотя то, что написано в вашей газете, никак не могло быть сказано им, поскольку он, естественно, говорил на японском языке. Несмотря на это, вы обращаетесь с русским переводом так, как будто он и есть японский оригинал. Иначе говоря, перевод полностью заменяет вам оригинал, вы функционально отождествляете эти два текста, объединяете их в единое целое.

Рецепторы перевода отождествляют его с оригиналом не только функционально, но и содержательно, и структурно. Они исходят из предположения, что содержание перевода и оригинала идентично, хотя, как мы знаем, в действительности это не так. Они также полагают, что перевод соответствует оригиналу не только в целом, но и в деталях, что оба текста имеют одинаковую структуру. Если в переводе десять разделов или глав, то предполагается, что столько же их в оригинале. Если какая-то мысль в переводе высказана в начале второго раздела, то, следовательно, и в оригинале она находится там же. Презумпция идентичности подкрепляется еще и тем, что перевод часто печатается под фамилией автора оригинала. На книге написано: Ч.Диккенс. «Тяжелые времена» или Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», и мы не сомневаемся, что держим в руках роман английского писателя или поэму грузинского классика.

Итак, для читателя перевода текст перевода служит полноправным представителем оригинала, он как бы и есть оригинал. Иными словами, в процессе межъязыковой коммуникации тексты оригинала и перевода выступают в качестве коммуникативно равноценных ипостасей одного и того же текста. Вспомним, что подобное коммуникативное объединение двух ипостасей текста в единое целое происходит и при «одноязычной» коммуникации. Однако если там мы отмечаем большую общность объединяемых ипостасей, основанную на единстве языка и фоновых знаний коммуникантов, то в межъязыковой коммуникации эта общность отсутствует и объединяются тексты на разных языках, предназначенные для представителей разных культур. Здесь основания для такого объединения должны быть совсем иными, и их выявление и осмысление составляет одну из центральных задач теории перевода.

Таким образом, отличительным признаком перевода является его предназначение, его особая цель служить полноправной коммуникативной заменой оригинала. Отсюда вытекает возможность дать телеологическое определение перевода (телеология — наука о целях): «Перевод — это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему». Такое определение охватывает все переводы, хорошие и плохие, и позволяет отграничить перевод от других видов языкового посредничества, не предназначенных для этой цели.

Следует обратить внимание на понятие «предназначение». Особая предназначенность перевода осознается переводчиком и принимается рецепторами перевода как данность, независимо от того, в какой степени перевод отвечает провозглашенной цели, насколько он реально близок к оригиналу. Как правило, рецепторы перевода не могут судить о степени этой близости, не имея доступа к оригиналу. Презумпция коммуникативной равноценности возникает каждый раз, когда текст создается как перевод и используется в качестве такового.

Подводя итог всему сказанному, отметим, что положения современного языкознания о семиотической природе языка и использовании языковых знаков и структур в процессе вербальной коммуникации создают концептуальную основу для изучения важнейших сторон переводческой деятельности, лингвистического механизма и коммуникативной роли перевода.

РАЗДЕЛ 3. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Большое значение для современного переводоведения имеют результаты исследований в области лингвистики текста. Как уже отмечалось, в процессе перевода происходит коммуникативное приравнивание текстов на разных языках. Осуществление этого процесса и оценка его результатов предполагают умение сопоставлять форму и содержание различных типов текста, учитывать особенности структуры и функционирования текстов в каждом из языков, анализировать соотношение текста как целостного образования с составляющими текст языковыми единицами и структурами. Все это становится возможным на основе положений и подходов лингвистики текста.

Текст — это речевое произведение, с помощью которого осуществляется вербальная коммуникация. Текст состоит из высказываний, которые говорящий создает, отбирая языковые единицы и соединяя их по правилам грамматики данного языка в соответствии со своим коммуникативным намерением. Мы уже знаем, что построение и понимание высказывания происходит на основе как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Но текст — это не просто набор отдельных высказываний. Текст представляет собой сложное структурное и содержательное целое, коммуникативный потенциал которого гораздо больше совокупного содержания составляющих его высказываний. Переводчик должен уметь воспринимать эту целостность текста оригинала и обеспечивать целостность создаваемого им текста перевода. В ряде современных концепций перевода переводчик, в первую очередь, рассматривается как создатель текста на ПЯ — Texter или Textproduzent.

Содержательная структура текста может рассматриваться в трех разных измерениях: вертикальном, горизонтальном и глубинном. Вертикальную структуру текста создает его формально-тематическое содержание, начиная с общего замысла или темы текста, которая развертывается во все более мелких фрагментах текста: подтемах, субподтемах, микротемах, вплоть до отдельных суждений. Такое развертывание «сверху — вниз» осуществляется говорящим, создающим текст в соответствии со своим коммуникативным намерением. Воспринимающий текст формирует эту иерархическую структуру в обратном направлении — «снизу — вверх», от более мелких частей содержания к целостному пониманию всего текста. При этом вертикальная структура текста далеко не всегда построена столь четко и логично: некоторые микротемы могут быть опущены, другие вклиниваются в «чужие» подтемы, противоречат друг другу и т.п. Подобные недостатки изложения восполняются знаниями и опытом коммуникантов на основе их предположений о конечном содержании всего текста. Отдельные фрагменты текста обладают большей или меньшей прогнозирующей силой, дающей возможность предвидеть последующее содержание. Такое «вероятностное прогнозирование» облегчает понимание речи и играет важную роль в процессе устного перевода.

Важную роль в создании целостности текста играет его горизонтальная структура, создаваемая формальными и смысловыми связями между высказываниями. Формальная связность текста (когезия) достигается с помощью различных языковых средств: союзов, повторов, словзаместителей, согласования временных и иных форм и т.п. Смысловое единство текста (когерентность) обеспечивается логической последовательностью и непротиворечивостью изложения, логическими связками («итак», «следовательно», «подведем итоги» и пр.), использованием стереотипных формул, обозначающих начало (зачины) и концовки повествования, анафорическими и катафорическими отсылками к другим частям и т.п.

Непосредственно связана с когерентностью текста его тема-рематическая структура. Соотношение темы и ремы или актуальное членение характерно и для смысловой структуры отдельного высказывания. В содержании высказывания можно выделить два смысловых фокуса. Один из них (тема) — это исходный пункт сообщения, то, о чем сообщается, что, как предполагается, известно собеседнику или предлагается ему как нечто данное. Второй (рема) — главный смысловой центр сообщения, то, что сообщается, та новая информация, ради которой это сообщение создано. Тема-рематическое членение высказывания может осуществляться путем выделения ремы интонационными, лексическими или синтаксическими средствами, например, рема «отсутствие денег» в следующем высказывании может быть выражена разными способами: ударением («'денег нет у него»), лексически («а денег-то никаких нет у него»), синтаксически — постановкой ремы на последнее место в простом неэмфатическом высказывании («у него денег нет»). В тексте последовательность и связность изложения во многом зависят от тема-рематических отношений соседних высказываний. Нередко рема одного высказывания становится темой другого. («Николай попытался открыть дверь. Дверь не открывалась»). Кроме того, определенная тема-рематическая структура создается в целостном содержании текста, когда информация в одной части текста выступает в обобщенной форме в качестве исходного момента (темы) для последующего содержания. (Например, за описанием погожего дня следует сообщение, что в этот день произошло какое-то событие.) При создании текста перевода переводчик, как правило, сохраняет тема-рематическую структуру оригинала.

Особое значение для теории и практики перевода имеет детальное описание глубинной структуры содержания текста, отражающей процесс построения речевых высказываний и включения их в текст. Языковые средства, которые говорящий использует для передачи задуманного со-

общения, служат своего рода «кирпичиками смысла», и в каждом высказывании они отбираются и организуются таким образом, чтобы, интерпретируя их значения относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности, другие коммуниканты, обладающие необходимыми языковыми и фоновыми знаниями, могли бы извлечь из высказывания передаваемую информацию. Эта информация не сводится к простой сумме «кирпичиков смысла», из которой сложено высказывание. С одной стороны, интерпретация значений языковых средств в высказывании отсекает часть их семантики, включая в содержание высказывания лишь те ее компоненты, сочетание которых осмысленно и отвечает замыслу сообщения. Таким образом, содержание высказывания оказывается значительно более ограниченным, чем совокупность всех возможных значений единиц, входящих в высказывание. С другой стороны, сочетание языковых единиц в высказывании создает новую информацию, которая отсутствовала в используемых «кирпичиках смысла». Если каждый из таких «кирпичиков» содержит информацию о каких-то отдельных классах предметов, свойств, процессов или отношений, то их сочетание позволяет уже определенным способом (через набор ее признаков) описать целую ситуацию (ряд предметов мысли, связанных между собой определенными отношениями) и реализовать тем самым какую-то общекоммуникативную функцию (общую цель коммуникации). В этом смысле содержание высказывания оказывается более информативным, чем совокупное значение составляющих его единиц.

Информация, которую коммуниканты получают путем интерпретации значений языковых единиц, составляющих высказывание, выступает в качестве собственно языкового содержания высказывания. Это — как бы «поверхностное» вербальное содержание, которое всецело зависит от набора языковых средств. Оно всегда носит обобщенный характер, описывает типовую ситуацию, которая может существовать во множестве реальных вариантов. Даже очень конкретное, на первый взгляд, высказывание типа «Вчера вечером Николай срубил дерево, которое росло перед нашим окном» фактически лишь в общем виде содержит указание на субъект, объект, время и место действия. Можно лишь сказать, что некий говорящий сообщает, что некто по имени Николай срубил какое-то дерево, находившееся перед одним из окон какого-то строения, и что все это произошло накануне того дня, когда говорящий делает свое сообщение. Подобных ситуаций может быть огромное количество, и любая из них может быть описана с помощью такого высказывания. Это высказывание вполне осмысленно, оно может быть понято и переведено на другой язык с большей или меньшей полнотой в зависимости от соотношения семантических структур двух языков, участвующих в процессе перевода. Однако само по себе оно обеспечивает лишь весьма поверхностную, неполную коммуникацию, поскольку не включено в текст, в конкретную обстановку общения и может относиться к любому Николаю и к любому дереву, стоящему у чьего-то окна. Такие высказывания, взятые изолированно от конкретной единичной ситуации общения, В.А.Звегинцев называл «псевдопредложениями», считая, что они не существуют как реальные единицы речи.

Однако в реальном речевом общении несомненно бывают и такие случаи, когда содержание отдельных высказываний и целых текстов воспринимается (а порой и продуцируется, а также переводится) лишь на самом поверхностном уровне понимания, которое не соотносится с конкретной ситуацией (например, когда я слышу, как незнакомые мне люди обмениваются замечаниями о совершенно неизвестных мне лицах или событиях). В любом акте общения «глубина» понимания передаваемого сообщения может быть неодинаковой для разных коммуникантов, и некоторые из них могут довольствоваться обобщенным языковым содержанием высказывания. Можно даже представить довольно пространные рассуждения или беседы, в которых языковое содержание высказывания не соотносится с какой-либо конкретной ситуацией и для осуществления коммуникативной функции речи (например, функции фатической) достаточно того, что коммуниканты обмениваются осмысленными высказываниями, составляющими достаточно связное целое.

Несомненно, бывают случаи, когда и языковое содержание высказывания оказывается понятым лишь частично или вообще не осознается коммуникантом вследствие отсутствия у него необходимых языковых или фоновых знаний, что лишает его возможности сопоставлять и правильно интерпретировать «кирпичики смысла». Существует так называемое вербальное знание, когда говорящий способен более или менее точно воспроизводить услышанное или прочитанное, фактически без самостоятельной интерпретации содержания произносимых им высказываний. Любопытно, что даже подобное механическое говорение, не имеющее смысла для самого говорящего, может быть вполне коммуникативным для других собеседников, способных извлечь информацию, содер-

жащуюся в произносимых **высказываниях.** Текст, построенный в соответствии с нормами употребления языковых единиц в речи, остается осмысленным, и его содержание потенциально доступно для интерпретации и понимания.

Языковое содержание текста составляет лишь первый слой его «глубинной» смысловой структуры. Этот слой играет роль основы такой структуры, поскольку глобальное содержание текста извлекается из него и через него. Однако, он обычно содержит лишь меньшую, а иногда и менее важную часть информации, передаваемой в тексте. Хотя, как мы видели, языковое содержание текста может самостоятельно выполнять некоторые коммуникативные функции, его главная роль в речевом общении осуществляется благодаря тому, что это описание типовой ситуации соотносится с конкретными референтами и тем самым каждое высказывание включается в единичный контекст, связанный с такими же контекстами других высказываний в том же тексте, становится реальным речевым высказыванием, единицей текста. Теперь «кирпичики смысла», составляющие содержание высказывания, дополнительно интерпретируются по отношению к конкретным предметам мысли. Такая вторичная актуализация значений языковых единиц в значительной степени расширяет и обогащает информацию, которую коммуниканты могут извлечь из отдельных высказываний и текста в целом. В нашем примере фраза «Вчера вечером Николай срубил дерево, которое росло перед нашим окном» будет описывать действия конкретного человека, совершившиеся в определенном месте и в определенное время. Поэтому коммуниканты могут иметь, реально или потенциально, массу дополнительных сведений о том, кто такой Николай, что это было за дерево, украшало оно участок перед домом или затемняло окно, имел ли Николай право или основание его рубить, много ли для этого понадобилось труда и т.д. В одном случае это высказывание будет содержать похвалу Николаю, в другом — осуждение, в третьем — удивление, что он сумел справиться с такой работой, и т.д. Именно конкретно-контекстуальный смысл высказывания является главным содержанием большинства актов речевого общения. Возможность описывать с помощью одного и того же набора языковых единиц множество конкретных ситуаций значительно расширяет коммуникативные потенции языка, включает речевое общение в практическую деятельность людей, связывает то, что говорится, с **тем,** что воспринимается с помощью органов чувств.

Контекстуализация высказывания — основа речевой коммуникации, обязательное условие функционирования языка в качестве средства общения между людьми. Умение соотносить языковые выражения с конкретными ситуациями присуще всем носителям языка. Поскольку конкретно-контекстуальный смысл высказывания и всего текста во многом зависит от индивидуальных знаний, эмоций и ассоциаций коммуникантов, он неодинаков для каждого из них. Однако все они, хотя и с разной полнотой, в процессе общения воспринимают языковое содержание высказывания как основу порождения контекстуального смысла.

Глобальное содержание текста редко ограничивается двумя семантическими слоями, о которых речь шла выше: языковым содержанием и конкретно-контекстуальным смыслом. Немаловажное значение в речевой коммуникации имеет способность языкового содержания высказывания передавать дополнительный **смысл,** имплицитно связанный с ним и выводимый из него коммуникантами.

В лингвистической литературе понятие импликации заимствовано из логики и основано на логической связи: «Если А, то Б», когда Б не выражено, а лишь подразумевается. Иначе говоря, импликация представляет собой вид подразумевания, а имплицитный смысл текста — это особый вид импликации. Отдельные разновидности имплицитного смысла различаются как по способу возникновения такого смысла, так и по степени вероятности его восприятия коммуникантами.

Прежде всего отметим, что, говоря об имплицитном смысле, мы имеем в виду отношение импликации между двумя информативными комплексами, один из которых «антецедент» прямо выражен языковыми средствами, а другой «консеквент» лишь выводится из первого. Поэтому, хотя план выражения и план содержания языкового знака тоже могут рассматриваться как два объекта, связанные отношениями импликации (если А — звучание, то Б — значение), значение знака не является его имплицитным смыслом, так как оно непосредственно выражено его звучанием, а не выводится через какой-нибудь промежуточный информативный комплекс. Аналогичным образом отличается имплицитный смысл от аллюзии или скрытой цитаты, поскольку в них имплицируется не другой смысл, а двусторонняя единица речи. То же самое имеет место при эллипсе, где опускается какая-то языковая единица, восстанавливаемая на основе других единиц. По определению, имплицитный смысл выводится из выраженного смысла и тем самым отлича-

ется от пресуппозиции, которая предшествует выраженному смыслу и служит логическим условием истинности сообщения. Здесь подразумевание предшествует сообщению и не является его консеквентом.

Наиболее часто изучение имплицитного смысла проводилось в двух противоположных направлениях. С одной стороны, в рамках лингвистики текста исследовались случаи текстовой импликации. С другой стороны, рассматривались имплицитные элементы в семантике лексических единиц. Изучение текстовой импликации связано с филологическим или литературоведческим анализом, главным образом, произведений художественной литературы. Литературное произведение, как правило, многослойно: помимо внешнесюжетного повествования оно обладает дополнительными смысловыми планами, выводимыми из основного содержания. «Песня о буревестнике» — не просто описание птиц во время бури, а горячий призыв к революционной борьбе. «Преступление и наказание» — не только рассказ об убийстве старухи-ростовщицы и о разоблачении убийцы. Подразумеваемый смысл часто оказывается самым важным в произведении, отражает замысел автора, главную цель, побудившую его взяться за перо. Подобные импликации могут возникать как из содержания текста в целом, так и из содержания отдельных его частей, эпизодов, абзацев. В любом случае подобная импликация не дана непосредственно коммуникантам, которые будут по-разному формировать этот дополнительный смысл, а иногда и по-разному его интерпретировать и даже подчас не осознавать его совсем. Текстовая импликация находится на значительной семантической «глубине», и для ее восприятия необходимы не языковые знания, а аналитическое мышление, эмоциональная восприимчивость и художественное чутье.

Иначе обстоит дело с импликацией, связанной с семантикой отдельного слова. Известно, что в значении слова обобщены не все признаки обозначаемого класса объектов, а лишь некоторые из них, позволяющие отграничить данные объекты от всех других. В то же время наименования конкретных объектов связаны в сознании коммуникантов с целостными представлениями об этих объектах, охватывающими и те признаки, которые не включены в семантику самих наименований. Отражение в сознании подобных признаков может рассматриваться как своего рода импликация слова, то есть элементы смысла, имплицитно связанные со значением слова. На базе такого импликационала может возникнуть новое образное употребление слова. Так, в семантике слова

«море» возникло образное употребление «множество» (море голов, цветов, улыбок), а в семантике слова «лиса» появилось переносное значение «хитрец». Можно предположить, что образование любой метафоры проходит через стадию импликационала. При этом импликация может быть многоступенчатой, последовательно развиваться от одного представления к другому, например: «шляпа» — головной убор «образованных», «ученых» людей; «ученые» — люди, витающие в облаках, «не от мира сего», рассеянные и непрактичные. Имплицитно этот процесс отражается в сознании и связи между объектами реального мира, что, по-видимому, лежит в основе метонимических переносов (шляпа, как характеристика человека).

Особые переводческие проблемы возникают в связи с имплицитным смыслом высказывания и текста. В подразумеваемом смысле высказывания можно выделить два вида имплицитности: первый вид связан с конкретно-контекстуальным смыслом, а второй — с языковым содержанием высказывания. В конкретном контексте любое высказывание может приобретать дополнительный смысл. Простая фраза, например, «Я иду в школу» может подразумевать «Поэтому я тороплюсь», «Я уже не маленький», «Я не хочу с вами разговаривать» и т.п. Имплицитность такого рода слабо связана с набором языковых единиц и всецело обуславливается индивидуальными особенностями конкретного акта общения. В силу этого она обычно наглядна и ясно осознается коммуникантами.

Второй вид импликации непосредственно связан с языковым содержанием высказывания. Определенный набор «кирпичиков смысла» способен создать дополнительный смысл, играющий важную роль в коммуникации. Такая имплицитность, с одной стороны, составляет часть текстовой импликации, а, с другой стороны, определяется собственно языковыми факторами. Поэтому она носит более устойчивый характер и сохраняется при включении высказывания определенного состава в различные текстовые ситуации. В отличие от индивидуально-контекстуальной имплицитности ее можно назвать общекоммуникативной.

Общекоммуникативная имплицитность различается по характеру ассоциаций, на основе которых возникает дополнительный смысл. Между выраженным и подразумеваемым смыслом могут существовать отношения предметной тождественности («повернуть ключ в замке» подразумевает запереть дверь), логического следствия («он пробежал 100

метров за 8 секунд» и, следовательно, значительно превысил мировой рекорд), символического выражения («он кивнул головой» подразумевает выражение согласия), этикетного иносказания («у нее критические дни»), образной репрезентации («он на нее пылинке сесть не дает» — очень любит и заботится) и т.д.

Связь импликации со значением языковых единиц, составляющих высказывание, отражает положение высказывания на границе языка и речи: с одной стороны, высказывание — это единица текста, составная часть более крупного речевого целого, а, с другой стороны, — единица реализации языковой системы, в рамках которой происходит актуализация языковых средств, интерпретация их значений, их воспроизведение и развитие.

Коммуникативная способность владеющих языком включает, помимо языкового знания, умение интерпретировать языковое содержание высказывания и выводить из него контекстуальный и имплицитный смысл. Потенциально коммуниканты имеют возможность извлекать из высказывания всю совокупность содержащейся в нем информации. Однако в конкретном акте общения получатель информации может порой воспринимать лишь часть глобального содержания текста. Наряду с полным пониманием этого содержания может иметь место неспособность: а) интерпретировать имплицитный смысл («буквальное» понимание), б) соотнести языковое содержание с предметным знанием для интерпретации конкретно-контекстуального смысла («вербальное» понимание), в) интерпретировать — частично или полностью — языковое содержание высказывания (неполное понимание или полное непонимание сообщения).

Задача перевода заключается в передаче содержания текста оригинала. В идеале переводчик должен бы стремиться к воспроизведению всего глобального содержания этого текста (в связи с этим в теоретических работах по переводу нередко указывается, что следует переводить не просто текст оригинала, а «текст плюс контекст»). Мы видим, что это глобальное содержание складывается как из выраженного смысла, так и из смысловых компонентов, которые лишь подразумеваются или добавляются к языковому содержанию текста самими коммуникантами. Из таких же компонентов складывается и глобальное содержание текста перевода. Поэтому оптимальным решением задачи было бы точное воспроизведение в переводе языкового содержания оригинала, с тем чтобы рецепторы перевода могли бы на его основе самостоятельно вывести конкретно-контекстуальный и имплицитный смысл. Однако при этом возникают определенные трудности.

Прежде всего, как известно, языковое содержание оригинала практически никогда не воссоздается в переводе в полном объеме, и добиться здесь тождества невозможно. Фактическая близость содержания текстов оригинала и перевода достигается на разных уровнях эквивалентности с утратой отдельных элементов смысла. И в одном языке языковое содержание высказывания может варьироваться, сохраняя в разной степени инвариантный смысл. Варьироваться могут компоненты значения (семы) отдельных слов («Английские власти устроили суд над восставшими солдатами — Английские власти устроили судилище над восставшими солдатами»), компоненты значения синтаксических структур («Английские власти устроили суд над восставшими солдатами — Английскими властями был устроен суд над восставшими солдатами»), набор признаков, через названия которых в высказывании описывается данная ситуация («Английские власти устроили суд над восставшими солдатами — По приказу властей солдаты-участники восстания были отданы в руки английского правосудия»). Можно даже обнаружить наличие общих элементов смысла в некоторых высказываниях, где различаются и сами описываемые ситуации, Очевидно, например, что фразы: «Не совершай опрометчивых поступков», «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Береженного и Бог бережет», «Сначала хорошенько подумай», «Не спросясь броду, не суйся в воду», «Горячая голова до добра не доведет» и т.п. имеют общий смысл — совет быть осторожным. Высказывания «Ты поступил совершенно правильно», «Молодец!», «Вот это да!», «Дай я тебя расцелую!», «Нет каков, а?» по-разному выражают общую идею одобрения и т.д. Все эти виды семантических расхождений могут обнаруживаться и между планами содержания взаимноэквивалентных высказываний в текстах оригинала и перевода.

Воспроизведение языкового содержания оригинала на разных уровнях эквивалентности может по-разному отражаться на способности рецептора перевода воссоздать конкретно-контекстуальный смысл оригинала. Роль конкретной обстановки общения и индивидуальных знаний и опыта рецептора в формировании конкретно-контекстуального смысла настолько велика, что он способен сохраняться при значительном варьировании языкового содержания и, напротив, может изменяться в значительных пределах при максимальном сохранении плана содержания

оригинала. Следует также учитывать, что принадлежность рецептора к иному языковому коллективу сама по себе может лишить его каких-то знаний, имеющихся у рецептора оригинала и необходимых для полной интерпретации языкового содержания исходного текста. Здесь уже возникает необходимость сообщить эти знания рецептору перевода, включив их в содержание текста или во внетекстовые ссылки и примечания.

По-разному может воспроизводиться в переводе и имплицитный смысл оригинала. И здесь в идеале информация, подразумеваемая в оригинале, должна оставаться имплицитной и в переводе. Во многих случаях эквивалентное воспроизведение языкового содержания оригинала сохраняет и имплицитный смысл текста. Однако нередко сохранение первоначального соотношения явно выраженного и подразумеваемого смыслов в процессе перевода оказывается невозможным. Здесь можно отметить несколько типичных случаев. (например, Ф.М.Достоевский «Идиот». Перевод на английский Ю.М.Катцера):

1) Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла высказывания в оригинале и переводе одинаково. При этом передача импликационала обеспечивается воспроизведением языкового содержания оригинала: «Я не из гордости это говорю: я и действительно не знал, куда голову преклонить. — I'm not saying that out of pride. I really didn't know where to lay my head.» — «На улицу пойду, Катя, ты слышала, там мне и место, а не то в прачки. — I'll go on the streets, Katya. You've heard me say so. That's what I'm fit for, or else to be a washerwoman».

2) Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла высказывания в оригинале и переводе одинаково. При этом передача импликационала обеспечивается путем модификации языкового содержания оригинала: «Ведь я тебе ни копейки не дам, хоть ты тут вверх ногами предо мной ходи. — I won't give you a single kopeck even if you stand on your head before me». «А это правда, что вот родитель мой помер, а я из Пскова через месяц без сапог домой еду. — But it's true enough that my parent died a month ago and I'm on my way from Pskov with hardly a kopeck to call my own».

У) Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в оригинале и переводе изменилось за счет эксплицирования импликационала: «Взял меня родитель и наверху запер и целый час поучал. — So Father took me upstairs, locked me up, and thrashed me for a whole hour». «Местечко в канцелярии я вам приищу, не тугое, но потребует аккуратности. — ГЦ find you a post in a Government office — one that will not require much of you except orderliness».

Такая связь импликационала высказывания с его языковым содержанием приводит к более частым изменениям структуры оригинала при переводе, чем наличие индивидуально-контекстуальной имплицитности. В любом случае переводчику приходится решать, достаточно ли полно воспроизведение языкового содержания оригинала обеспечивает и передачу подразумеваемого смысла.

Проблемы перевода — это, в основном, проблемы анализа, понимания и построения текста. Не случайно, многие переводоведы рассматривают текст в качестве основной единицы перевода (ЕП). Для этого есть несколько оснований. Во-первых, поскольку текст представляет собой единое смысловое целое, значения всех его элементов взаимосвязаны и подчинены этому целому. Поэтому понимание отдельных высказываний в большей или меньшей степени зависит от содержания всего текста и от того места, которое они занимают в тексте. Таким образом, текст является той единицей, в рамках которой решается вопрос о контекстуальном значении всех языковых средств. Во-вторых, при оценке значимости неизбежных потерь при переводе действует принцип преобладания целого над частью. Это означает допустимость пожертвования менее существенными деталями ради успешной передачи глобального содержания текста. В-третьих, конечной целью переводчика является создание текста, который отвечал бы требованиям когезии и когерентности, и все решения переводчика принимаются с учетом этих требований. Конечно, признание текста основной единицей перевода не решает проблем, связанных с передачей отдельных элементов его содержания, но оно подчеркивает важность текстологических аспектов перевода.

Учитывая первостепенную роль текста в переводе, теоретики перевода пытаются разработать переводческую типологию текстов, которая отражала бы различия в общей стратегии переводчика, разную степень воспроизведения отдельных элементов или функций оригинала и роль переводчика как создателя текста перевода. Примером попытки связать классификацию текстов оригинала со стратегией переводчика может служить концепция немецкой исследовательницы К. Райс. Эта концепция исходит из теории основных функций языка, предложенной известным австрийским лингвистом К.Бюлером. Согласно этой теории, язык выполняет три главных функции: функцию описания (сообщение информации), функцию выражения (эмоциональных или эстетических

переживаний) и функцию обращения (призыв к действию или реакции). Перенося эту классификацию функций языка на содержание текста, К.Райс предлагает различать три типа текстов: в первом типе доминирует функция описания, во втором — выражения, в третьем — призыва. Эти три типа текста, выделяемые на основе функций языка, предлагается дополнить четвертым типом — аудиомедиальным, к которому относятся тексты, предназначаемые для использования в устной форме.

Такая типология текстов непосредственно увязывается с задачами перевода. Предполагается, что первый тип текста ориентирован, в первую очередь, на содержание, и при переводе этих текстов (коммерческих, научных, деловых и т.п.) задача переводчика заключается в том, чтобы как можно полнее передать это содержание. Второй тип текста считается ориентированным на форму (художественная литература), и задача переводчика заключается прежде всего в сохранении художественно-эстетического воздействия оригинала. Третий тип текста, ориентированный на обращение, стремится достичь определенный экстралингвистический эффект, и поэтому в переводе должно быть четко передано это обращение к слушателю или читателю. Аудиомедиальные тексты (тексты радио и телепередач, сценических произведений и пр.) составляют часть более крупного целого, поэтому при их переводе прежде всего необходимо учитывать условия неязыковой (технической) среды, в которой они будут использоваться. Хотя на практике текст оригинала может включать признаки разных типов, один из них, как правило, является доминантным и именно он будет определять метод перевода.

По иному подошел к созданию переводческой типологии текстов немецкий переводовед А.Нойберт. Он попытался расклассифицировать переводимые тексты на основе их прагматической ориентации. А.Нойберт исходил из того, что важнейшей задачей перевода является передача реального воздействия текста оригинала на его читателя, чтобы у читателей перевода возникли бы такие же прагматические отношения к передаваемому сообщению. По мнению А.Нойберта, достижение такой прагматической эквивалентности зависит от того, насколько содержание оригинала может влиять на читателя перевода, касаться его непосредственно, затрагивать его интересы. Исходя из этих соображений, предлагается различать четыре типа текстов, отличающихся по степени переводимости в прагматическом плане.

В первом типе у текстов оригинала и перевода имеются общие цели, основанные на общих потребностях. Содержание оригинала не

предназначено исключительно для аудитории ИЯ (научно-техническая литература, рекламные объявления и т.п.). Общность цели означает, что и у аудитории ПЯ могут возникнуть такие же прагматические отношения к сообщаемому, и, следовательно, такие тексты обладают высшей степенью переводимости с прагматической точки зрения.

Второй тип отношений характерен для текстов, исключительно предназначенных для аудитории ИЯ (официальные распоряжения, местная информация, развлекательные материалы и т.п.). По мнению А.Нойберта, тексты законов, общественно-политическая литература, местная пресса настолько специфичны в прагматическом отношении, что такие тексты в этом смысле принципиально непереводимы.

Третий тип текстов — художественная литература, - хотя и создаются для аудитории ИЯ, но могут выражать и общечеловеческие потребности. Поэтому их прагматические отношения с определенными ограничениями могут возникать и в переводе. Здесь степень переводимости зависит от жанра: беллетристика и драматургия обладают более высокой степенью переводимости, чем лирическая поэзия.

И, наконец, четвертый тип текстов создается на ИЯ, но предназначается для перевода на другой язык и изначально ориентирован на аудиторию ПЯ (публикации для зарубежных стран). Этот тип текста обладает высокой степенью прагматической переводимости.

Как мы уже отмечали, в современном переводоведении существует текстоцентристская концепция, согласно которой переводчик — это, в первую очередь, создатель текстов, с помощью которых должны быть достигнуты определенные прагматические цели. Эта концепция, которую называют «скопос-теория» (скопос — цель), исходит из того, что успех перевода, как всякой практической деятельности, зависит от степени достижения поставленной цели. В каких-то случаях цель перевода может быть достигнута при максимальном приближении к оригиналу, в других случаях текст перевода создается для того, чтобы сообщить получателю определенную информацию, убедить его в чем-либо, добиться заключения сделки, ввести его в заблуждение и т.п. При этом переводчик выступает не в качестве простого посредника, а как языковой консультант, специалист, хорошо знающий язык, культуру, экономику соответствующей страны и способный создать текст, который нужен для успешных контактов с представителями этой страны. Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и

переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или по указанию заказчика. Создатель текста оказывается центральной фигурой в межъязыковой коммуникации, и для теории и практики перевода особую важность приобретают данные лингвистики текста, раскрывающие особенности построения и функционирования текстов в различных сферах общения в рамках определенной культуры.

Подводя итог всему сказанному, еще раз подчеркнем, что текст выступает как цель, объект и результат перевода и текстологическим проблемам отводится важное место в современном переводоведении.

РАЗДЕЛ 4. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В создание лингвистической базы современного переводоведения немаловажный вклад вносит и социолингвистика, изучающая различные аспекты проблемы «язык и общество». Особую ценность для теории перевода представляют два взаимодополняющих подхода к этой проблеме. С одной стороны, язык рассматривается как единое социально-культурное образование, отражающее особенности определенного этноса как носителя определенной культуры, выделяющей его среди других культур. С другой стороны, изучаются различные виды вариативности в языке, связанные с неоднородностью и многогранностью общественной жизни, существованием социальных, профессиональных и многих других различий между людьми в рамках одной и той же культуры.

Проблема взаимоотношения языка и культуры традиционно включалась в сферу интересов языковедов. Однако в последние десятилетия понятие «культура» приобретает все более широкую интерпретацию. На смену понимания культуры как совокупности материальных и духовных достижений цивилизации пришло расширенное толкование этого термина, включающее все особенности исторических, социальных и психологических явлений, характерных для данного этноса, его традиции, ценности, взгляды, институты, поведение, быт, условия жизни — словом, все стороны его бытия и сознания. Такое понимание культуры, естественно, включает в нее язык и все другие аспекты вербальной коммуникации как важнейшего условия человеческого существования.

В теоретическом плане новая трактовка понятия «культура» получила дальнейшее развитие в двух направлениях. С одной стороны, начала формироваться новая научная дисциплина «культурология» как важная часть глобальной науки о человеке. С другой стороны, традиционная проблема «язык и культура» приобрела новую значимость и масштабность.

Язык как орудие вербальной коммуникации является важнейшей частью культуры, и все особенности его структуры и функционирования могут считаться проявлениями культуры соответствующего языкового (или этнического) коллектива. Однако следует учитывать сложный и опосредственный характер связи языка с другими элементами культуры. Окружающий мир, духовная жизнь и поведение людей отражаются в сознании человека в определенных когнитивных структурах, которые, в свою очередь, реализуются и переструктурируются в языковых категориях и формах. Формирование и развитие когнитивных и особенно языковых структур происходит не только под влиянием внешних факторов (других элементов культуры), но и по своим внутренним законам, определяющим существование когнитивных и языковых систем как целостных образований.

Для исследования закономерностей переводческой деятельности большой интерес представляют особенности языка, прямо или косвенно обусловленные культурой носителей языка. Подобные особенности могут обнаруживаться на разных уровнях языковой структуры, в правилах вербальной коммуникации, в способах описания внеязыковой реальности.

Легко демонстрируется социально-культурная детерминированность словарного состава языка. Речь идет не только о том, что количество наименований в определенной сфере деятельности прямо зависит от степени общественной значимости этой сферы. Традиционно в качестве примера такой зависимости упоминается большое число названий разных видов снега у эскимосов или многочисленные названия окраски лошадей у аргентинских пастухов. Однако не меньший интерес представляют факты отражения в значении и употреблении лексических единиц своеобразия осмысления представителями данной культуры окружающего мира. Так, для англичанина глаза, зубы и язык воспринимаются как непосредственно расположенные в голове (eyes in the head, teeth in the head, tongue in the head). В английской культуре особое значение имеет «noon» — 12 часов дня, служащие основной точкой отсчета времени. Это не только середина дня (midday), но и конец утра (morning).

которое длится с полуночи, частично перекрывая и темное (night) и светлое (day) время суток. К этой точке привязан и особый прием пищи — «lunch» в отличие от главной еды в сутки — «dinner», которую едят в середине или в конце дня. После главной точки отсчета начинается «afternoon» (post meridiem), вроде бы вторая половина дня, которая длится до заката солнца (before sunset or nightfall). Но «nightfall» — это, ведь, наступление ночи (или, точнее, темноты), первую часть которой, видимо, составляет «evening», поскольку она же может называться «night». Английский чай (tea) подается вроде бы ближе к вечеру или в конце второй половины дня (in the late afternoon), но есть еще «supper», который едят вечером (если «dinner» съели в середине дня) или поздно ночью. В целом, образуется своеобразная картина суток, характерная для английской культуры.

Особенности восприятия окружающего мира отражаются и на способах описания типичных ситуаций. Например для представителей английской культуры свойственно включать в чувственные восприятия воспринимающего субъекта (ср. русское «Вдруг послышался шум» и английский перевод «Suddenly we heard noise»).

Решающую роль играют социально-культурные факторы в формировании у коммуникантов фоновых знаний, без которых, как мы уже знаем, невозможна интерпретация речевых высказываний. Наибольший интерес для теории и практики перевода представляют сообщения, непосредственно отражающие условия жизни и обычаи представителей определенной культуры. В английских домах спальни часто располагаются на втором этаже, и поэтому фраза «It's late I'll go up» легко истолковывается как намерение говорящего отправиться спать. Когда американец сообщает, что он хочет купить «a three bedroom apartment», его сообщение будет правильно понято лишь тем, кто знает, что в его стране, кроме индивидуальных спален, принято иметь и одну общую комнату, и поэтому речь идет о четырехкомнатной квартире. В каждой культуре существуют свои способы предотвращения нежелательного развития событий: «This appointment will make or break me, so keep your fingers crossed, please.» — Эта встреча решит мою судьбу, так что ругай меня, пожалуйста.

Изучение культурной обусловленности разных сторон вербальной коммуникации представляет большой интерес для переводоведения. Мы уже отмечали, что переводческая деятельность означает не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя культурами. Следует учитывать, что наряду с уникальными особенностями, характеризующими каждую отдельную культуру, существуют факторы, общие для многих или некоторых культур. Кроме того, различные культуры всегда оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга. Реальная жизнь опровергает утверждения об обособленности и принципиальной взаимной непроницаемости культур. Подобные сомнения в возможности полноценного контакта между разными культурами высказывались некоторыми лингвистами, этнографами, литераторами, философами и другими деятелями культуры. В языкознании наиболее известна концепция, именуемая «Гипотеза Сепира—Уорфа».

Эта концепция, которую часто называют гипотезой лингвистической относительности, исходит из предположения, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, как это навязывается им языком. Познание не имеет объективного, общечеловеческого характера: сходные явления складываются в разные картины из-за различий в мышлении, навязываемых различиями языков. Отсюда следует, что полное взаимопонимание между представителями разных культур, говорящих на разных языках, принципиально невозможно: языки воздвигают между мышлением людей разной культуры непреодолимый барьер.

Мы уже говорили о том, что каждый язык создает своеобразную «языковую картину мира», что является одной из причин трудностей, возникающих при переводе. Структура языка, действительно, способна определять возможные пути построения сообщений, организуя определенным образом выражаемые мысли, порой навязывая говорящим обязательное употребление тех или иных форм. Но верно и то, что языковая форма высказывания не определяет однозначно содержание высказывания, выводимое на основе интерпретации значений составляющих его единиц, а служит лишь исходной базой для понимания глобального смысла. Один и тот же смысл может быть выведен из разных языковых структур, и, наоборот, одна и та же структура может служить основой для формирования и понимания различных сообщений. Таким образом, зависимость выраженных мыслей от способа их языкового выражения оказывается относительной и ограниченной. Говорящие могут сознавать

различие между формой высказывания и сутью дела, преодолевать навязываемые языком стереотипы. Когда сегодня русский человек говорит, что солнце «всходит и заходит», это не означает, что он не согласен с Коперником и всерьез полагает, что солнце движется вокруг земли. Он может осознавать, что фактически происходит совсем иное: вращаясь вокруг своей оси, земля на какое-то время обращает к солнцу ту часть своей поверхности, где он находится. Способ выражения этой мысли, принятый в русском языке, может отражать существовавшие когда-то представления об устройстве мироздания, но никак не предопределяет мышление современного человека.

Не препятствуют языковые барьеры и контактам между культурами. В условиях взаимосвязи и взаимозависимости современного мира различные культуры не изолированы друг от друга, а постоянно контактируют и взаимодействуют. Представители одной культуры сталкиваются с особенностями других культур при непосредственном общении с носителями этих культур у себя в стране и за ее пределами или получают соответствующую информацию устно или письменно с экрана, с газетных страниц, из литературных произведений и иных источников. Одним из таких источников, получившим широкое распространение в современном мире, являются переводы. Раскрывая своеобразие и многообразие культурных ценностей, обычаев и традиций, переводы способствуют взаимопониманию и взаимоуважению, обогащают культуру каждого народа, вносят большой вклад в развитие его языка, литературы, науки и техники.

Важную роль играют переводы в принимающей культуре, то есть в культуре языка перевода. Известно, что многие национальные языки и культуры формировались под влиянием переводов, главным образом, с античных языков. Переводы сыграли решающую роль в развитии культуры славянских народов. Переводы религиозных книг с греческого на церковно-славянский (староболгарский) язык, выполненные Кириллом и Мефодием, положили начало формированию русского языка, русской письменности и литературы.

В рамках разных культур на разных этапах развития к переводам предъявлялись неодинаковые требования. Этим требованиям должен был удовлетворять не только выбор текстов для перевода, но и избираемая переводчиком стратегия. Отчасти выбор стратегии мог определяться характером переводимых текстов или теоретическими установками самих переводчиков. Так, переводчики религиозных текстов, благоговейно относившиеся к каждой букве священного оригинала, стремились к максимально буквальному его воспроизведению, даже в ущерб смыслу и нормам языка перевода. Напротив, многие переводчики художественной литературы весьма вольно обращались с оригиналом. Выдающиеся русские переводчики Карамзин и Жуковский создавали блестящие образцы вольного перевода, а Вяземский, Гнедич и Фет упорно отстаивали необходимость перевода буквального. Но в любом случае переводчикам приходилось учитывать отношение к их деятельности, преобладавшее в их культуре в данное время. Первые попытки сделать переводы Библии более понятными и соответствующими языковой норме вызывали неприятие и возмущение верующих, в культуре которых считалось, что священный текст должен быть мистическим и загадочным. Решительный отказ Мартина Лютера от практики буквалистского перевода Библии привел к потрясениям и расколу в христианском мире. От французских переводчиков в 18 веке общество требовало «исправляющих» переводов, приводящих переводимое произведение «варварского» автора в соответствие с требованиями «хорошего вкуса», законодателями которого считали себя французы. В современных культурах обычно относительно спокойно воспринимаются вольности переводчиков литературных произведений (которые к тому же нередко переводят с подстрочника или через третий язык) и предъявляют требования высокой точности к информативным (дипломатическим, коммерческим, техническим и пр.) переводам.

Известна и зависимость стратегии переводчика от степени престижности иностранного автора в принимающей культуре. Считающиеся классическими или образцовыми произведения прославленных и знаменитых авторов переводятся с повышенным вниманием к воспроизведению их содержания и авторского стиля, в то время как в переводах менее известных авторов нередко широко используются стандартные, приблизительные варианты, облегчающие задачу переводчика и нивелирующие смысловые и стилистические особенности оригинала.

Г.Тури указывает и на зависимость характера перевода от жанра переводимого литературного произведения. Если перевод принадлежит к литературному жанру, отсутствующему или слабо развитому в принимающей культуре, то переводчики более тщательно сохраняют жанровые особенности оригинала. Напротив, в жанрах, хорошо развитых в принимающей культуре, переводы соблюдают требования этих жанров в данной культуре.

Социально-культурное влияние на стратегию переводчика нередко отражается и на полноте воспроизведения в переводе содержания оригинала, вынуждая переводчика сокращать или полностью опускать все, что в принимающей культуре считается недопустимым по идеологическим, моральным или эстетическим соображениям.

Различные формы культурной детерминированности переводческой деятельности составляют своеобразную конвенциональную норму перевода — совокупность требований, предъявляемых обществом к переводам на определенном этапе истории.

Существование единой культуры и общего языка отнюдь не означает однородности культурно-языкового коллектива. Для каждого общества характерно наличие многочисленных территориальных, социальных, профессиональных, возрастных и других различий, которые находят отражение в особенностях употребления языковых средств отдельными группами людей. Кроме того, одни и те же люди могут по-разному использовать язык в разных социальных ситуациях. Различные виды языковой вариативности подобного рода составляют сферу интересов социолингвистики, и данные этой лингвистической дисциплины широко используются в современном переводоведении.

Прежде всего различия в употреблении средств языка связаны с проживанием людей, пользующихся одним и тем же языком, в разных странах или в разных частях одной страны. Если язык используется в нескольких странах, то в каждой из них он приобретает некоторые отличительные черты, в результате чего возникают национальные варианты этого языка. Так, существуют британский, американский и австралийский варианты английского языка и разновидности немецкого языка в Германии, Австрии и Швейцарии, испанского языка в самой Испании, на Кубе и в ряде стран Латинской Америки. В пределах одной страны могут существовать некоторые различия в речи жителей отдельных территорий — так называемые территориальные диалекты. Английский язык в северо-восточных штатах США отличается от языка жителей южных штатов или штатов Среднего Запада, а немцы в Баварии говорят не так, как жители Берлина. Между некоторыми территориальными диалектами имеются лишь незначительные фонетические, лексические или грамматические различия, в других случаях эти различия настолько велики, что диалект может считаться отдельным языком. В некоторых странах диалектальные различия постепенно стираются, в других — оказываются более устойчивыми.

Для теории перевода существование территориальных диалектов представляет интерес, главным образом, в связи с практическими проблемами, которые они создают для переводчика. Использование в оригинале форм таких диалектов может иметь двоякий характер. С одной стороны, диалект может представлять собой вид языка, используемого в процессе общения, то есть выступать в качестве исходного языка. С другой стороны, диалектальные формы могут употребляться с целью языковой характеристики отдельных персонажей. В первом случае диалектальный статус исходного языка вообще не имеет отношения к содержанию оригинала, и от переводчика требуется лишь знание этого диалекта, особенностей его употребления и его отличия от общенародных форм языка, частью которого он является. Во втором случае перед переводчиком встает задача передачи той дополнительной информации о территориальной принадлежности говорящего, которая содержится в оригинале. Трудность заключается в том, что для этой цели невозможно использовать соответствующие диалектальные формы языка перевода, даже если таковые имеются, поскольку они идентифицируют совершенно иную группу людей. Попытка установить эквивалентность между, скажем, диалектом негров Миссури, на котором говорит негр Джим у Марка Твена, и каким-либо диалектом немецкого или русского языков теоретически не оправдана и практически не наблюдается. Сходное географическое расположение диалектов не играет при этом никакой роли..

Решение этой проблемы отчасти облегчается существованием и другого вида языкового варьирования: так называемых социальных диалектов. Речь членов одного и того же языкового коллектива может различаться не только потому, что они живут в разных частях своей страны, но и вследствие их принадлежности к разным слоям общества. В разных странах социальное расслоение общества, отражающееся в языковых особенностях, может быть различным. Наиболее распространенными являются различия между речью людей, получивших стандартное школьное образование и овладевших общенародными языковыми нормами, и речью малообразованных людей, отклоняющейся в той или иной степени от литературной нормы. Подобные различия характерны для самых разных языков, что облегчает их воспроизведение в переводе.

Для переводческой практики весьма важно учитывать тот факт, что между социальными и территориальными диалектами часто существует тесная связь: территориальные различия обычно сохраняются в речи малооб-

разованных людей и сглаживаются в процессе получения образования. Отдельный диалект может быть отграничен и географически, и общественным положением, то есть быть одновременно и территориальным и социальным. Таков, например, лондонский «кокни», характерный для речи «низов» английской столицы. Благодаря наличию такой связи, дополнительная информация, репрезентируемая территориально-диалектными формами, может быть передана в переводе средствами малообразованной речи. При этом учитывается, что, как правило, социальный диалект отличается от общенародного языка лишь отдельными языковыми особенностями, своего рода «указателями» (markers). Присутствие в тексте хотя бы небольшого числа таких указателей обеспечивает воспроизведение данного вида информации, например: «He do look quiet, don't 'e? D'e know 'oo 'e is, Sir? — Вид-то у него спокойный, правда? Часом не знаете, сэр, кто он такой?». Роль совокупности грамматических (don't вместо doesn't) и фонетических ('e вместо he, 'e вместо you, 'oo вместо who) признаков, указывающих на принадлежность говорящего к простонародью, переводчик попытался возместить в переводе одним просторечным оборотом «Часом не знаете?».

Некоторые трудности при передаче особенностей социальных диалектов могут возникнуть в связи с тем, что степень социального расслоения в разных странах различна, как и различна степень такого расслоения в языке. В таких случаях эквивалентность в переводе может устанавливаться между совершенно разными типами речи. Важно лишь, чтобы различия в речевых формах имели соответствующий социальный статус. Например, в переводах на английский язык романов западноафриканских писателей горожане говорят стандартным английским языком, а крестьяне — языком Библии. В любом случае переводчик должен хорошо знать социальные диалекты обоих языков, участвующих в переводе, и уметь соотносить их признаки.

Меньше трудностей в переводе возникает в связи с существованием в языке еще одного вида диалектов, отражающих особенности употребления языка представителями некоторых профессий. Речь моряков, солдат, студентов и тому подобных профессиональных групп может обладать определенными особенностями, главным образом, в области лексики, которые выделяют в языке ряд профессиональных диалектов (или жаргонов). В большинстве случаев основные профессиональные группы можно обнаружить в разных культурах и при переводе могут быть использованы формы соответствующего профессионального диалекта.

Варьирование языковых средств не ограничивается территориальным, социальным и профессиональным расслоением языка. В языке выделяются также так называемые функциональные стили — совокупности языковых средств, преимущественно употребляющихся в определенных сферах общения. Хотя число функциональных стилей в отдельных языках может не совпадать, а их границы не всегда ясно очерчены, в большинстве языков достаточно четко выделяются такие функциональные разновидности, как художественный стиль (стиль художественной прозы и поэзии), публицистический стиль, научный стиль (совокупность научно-технического и научно-гуманитарного стилей), официально-деловой стиль (совокупность официально-деловых документов), газетно-информационный стиль, разговорный стиль и некоторые другие. Каждый функциональный стиль использует языковые средства, которые встречаются и в других стилях, но его характеризует преобладающее употребление определенного набора таких средств. В рамках функционального стиля выделяются отдельные жанры или типы текстов. Например, в научном стиле — это монография, научная статья, лекция, доклад, выступление, сообщение (и другие устные разновидности). Хотя границы жанров подчас недостаточно четки, в каждом из них можно выделить его жанровую доминанту, своего рода прото-текст, характеризующийся определенным набором языковых признаков. Отдельный конкретный текст в большей или меньшей степени соответствует прото-тексту своего жанра.

Различные функциональные стили обнаруживают способность к взаимодействию и взаимопроникновению. Сравнение таких стилей выявляет как контрастные признаки, противопоставляющие один стиль другому (например, эмоциональность художественного текста и неэмоциональность большинства научных текстов), так и языковые признаки, которые в одинаковой степени характерны для нескольких функциональных стилей. Так, осложненность синтаксических построений типична не только для официально-деловых, но и для научных текстов, ограниченное использование эмоциональной лексики наблюдается не только в научной прозе, но и в газетно-информационных материалах, логичность изложения — ведущий признак научного текста — присущ и многим художественным текстам и т.д.

Лингвистическая классификация функциональных стилей представляет большой интерес для переводоведения. На ее основе в теории перевода выделяются отдельные виды перевода, отличающиеся характером перевод-

ческих трудностей и уровнем эквивалентности, которую должен обеспечивать переводчик. При таком подходе, в первую очередь, противопоставляется перевод текстов художественного стиля (художественный перевод) и перевод текстов всех прочих «нехудожественных» стилей (прагматический или информативный перевод). Такое противопоставление основано на различии главных задач, стоящих перед переводчиком в каждом из этих видов перевода. В художественном переводе основная цель переводчика заключается в передаче художественно-эстетических достоинств оригинала, в создании полноценного художественного произведения на языке перевода. Художественные переводы составляют часть литературы в принимающей культуре, наряду с оригинальными произведениями. Для достижения художественности переводчик порой отказывается от максимальной точности в передаче содержания оригинала. Напротив, в информативном переводе в центре внимания переводчика находится информация, содержащаяся в исходном тексте, которую он стремится передать возможно полнее. Дальнейшее выделение видов перевода производится в рамках художественного перевода по литературным жанрам, а в информативном переводе — по отдельным функциональным стилям.

Жанрово-стилистическая классификация переводов связана с использованием в переводе двух языков и отражает особенности каждого из них. Принадлежность оригинала к определенному функциональному стилю исходного языка определяет его доминантную функцию, которая должна быть передана в переводе, и, как правило, предопределяет выбор функционального стиля в переводе. В свою очередь, выбранный стиль перевода требует соблюдения его норм и особенностей в языке перевода, даже если они в той или иной степени не совпадают с нормами аналогичного стиля в исходном языке. Выделение видов перевода на основе жанрово-стилистической принадлежности оригинала наиболее оправдано в тех случаях, когда существует значительное расхождение в языковой характеристике соответствующих стилей и жанров в двух языках, вызывающее необходимость в своего рода стилистической адаптации перевода, изменения характера используемых соответствий, отказа от использования стилистических признаков, наиболее близких некоторым элементам оригинала, но неуместным в данном функциональном стиле языка перевода. Следует учитывать, что появление таких признаков в тексте перевода приводит к резкому нарушению стилистической нормы и создает в переводе дополнительный, а иногда и абсолютно неприемлемый эффект. В качестве примера можно упомянуть сравнительно

свободное употребление нецензурной лексики в литературных произведениях в одних странах и недопустимость такого явления в некоторых других культурах. Можно также указать на различия газетно-информационных материалов, например в английском и русском языках. В целом, стиль английской печати оказывается более заземленным, шире использует элементы разговорного стиля. Кроме этого, между английской и русской газетой обнаруживается целый ряд частных расхождений: в использовании военной лексики, высокопарных выражений, оскорбительных эпитетов, всевозможных сокращений и аббревиатур, фамильярных манипуляций с именами государственных и политических деятелей и т.д. Несовпадение языковых особенностей данного стиля в этих языках, вызывающее необходимость стилистической адаптации при переводе, и служит основанием для выделения перевода таких материалов в особый вид перевода.

Выбор языковых средств может также зависеть от ситуации общения и ролей, в которых выступают участники коммуникации. В разных ситуациях люди говорят по-разному, и речь докладчика на собрании не похожа на его разговор с незнакомым человеком на улице, с близким другом или с собственной женой. Такие разновидности речи обычно называются «регистрами». Ситуации общения весьма многочисленны, и соответствующие регистры могут по-разному классифицироваться. Наиболее часто выделяются такие регистры, как торжественный, официальный, дружеский и интимный. Выбирая вариант перевода, переводчик должен учитывать, в каком регистре происходит общение. От этого выбора будет зависеть, например, перевод английского «auntie» как «тетя, тетушка, тетенька, тетечка или тетка».

Большой интерес для переводоведения представляют лингвистические исследования, посвященные изучению билингвизма — использованию человеком двух языковых систем и взаимодействию этих систем в его речи. Теория языковых контактов рассматривает все виды билингвизма от совершенного владения обоими языками до ситуации, когда человек только начинает изучать второй язык. Описаны различные виды взаимодействия языков в процессе вербальной коммуникации, С одной стороны, различаются случаи коммуникативного равенства двух языков, каждый из которых осознается как одинаково социально значимый и одинаково эффективно используется билингвом. С другой стороны, один из таких языков может играть значительно более важную роль, чем другой, быть более необходимым и престижным. быть основным средством общения для билингва. Оба

языка могут существовать как бы в изоляции друг от друга: человек может свободно пользоваться каждым из них, но между единицами этих языков не устанавливается прямых связей, и человек с трудом подыскивает единицам одного языка соответствия в другом языке. Напротив, может быть своего рода смешанное двуязычие, когда такие связи существуют и, говоря на одном языке, билингв легко вставляет в свою речь уместные слова и выражения из другого языка.

Всесторонне изучается проблема межъязыковой интерференции. Преобладание одного языка над другим в сознании билингва приводит к тому, что под влиянием доминантного языка (обычно его родного) речь билингва на другом языке претерпевает изменения. Он невольно переносит в этот язык некоторые особенности родного языка. Явление языковой интерференции подобного рода составляет одно из препятствий при овладении иностранным языком, создает более или менее сильный акцент, характерный для большинства людей, говорящих на неродном языке. Характер подобной контаминированной речи зависит от содержания и соотношения форм и структур контактирующих языков. Она обычно рассматривается как нежелательное явление, вид ненормативной речи, создающей помехи для успешной коммуникации.

Проблемы билингвизма имеют непосредственное отношение к переводческой деятельности. Переводчик по определению двуязычен. (Исключение составляют некоторые ситуации в художественном переводе, когда поэт или писатель переводит по подстрочнику, не зная языка оригинала. Но и в этом случае в процессе перевода участвует билингв, создающий подстрочник.) Знание двух языков определяет возможность переводческой деятельности, и в большинстве случаев оно само по себе уже предполагает умение более или менее точно передавать на другом языке содержание иноязычного сообщения. Однако профессиональная компетенция переводчика отнюдь не сводится к владению двумя языками. С одной стороны, известны случаи, когда знающий два языка вообще оказывается неспособен переводить даже тексты на знакомые ему темы. С другой стороны, как правило, «естественный» перевод билингва не отвечает требованиям, предъявляемым к профессиональному переводчику, и создает лишь основу для развития переводческой компетенции, возникающей путем целенаправленного обучения или на основе длительного практического опыта. Билингвизм профессионального переводчика — это не только знание двух языков, но и умение находить и соотносить коммуникативно равноценные средства этих

языков с учетом особенностей конкретного акта общения, а также знание принципов, методов и приемов, создающих такое умение.

Большое внимание в теории перевода уделяется проблеме интерференции. Постоянное контактирование двух языков в процессе перевода создает условия для сознательного или бессознательного внесения изменений в язык перевода под влиянием языка оригинала. При этом недостаточно квалифицированные переводчики подчас нарушают нормы и узус языка в переводе, создавая так называемый «переводческий язык», который неоднократно подвергался критике, особенно в области художественного перевода. В своей книге «Высокое искусство» К.И.Чуковский приводит многочисленные примеры англо-русских и иных переводов, где, стремясь к максимальному уподоблению перевода оригиналу, переводчик создает неприемлемые высказывания, например: «Я, который столько знает и столько людей может вздернуть, не считая себя самого», «Воздух кажется слишком зараженным даже для той грязи и гад ости...»,» Кулак слишком часто оставлял отпечатки на его теле, чтобы не запечатлеться глубоко в его памяти...» и т.п.

В то же время, воспроизводя содержание оригинала, переводчик всегда сознательно использует некоторые технические приемы, копирующие формы и структуры языка оригинала и позволяющие преодолеть типичные переводческие трудности. Такими приемами, в первую очередь, является заимствование иноязычной формы путем транскрибирования с помощью букв языка перевода (файл, интерфейс, клип, трайбализм и др.) и калькирование структуры слова или словосочетания путем перевода каждого элемента в отдельности последующим объединением переведенного в единое целое (заднескамеечник, военное присутствие. стратегическая оборонная инициатива и пр.). Под влиянием единиц оригинала в переводе могут расширяться значения отдельных слов. Русское слово «прорыв» имело сугубо негативное значение «отставание, невыполнение задания»: «прорыв в экономике, в сельском хозяйстве. на производстве» и т.п. В то же время невоенное значение английского соответствия «breakthrough» было положительным — «выдающееся достижение, успех». И под влиянием английского слова русское «прорыв» стало употребляться в таком же положительном смысле: «Добиться прорыва в переговорах», «Достигнут новый прорыв в области международного сотрудничества» и т.п. Аналогичным образом по образцу английского «alternative» русское «альтернатива», означавшее лишь «выбор из двух возможных вариантов», стало употребляться

еще и в значении «один из таких вариантов», например: «Миру нет альтернативы».

Стремление точнее воспроизвести содержание оригинала нередко приводит к изменению частотности употребления отдельных единиц в языке перевода. Слова, не имеющие прямых соответствий в языке оригинала, встречаются в переводах реже, чем в непереводных текстах на том же языке. Так, русские слова «завтрак», «обед», «ужин» имеют в английском языке прямые соответствия, которые обычно и используются в русско-английских переводах. В то же время английское слово «meal», которое широко употребляется для обозначения любого приема пищи, не имеет соответствия в русском языке. Оно может появиться в русско-английском переводе, но, в целом, его частотность будет ниже, чем в оригинальных английских текстах.

Закономерные языковые отличия переводов от непереводных текстов позволяют говорить о существовании особой разновидности языка — «подъязыка переводов». Изучение особенностей языка переводов с различных исходных языков представляет большой теоретический и практический интерес, давая возможность отличать вызванные интерференцией ошибки переводчика от вполне оправданных способов достижения эквивалентности перевода.

Еще один аспект перевода в связи с явлением интерференции заключается в необходимости передачи в переводе контаминированной речи. Появление контаминированных форм в речи может быть непроизвольным или намеренным. В первом случае говорящий, недостаточно владеющий языком, которым он пользуется, употребляет искаженные формы этого языка помимо своего желания. Подобные искажения затрудняют восприятие и обнаруживают принадлежность говорящего к иному языковому коллективу. При восприятии подобной речи другие участники коммуникации соотносят воспринятое с правильными формами языка, осуществляя своего рода перевод с контаминированной на правильную речь. Подобная корреляция происходит и в процессе перевода на другой язык, и непроизвольная контаминация отражается в тексте перевода только тогда, когда в оригинале содержатся металингвистические высказывания, объектом которых является сама контаминация. Во втором случае контаминированные формы используются как художественный прием для характеристики речи иностранца. Речевая характеристика персонажа играет немаловажную роль в художественном произведении, и ее воспроизведение входит в задачу переводчика. При этом возможны два способа достижения эквивалентности. Во-первых, могут использоваться стандартные приемы условного изображения речи иностранца. В языках существуют общепринятые способы подобного изображения. Так, в английском и русском языках традиционно изображаются особенности речи немцев и китайцев. Хотя такие особенности представлены довольно условно, они во многом определяются реальными языковыми различиями. Например, ошибки в выборе глагольного вида характерны для всех говорящих по-русски иностранцев, в языке которых нет подобных видовых категорий, а замена синтетической формы будущего времени глагола на аналитическую («Я буду сказать тебе это завтра») уже свойственна для немца, но не для француза. И при наличии стандартных способов изображения контаминированной речи они, естественно, используются и в оригинале, и в переводе, например (речь китайца): «Me blingee beer. Now you play. — Моя плинесла пиво, твоя типель платить».

Нередко, однако, в оригинале изображена неправильная речь человека такой национальности, в отношении которой в языке перевода не существует установившегося способа изображения. В этих случаях переводчик выбирает некоторые контаминированные формы, учитывая при этом, что такие формы могут восприниматься не только как речь иностранца, но и как речь человека малообразованного, например русское «твоя моя понимай нету» или «мал-мало платить надо». Обычно в переводе бывает достаточно нескольких неправильных форм, например (речь туземца-канака): «When you see him 'quid then you quick see him 'parm whale. — Когда твоя видел спрут, тогда твоя скоро-скоро видел кашалота».

В заключение отметим, что в данном разделе мы лишь кратко коснулись некоторых фундаментальных проблем, которыми занимается социолингвистика. Однако и этого краткого обзора достаточно, чтобы убедиться, что исследования в этой области дают ценные результаты и для изучения многих сторон переводческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования — М., 1981.
Маслов Ю. С. Введение в языкознание. — М., 1975.
Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1996.
Соссюр Ф. Д. Курс общей лингвистики. — М., 1977.
Швейцер А. Д. Введение в социолингвистику., М. — 1975.

ЧАСТЬ 2

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

РАЗДЕЛ 1. ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Перевод — это один из древних видов человеческой деятельности. Конечно, мы не можем точно сказать, когда на земле появился первый переводчик, и археологи вряд ли когда-нибудь откопают его останки. Сами переводчики не претендуют на то, чтобы их профессия считалась древнейшей, но есть все основания полагать, что как только возникли на нашей планете разноязычные человеческие племена, появилась и потребность в людях, которые могли бы служить посредниками при контактах между представителями разных племен. Возможно, что первыми переводчиками были женщины. Известно, что в древности существовал обычай красть невест из чужого племени, женщина поневоле овладевала языком мужа и могла выступать в случае необходимости в роли переводчика. Сначала переводы были, естественно, только устными, позднее с возникновением письма появились и письменные переводчики.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что перевод имеет тысячелетнюю историю. Среди клинописных шумерских текстов, написанных за 3 тысячи лет до нашей эры, мы находим двуязычные словники, явно предназначенные для помощи переводчику. Известно, что и в древнем Вавилоне, и в Ассирии существовали группы переводчиков, доводивших повеления властителей до сведения покоренных народов.

Вообще без переводчиков было бы невозможным существование древних империй, возникавших в результате завоеваний многих стран, населенных разноязычными народами. А в древнем Египте уже была специальная школа, готовившая переводчиков для контактов с соседями. О их существовании упоминает и Библия, где рассказывается история о Иосифе и его братьях. В ней описывается, как завидовавшие ему братья продали Иосифа в рабство в Египет, где он впоследствии стал важным лицом при дворе египетского фараона. Спустя некоторое время на родине Иосифа был неурожай и его братья отправились за хлебом в Египет. Когда их привели к Иосифу, они его не узнали, а он тоже сначала им не открылся и говорил с ними через переводчика. Подобных упоминаний о переводе и переводчиках можно обнаружить во многих источниках.

В предыдущих лекциях мы уже упоминали о том, что на ранних этапах переводческой деятельности в ней проявились две разные тенденции. Первая из них наиболее заметна в переводах религиозных текстов, и в первую очередь, Библии. Для переводчиков таких текстов оригиналы были «словом божьим», где каждое слово, порядок слов и даже отдельные буквы и знаки препинания были священными, имели какое-то особое значение и должны были как можно буквальнее воспроизводиться в переводе. Правда, при этом часто нарушались нормы языка перевода, местами перевод становился темным и непонятным, но это никого не смущало, ни самих переводчиков, ни читателей, которые полагали, что религиозный текст и не может быть понятен каждому, в нем многое должно быть мистическим, загадочным, «ибо тайна сия великая есть».

Если в переводах религиозных книг преобладала тенденция к максимальному буквализму, то другие виды переводов, устных и письменных, часто носили весьма приблизительный характер, их создатели вольно обращались с оригиналом, допускали много неоправданных отклонений и ошибок. Отчасти такой вольный (или свободный) перевод был результатом низкой квалификации переводчика, но порой он мог быть следствием отсутствия должного уважения к переводимому тексту и нетребовательности к качеству перевода со стороны переводчика и читателей.

Противопоставление буквального и вольного перевода сохранилось и в более позднее время, когда выбор одной из этих переводческих стратегий определялся уже не характером переводимого текста, а общей установкой переводчика, его пониманием цели и содержания своей работы. Различие таких установок особенно отчетливо проявилось в художе-

ственном переводе. Здесь сторонники буквального перевода были убеждены, что только такой перевод может быть верен оригиналу, что задача перевода и заключается в максимальном копировании исходного текста. Их оппоненты возражали, что как раз буквальный перевод никогда не будет верным, поскольку он не передает самое главное — художественные достоинства оригинала и, что еще важнее, не создает полноценного текста на языке перевода. Они отстаивали право переводчика для достижения такой полноценности вносить любые изменения в свой перевод. Некоторые сторонники вольного перевода заходили в своих версиях очень далеко. Уже в 19 веке известный русский переводчик Иринарх Введенский провозглашал право переводчика на любые «отсебятины», если он проникся духом оригинала, перевоплотился в его автора и может восполнить любые упущения, почему-либо присутствующие в оригинале. И эти теоретические положения Иринарх Введенский неуклонно воплощал в своей переводческой практике. Так, переводя роман Ч.Диккенса «Давид Копперфилд», он сочинил от себя конец второй главы, начало шестой главы, внес многочисленные исправления в текст романа. Ведь, как утверждал переводчик, его пером водил «дух» автора.

Мы уже упоминали и практику «украшательского» перевода, получившую особенно широкое распространение и теоретическое обоснование у французских переводчиков восемнадцатого века. Вспомним, что французы в эту эпоху считали себя единственными обладателями совершенного вкуса, требованиям которого, по их мнению, не отвечали литературные произведения других народов, именовавшиеся «варварскими». И при переводе произведений таких «варваров» (к которым относились и Шекспир, и Сервантес, и многие другие выдающиеся писатели и поэты) от переводчика требовали исправления оригинала, чтобы сделать его приятным для читателя. И в соответствии в этими требованиями переводчики «украшали» переводимый текст, выпускали то, что считали лишним, неудачным, добавляли свое и т.д. Переводчик романа Ричардсона выбросил описание смерти, заявив, что оно слишком мрачно и грубо. Переводчик Сервантеса нашел в «Дон Кихоте» много неприемлемого и все это выбросил или «исправил». А французский переводчик Лоренса Стерна прямо заявил, что нашел шутки и остроты английского юмориста неудачными и заменил их своими.

Переводческая деятельность имеет богатую многовековую историю, изучение которой проливает свет на важные стороны развития

языка, литературы и культуры разных народов. Но в данной лекции мы более подробно остановимся лишь на последнем этапе этой истории, который ведет свое начало со второй половины 20 столетия. В этот период произошли значительные количественные и качественные изменения, во многом сказавшиеся как на самом характере переводческой деятельности, так и на требованиях, предъявляемых к переводу и переводчикам. Уже в первой лекции мы говорили о резком увеличении масштабов переводческой деятельности после окончания Второй мировой войны, о появлении новых видов перевода, о выдвижении на первый план информативных переводов. Большое число информативных переводов означало существенные изменения в требованиях, предъявляемых к переводчику, и в условиях его работы. Остановимся кратко на некоторых основных особенностях, характеризующих переводческую деятельность в современном мире.

Прежде всего значительно возросли требования к точности перевода. Если переводчики художественной литературы допускали порой, как мы уже знаем, всевозможные вольности, то это в худшем случае приводило к искаженному представлению о творческой манере автора и о литературных достоинствах произведения. Однако, искажения в техническом, коммерческом, дипломатическом переводе могут иметь гораздо более серьезные последствия — политические конфликты, материальные потери, человеческие жертвы и даже новый Чернобыль. Поэтому свободный перевод в таких областях признается совершенно недопустимым, и переводчики стараются возможно точнее передать все детали содержания оригинала, избегая в то же время буквализма, искажающего это содержание или затрудняющего его восприятие.

Задача переводчика оказывается очень ответственной и весьма непростой. Как мы уже знаем, полной тождественности перевода оригиналу достичь очень трудно, и переводчику постоянно приходится решать, какими элементами содержания можно пожертвовать, чтобы точнее передать другие, более важные детали. Такой выбор осложняется тем, что иногда особую важность приобретают совсем неожиданные элементы текста оригинала. Вот один пример из практики переводчиков в Службе русского перевода Секретариата ООН в Нью-Йорке.

После очередной сессии Комиссии по мирному объединению Кореи был составлен заключительный документ, который русские переводчики перевели с английского оригинала. Но когда наши дипломаты оз-

накомились с русским переводом, они заявили протест, указав, что переводчики свели на нет многодневную работу Комиссии. Такое заявление было, конечно, неожиданным и крайне неприятным и для переводчика, и для редактора перевода. Оказалось, что члены Комиссии долго спорили, какую часть Кореи называть в документе первой, то есть писать «объединение Южной и Северной Кореи» или «объединение Северной и Южной Кореи». В результате был достигнут компромисс: каждая часть Кореи по очереди будет упоминаться первой. Переводчик, не обратив внимания на эту, казалось бы, формальную деталь, везде писал названия частей страны в одной и той же последовательности, что и вызвало недовольство дипломатов.

В таких текстах политическую значимость могут приобретать и чисто грамматические особенности. В свое время Совет Безопасности ООН принял резолюцию, осуждающую агрессию Израиля, и потребовал вывода израильских войск «from the occupied Arab territories». И до сих пор не утихают споры о том, каково значение определенного артикля в этой фразе и насколько обоснованным был русский перевод (и соответствующая позиция советской дипломатии), трактующий ее как требование вывести войска «со всех оккупированных арабских территорий».

У меня за плечами несколько десятилетий работы в качестве письменного переводчика и переводчика-синхрониста, и я мог бы привести много примеров из собственного опыта, показывающих как малейшее отклонение от оригинала, казалось бы даже улучшающее перевод, может доставить неприятности переводчику. Ограничусь одним таким примером, о котором я часто вспоминаю.

На одной международной конференции в Стокгольме я сидел в кабине синхронного перевода и переводил на английский язык выступление члена советской делегации, епископа Ювеналия, который давал оценку предложенному проекту резолюции. Он говорил, что его делегация находит проект резолюции приемлемым, но считает необходимым заострить ее формулировки. Я перевожу его слова, и, когда он сказал, что «надо заострить», мне пришло на память идиоматическое английское выражение «to put more teeth into something», то есть «добавить чему-то зубов, сделать что-то более зубастым». Я решил, что это как раз то, что надо, и перевел: «The Soviet delegation finds the draft resolution acceptable but we believe that we should put more teeth into it». Перевел и сижу довольный собой: вот как я удачно и идиоматично передал смысл

этой части выступления оратора. Но как только епископ Ювеналий сошел с трибуны, на трибуну поднялся английский делегат и начал ему возражать, строя свои возражения на моих злосчастных зубах. Он говорил: «We can certainly put more teeth into anything, but we are not dentists, we have come here with other purposes etc.». Я перевожу его слова на русский язык и со страхом жду, что сейчас мой владыка встанет и скажет: «Побойтесь бога! Какие зубы? Я ничего подобного не говорил!» На мое счастье он либо не обратил на это внимания, либо решил не поднимать шума, и я отделался легким испугом и только лишний раз убедился, как опасно допускать отклонения от оригинала, даже ради большей идиоматичности перевода.

Другая отличительная черта современной переводческой деятельности заключается в большом количестве текстов технического (или шире: специального) характера, перевод которых требует от переводчика основательных познаний в соответствующей предметной области. В век научно-технической революции и сложных финансово-экономических отношений нередко даже в газетах и журналах, предназначенных для широкого читателя, можно встретить материалы, разобраться в которых будет нелегко и специалисту. А профессиональному переводчику приходится переводить сложнейшие тексты по ядерной физике, компьютерной технике, космической медицине и многим другим наукам и специальным областям. И при этом сам переводчик может иметь гуманитарное образование или техническую подготовку в совсем иной области. Понятно, что такие тексты ставят перед переводчиком очень трудные задачи и делают весьма вероятными терминологические и фактологические ляпсусы в переводе.

Конечно, с такими текстами более успешно справился бы переводчик, который одновременно был бы специалистом в соответствующей области. Идея передать все технические переводы «технарям» — инженерам и научным работникам — весьма заманчива, и ее неоднократно пытались осуществить в некоторых странах. Однако здесь возникли неожиданные трудности. И дело не только в том, что порой трудно найти квалифицированного физика, химика или биолога, свободно владеющего иностранным и родным языками и способного (и желающего) делать переводы, особенно на иностранный язык. Неожиданно оказалось, что такой идеальный переводчик, хорошо владея предметом и терминологией, допускает порой грубые смысловые ошибки в переводе там, где их никогда не сделал бы профессиональный переводчик даже в

совершенно незнакомой области. И как ни **парадоксально,** причина таких ошибок лежит в его глубоком знании предмета. Дело в **том,** что у такого специалиста часто отсутствует столь необходимое для переводчика уважение к оригиналу, и он подчас переводит не то, что там написано, а то, что, по его мнению, там должно быть. Представьте, что какой-то специалист по автоделу переводит с английского языка описание устройства двигателя внутреннего сгорания — Internal Combustion Engine. Он отлично знает, как устроен такой двигатель, и поэтому переводит, почти не глядя в оригинал. И если содержание оригинала полностью совпадает с его знаниями, он может дать отличный перевод. А вот если в исходном тексте есть что-то новое(и поэтому самое интересное), расходящееся с его привычными представлениями, он может в переводе «исправить оригинал», допуская серьезные искажения.

Психологическое **затруднение,** которое в подобных случаях возникает у **переводчика-«технаря»,** отчетливо выявляется в следующем эксперименте. Двум группам переводчиков был предложен для перевода на русский язык один и тот же английский технический текст. Одну группу составляли переводчики с гуманитарным образованием, другую — с образованием техническим. Предварительно экспериментатор внес в английский текст ряд изменений, делающих текст противоречащим известным законам физики. Так, например, если в тексте говорилось, что поверхность прибора окрашена в черный цвет, чтобы увеличить поглощение тепла, то экспериментатор вместо «black» поставил «white», и получилось, что для увеличения поглощения тепла прибор был окрашен в белый цвет — явное противоречие с известным свойством белого цвета отражать тепловые лучи.

Результаты эксперимента были весьма примечательны. У переводчиков-гуманитариев не возникло никаких проблем: если в оригинале стоит «white», то я перевожу «белый», а за фактическую сторону описания несет ответственность исключительно автор английского текста. И не дело переводчика его поправлять.

Переводчики-«технари» призадумались. Содержание текста явно противоречило тому, что они твердо знали. Как же тут быть? Некоторые из них все же перевели «white» как «белый», сопроводив свой перевод примечанием, что, очевидно, в оригинале допущена ошибка. Остальные же отважно перевели «white» как «черный» без всяких примечаний, исправив, таким образом, оригинал в соответствии со своими знаниями. Склонность к

подобным исправлениям, хотя и допустимым в некоторых случаях, может порой привести к серьезным искажениям оригинала.

Сказанное, разумеется, не означает, что технические знания могут быть помехой в работе профессионального переводчика. Напротив, чем шире его эрудиция в самых различных областях, в том числе и сугубо специальных, тем качественней будут его переводы. Поэтому подготовка будущих переводчиков включает элементы специализации, ознакомление с основными понятиями в области экономики, права, отдельных естественных наук. Как правило, для успешного перевода специального текста переводчику нет необходимости иметь соответствующее образование, ему достаточно такой степени ориентированности в предмете, которая позволила бы понимать терминологию и логику изложения. Вместе с тем многие учебные заведения, готовящие переводчиков, считают целесообразным обучать их одновременно и какой-либо другой специальности: экономиста, юриста, инженера и пр. Такая подготовка, несомненно, много дает будущим переводчикам. Однако еще более важно научить их самостоятельно готовиться к переводу сложного текста: знакомиться с проблематикой по энциклопедиям и техническим справочникам, составлять списки терминов, находить тексты с аналогичной тематикой на языке перевода и т.д.

Непосредственно связана с предыдущей и еще одна особенность переводческой деятельности в современном мире: большое тематическое разнообразие текстов, с которыми приходится иметь дело переводчику. Понятно, что переводчик легче достигает хороших результатов, если он переводит тексты из какой-то узкой, всесторонне знакомой ему области. Такая узкая специализация всегда желательна, и порой переводчикам удавалось выбирать самим, какие тексты они будут переводить, а от каких будут отказываться. Особенно в благоприятном положении находились в этом отношении художественные переводчики: они часто переводили только тех авторов, которые были им близки по духу и по творческой манере. Современному переводчику-профессионалу, как правило, узкая специализация недоступна, и ему приходится иметь дело с текстами самой разнообразной тематики. Даже если он занимается переводом в казалось бы узкой области, скажем, работает переводчиком на судостроительном заводе, все равно ему приходится переводить, помимо всевозможной технической и технологической информации, относящейся к судостроению, обширную документацию по экспортным операциям, кон-

тракты с зарубежными поставщиками, рекламные материалы и т.д. Иначе говоря, он будет заниматься техническим, экономическим, юридическим и многими другими видами перевода. Что же касается, например, переводчика, работающего в такой международной организации, как ООН, то ему постоянно приходится переключаться от одной тематической области к другой. Сегодня он переводит текст по ядерной радиации, завтра — по наркотикам, послезавтра — по морскому праву и т.д.

Чтобы продемонстрировать всю условность узкой специализации переводчика, приведу еще один пример из своей практики. В течение многих лет я участвовал в подготовке переводчиков для работы в системе ООН. Среди органов этой организации есть Европейское отделение ООН в Женеве, где переводчикам приходится переводить большое количество сложных специальных текстов. Там находится Экономическая комиссия ООН по Европе и ряд европейских объединений: по углю и стали, по сельскому хозяйству, по транспорту и др. И наши переводчики, большинство из которых получило гуманитарное образование, испытывали немалые трудности, переводя материалы этих организаций, требовавшие специальных знаний. Особенно много хлопот доставляли им тексты, связанные с железнодорожными перевозками. И руководство Службы переводов обратилось к нашим Курсам переводчиков ООН с просьбой подготовить для них переводчика, который имел бы образование инженера-железнодорожника. Нам было нелегко найти выпускника Московского института инженеров железнодорожного транспорта, способного в соответствии с требованиями ООН переводить на русский язык с двух иностранных языков. В конце концов нам удалось найти такого инженера, мы его в течение года подготовили для работы переводчиком в ООН и по окончании Курсов отправили в Женеву. Там ему очень обрадовались и сразу назначили руководителем группы переводчиков, занимавшихся переводами железнодорожных текстов. Спустя некоторое время приезжаю я в Женеву и иду во Дворец Наций проведать своих бывших учеников. Побеседовав с нашими переводчиками в нескольких кабинетах, я наконец зашел навестить и этого железнодорожника. В разговоре с ним я заметил, что ему, верно, легко работается, так как он переводит тексты по своей специальности. В ответ он, улыбаясь, показал мне текст, которым он в это время занимался. Текст был озаглавлен: «Химические средства борьбы с биологическими вредителями, наносящими ущерб сыпучим грузам при их перевозке по железной дороге». И вот сидит инженер-железнодорожник (кстати, специалист по

подвижному составу) и переводит «железнодорожный» текст, требующий знаний из целого ряда других областей.

Тематическое разнообразие переводимых текстов сопровождается и их стилистическим многообразием. С одной стороны, переводчику не только художественных, но и информативных текстов приходится иметь дело с текстами, письменными или устными, авторами которых являются выдающиеся мастера слова, изучавшие искусство красноречия в наиболее престижных университетах мира — в Кембридже, Оксфорде, Гарварде, Сорбонне, — пользующиеся богатыми ресурсами выразительных средств, свободно цитирующие высказывания известных философов, поэтов, исторических деятелей. Особенно неприятно для переводчика, когда подобные красоты стиля неожиданно возникают в речи оратора в процессе устного перевода, когда он, например, цитирует Шекспира или какой-нибудь популярный анекдот или детский стишок. Однажды мне пришлось работать переводчиком-синхронистом на одной международной конференции в Москве, посвященной организации различных банковских операций. Выступавшие зарубежные эксперты говорили терминологически сложным языком на достаточно сухие профессиональные темы. И вдруг один из ораторов, говоря о положении в России, заявил, что здесь существует «a Humpty-Dumpty situation». Это поставило переводчика перед необходимостью найти русское соответствие названию персонажа из известного английского детского стишка, который вряд ли был знаком присутствующим русским банкирам. Пришлось срочно вспоминать перевод этого стихотворения С.Маршаком, в котором Хампти-Дампти именуется Шалтай-Болтай. Но, переводя эту фразу как «ситуация Шалтая-Болтая», переводчик подумал, что, возможно, некоторые его слушатели не читали Маршака и не поймут, что речь идет о неисправимой ситуации (о разбившемся человечке-яйце). И он решился на «отсебятину»: быстро процитировал все четверостишие. Помните: «Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне. И вся королевская конница, и вся королевская рать не могут Шалтая-Болтая собрать». И хорошо сделал, поскольку в последующей дискуссии многие выступавшие упоминали Шалтая-Болтая.

С другой стороны, переводчику нередко приходится переводить плохо написанные и по форме, и по содержанию тексты, авторы которых малообразованы, не владеют литературным языком, не умеют логично излагать свои мысли. Различная техническая документация часто составляется непосредственно на предприятиях-изготовителях довольно

небрежно, и переводчику порой нелегко догадаться, что действительно имеет в виду автор текста.

Немалые трудности создает для переводчика и использование в оригинале вариантных и диалектальных форм языка, различных отклонений от литературной нормы, индивидуальных искажений и речевых ошибок. Во многих языках существуют территориальные различия разного вида, о которых мы уже говорили в предыдущей лекции и которые создают переводческие проблемы, особенно при восприятии устной речи (английский язык в Индии, Австралии, в южных штатах США, немецкий язык в Австрии, Швейцарии, Баварии и пр.)

Особо следует отметить случаи, когда автор оригинала говорит или пишет на неродном языке, которым он владеет далеко не в совершенстве. Такая ситуация обычно возникает на международных конференциях, где используются два — три рабочих языка, а участвуют представители многих стран. Выступающий на чужом языке участник конференции нередко искажает его под влиянием своего родного языка, нарушает нормы произношения, неправильно употребляет слова, грамматические формы и структуры. Переводчик, естественно, не воспроизводит в переводе такие искажения, но они могут затруднять понимание. Он должен сообразить, что, когда француз произносит по-английски странную фразу «I congratulate myself of your plan», он скалькировал французское «Je me felicite de votre plan», желая просто выразить одобрение. А когда невыговаривающий звук «l» японский делегат поздравляет председателя комитета «on your happy erection», он, разумеется, имеет в виду избрание на этот пост (election). Опытный переводчик исправляет подобные оговорки при переводе, хотя это требует дополнительных усилий. Однажды на одной международной медицинской конференции мне пришлось переводить выступление китайского врача, который, говоря по-английски, проглатывал окончания некоторых слов. Например, вместо часто встречавшегося в его речи термина «antibodies» он произносил «antibo». Понимая, что он имел в виду, я сначала правильно переводил его «antibo» как «антитела». Но к концу его выступления я, видимо, утратил бдительность, стал следовать его примеру, и когда он говорил «antibo», я произносил в переводе «антите». Аудитория никак не реагировала на такую «точность» перевода, но мои коллеги-переводчики долго о ней вспоминали.

В заключение отметим еще одну особенность современной переводческой деятельности — значительное число так называемый канонических переводов. Речь идет о том, что переводы многих ответственных документов часто получают своеобразный официальный статус, выступают в качестве единственного общепризнанного, «законного» представителя оригинала. И когда такой документ, полностью или частично, упоминается или цитируется, он не переводится заново, а используется уже существующий официальный перевод, даже если переводчик находит его не вполне удовлетворительным и хотел бы его улучшить. Такие официальные переводы могут существовать у уставов, резолюций и других материалов, публикуемых международными организациями, у выступлений известных государственных или общественных деятелей, дипломатических нот и деклараций и тому подобных документов. В таких случаях переводчику приходится порой тратить немало времени и усилий, чтобы отыскать официальный перевод и заимствовать из него необходимые формулировки. Аналогичные проблемы возникают и тогда, когда в оригинале цитируются официальные документы и выступления, сделанные ранее на языке перевода. Такие цитаты, естественно, приводятся в переводе на язык оригинала, и попытка обратного перевода вместо того, чтобы обратиться к первоисточнику, может окончиться весьма печально. Опасность такого непрофессионального поведения особенно велика, если переводчик сталкивается со скрытой цитатой, приводимой в тексте без указания на источник.

Все сказанное, разумеется, относится и к подобному цитированию в оригинале отрывков из художественных произведений на переводящем языке. В своей замечательной книге «Высокое искусство» Корней Иванович Чуковский приводит любопытный пример того, что может получиться при переводе неузнанной цитаты. В одной немецкой книге об экономическом положении Украины был напечатан в качестве эпиграфа отрывок из пушкинской «Полтавы». Помните у Пушкина:

«Богат и славен Кочубей, Его поля необозримы,
Там табуны его коней пасутся вольны, нехранимы.
Вокруг Полтавы хутора окружены его садами.
И много у него добра мехов, атласа, серебра и на виду,
и под замками».

Переводчик этой книги не догадался процитировать «Полтаву» по подлиннику и перевел пушкинские строки с немецкого языка на русский. Вот что у него получилось:

«Был Кочубей богат и горд, Его поля обширны были,
И очень много конских морд, мехов, сатина первый сорт
Его потребностям служили».

Как справедливо замечает Чуковский, если бы по этому переводу мы вздумали знакомиться с творчеством Пушкина, Пушкин явился бы нам дубиноголовым кретином.

В предыдущих лекциях мы уже говорили о том, что количественные и качественные изменения характера переводческой деятельности в современном мире вызвали необходимость в широких теоретических исследованиях этого феномена. В результате этих исследований была создана теория перевода, с основными положениями которой нам еще предстоит ознакомиться. Однако перед этим целесообразно дополнить рассмотрение исторической эволюции переводческой деятельности краткими сведениями об истории перевода в России.

Переводческая деятельность в России имеет богатую историю, начало которой было положено еще во времена Киевской Руси. Уже в 9-м веке на Руси в достаточно зрелой форме одновременно возникли письменность, литература и перевод. В 864 году греческие монахи Кирилл и Мефодий были посланы императором Византии для проповедования христианства среди славянских народов. Они начали свою деятельность с создания алфавита (именуемого до сих пор «кириллицей»), с помощью которого перевели с греческого на староцерковнославянский несколько религиозных текстов. Среди этих первых переводов были Новый Завет, Псалтырь и Молитвенник. После того, как в 988 году состоялось Крещение Руси, появилось множество переводов, которые должны были ознакомить новообращенных с философскими и этическими доктринами новой религии и с церковными обрядами и обычаями. Они включали тексты различных жанров, такие как Жития святых, Притчи, Хроники и т.п. Большой популярностью пользовались и апокрифы, повествовавшие о различных чудесах и фантастических происшествиях, некоторые из них уже напоминали то, что позднее назвали бы беллетристикой. Большинство таких переводов выполнялись в Болгарии, но имели хождение на Руси.

В то время как переводы религиозных текстов были обычно буквальными, появился и ряд переводов несколько иного характера и не столь рабски копировавшие оригинал. Здесь можно назвать такие книги, как «Житие Андрея Юродивого», «Пчела», «Космография», «Физиолог» и др. Серьезным достижением для своего времени был перевод книги Иосифа Флавия «Иудейская война», в котором переводчику удалось избежать многих недостатков буквализма.

Имя переводчика в этот ранний период никогда не указывалось, и нельзя было определить, сделан ли перевод в самой стране или за ее пределами.

Во время тяжелых лет Монгольского ига (1228—1480) переводы продолжали играть важную роль в культурной жизни страны. Были переведены другие части Библии, а многие прежние переводы были исправлены или выполнены заново. Наряду с религиозными текстами, появилось все больше нерелигиозных переводов, например: «Индийское царство», «Троянская война» и другие. Большинство переводов делалось с греческого языка, некоторые переводчики, по-видимому, использовали латинские и древнееврейские источники.

В этот период происходило постепенное формирование русского языка на основе старославянского (церковнославянского) языка и народных говоров. Однако религиозные тексты продолжали переводиться на церковнославянский, который стал употребляться исключительно во время церковных богослужений. В то же время контакты с другими странами вызывали необходимость в политических и деловых переводах, где все чаще использовался формирующийся русский язык. В непереводных текстах этого времени также можно обнаружить соединение старославянских и русских элементов.

В 16-м веке Москва окончательно превратилась в политический, а также в переводческий центр России. Переводы больше не были анонимными, а роль переводчиков в развитии языка и культуры начала получать общественное признание. В 1515 году московский Великий князь Василий III обратился с просьбой прислать в Москву какого-нибудь ученого переводчика из греческого монастыря. Такой переводчик прибыл в Москву в 1516 году в составе греческого посольства и стал известен под именем Максим Грек. В течение всей своей жизни (он умер в 1555 или в 1556 году) Максим Грек занимался переводами, в основном, религиозных книг, а также некоторых нерелигиозных текстов, вносил исправления в прежние переводы и сопровождал их комментариями. Сначала он не знал ни русского, ни старославянского языка, и его переводы делались в два этапа: сперва он переводил с греческого на латинский, а затем его помощники переводили с латинского на

старославянский. Исправляя старые переводы, он нередко нарушал устоявшиеся традиции, что навлекло на него обвинения в ереси и кощунстве. Максим Грек был плодовитым писателем, педагогом и философом. В его писаниях можно найти много замечаний об искусстве перевода — первые дошедшие до нас размышления по этому поводу в России. Максим Грек настаивал на необходимости тщательно анализировать оригинал, чтобы обнаружить все нюансы и аллегории в его содержании. А для этого переводчик должен не только знать язык, но и обладать широкими филологическими познаниями и проделать большую подготовительную работу. Свои предписания Максим Грек подкреплял многочисленными замечаниями о лексике, ритмической организации и фонетических особенностях греческого текста, которые должны быть отражены в переводе. Его вкладом в русскую филологию стал словарь «Имена, истолкованные в алфавитном порядке», где разбирались, в основном, греческие имена, а также некоторые латинские и древнееврейские.

Хотя в России уже начали понимать, что переводчик должен в совершенстве владеть двумя языками и обладать обширными энциклопедическими знаниями, большинство переводчиков-практиков не были достаточно образованы, и их переводы оставляли желать много лучшего.

От 17-го века до нас дошло уже больше имен переводчиков и большее число переводов, главным образом, нерелигиозных материалов. Тематика научных переводов включала вопросы астрономии и астрологии, арифметики и геометрии, анатомии и медицины и описания различных животных. Некоторые переводы можно отнести к разряду беллетристики. В этот период впервые в помощь переводчику были созданы двуязычные словари: латино-греко-славянский, русско-латино-шведский и некоторые другие.

Переводчиков того времени можно разделить на четыре категории. Во-первых, в различных ведомствах трудились штатные переводчики, главным образом, иностранцы — поляки, немцы, голландцы — или выходцы из западных или южных областей России. Обычно они неплохо знали классические языки или польский, но слабо разбирались в русском и старославянском. Вероятно, им помогали писцы, которые записывали и исправляли их переводы.

Во-вторых, была небольшая группа ученых монахов, которые переводили только религиозные тексты с латинского и греческого языков. Среди них наиболее известны такие имена, как Епифаний, Славинецкий, Арсений Грек и Дионисий Грек.

Членов третьей, наиболее многочисленной группы можно назвать переводчиками по-совместительству, которые более или менее случайно выполняли один-два перевода.

И, наконец, было несколько переводчиков, занимавшихся этим делом из любви к искусству и самостоятельно выбиравшие тексты для перевода. Среди них были и приближенные царя: Андрей Матвеев, Богданов, князь Кропоткин.

Решающий вклад в развитие переводческой деятельности в России внес 18-й век. Политические реформы Петра I значительно расширили экономические и культурные контакты Москвы с европейскими странами, создав потребность в многочисленных переводах научно-технических текстов, равно как и произведений художественной литературы. Теперь к переводам стали предъявлять более высокие качественные требования. Царь Петр издал специальный указ о переводах, требуя «внятной» передачи переводимого содержания. В этот период начала складываться литературная норма русского языка, и многие образованные люди видели в переводах средство обогащения своего языка, увеличения его семантического и экспрессивного потенциала.

Выдающаяся роль в этом процессе принадлежала великому русскому ученому и поэту Михаилу Ломоносову. Ломоносов и его талантливые современники Сумароков и Тредьяковский создали большое число преимущественно поэтических переводов. Они часто сопровождали свои переводы теоретическими рассуждениями, объясняя, почему надо было перевести именно так, а не иначе, подчеркивая особую важность переводческого труда, его творческий характер.

На этом новом этапе развитие переводческой деятельности характеризовалось тремя основными особенностями. Во-первых, эта деятельность приобрела новые организационные формы. Так, в Иностранной Коллегии царя Петра имелась группа переводчиков, а в 1735 году при Петербургской Академии Наук была создана «Русская ассамблея» — первая профессиональная организация переводчиков. В ее работе принимали активное участие Ломоносов, Тредьяковский и некоторые другие члены Академии. Ассамблея занималась отбором книг для перевода, вырабатывала правила и принципы, которыми должны были руководствоваться переводчики, критически оценивала выполненную работу. Она также готовила будущих переводчиков: при Академии была создана школа иностранных языков, выпускники которой становились официальными

переводчиками. Считалось, что переводчик должен был уметь переводить, по меньшей мере, с трех иностранных языков: латинского, немецкого и французского. Академия также отправляла студентов за границу, чтобы изучать «языки и науки», проводила экзамены для проверки профессиональной подготовки переводчиков, старалась повысить общественный интерес к переводческому труду. В 1748 году президент Академии опубликовал повеление царицы Елизаветы больше переводить нерелигиозные (гражданские) книги. Позже канцелярия Академии обратилась с призывом к «дворянам и людям других сословий» заниматься переводами. Именно в это время переводчики стали регулярно получать вознаграждение за свою работу.

Второй особенностью рассматриваемого периода было изменение характера переводимых книг. В начале столетия к переводам классической литературы добавилось большое число прагматических переводов, столь необходимых для века реформ. Одновременно изменилось и соотношение языков, с которых делались переводы: все больше стали преобладать такие современные языки, как французский, немецкий, английский, в то время как польский утратил свою популярность.

Позднее «технические» переводы уступили первенство переводам литературным. Реформы сопровождались ростом культурных запросов общества, которые не мог удовлетворить уровень отечественной литературы, И литературные переводы должны были восполнить этот пробел, удовлетворить важную социально-культурную потребность. Теперь переводчики считали свой труд служением своей стране и подчеркивали его значимость в многочисленных предисловиях к своим переводам. Они видели свою задачу в том, чтобы просвещать соотечественников, улучшать нравы, создавать новую русскую литературу. С этого времени литературный (или художественный) перевод приобрел в русской культуре высокий статус.

Это новое осознание социальной значимости перевода составляет третью характерную особенность данного периода. Перевод стал рассматриваться как вид творчества, столь же заслуживающий уважение, как создание оригинальных художественных произведений. Переводчик выступал в роли соперника автора оригинала, а порой он ставил перед собой более честолюбивую цель и стремился превзойти оригинал по художественным достоинствам.

В 18-м веке появился поэтический перевод, который впоследствии занял в России особо почетное место. Так, Тредьяковский завоевал всеобщее признание благодаря своему переводу романа П.Тальмана «Путешествие на остров любви», куда он включил много стихов, успешно переведенных русскими ритмами. Менее известны, но не менее примечательны переводы А.Кантемира «Посланий» Горация и других поэтических произведений с латинского и французского языка. Особенно многочисленны и многообразны были переводы Ломоносова, выполненные с латинского, немецкого, французского и греческого языков. В них он проявил замечательное умение, как достигать эквилинеарности, так и создавать свободные версии оригиналов. Ломоносов уделял большое внимание передаче ритмической организации оригинала, используя различные формы ямбов и хореев в качестве эквивалента александрийскому стиху французских эпосов и гекзаметру греческих трагедий. Поскольку русская поэзия в это время только формировалась и основывалась на силлабическом стихосложении, новаторство Ломоносова обогащало ее ресурсы, создавало новые нормы и традиции в использовании поэтических жанров и метрических систем.

Золотым веком русского перевода стал век девятнадцатый. Если в предыдущем столетии перевод превратился в особый вид профессиональной деятельности, то в 19-м веке эта деятельность была возведена в ранг высокого искусства. Новая русская школа перевода начала формироваться благодаря, в первую очередь, выдающемуся вкладу таких известных деятелей культуры, как историк А.Карамзин и поэт В.Жуковский.

В конце 18-го — начале 19-го века Карамзин опубликовал в разных журналах большое число переводов. Он видел в переводах хорошую школу для улучшения стиля писателя, а также ценный источник информации, как он говорил, «из любопытства, для исторических фактов, для женщин, для новых журналов или из малоизвестных книг». Поражает широта переводческих интересов Карамзина: он переводил труды классических и современных авторов с греческого, французского, латинского, немецкого, английского, итальянского и некоторых восточных языков.

Жуковского Пушкин называл «гением перевода». Он был талантливым поэтом, но значительную часть его творчества составляли переводы. Жуковский переводил с английского, французского, старославянского, латинского и немецкого языков. Благодаря ему русские читатели получили доступ ко многим произведениям Шиллера, Гете, Байрона, Вальтера Скотта и других корифеев мировой литературы. Диапазон его

творческих поисков поистине поразителен: от переводов сказок Шарля Перро и братьев Гримм до «Одиссеи» Гомера и знаменитого русского эпоса «Слово о полку Игореве». Жуковский был одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности.

Так же, как и Карамзин, Жуковский был сторонником вольного перевода, который порой превращался в парафраз или даже в подражание, новый текст по мотивам оригинала. Иногда он мог перенести место действия в Россию, дать героям оригинала русские имена и т.п. Однако его могучий талант позволял ему с необычайной силой воспроизводить стиль, ритм и интонацию иностранного стиха, а его лучшие переводы отличаются изумительной точностью. Русская школа перевода во многом обязана Жуковскому своими достижениями.

Почетное место в истории перевода в России принадлежит двум великим русским поэтам А.С.Пушкину и М.Ю.Лермонтову. Хотя в их творчестве переводы занимали сравнительно скромное место, они внесли значительный вклад в повышение качества художественных переводов в России. В поэтических парафразах и подражаниях они сумели воспроизвести наиболее важные особенности иностранной поэзии, но самое главное — их творения были замечательными произведениями искусства, не уступающими их оригинальным шедеврам. Их переводы-парафразы послужили образцовыми примерами для других переводчиков, поскольку они утверждали главный принцип, что хороший художественный перевод должен быть неотъемлемой частью национальной литературы на языке перевода. Особо следует подчеркнуть роль Пушкина в развитии русской школы перевода. Пушкин постоянно проявлял большой интерес к переводческой проблематике, и его критические заметки о переводах отличаются объективностью и глубиной. Он подчеркивал важность правильного отбора литературных произведений для перевода, а его требования верности оригиналу в сочетании с высоким качеством и выразительностью литературного стиля переводчика оказали благотворное влияние на лучших переводчиков России в 19-м и 20-м веках.

Хотя в этот период большинство переводчиков ратовало за вольный перевод, некоторые из них продолжали настаивать на максимальной близости перевода к оригиналу, на крайнем буквализме даже в ущерб смыслу и понятности. Среди них были и такие известные литераторы, как П.Вяземский, Н.Гнедич, А.Фет, которые много переводили с разных языков. Правда, они сами не всегда придерживались провозглашаемых ими принципов. Порой талант и художественная интуиция переводчика преодолевали барьеры буквализма. Переводы Вяземского произведений Констана и Мицкевича не лишены литературных достоинств, а работы Гнедича, особенно перевод «Илиады» Гомера, высоко оценивал Пушкин. Крайний формализм Фета обрек на неудачу большинство его переводов, но и в них можно обнаружить немало удачных решений.

Вольные переводы использовались для пропаганды демократических идей вопреки официальной цензуре. Такие переводчики, как В.Курочкин, Д.Минаев, М.Михайлов и некоторые другие, достигали этой цели путем подбора соответствующих текстов для перевода или путем внесения незаметных изменений в текст перевода, вызывавших ассоциации с российской действительностью того времени. Использование перевода в качестве орудия диссидентства стало традицией в русской истории.

После Октябрьской революции 1917 года в России произошел новый подъем переводческой деятельности. По инициативе М.Горького было сразу же создано новое издательство «Всемирная литература», поставившее перед собой грандиозную цель: издать новые или исправленные переводы всех крупных произведений как западных, так и восточных литератур. Несмотря на огромные материальные и организационные трудности, это издательство сумело в течение последующих десятилетий опубликовать переводы книг многих выдающихся писателей и поэтов — Бальзака, Анатоля Франса, Стендаля, Гейне, Шиллера, Байрона, Диккенса, Б.Шоу, Марка Твена и многих, многих других.

Большое число переводов было также издано в 30-е годы и позднее другими общесоюзными и местными издательствами. В этой работе приняли участие выдающиеся ученые и литераторы, которые подняли искусство перевода на новый высокий уровень. Заслуженную известность приобрела целая плеяда талантливых переводчиков, и имена таких мастеров перевода, как М.Лозинский, Т.Щепкина-Куперник, С.Маршак, Н.Любимов, Е.Калашникова и многие другие пользовались заслуженным уважением в Советском Союзе и за рубежом.

Растущим масштабам переводческой деятельности в немалой степени способствовало то, что Советский Союз был страной многонациональной. В стране происходил широкий обмен произведениями литератур населявших ее народов. Русские читатели получили возможность познакомиться с замечательными эпосами грузинского, армянского, узбекского, казахского, азербайджанского и других народов. Большой вклад

в эту работу внесли известные русские писатели и поэты Лев Гинзбург, Борис Пастернак, Николай Тихонов и другие.

Мы уже говорили о том, что во второй половине 20-го столетия произошли количественные и качественные изменения в переводческой деятельности во всем мире, в том числе, разумеется, и в России. И здесь резко возросла потребность в информативных (нехудожественных) переводах в социальной, политической, деловой и научно-технической сферах. Профессия переводчика стала массовой, а увеличение масштабов переводческой деятельности сопровождалось и организационными изменениями. Появилось большое число переводческих служб и отделов в штатах государственных учреждений и промышленных предприятий. Многие переводчики занимали штатные должности, другие работали на договорной основе. Наряду с информативными переводами продолжали издаваться большими тиражами и переводы литературных произведений. Учитывая масштабы переводческой деятельности и общее высокое качество переводов, были все основания считать Советский Союз великой переводческой державой.

Для удовлетворения растущего спроса на профессиональных переводчиков в стране была создана сеть соответствующих учебных заведений. В ряде институтов иностранных языков открылись переводческие факультеты и отделения, переводчиков стали готовить в университетах и в некоторых технических вузах. Многие вузы организовывали для своих студентов занятия по переводу в дополнение к их основной специальности.

Переводчиков художественной литературы готовили в Литературном институте имени М.Горького при Союзе писателей СССР, в основном, для переводов с языков народов Советского Союза.

Многогранная деятельность советских переводчиков получила широкое общественное признание. Многие журналы регулярно печатали переводы с разных языков, а также критические статьи с разбором успехов и неудач в работах переводчиков.

После распада Советского Союза характер переводческой деятельности и ситуация на рынке существенно изменились. С одной стороны, государственные издательства, занимавшиеся переводами, перестали финансироваться, резко сократили выпуск продукции или вообще прекратили свое существование. С другой стороны, была ликвидирована цензура и стали переводить произведения, бывшие ранее под запретом по идеологическим или моральным соображениям. Возникло множество частных издательств, цены на книги возросли, качество переводов, в целом, снизилось. Рынок был наводнен переводами книг, предназначенных для «легкого» чтения: детективных, эротических, порнографических и т.п.

Новая ситуация по-разному отразилась на переводчиках. Большая часть переводов стала выполняться с английского языка и относительно хорошо оплачивалась. Однако спрос на переводчиков английского языка побудил заняться переводами многих непрофессионалов, что привело к появлению на рынке откровенно слабых переводов. Новые издатели стремятся как можно скорее выпускать новые переводы, чтобы опередить конкурентов, и не заботятся о создании переводческих шедевров.

По-разному обеспечивается вознаграждение переводческого труда. Хорошо оплачиваются переводчики английского и немецкого языков, работающие в различных коммерческих фирмах и совместных предприятиях. Напротив, переводчики с других языков оказались в тяжелом положении и с трудом находят работу. Особенно пострадали переводчики с языков ограниченного распространения, прежде имевшие твердый заработок, находясь в штатах государственных издательств.

Несмотря на указанные трудности, переводческая деятельность в России в конце 20-го столетия сохраняет свои масштабы и социальную значимость. Продолжается подготовка переводчиков в учебных заведениях, создаются профессиональные объединения переводчиков, готовятся законодательные акты, регламентирующие переводческий труд. Российские ученые, внесшие большой вклад в создание науки о переводе, продолжают исследования в этой важной области человеческой деятельности.

РАЗДЕЛ 2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Как это часто имело место и в других областях человеческой деятельности, переводческая практика значительно опередила теорию перевода. Перевод возник в связи с общественной потребностью в нем, и переводчики делали свое дело более или менее успешно, не дожидаясь, пока какой-нибудь теоретик объяснит им, как они это делают или что такое «перевод». Отсутствие теоретических работ в области перевода и самой науки в рамках которой они могли появиться, не означало, конечно, что никто не пытался размышлять о сущности, цели и способах

осуществления переводческой деятельности. В своей работе переводчик постоянно сталкивался с необходимостью выбирать между различными вариантами перевода, решать, что в переводимом тексте является наиболее важным и должно быть обязательно передано, отдавать предпочтение тому или иному способу преодоления возникающих трудностей. Хотя в большинстве случаев такой выбор делался интуитивно, все же порой переводчик пытался осмыслить и объяснить свои предпочтения. Нередко такие предпочтения формулировались в виде «принципов перевода», которые переводчик излагал в предисловии к своей работе, либо отстаивал позднее, часто в ответ на критические замечания в свой адрес.

Таким образом, первыми теоретиками перевода были сами переводчики, стремившиеся обобщить свой собственный опыт, а иногда и опыт своих собратьев по профессии. Понятно, что с изложением своего «переводческого кредо» выступали наиболее выдающиеся переводчики всех времен, и хотя высказываемые ими соображения не отвечали современным требованиям научности и доказательности и не складывались в последовательные теоретические концепции, все же целый ряд таких соображений и сегодня представляет несомненный интерес.

Так, еще переводчики античного мира широко обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу. В ранних переводах Библии или других произведений, считавшихся священными или образцовыми, преобладало стремление буквального **копирования** оригинала, приводившее порой к неясности или даже полной непонятности перевода. Поэтому позднее некоторые переводчики пытались теоретически обосновать право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, необходимость воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, «очарование» оригинала. Уже в этих первых высказываниях о целях, которые должен ставить перед собой переводчик, можно увидеть начало теоретических споров нашего времени о допустимости «буквального» или «вольного» перевода, о необходимости сохранить в переводе то же воздействие на читателя, которым обладает оригинал, и т.п.

Позднее отдельные переводчики пытались сформулировать некоторое подобие «нормативной теории перевода», излагая ряд требований, которым должен был отвечать хороший перевод или хороший переводчик. Французский гуманист, поэт и переводчик Этьен Доле (1509—1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода: 1) он должен в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого переводит; 2) он должен в совершенстве владеть языком, с которого он переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит; 3) он должен избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы; 4) он должен использовать в переводе общеупотребительные формы речи; 5) правильно выбирая и располагая слова, он должен передать общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности». В 1790 г. в книге англичанина А.Тайтлера «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; *3)* перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения. Подобные требования не утратили своей значимости, хотя и кажутся нам сегодня самоочевидными.

Высказывания переводчиков по поводу принципов, которыми они руководствуются в своей работе, представляют несомненный интерес и внимательно изучаются исследователями перевода, но они не составляют сколько-нибудь последовательной теории перевода и не могут заменить такую теорию. Выдвигаемые в таких высказываниях принципы и рекомендации выводились из переводческой практики и сами по себе неоспоримы, но поскольку они не основывались на какой-либо научной теории, раскрывающей сущность переводческой деятельности, они обычно затрагивали лишь частные или поверхностные аспекты перевода. Фактам, на основании которых выводился тот или иной принцип, не трудно было противопоставить другие факты, подтверждавшие прямо противоположный принцип. Английский исследователь Т.Сэвори, попытавшись свести воедино основные требования, предъявляемые к переводу различными авторами, получил любопытный список, где рядом помещены взаимно исключающие принципы:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинал.
4. Перевод должен читаться, как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу.

8. Перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.
11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме.

Первые попытки обосновать необходимость научного осмысления переводческой деятельности вызвали резкие возражения со стороны самих переводчиков, усматривавших в них стремление ограничить свободу творчества переводчика, выработать какие-то нормы и правила, которым переводчик должен будет подчиняться. Теория или наука о переводе воспринималась ими как нечто, в корне противоположное и даже враждебное искусству перевода. Подразумевалось, что теория перевода — это свод правил, претендующих на то, что, изучив их, любой человек может стать отличным переводчиком. А такую претензию переводчики-профессионалы считали и ненужной и неоправданной. Они указывали, что талантливые переводчики создавали и создают шедевры перевода, не имея понятия о какой-либо теории перевода и не нуждаясь в ней. Да и вообще никакая наука о переводе невозможна, поскольку перевод — это искусство, недоступное для научного членения и анализа.

Подобные возражения против научного изучения переводческой деятельности были явно основаны на недоразумении. Литературная деятельность — это, ведь, несомненно, творчество, но на этом основании нельзя отказывать в праве на существование такой науке, как литературоведение. Тезис «перевод — это не наука, а искусство», который часто выдвигался переводчиками, сформулирован явно некорректно. Как и любая другая практическая деятельность, перевод, естественно, не может быть «наукой», то есть теоретическим описанием себя самого. Теория перевода и переводческая практика — это разные, хотя и взаимосвязанные понятия.

А что означает утверждение, что перевод — это искусство? То, что обычно называют искусством перевода, относится к области психологии переводчика, к его умению осуществлять переводческий процесс, создавать полноценный текст перевода, делать правильный выбор языковых средств, учитывая всю совокупность факторов, влияющих на ход и результат перевода. Отдельные переводчики в разной степени обладают этим умением, и учет подобных факторов происходит во многом

интуитивно, в результате творческого акта. Высокая степень такого творческого умения вполне заслуживает названия искусства. Творческий характер переводческой деятельности не означает, разумеется, что сама эта деятельность или воздействующие на нее факторы не могут стать объектом научного анализа и теоретического описания. Понятие «искусство перевода» относится к умению создавать текст перевода, а не к изучению сущности этого процесса. Трудность такого изучения, как и теоретического исследования любых видов мыслительной и речевой деятельности, ни в коей степени не ставит под сомнение его принципиальную возможность и необходимость.

Теория перевода непосредственно связана с переводческой практикой. Любые теоретические концепции должны опираться на описание наблюдаемых фактов реального процесса перевода, обобщать и объяснять эти факты. В свою очередь, научная теория перевода оказывает обратное влияние на переводческую практику, облегчая и обогащая ее. Это, разумеется не означает, что любое теоретическое исследование должно обязательно иметь непосредственный «выход» в практику, что любые теоретические концепции могут быть прямо использованы переводчиком в его работе. Связь теории и практики перевода может носить и более сложный, опосредованный характер. Всякое расширение наших знаний о процессах объективной действительности имеет несомненную ценность, но далеко не всякое знание может быть тотчас же использовано для управления этими процессами. Прежде чем ответить на вопрос, «как надо переводить», теория перевода должна была изучить вопрос о том, «что значит переводить». Незначительная эвристическая ценность первых попыток сформулировать общие принципы перевода и объяснялась, главным образом, тем, что они не были основаны на тщательном изучении фактического материала и подчас подменяли «то, что есть», тем, что, по мнению того или иного автора, «должно было быть».

Как мы уже знаем основы современного переводоведения стали разрабатываться к середине двадцатого столетия, когда переводческая проблематика привлекла внимание языковедов. Сомнения в возможности изучать перевод лингвистическими методами рассеялись, как только языковеды начали рассматривать это явление не только как результат индивидуального творчества переводчика, но и как особый вид речевой деятельности, в ходе которой единицы языка перевода выбираются в определенной зависимости от языковых единиц, использованных в ори-

гинале. Поэтому, как и в любом лингвистическом исследовании, исследователи перевода занимались теперь не формулированием правил, которым должен следовать переводчик, а изучением соотношения языковых и речевых единиц двух языков, устанавливаемого в процессе перевода. «Полевым материалом» для исследования служат тексты оригинала и перевода, сопоставление которых дает объективные фактические данные для последующих теоретических обобщений. Таким образом, изучение перевода ставит своей целью, в первую очередь, описание реальных переводческих фактов, то есть носит дескриптивный, а не прескриптивный характер. Выяснив действительное соотношение единиц двух языков, возникающее в процессе перевода, теория перевода может затем вырабатывать рекомендации о том, какие методы целесообразно использовать переводчику, чтобы обеспечить правильный выбор варианта перевода.

Современная теория перевода исходит из того, что одним из важных видов вербальной коммуникации является обмен информацией между людьми, говорящими на разных языках и принадлежащими к разным культурам. Такая межъязыковая (или двуязычная) коммуникация может осуществляться лишь при участии посредника (человека или компьютерной программы), который способен воспринимать сообщение в письменной или устной форме на одном языке и воспроизводить его средствами другого языка. Такое языковое посредничество может осуществляться разными способами, главным из которых является перевод. Перевод отличается от других видов языкового посредничества (реферата, аннотации, пересказа, резюме), в первую очередь, особой функцией — служить полноправной заменой исходного сообщения (оригинала). Само намерение выполнить перевод означает постановку задачи создания подобного репрезентанта оригинала, и пользующиеся переводом (его рецепторы или реципиенты) исходят из предположения, что текст перевода и содержательно, и структурно адекватно воспроизводит оригинал. Они используют перевод так, как будто это и есть оригинал: цитируют по переводу оригинал, высказывают суждения о содержании оригинала, оценивают его язык и стиль. Отождествление перевода с оригиналом происходит независимо от реальной близости этих двух текстов, поскольку рецепторы перевода, как правило, не могут оценить степень этой близости, не имея доступа к иноязычному оригиналу. Эффективность межъязыковой коммуникации предполагает значительную степень

точности перевода, но в реальной переводческой практике это требование выполняется в разной мере в зависимости от многих объективных и субъективных факторов.

Перевод может осуществляться как в письменной, так и в устной форме. Письменный перевод — это вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться, углубляя свое понимание оригинала и корректируя избранные варианты перевода. Подобная ситуация позволяет добиваться большой точности воспроизведения оригинала, давая возможность переводчику использовать различные словари и справочники, обращаться за помощью к специалистам, тщательно редактировать перевод. При устном переводе оригинал и перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его озвучивания. Устный перевод может выполняться последовательно — вслед за произнесением оратором своего выступления или какой-то его части — или синхронно, то есть одновременно с речью оратора. Особым видом устного перевода является перевод беседы или двусторонний перевод, когда переводчик попеременно использует каждый из языков в качестве языка перевода. Существуют также смешанные виды перевода: устный перевод письменного текста («перевод с листа») и письменный перевод магнитофонной записи устного выступления.

Мы уже отмечали, что на протяжении всей истории переводы выполняли важные социальные функции, делая возможным межъязыковое общение людей и народов. Без переводческой деятельности было бы невозможным существование огромных империй, распространение религиозных и социальных учений, международная торговля и сотрудничество. Распространение переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение языков и культур. Переводы и переводчики делают возможными международные контакты в политической, коммерческой, научно-технической и других областях, без которых немыслимо существование современного человечества. Многие народы обязаны переводам формированием и развитием своих языков, литератур и культур. И в настоящее время роль переводческой деятельности продолжает

возрастать. Обо всем этом мы подробно говорили в предыдущих лекциях, но я хотел бы еще раз подчеркнуть общественную значимость профессии переводчика.

Перевод и другие виды языкового посредничества составляют предмет изучения науки о переводе — **переводоведения.** Как всякая научная дисциплина, переводоведение имеет теоретические и прикладные аспекты. Теоретическое переводоведение включает общую, частные и специальные теории перевода. Общая теория перевода — это часть теории перевода, изучающая наиболее общие закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, вида переводческой деятельности, условий и способов осуществления конкретного перевода. Задача общей теории перевода заключается прежде всего в исследовании тех конституирующих факторов, которые лежат в основе всех многообразных актов перевода, позволяя их относить к единому виду человеческой деятельности. Частные теории перевода изучают переводческую проблематику, связанную с взаимодействием в процессе перевода конкретной пары языков. Специальные теории перевода занимаются изучением особенностей отдельных видов перевода, их классификацией в зависимости от типов переводимых текстов и специфических требований, предъявляемых к переводам каждого типа. Прикладное переводоведение охватывает практические аспекты переводческой деятельности: лексикографическое обеспечение работы переводчика, организация подготовки будущих переводчиков и разработка программ и методики их обучения, разработка программ машинного перевода, подготовка банков данных и технического оснащения рабочего места переводчика, проблемы профессионального статуса и оплаты труда переводчика и т.д.

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу. Вопреки презумпции их идентичности, которая лежит в основе использования рецепторами текста перевода в качестве полноправного репрезентанта оригинала, языковые и культурные различия приводят к нетождественности этих текстов. Коммуникативное приравнивание разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями. Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноценное воспроизведение других, коммуникативно

более значимых его частей. В связи с этим одним из центральных понятий теории перевода является понятие «эквивалентность перевода», которое обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества. Различается теоретически возможная эквивалентность, определяемая соотношением структур и правил функционирования двух языков, и оптимальная — близость, достигаемая в конкретном акте перевода. И в том, и в другом случае эквивалентность не представляет собой фиксированную величину: степень близости перевода и оригинала может **быть** различной и эквивалентность перевода устанавливается на разных уровнях. Иначе говоря, существуют разные типы эквивалентности, различающиеся по степени близости двух текстов.

Степень эквивалентности может быть достаточно объективно определена путем сопоставления текста перевода с оригиналом, и она служит одним из критериев при оценке результатов переводческого процесса. Однако, в целом, такая оценка выводится на основе целого ряда факторов. В ряде случаев для успеха межъязыковой коммуникации достижение максимальной эквивалентности оказывается необязательным, а иногда даже нежелательным. Это вызвало необходимость в введении оценочного термина «адекватность перевода», обозначающего соответствие перевода требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации. В соответствии со значениями терминов «эквивалентность» и «адекватность» адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, но эквивалентный перевод может и не **быть** адекватным.

Оценочный характер часто носят и широко применяемые термины «буквальный перевод» и «свободный (вольный) перевод». Под буквальным понимается перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего либо нарушаются нормы языка перевода, либо оказывается искаженным (или не переданным) действительное содержание оригинала. Свободный перевод — это перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно было бы достичь при данных условиях переводческого акта, то есть недостаточно точный, слишком «вольный». Как видно из определений, оба термина указывают на неадекватность перевода. Вместе с тем бывают случаи, когда допустимым оказывается как буквальный перевод (например, при составлении глоссы или **подстрочника),** так и свободный перевод (например, для достижения максимального художественно-эстетического эффекта в литературном переводе).

Соотношение эквивалентности и адекватности в каждом акте перевода определяется выбором стратегии, который переводчик делает на основе учета ряда факторов, составляющих переводческую ситуацию. Из числа этих факторов наибольшее значение имеет цель перевода, тип переводимого текста и характер предполагаемого рецептора перевода.

Осуществляя межъязыковую коммуникацию, переводчик может ставить перед собой различные цели, стремиться достичь определенных результатов. В основном, эти результаты можно свести к четырем группам. Во-первых, задача переводчика может заключаться в обеспечении адекватного понимания рецептором передаваемой информации. Во-вторых, переводчик может стремиться добиться определенного коммуникативного эффекта, создать у рецептора желаемое эмоциональное отношение к передаваемой информации, вызвать у него соответствующие ассоциации. В-третьих, переводчик может поставить перед собой цель побудить рецептора к каким-то конкретным действиям, вызвать у него определенную практическую реакцию. И, наконец, переводчик может использовать свой перевод с целью достижения какого-то «экстрапереводческого» результата, решения каких-то идеологических, политических или бытовых задач, не имеющих ничего общего с адекватным воспроизведением оригинала. И в каждом переводе переводчик может преследовать одну или несколько подобных целей. И каждая из них может потребовать особой прагматической адаптации текста перевода, возможного отказа от максимальной эквивалентности.

Очевидна зависимость стратегии переводчика от типа переводимого текста. Несомненно перевод художественного романа и перевод технической инструкции требуют разного подхода, разного уровня эквивалентности и разной квалификации переводчика. Выбор стратегии основывается на классификации видов перевода, и переводчик нередко специализируется на переводах определенного вида.

Прежде всего выделяются два основных функциональных вида перевода: художественный (литературный) перевод и информативный (нелитературный) перевод. Художественный перевод — это перевод произведений художественной литературы. Основная задача переводчика в этом виде перевода — передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать полноценный художественный текст на языке перевода. Ради достижения этой главной цели переводчик более свободен в выборе средств, жертвуя отдельными деталями переводимого текста. Информативным переводом называется перевод текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на читателя. К таким текстам относятся все материалы научного, делового, общественно-политического, бытового и тому подобного характера. Основная задача переводчика таких текстов — наиболее полная передача содержащейся в них информации, достижение максимально возможной эквивалентности. Деление на художественный и информативный перевод указывает лишь на основную функцию оригинала, которая должна быть воспроизведена в переводе, фактически же в оригинале, требующем, в целом, художественного перевода, могут быть отдельные части, выполняющие исключительно информационные функции, и, напротив в переводе информативного текста могут быть элементы художественного перевода. В каждом из этих основных видов перевода выделяются более мелкие подвиды со своими особенностями, влияющими на выбор переводческой стратегии.

Значительное влияние на ход и результат переводческого процесса оказывает и характер предполагаемого рецептора перевода. Межъязыковая коммуникация может быть эффективной лишь при условии, что перевод будет должным образом понят и воспринят теми, для кого он предназначен. Переводчик выбирает варианты перевода с учетом знаний и требований предполагаемых рецепторов. В основном, у переводчика имеется выбор между двумя возможностями. Перевод может быть предназначен для определенной группы людей или даже для конкретного рецептора, и переводчик ориентируется на их опыт, знания, возраст, социальный или профессиональный статус. Так, перевод может осуществляться для определенной группы технических специалистов, для детских читателей или для руководителя политической организации или коммерческой фирмы. При этом переводчик должен хорошо знать особенности будущих читателей его перевода. В других случаях перевод не имеет точного адресата, и переводчик ориентируется на так называемого «усредненного рецептора» — предполагаемого типичного представителя культуры языка перевода, который обладает знаниями и представлениями, общими для большинства членов языкового коллектива.

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом зависит от языковой и коммуникативной компетенции переводчика, его умения правильно выбрать и последовательно осуществить переводческую стратегию с учетом многочисленных факторов, влияющих на этот сложный

вид человеческой деятельности, и особенностей конкретного акта перевода. Значение переводческой деятельности в современном мире постоянно возрастает, и ее изучение и совершенствование — важная социальная, научная и практическая задача.

В двух последних разделах содержался краткий обзор исторической эволюции переводческой деятельности, особенно в современную эпоху, и была дана общая характеристика структуры и основных понятий науки о переводе. В остальных разделах этой части нам предстоит рассмотреть более подробно четыре основных раздела общей теории перевода: теорию переводческой эквивалентности, прагматические аспекты перевода, теоретическое описание процесса перевода и теорию переводческих соответствий.

РАЗДЕЛ 3. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

Мы уже отмечали, что специфика перевода, отличающая его от всех других видов языкового посредничества, заключается в том, что он предназначается для полноправной замены оригинала и что рецепторы перевода считают его полностью тождественным исходному тексту. Вместе с тем не трудно убедиться, что абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима и что это отнюдь не препятствует осуществлению межъязыковой коммуникации. Дело не только в неизбежных потерях, связанных с трудностями передачи особенностей поэтической формы, культурных или исторических ассоциаций, специфических реалий и других тонкостей художественного изложения, но и в несовпадении отдельных элементов смысла в переводах самых элементарных высказываний. Предположим, мы переведем английское предложение «The student is reading a book» как «студент читает книгу». В большинстве случаев такой перевод будет вполне правильным и не потребует каких-либо улучшений. Очевидно, однако, что полного тождества здесь нет. В английском оригинале содержится указание, что речь идет о каком-то лице, известном собеседникам, и, напротив, о какой-то неопределенной книге. В переводе такое указание отсутствует, как и информация о том, что действие происходит в момент речи, а не повторяется регулярно. С другой стороны, русский язык вынуждает нас сообщить, что читающий — это лицо мужского пола, хотя в оригинале речь могла идти и о

женщине. Все эти потери и добавления обычно не будут препятствовать переводу выполнять свою функцию.

Попытки передать в переводе абсолютно все, что можно обнаружить в оригинале, как правило, приводят к совершенно неприемлемым результатам. Предположим, мы захотим передать в английском переводе все элементы смысла, которые можно обнаружить в русском предложении «Мальчик катается на коньках». Помимо вполне понятного сообщения, в нем можно обнаружить еще и другие элементы информации. Во-первых, «катается» состоит из глагола «катать» и возвратной частицы «ся», т.е. как бы «катать себя». Во-вторых, слово «коньки» явно ассоциируется с уменьшительной формой слова «конь», которое к тому же мужского рода. Если мы все это переведем, то получим что-то вроде «The boy is rolling himself on the little he-horses». Разумеется, так никто не поступает. Мы переводим «The boy is skating» и нисколько не беспокоимся об утрате нерелевантных элементов смысла.

Как мы уже отмечали, вследствие отсутствия тождества отношение между содержанием оригинала и перевода обозначается термином «эквивалентность». Поскольку важность максимального совпадения между этими текстами представляется очевидной, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода, Из такого подхода вытекает несколько выводов. Во-первых, условие эквивалентности должно включаться в само определение перевода. Так, английский переводовед Дж.Кэтфорд определяет перевод как «замену текстового материала на одном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на другом языке (ПЯ)». Аналогичным образом, американский исследователь Ю.Найда утверждает, что перевод заключается в создании на языке перевода «ближайшего естественного эквивалента» оригиналу. Во-вторых, понятие «эквивалентность» приобретает оценочный характер и «хорошим», или «правильным», переводом признается только эквивалентный перевод. В-третьих, поскольку эквивалентность является условием перевода, задача заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

Следует заметить, что оценочная трактовка эквивалентности делает излишним употребление термина «адекватность». В современном переводоведении можно обнаружить три основных подхода к определению понятия «эквивалент». Некоторые определения перевода фактичес-

ки подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. А.В.Федоров, например, используя вместо «эквивалентности» термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника». Само понятие «исчерпывающая передача», по-видимому, должно означать, что перевод будет иметь то же самое содержание, что и оригинал.

Такое кардинальное решение вопроса «снимает» необходимость особо определять понятие «эквивалентность». К сожалению тезис о исчерпывающей передаче содержания оригинала не находит подтверждения в наблюдаемых фактах, и его сторонники вынуждены прибегать к многочисленным оговоркам, которые фактически выхолащивают исходное определение.

Так, определив перевод как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» и указав, что под содержанием следует понимать все виды отношений, в которых находится языковая единица, Л.С.Бархударов тут же оговаривается, что о неизменности «можно говорить лишь в относительном смысле», что «при переводе неизбежны потери, то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника». Отсюда Л.С.Бархударов делает закономерный вывод, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника», однако остается непонятно, как это совместить с тем, что «неизменность плана содержания» была указана в качестве единственного определяющего признака перевода. Если исходить из такого определения, то было бы логично сделать вывод, что, поскольку нет неизменности содержания, то нет и перевода.

Второй подход к решению проблемы переводческой эквивалентности заключается в попытке обнаружить в содержании оригинала какую-то инвариантную часть, сохранение которой необходимо и достаточно для достижения эквивалентности перевода. Наиболее часто на роль такого инварианта предлагается либо функция текста оригинала, либо описываемая в этом тексте ситуация. Иными словам, если перевод может выполнить ту же функцию (например, обеспечит правильное использование технического устройства) или описывает ту же самую реальность, то он эквивалентен.

К сожалению, и этот подход не дает желаемых результатов. Какая бы часть содержания оригинала ни избиралась в качестве основы для достижения эквивалентности, всегда обнаруживается множество реально выполненных и обеспечивающих межъязыковую коммуникацию переводов, в которых данная часть исходной информации не сохранена. И, наоборот, существуют переводы, где она сохранена, неспособные, однако, выполнять свою функцию в качестве эквивалентных оригиналу, В таких случаях мы оказываемся перед неприятным выбором: либо отказать подобным переводам в праве быть переводами, либо признать, что инвариантность данной части содержания не является обязательным признаком перевода.

Третий подход к определению переводческой эквивалентности можно назвать эмпирическим. Суть его заключается в том, чтобы не пытаться априори решать, в чем должна состоять общность перевода и оригинала, а сопоставить большое число реально выполненных переводов с их оригиналами и посмотреть, на чем основывается их эквивалентность.

Вот мы сейчас с вами и проделаем такой мысленный эксперимент. Предположим, мы возьмем некоторую совокупность русских переводов и будем их сравнивать с английскими оригиналами. Что мы при этом обнаружим? Сразу же станет ясно, что степень смысловой близости к оригиналу у разных переводов неодинакова, и их эквивалентность основывается на сохранении разных частей содержания оригинала. Прежде всего мы обнаружим некоторое число переводов, где близость к оригиналу будет минимальной. В таких переводах и грамматика другая, и лексика другая, и говорится как будто совсем о другом. И тем не менее они вполне выполняют свою функцию и их вряд ли можно улучшить. Вот несколько примеров подобных переводов.

В романе американского писателя А.Хейли «Отель» есть такой эпизод. Владелец отеля спрашивает у своего воспитанника, молодого негра, почему у него плохие отношения с управляющим отеля. И тот ему отвечает: «Maybe there is some chemistry between us doesn't mix». А в переводе читаем: «Бывает, что люди не сходятся характерами». Вот и сравните английскую «химию, которая не смешивается» и русское «несходство характеров». В одной английской пьесе оскорбленная жена укоризненно говорит мужу: «That's a pretty thing to say», а переводчик переводит: »Постыдился бы»

Подобная минимальная близость нередко встречается в переводах поэтических текстов. Вам, наверное, знакома популярная в России песня «Вечерний звон», слова которой представляют перевод известного стихотворения английского поэта Т. Мура. Сравним начало этого стихотворения с его русским переводом:

> «Those evening bells, those evening bells, how many a tale their music tells of youth and home and that sweet time when first I heard their soothing chime»
>
> «Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он.
> О юных днях в краю родном, где я любил, где отчий дом».

На чем же основывается эквивалентность переводов этого типа? В любом высказывании, помимо его конкретного содержания, выражается какая-нибудь речевая функция, составляющая общую цель коммуникации. Именно сохранение цели коммуникации и обеспечивает эквивалентность подобных переводов. Иначе говоря, эквивалентность достигается здесь на уровне цели коммуникации. Что представляет собой общая речевая функция, сохраняемая в этом первом типе эквивалентности? В современном языкознании используются различные принципы классификации таких функций. Наиболее убедительной представляется концепция известного лингвиста Романа Якобсона, положившего в основу своей классификации главные компоненты вербальной коммуникации. В любой коммуникации обязательно присутствуют шесть компонентов: отправитель сообщения, адресат, референт (то, о чем идет речь в сообщении), канал связи, языковой код и само сообщение, имеющее определенную форму. И высказывание, с помощью которого осуществляется коммуникация, может быть преимущественно ориентировано на один из этих компонентов. Соответственно классифицируются и основные речевые функции.

Если высказывание ориентировано на отправителя сообщения, выражая его чувства или эмоции, то оно выполняет эмотивную функцию. Установка на получателя информации (адресата) реализует волеизъявительную или побудительную функцию, стремление вызвать у адресата определенную реакцию. Референтная функция, естественно, означает преимущественную ориентацию на содержание сообщения. Установка на канал связи имеет целью проверить наличие контакта, наладить или поддержать общение и поэтому именуется контактоустанавливающей или фатической. Ориентация на языковой код означает, что речь

идет об устройстве самого языка, о форме или значении его единиц, то есть здесь реализуется металингвистическая функция. И, наконец, установку на форму сообщения, создающую определенное эстетическое впечатление, Р.Якобсон предложил относить к поэтической функции.

Классификация речевых функций позволяет указать на наиболее общие аспекты содержания высказывания и определить лингвистическую реальность явления, которое мы назвали целью коммуникации. Таким образом, цель коммуникации, сохранение которой лежит в основе эквивалентности переводов рассматриваемого типа, может быть интерпретирована как часть содержания высказывания, выражающая основную или доминантную функцию этого высказывания. Отдельные отрезки текста могут обладать различной целью коммуникации. Вместе с тем возможно существование общей цели коммуникации для всего текста значительной величины или даже для ряда текстов определенного типа. Выше мы привели три примера переводов, относящихся к первому типу эквивалентности. В первом из них была сохранена референтная функция, выраженная в подразумеваемом смысле английского высказывания, во втором — эмотивная функция (негодование говорящего) и в третьем — функция поэтическая. И в каждом случае сохранение цели коммуникации оказывается необходимым и достаточным условием эквивалентности перевода.

Важно отметить, что несохранение цели коммуникации делает перевод неэквивалентным, даже если в нем сохранены все остальные части содержания оригинала. Английская пословица «A rolling stone gathers no moss» описывает ситуацию, легко передаваемую в русском переводе, например: «Катящийся камень мха не собирает (или мхом не обрастает)». Однако такой перевод нельзя признать эквивалентным, поскольку рецептор перевода не сможет извлечь из него ту цель коммуникации, которая выражена в оригинале. Попробуйте спросить у какого-нибудь нормального русского человека (неиспорченного знанием английского языка), что это «хорошо» или «плохо», что нет «мха». Скорее всего он скажет, что «хорошо». Для нас образ мха ассоциируется с чем-то нехорошим, «замшелым» («Сидите вы тут, все мхом обросли»). В то же время для английского рецептора ясно, что в этой ситуации «мох» олицетворяет богатство, «добро» и что его отсутствие — явление отрицательное. Английское «A rolling stone» соответствует русскому «перекати-поле». Вот почему эта английская пословица выражает нео-

добрение, подразумевая вывод, что не следует бродить по свету, а нужно сидеть дома и наживать добро. И ее эквивалентным переводом будет русская фраза, имеющая ту же эмотивную установку (эмотивную функцию) и максимально воспроизводящая стилистическую форму пословицы (поэтическая функция). Поскольку описание той же ситуации не обеспечивает необходимого результата, приходится использовать сообщение, описывающее иную ситуацию. Требуется лишь, чтобы перевод сохранял цель коммуникации оригинала, а конкретное решение может быть разным. Например, фразеологический словарь А.В.Кунина дает следующий вариант: «Кому на месте не сидится, тот добра не наживет». Но вы сами без труда можете предложить еще несколько возможных переводов, например: «По свету бродить, добра не нажить» или «По свету шататься, бедняком остаться».

Итак, мы рассмотрели первый тип эквивалентности, где сохраняется только цель коммуникации. В дальнейшем мы будем придерживаться такой же процедуры: выделять группы переводов разной степени близости к оригиналу и определять лингвистическую основу этой общности. Продолжая наш мысленный эксперимент, мы обнаружим другую группу переводов, в которых близость к оригиналу будет большей. Вот пример такого перевода. В уже упоминавшемся романе А.Хейли есть такая фраза: «The telephone rang and he answered it». В переводе читаем: «Зазвонил телефон, и он снял трубку». Не трудно заметить, что здесь перевод ближе к оригиналу, чем в предыдущем типе эквивалентности. Такой вывод основывается на нашем знании, того, что «снять трубку» это и значит «ответить на телефонный звонок». И здесь в переводе нет соответствия лексике и грамматике оригинала. Но уже очевидно, что в нем описывается «то же самое» — одна и та же ситуация, то есть некоторая совокупность объектов, реально существующих или воображаемых, а также связи между этими объектами. Большинство высказываний на любом языке используются для указания на определенные ситуации. При этом в высказывании никогда не указываются все признаки описываемой ситуации, а называются только некоторые из них. Набор признаков, упоминаемых в высказывании, составляет способ описания ситуации. В любом языке большинство ситуаций можно описать разными способами, выбирая разные признаки. Однако в каждом языке могут существовать свои предпочтения, в результате которых способ описания одной и той же ситуации, используемый в одном языке, ока-

зывается неприемлемым в другом. Именно это мы и обнаруживаем в рассматриваемой группе переводов, принадлежащих ко второму типу эквивалентности. Их эквивалентность заключается в сохранении двух частей содержания оригинала — цели коммуникации и указания на определенную ситуацию — при изменении способа описания этой ситуации. Можно говорить, что здесь имеется эквивалентность на уровне ситуации или ситуативная эквивалентность.

Переводы этого типа весьма многочисленны. Вот еще несколько примеров ситуативной эквивалентности в англо-русских переводах. В романе Дж.Джерома «Трое в одной лодке» один из героев возмущенно кричит другому, уронившему его рубашку в холодную воду: «You are not fit to be in a boat». Буквально: «Ты не годен для того, чтобы быть в лодке». Такой способ описания для русского языка неестественен, и в переводе читаем: «Тебя нельзя пускать в лодку». В оригинале говорится «You see one bear you have seen them all». Русский язык не описывает подобным образом ситуацию подобия и переводчик пишет: «Все медведи похожи друг на друга». Англичанин утверждает «He is the last man to betray a friend», как бы подразумевая, что, если выстроить всех людей по степени вероятности предательства друга, то он будет в этом ряду последним. В русском переводе эта ситуация будет описана иначе: »Уж он-то друга не предаст».

В рамках второго типа эквивалентности можно отметить несколько особых случаев описания ситуации в переводе. Прежде всего существуют ситуации, которые всегда описываются одним и тем же способом. Особенно часто это имеет место в стандартных речевых формулах, предупредительных надписях, общепринятых пожеланиях и т.п. Указать, в какую сторону открывается дверь, нужно по-русски надписью «К себе» или «От себя» (англ. «Push — Pull»). На упаковке легко бьющихся предметов англичанин всегда напишет «Fragile», а русский — «Осторожно, стекло». Теоретически можно по-разному предупредить о свежеокрашенном предмете, но по-русски обязательно напишут «Осторожно, окрашено», а по-английски «Wet paint».

Если ситуация, описанная в оригинале, должна быть передана в переводе одним, строго определенным способом, выбор варианта перевода происходит как бы независимо от способа описания этой ситуации в тексте оригинала и структура сообщения в переводе оказывается заранее заданной. В других случаях способ описания ситуации в языке пере-

вода не является обязательным, но существуют предпочтительные, более часто употребляемые варианты. Так, по-русски, запрещая курить, чаще всего пишут «Не курить», хотя встречаются также формулы «Курить воспрещается» и «У нас не курят». Отвечая на телефонный звонок, обычно говорят «Алло!», хотя некоторые предпочитают «Слушаю» или просто «Да?».

Отметим также существование ситуационных лакун — таких ситуаций, которые в одном языке описываются, а в другом как бы не существуют и не упоминаются в речи. По-русски принято желать здоровья человеку, когда он чихнет, а в Англии на это не принято обращать внимания. Нередко лакуны существуют и при описании самых обычных ситуаций. У нас в России нет общепринятого способа обращения к официантке или продавщице, вследствие чего нередко приходится слышать, как к немолодой женщине обращаются со словом «Девушка!». Не знаем мы, и как позвать в ресторане официанта и как обратиться на улице к незнакомому мужчине или незнакомой женщине. Во многих ситуациях все имеющиеся в нашем распоряжении обращения («товарищ, гражданин, господин» и пр.) оказываются неуместными и появляются уродцы вроде: «Женщина, вас тут не стояло!».

Трудности, связанные с описанием ситуации в переводе, могут возникать и вследствие того, что у рецепторов оригинала она способна вызывать определенные ассоциации, давать основания для каких-то выводов, которые недоступны рецепторам перевода. Например, упоминание об определенной марке автомобиля, фирме или магазине может ассоциироваться с имущественным или социальным положением человека. И для англичанина, и для русского владение «Мерседесом» или «Кадиллаком» позволяет сделать вывод, что речь идет не о бедняке. А вот сообщение о том, что некто владеет машиной «Астон-Мартин» вряд ли будет нести дополнительную информацию для русского читателя, в то время как английский читатель знает, что это — дорогой спортивный автомобиль. Сообщение в оригинале, что какая-то женщина носит платья «от Диора» вызовет соответствующие ассоциации и у русского читателя, а указание на то, что она всю одежду покупает в магазине «Маркс энд Спенсер» (относительно более дешевый магазин в Лондоне) не позволит ему сделать необходимые выводы.

Некоторые ситуации, описанные в оригинале, могут вызвать недоумение у читателя перевода. В одном детективном романе я встретил

такой эпизод. Герой романа едет в машине и замечает, что впереди идущая машина все время виляет, мешая ему ехать. Пытаясь обнаружить причину такого поведения водителя этой машины, он видит, что (как сказано в романе) «He had his left hand around the neck of his companion». Если в переводе будет сохранена эта ситуация, то есть будет сказано, что водитель машины обнимал рядом сидящую девушку левой рукой, то для русского читателя это будет означать, что он сидел спиной к движению машины. Переводчику придется выбирать: либо он вообще опустит упоминание о том, какую именно руку использовал водитель, либо заменит левую руку на правую, либо укажет в сноске, что в Англии левостороннее движение, водитель сидит справа и, естественно, использует для подобных действий левую руку...

Теперь продолжим наш мысленный эксперимент и обнаружим еще одну группу переводов, в которых сохраняются уже три части содержания оригинала: цель коммуникации, указание на ситуацию и способ ее описания. Этот третий тип эквивалентности можно проиллюстрировать следующим примером. В романе американского писателя С.Льюиса «Эрроусмит» есть такой эпизод. Герой романа встречается со своей будущей женой в больнице, когда та моет пол. Они при этой встрече поссорились, и впоследствии, вспоминая причину своего агрессивного поведения, она объясняет: «Scrubbing makes me bad-tempered». В переводе романа читаем: «От мытья полов у меня характер портится». Сравнивая перевод с оригиналом, мы видим, что в нем использованы те же признаки ситуации и сохранены отношения между ними. В самом деле, в оригинале «Scrubbing» выражает причину, и такую же функцию выполняет русский эквивалент этого слова «мытье полов». По этой причине героиня становится «плохо-характерной», что и выражается в переводе теми же понятиями, хотя и другими частями речи (портиться, становиться плохим характер).

В рамках одного способа описания ситуации возможны различные виды семантического варьирования. Выбор признаков, с помощью которых описывается ситуация, неполностью определяет организацию передаваемой информации. Сопоставительный анализ показывает, что наиболее часто отмечаются следующие виды варьирования семантической структуры высказывания.

Степень детализации описания. Описание ситуации избранным способом может осуществляться с большими или меньшими подробнос-

тями. Некоторые признаки непосредственно включаются в высказывание, а другие могут оставаться подразумеваемыми, легко выводимыми из контекста. Различное сочетание названных (эксплицитных) и подразумеваемых (имплицитных) признаков можно обнаружить во всех языках. Так, по-русски можно сказать «Он постучал и вошел», а можно в той же ситуации сказать «Он постучал в дверь и вошел в комнату». Точно также и по-английски можно выбрать между «He knocked and came in» и «He knocked at the door and came into the room». Однако в разных языках соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в высказывании может быть различным. В этом отношении, например, английские высказывания часто оказываются более имплицитными, чем русские, и то, что в оригинале подразумевается, в переводе должно быть эксплицитно выражено. Возьмем простое английское предложение «The workers demand the improvement of their conditions», перевод которого на русский язык не представляет трудностей. Однако при переводе мы обнаруживаем, что по-русски нельзя просто написать «Рабочие требуют улучшения условий», а нужно указать «условий чего» (труда или жизни). Конечно, и по-английски ясно, о каких условиях идет речь, но там нет необходимости включать этот элемент смысла в само высказывание. Вот еще один пример из английской газеты: «The workers went on strike in support of their pay claims». «Pay claims» — это, конечно, требования зарплаты, но в большинстве случаев речь не идет о том, что рабочие вообще не получают зарплату. А тогда подразумеваемый смысл требований очевиден, и в русском переводе будет сказано, что они требуют «повышения зарплаты». Имплицитность английского высказывания подчас требует от переводчика особой бдительности. Встретив, например, сообщение, что военный корабль вооружен «with liquid rockets», переводчик не должен спешить озадачить читателя существованием «жидких ракет», а должен понимать, что в оригинале подразумеваются «liquid-fueled rockets», то есть ракеты на жидком топливе.

Второй вид семантического варьирования заключается в *изменении способа объединения в высказывании описываемых признаков ситуации.* Одни и те же признаки могут входить в разные словосочетания. Можно, например, сказать «Он быстро скакал на своем скакуне», соединяя «быстро» с глаголом, а можно объединить этот признак с существительным: «Он скакал на своем быстром скакуне». Разные языки обладают неодинаковыми возможностями сочетаемости признаков, что отчетливо выявляется в

переводе. Вот типичный пример. В романе английского писателя А.Кронина «Цитадель» есть такой эпизод. Герой романа приезжает к месту своей новой работы, и на станции его встречает кучер с коляской (a gig). И автор пишет: «Manson climbed into the gig behind a tall black angular horse». Переводя эту фразу, переводчик неожиданно обнаруживает, что по-русски нельзя сказать «Он сел в коляску позади лошади», поскольку получается как будто лошадь то же сидела в коляске. По-русски можно сесть позади кучера, позади другого седока, но нельзя сесть позади лошади. Придется написать, что он сел в коляску, запряженную этой лошадью. Попутно заметим, что перевод этого предложения ставит перед переводчиком еще некоторые любопытные проблемы. «Tall» — это, конечно,»высокий», но, по-видимому, по-русски неприемлемо сочетание «высокая лошадь». Это трудно логически объяснить, но «русская лошадь» может быть большой или крупной, но не высокой. Еще одну загадку задает переводчику прилагательное «angular», образованное от существительного «angle» — «угол». По-русски от слова «угол» можно образовать несколько прилагательных, но лошадь нельзя назвать ни «угловой», ни «угловатой», ни «угольной». Переводчику придется предположить, что «углы» означают выпирающие кости, и выбрать вариант «худая» или «костлявая» (но не «костистая»).

В целом, английский язык гораздо свободнее сочетает отдаленные признаки, чем русский. Герой одного рассказа Г.Честертона приходит навестить своего друга: «Не found him in his slippered ease by the fire», Посмотрите, что здесь происходит. От существительного «slipper» — «домашняя туфля» образуется неупотребительный глагол «to slipper» и второе причастие этого глагола соединяется с абстрактным существительным «ease». Получается что-то вроде «отуфленной легкости» — сочетания, невозможного в русском языке. Перевод будет поэтому перестроен: «Он нашел своего друга отдыхающим в домашних туфлях у камина».

Еще один вид семантического варьирования заключается в *изменении направления отношений между признаками.* Ситуация может описываться с разных точек зрения с использованием лексических конверсивов: «Профессор принимает экзамен у студентов — Студенты сдают экзамен профессору». И здесь в языках могут обнаруживаться определенные предпочтения, вызывающие соответствующие изменения при переводе. У Марка Твена есть рассказ, озаглавленный «How I was sold in New Ark» о том, как его обманули в этом городе, приведя на его вечер юмористических рассказов глухонемого человека. В русском пере-

воде его не «продали», а «купили». В романе Дж.Голсуорси «Сага о Форсайтах» есть такой эпизод. Герои романа едут в открытом автомобиле, он поворачивает за угол, и автор пишет «They had their backs to the sunshine now». Дословный перевод «Теперь их спины были обращены к солнцу» выглядит по-русски напыщенно и нелепо и в переводе читаем: «Теперь солнце светило им в спину».

Продолжая наш мысленный эксперимент, мы обнаружим еще два других типа эквивалентности. В предыдущих трех типах близость перевода к оригиналу основывалась на сохранении частей содержания, существующих в любом высказывании. Всякое высказывание выражает какую-то цель коммуникации и описывает определенным способом какую-то ситуацию. Однако кроме этого, всякое высказывание состоит из определенного набора лексических единиц, организованных в рамках каких-то синтаксических структур. В любом языке синтаксические структуры и лексические единицы обладают собственным относительно устойчивым значением, составляющим часть общего содержания высказывания. Сопоставительный анализ показывает, что во многих случаях переводчик стремится передать в переводе и эту часть содержания оригинала. И мы обнаруживаем *группу переводов, где, помимо цели коммуникации, указания на ту же ситуацию и способа ее описания, сохраняется и часть значения синтаксических структур исходного текста.* В этом, четвертом типе эквивалентности используются аналогичные структуры, имеющие примерно те же значения в обоих языках. Например, английскому пассивному залогу соответствует страдательный залог в русском языке: «The house was sold for eighty thousand dollars» — «Дом был продан за восемьдесят тысяч долларов». Стремление использовать в переводе параллельные структуры может объясняться различными причинами. В художественном переводе сохранение авторского синтаксиса является одним из способов достижения адекватности перевода. В информативном переводе синтаксический параллелизм может играть важную роль во многих практических ситуациях. Предположим, на какой-нибудь международной конференции идет обсуждение проекта резолюции и многие участники конференции следят за дискуссией по имеющемуся у них переводу текста проекта. Очередной выступающий предлагает заменить на второй странице резолюции третье слово во второй строчке сверху. Понятно, что при синтаксическом параллелизме перевода делегатам будет легче отыскать нужное место. Не случайно в

таком часто цитируемом тексте, как Устав ООН, из 121 статьи в 111 сохраняется полный синтаксический параллелизм, а в остальных десяти статьях расхождение сводится к тому, что придаточные определительные переводятся причастными оборотами и наоборот.

Порой полный параллелизм сохранить не удается, и в этом типе эквивалентности наблюдаются различные случаи синтаксического варьирования. Во-первых, при невозможности использовать аналогичную структуру переводчик выбирает ближайшую синтаксическую форму. Например, русский страдательный залог менее употребителен, чем английский пассив, и английским пассивным структурам нередко соответствуют в русских переводах формы действительного залога: «The port can be entered by big ships only during the tide» — «Большие корабли могут входить в порт только во время прилива». Часто встречающимся видом синтаксического варьирования является изменение порядка слов при переводе, если его функции в двух языках не совпадают. Так, в английском языке относительно фиксированный порядок слов определяет место отдельных членов предложения, а в русском языке он меняется в зависимости от коммуникативного членения предложения (тема-рематических отношений), которое в английском языке выражается, в частности, с помощью артикля. В простых неэмфатических русских предложениях рематическая часть тяготеет к концу фразы. Поэтому при переводе английского «The boy entered the room», где определенный артикль при первом слове указывает на то, что это — тема, в переводе может быть сохранен порядок слов: «Мальчик вошел в комнату». В этом же предложении наличие неопределенного артикля «A boy entered the room» приведет к изменению порядка слов в переводе — »В комнату вошел мальчик».

Отметим еще один вид синтаксического варьирования: изменение типа предложения. Нередко в языке имеется выбор между простым, сложносочиненным и сложноподчиненным предложениями, Так, можно сказать «Начался дождь. Мы пошли домой» или «Начался дождь, и мы пошли домой» или «Так как начался дождь, мы пошли домой». Сопоставительный анализ показывает, что стилистические особенности текста могут побудить переводчика изменить тип предложения. Например, в русских переводах английских технических текстов простые предложения нередко заменяются сложными: «The installation must function at low temperatures. The engineers should take it into account» — «Разработчики должны учитывать, что установка будет работать при низких температурах».

И, наконец, завершая наш экспериментальный обзор, мы обнаруживаем *группу* **переводов**, *в которых близость к оригиналу будет наибольшей,* поскольку в них переводчик стремится как можно полнее воспроизвести значения слов оригинала с помощью дословного перевода: «I saw him at the theatre» — «Я видел его в театре». Этот тип эквивалентности встречается достаточно часто, но достижение эквивалентности на уровне семантики слова ограничивается несовпадением значений слов в разных языках. Переводческие проблемы возникают в связи с каждым из трех основных макрокомпонентов семантики слова: денотативного, **коннотативного** и внутриязыкового значений.

Денотативное или **предметно-логическое** значение слова обозначает определенный класс объектов, реальных или воображаемых, или какой-то единичный объект. Трудности при передаче этого значения в переводе вызываются, в основном, тремя причинами: различиями в номенклатуре лексических единиц, в объеме значений и в сочетаемости слов с близким значением. В языке оригинала обнаруживается немало слов, не имеющих прямых соответствий в языке перевода. Например, в английском языке есть глагол «to tinker» — «неумело что-либо чинить или налаживать» и существительное «tinkerer». В русском языке нет отдельных слов с таким значением. Позднее мы разберем способы перевода таких безэквивалентных слов, а пока отметим, что все они связаны с определенными переводческими потерями.

Значения слов-соответствий в двух языках могут не совпадать по объему. Слову с общим значением в исходном языке может соответствовать слово с более узким значением в языке перевода или наоборот. Например, в английском языке нет слова с общим значением «плавать», а есть несколько более конкретных слов, употребляемых в зависимости от того, кто и как плавает: swim, sail, float, drift. Аналогичным образом, английскому «meal» соответствуют в русском языке только более частные названия приемов пищи: завтрак, обед, ужин. В подобных случаях переводчику приходится выбирать с учетом контекста слово со значением иного объема. Использование же ближайшего соответствия может оказаться невозможным из-за различий в сочетаемости. «Face» — это, конечно «лицо», но предложение «She slammed the door in his face» будет переведено «Она захлопнула дверь у него перед **носом»**. Если в оригинале человек проваливается в снегу «по талию» (up to his waist), то в переводе он окажется в снегу «по пояс». Такие расхождения типичны для пятого типа эквивалентности.

В области коннотации основные проблемы перевода связаны с наличием у слова эмоционального, стилистического или образного значения. Называемые объекты могут восприниматься языковым коллективом положительно или отрицательно, и соответствующие слова, помимо предметно-логического, обладают еще и сопутствующим эмоциональным значением. Проблемы возникают в тех случаях, когда такие значения у **слов-соответствий** не совпадают или совпадают неполностью. В контексте переводчик решает, связано ли слово «voyage» или «trial» с выражением отрицательного отношения автора к описываемому и есть ли основания использовать в переводе слова с отрицательной коннотацией «вояж» или «судилище». При этом надо иметь в виду, что эмоциональное **значение** слова может со временем меняться. В течение долгого времени слово «бизнесмен» имело отрицательную коннотацию, что учитывалось переводчиками при переводе английского **«businessman».** Оно использовалось лишь в отрицательных контекстах типа «American businessmen got rich on the war in Vietnam». Но если в тексте с удовлетворением сообщалось, что в Москву прибыла «a delegation of American businessmen», то в переводе они были уже не «бизнесменами», а «представителями деловых кругов». Сегодня «бизнесмен» утрачивает отрицательную коннотацию, и этой проблемы выбора в русском переводе уже нет.

Трудности в переводе может вызывать и другой компонент коннотации — стилистическое значение слова, указывающее на принадлежность слова к возвышенной, поэтической, книжной лексике или к лексике сниженной, разговорной, просторечной. И здесь потери возникают тогда, когда слова, совпадающие по предметно-логическому значению, различаются по стилю. Русское «сон» полностью соответствует английскому «sleep», но в английском языке есть еще поэтическое слово «slumber» с тем же значением. При его переводе стилистический компонент будет утрачен.

Подобных потерь в переводе часто не удается избежать, но в распоряжении переводчика есть способ их компенсировать. Прием компенсации заключается в том, что, не сумев избежать утраты какого-то стилистического или смыслового элемента, переводчик воспроизводит этот элемент в другом слове или в другом месте текста, где в оригинале его нет. Поясним это на нескольких примерах. В пьесе Б.Шоу «Пигмалион» есть такой эпизод. Героиня пьесы, которую профессор Хиггинс научил правильно говорить по-английски,

во время ссоры с ним вновь употребляет неправильные формы и вместо «these slippers» говорит «them slippers». Воспроизведение этой неправильности в переводе необходимо, поскольку на ней строится весь последующий диалог. В данном случае применить прием компенсации сравнительно просто, так как тут же имеется русское слово, которое часто искажается недостаточно образованными людьми. И переводчик пишет «этих туфлей», успешно решая свою задачу. В других случаях применение приема компенсации может потребовать весьма значительных изменений. В романе У.Теккерея «Ярмарка тщеславия» Бекки Шарп в письме своей подруге описывает эпизод, случившийся в доме богатого баронета Питта Кроули, где она служит гувернанткой. За обедом речь зашла о том, что один из арендаторов сэра Питта разорился. «Serve him right», said Sir Pitt, «him and his family has been cheating me on that farm these hundred and fifty years». Иронизируя над необразованностью своего хозяина, Бекки пишет: «Sir Pitt could have said 'He and his family' but rich baronets needn't be so careful about their grammar as we, poor governesses». Стремясь передать неправильную речь баронета, переводчик вынужден существенно изменить текст. В переводе сэр Питт говорит: «Он со своей семейкой облапошивал меня на этой ферме целых полтораста лет». Как видите, нарушение грамматической нормы в оригинале компенсировано в переводе с помощью сниженной лексики. Это вызвало необходимость и последующих изменений. И дальше Бекки пишет: «Сэр Питт мог бы выражаться поделикатнее, но богатым баронетам нет надобности так заботиться о стиле, как нам, бедным гувернанткам».

Интересные задачи приходится порой решать переводчику при передаче еще одного компонента коннотации — образного значения слова. В семантике слова может выделяться какой-нибудь признак, который используется в качестве основы образного употребления. По-русски «баня» — это не только помещение, где моются, но и «очень жаркое место», в то время как английское «bath» лишено подобной характеристики. Английское «rake» — «грабли» — это что-то очень тонкое, а отличительной чертой павлина оказывается гордость. Несовпадение образного употребления соответствующих слов в двух языках создает порой неожиданные переводческие проблемы. Для англичанина «кот» — это символ свободы, и на этом образе основана сказка Р.Киплинга «The cat that walked by himself». Перед переводчиками сказки встала нелегкая задача, поскольку по-русски гулящий кот понимается отнюдь не как символ свободы. Содержание сказки не позволяло замену образа, и единственно, что мог сделать переводчик, чтобы избежать нежелательных ассоциаций, это заменить «кота» на «кошку» и озаглавить сказку «Кошка, которая гуляла сама по себе».

Трудные проблемы могут возникать при передаче внутриязыковых значений, наличие которых в семантике слова указывает на связь слова со значениями или формами других слов. Как правило, внутриязыковые значения нерелевантны для коммуникации и в переводе не передаются. Когда фраза «The board expelled him» переводится «Комиссия его исключила», связь этого значения «board» с другими значениями этого слова не может и не должна отражаться в переводе. Точно так же, переводя русское «паровоз» английским «engine», переводчик не пытается передать связь «паровоза» со словами «пар» и «возить». Необходимость передавать внутриязыковые значения возникает только тогда, когда они приобретают особую значимость при передаче игры слов. В этих случаях перед переводчиком возникают сложные задачи, которые не всегда удается решить, даже с помощью приема компенсации. Вот несколько примеров.

В романе Дж.Джерома «Трое в одной лодке» автор описывает, как он катается на плоту по пруду, а по берегу бегает владелец досок, из которых он сделал плот: «Не says he'll teach you to take the boards and make a raft of them; but seeing that you know how to do this pretty well already, the offer... seems a superflous one on his part». Вся комичность описания основывается на том, что у слова «teach» есть два значения «проучить» и «научить». Владелец досок имеет в виду первое из них, а автор предпочитает второе. Переводчик без труда находит русское слово, имеющее оба эти значения и обыгрывает его аналогичным образом: «Он кричит, что покажет вам, как брать без спроса доски и делать из них плот, но поскольку вы и так прекрасно знаете, как это делать, это предложение кажется вам излишним».

Конечно,. далеко не всегда задача перевода игры слов решается столь легко. Вот более трудный случай. В романе М.Твена «Янки при дворе короля Артура» к находящемуся в тюрьме янки приходит мальчик, который потом становится его другом и помощником: «He said he had come for me, and informed me that he was a page». «Go 'long», I said,

«you ain't more than a paragraph». Русское слово «паж» не имеет значения или омонима, связанного с какой-либо частью книги. Поэтому единственный способ передать игру слов оригинала заключается в использовании в переводе другого слова, которое можно было бы отнести и к мальчику-пажу, и к части книги. Вот как решил эту за дачу переводчик Н.Чуковский: «Он сказал, что послан за мною и что он глава пажей. — Какая ты глава, ты одна строчка! — сказал я ему». Можно спорить о том, насколько удачно такое решение, но правильность самого приема не вызывает сомнения.

Особенно трудным оказывается перевод игры слов, основанной на обыгрывании внутренней формы слова. И здесь переводчик использует прием компенсации, но и при этом часто не удается избежать существенных потерь. В романе Ч.Диккенса «Давид Копперфильд» есть такой эпизод. Маленького Дэви везет в интернат возчик по имени Баркис, который расспрашивает его о служанке в их доме. И Баркис задает ему вопрос: «No sweethearts, I b'lieve?», естественно интересуясь, нет ли у девушки возлюбленного. Мальчик, который или не знал слова «sweetheart», или не расслышал его окончание, переспрашивает «Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?» В оригинале ошибка кажется достаточно естественной, поскольку начала обоих слов совпадают и находятся под ударением. Эту общность можно сохранить в переводе, только изменив обыгрываемые слова, так как в русских словах «возлюбленный» и «конфета» нет ничего общего. Вот как переводчики пытаются решить эту задачу в двух опубликованных переводах:. (1) — А нет ли у нее дружочка? — Пирожочка, мистер Баркис? (2) — А нет ли у нее зазнобы? — Сдобы, мистер Баркис? Можно заметить, что в обоих случаях переводчики пытаются сохранить знакомые ребенку названия сладостей и предположить, что он не расслышал безударные начала слов. Очевидно также, что им не удалось избежать натяжек.

Итак, сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что существуют несколько типов эквивалентности, в каждом из которых сохраняются разные части содержания исходного текста. Изучение уровней эквивалентности позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в каждом конкретном случае. Понятие эквивалентности раскрывает важнейшую особенность перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения.

РАЗДЕЛ 4. ПРАГМАТИЧЕСКИЕАСПЕКТТЫ ПЕРЕВОДА

Мы с вами уже знаем, что языковой знак обладает не только семантикой (отношение к обозначаемому) и синтактикой (отношение к другим знакам), но и прагматикой (отношением к пользующимся языком). Знаки языка могут производить на людей определенное впечатление (положительное, отрицательное или нейтральное), оказывать на них какое-то воздействие, вызывать ту или иную реакцию, Способностью оказывать на читателя или слушателя определенное прагматическое воздействие (иначе: коммуникативный эффект) обладает и любое высказывание, и любой текст, Характер такого воздействия определяется тремя основными факторами. Во-первых, это — содержание высказывания. Понятно, что ваша реакция на сообщение о смерти близкого вам человека будет иной, чем весть о том, что вы выиграли сто тысяч рублей. Во-вторых, восприятие сообщения зависит от характера составляющих высказывание знаков. Одно и то же сообщение может быть по-разному оформлено. К.Чуковский обращал внимание на большую разницу между предложениями «Златокудрая дева, почему ты трепещешь» и «Рыжая девка, чего ты трясешься». Говорящий отбирает языковые средства при построении высказывания в соответствии со своим намерением произвести определенное воздействие. В-третьих, прагматическое воздействие высказывания зависит от воспринимающего его рецептора. Сообщение о гибели какого-то человека неодинаково воспринимается его близкими, случайными знакомыми или совершенно посторонними людьми. Из этого факта следует важный вывод, что прагматическое воздействие, определяемое содержанием и формой высказывания, может реализоваться неполностью или вообще не реализоваться по отношению к какому-то типу рецептора. Таким образом, можно говорить, что высказывание обладает прагматическим потенциалом, который по-разному реализуется в конкретных актах коммуникации. Анализ содержания и формы текста позволяет определить этот потенциал, но это еще не предопределяет характер реального воздействия текста на разных рецепторов.

Всякое высказывание создается с целью получить какой-то коммуникативный эффект, поэтому прагматический потенциал составляет важнейшую часть содержания высказывания. Отсюда следует вывод, что и в тексте перевода важную роль играет его прагматика. А, следовательно, переводчику необходимо заботиться о достижении желаемого

воздействия на рецептора в зависимости от цели перевода, либо воспроизводя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его. Изучение прагматических аспектов перевода составляет поэтому одну из центральных задач теории перевода.

Следует подчеркнуть, что соотношение между прагматикой оригинала и перевода может быть различным, и прагматическая адекватность перевода необязательно заключается в сохранении прагматики исходного текста. Немецкий переводовед А.Нойберт предложил различать четыре типа прагматических отношений при переводе от наивысшей переводимости в прагматическом смысле до фактической невозможности воспроизвести прагматику оригинала в переводе. Такая градация устанавливается в зависимости от характера текста оригинала. Наиболее полно передается прагматическая направленность оригинала, имеющего одинаковый прагматический интерес и для читателей перевода (например, научно-техническая литература). Достаточно успешно сохраняется прагматический потенциал оригиналов, созданных специально для перевода (информационные и другие материалы, предназначенные для иностранной аудитории). С существенными ограничениями возможна прагматическая адекватность при переводе произведений художественной литературы, которые ориентированы на исходного рецептора, но имеют что сказать и всем людям. И, наконец, оригиналы, специфически направленные на членов данного языкового коллектива и не имеющие никакого отношения к рецепторам перевода (законодательные документы, общественно-политическая и экономическая периодика, различные объявления и пр.), вообще не могут быть переданы прагматически адекватно. Напомним, что речь идет не о качестве перевода, а лишь об одинаковой реакции читателей оригинала и перевода. Достижение такого равенства не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и ряда других причин.

В современном переводоведении существует направление полностью освобождающее переводчика от ориентации на прагматику оригинала. Сторонники концепции, именуемой «скопос-теорией», полагают, что единственная задача переводчика заключается в создании такого текста на языке перевода, который обеспечивал бы достижение цели, поставленной заказчиком, в чьих интересах делается перевод. Ради достижения этой цели переводчик, хорошо знающий, какими средствами эта цель может быть достигнута в другой культуре, создает отвечающий таким требованиям текст без оглядки на оригинал. Поэтому в некоторых случаях перевод может быть близок к оригиналу, а в других существенно отличаться от него. Можно даже представить такую ситуацию, когда оригинал вообще отсутствует, и переводчик самостоятельно создает текст, необходимый для достижения поставленной цели.

Мы уже говорили о том, что цель перевода составляет важный компонент переводческой ситуации. Однако речь шла о влиянии такой цели на выбор стратегии переводчика, а не о реальном ее достижении как единственном критерии правильности перевода. С одной стороны, желаемая цель может не быть достигнута по каким-то причинам, не связанным с качеством перевода. С другой стороны, во многих случаях максимально возможная близость к оригиналу является главным требованием к переводу. Вспомним, что перевод предназначается для полноправной замены оригинала и обоснованность такой замены достигается на одном из уровней эквивалентности. При этом переводчик стремится исходить из прагматического потенциала, а не из своего личного отношения к правильности или уместности исходного сообщения.

В ряде случаев эквивалентное воспроизведение содержания оригинала обеспечивает и передачу в переводе прагматического потенциала. Однако принадлежность рецептора перевода к иному языковому коллективу, к иной культуре нередко приводит к тому, что эквивалентный перевод оказывается прагматически неадекватным. В этом случае переводчику приходится прибегать к прагматической адаптации перевода, внося в свой текст необходимые изменения. В переводческой практике наиболее часто используются четыре вида подобной адаптации.

Первый вид прагматической адаптации имеет целью обеспечить адекватное понимание сообщения рецепторами перевода. Ориентируясь на «усредненного» рецептора, переводчик учитывает что сообщение, вполне понятное читателям оригинала, может быть непонятным читателями перевода, вследствие отсутствия у них необходимых фоновых знаний. В таких случаях переводчик чаще всего вводит в текст перевода дополнительную информацию, восполняя отсутствующие знания. Иногда это не требует значительных добавлений. Например, нередко в пояснениях нуждаются упоминающиеся в оригинале названия разного рода географических и культурно-бытовых реалий. При переводе на русский язык геогра-

фических названий типа американских Massachusetts, Oklahoma, Virginia, канадских Manitoba, Alberta или английских Middlesex, Surrey и пр., как правило, добавляются слова «штат, провинция, графство», указывающие, что обозначают эти названия, чтобы сделать их понятными для русского читателя: штат Массачусетс, провинция Альберта, графство Миддлесекс и т.п. Добавление поясняющих элементов может потребоваться и при передаче названий учреждений, фирм, печатных изданий и т.п. Возьмем, например, предложение «Newsweek reports a new reshuffle in the government». Английскому читателю сама форма слова «Newsweek» говорит о том, что речь идет о еженедельном журнале. В русском переводе это название будет нуждаться в пояснении: «Как сообщает журнал «Ньюсуик», в правительстве вновь произошли перестановки».

Аналогичные добавления обеспечивают понимание названий всевозможных реалий, связанных с особенностями жизни и быта представителей иной культуры. В романе Дж.Сэлинджера «Над пропастью во ржи» герой рассказывает, как их кормили в школе: «...for desert you got Brown Betty, which nobody ate...». Понятно, что в переводе нельзя просто сообщить, что в школе угощали какой-то «рыжей Бетти», не занимались же они там людоедством. В переводе читаем: «...на сладкое — 'рыжую бетти', пудинг с патокой, только его никто не ел». Сообщение дополнительной информации может повлечь за собой и более существенную адаптацию текста. В английской газете говорится, что «The prime-minister addressed the people from the window of No. 10». Каждый англичанин знает, что в доме номер десять по улице Даунинг-стрит находится резиденция премьер-министра Англии. В переводе это предложение эксплицируется: «Премьер-министр обратился к собравшимся из окна своей резиденции».

Вот еще один пример подобной прагматической адаптации. В романе английского писателя Дж.Брейна «Путь наверх» герой, глядя на группу рабочих, размышляет: «It was Friday and soon they will go and get drunk. And now they pretended that it was Monday and even Thursday and that they had no money». Для русского читателя, получающего зарплату один или два раза в месяц (если он вообще ее получает), в отличие от англичанина, которому платят каждую пятницу, может быть непонятно, почему именно четверг оказывается самым безденежным днем. В переводе это объясняется: «Была пятница, день получки, и скоро они пойдут и напьются. А пока они делали вид, что сегодня понедельник или даже четверг и что у них нет денег».

В некоторых случаях адекватное понимание сообщения рецептором перевода может быть достигнуто путем опущения некоторых неизвестных ему деталей. Вот перевод еще одной фразы из уже упоминавшегося романа Дж.Сэлинджера: «There were pills and medicine all over the place, and everything smelled like Vicks' Nose Drops» — Везде стояли какие-то пузырьки, пилюли, все пахло каплями от насморка. Здесь в переводе опущено Vicks — фирменное название капель, ничего не говорящее русскому читателю. Хотя это и ведет к некоторой потере информации, она представляется несущественной, и переводчик решил, что такой информацией можно пренебречь для того, чтобы в русском тексте не было непонятных элементов.

Опускаемые в переводе слова с конкретным значением могут заменяться более общими, но более понятными для рецептора перевода: «Parked by a solicitor's office opposite the cafe was a green Aston Martin tourer» — У конторы адвоката напротив кафе стоял элегантный спортивный автомобиль зеленого цвета. В переводе этой фразы из того же романа Дж.Брейна вместо опущенного фирменного названия указано лишь, что речь идет об автомобиле, но в то же время добавлена неизвестная рецептору перевода информация о социальном и имущественном статусе его владельца.

Прагматическая адаптация текста перевода с целью сделать его предельно понятным не должна приводить к «сверхпереводу» когда чуть ли не весь текст заменяется разъяснениями. Чукотский писатель Рытхэу рассказывает, что впервые с поэзией Пушкина он познакомился в переводе, который его школьный учитель сделал для своих учеников. Стремясь объяснить все непонятное, он получил такой перевод: «У берега, очертания которого похожи на изгиб лука, стоит зеленое дерево из которого делают копылья для нарт. На этом дереве висит цепь из денежного металла, из того самого, из чего два зуба у нашего директора школы. И днем, и ночью вокруг этого дерева ходит животное, похожее на собаку, но помельче и очень ловкое. Это животное ученое, говорящее...». Надеюсь, что вы все-таки узнали источник этого перевода, хотя, конечно, от пушкинского оригинала здесь осталось совсем немного.

Если в рассмотренных выше переводах изменения обеспечивали адекватное понимание передаваемого сообщения, то второй вид прагматической адаптации имеет целью добиться правильного восприятия содержания оригинала, донести до рецептора перевода эмоциональное воз-

действие исходного текста. Необходимость такой адаптации возникает потому, что в каждом языке существуют названия каких-то объектов и ситуаций, с которыми у представителей данного языкового коллектива связаны особые ассоциации. Если подобные ассоциации не передаются или искажаются при переводе, то прагматические потенциалы текстов перевода и оригинала не совпадают даже при эквивалентном воспроизведении содержания. Стремление добиться желаемого прагматического отношения к тексту перевода у его рецепторов и делает необходимой соответствующую адаптацию.

Рассмотрим несколько типичных случаев несовпадения восприятия аналогичных сообщений в оригинале и переводе. Названия одних и тех же деревьев в разных языках могут вызывать у людей неодинаковые ассоциации. Для русского человека береза — это не просто дерево, а своего рода символ его страны, что-то родное и близкое («у нас в каждой песне березка»). В русском оригинале автор может сравнивать девушку со «стройной березкой». У англичанина название березы — «a white birch» не связано с подобными ассоциациями, и в переводе такое сравнение может вызвать недоумение. Английское название омелы — mistletoe — вызывает воспоминание о приятных минутах праздника, поскольку в праздник по обычаю под подвешенной веткой омелы целуют девушек. Для русского рецептора такой ассоциации не существует, и в переводе может потребоваться дополнительная информация. Следует также учитывать, что восприятие аналогичных слов и выражений зависит от частоты и степени привычности их употребления. Воспитанные английские леди и джентльмены, как и бродяги и уголовники нередко выражают неудовольствие восклицанием «O shit», которое в силу частого употребления не воспринимается как недопустимый вульгаризм. В русском переводе элегантная дама, восклицающая «Ах, дерьмо!» (или еще более близкое к английскому крепкое словцо), выглядит очень странно, и переводчики заставляют ее произносить «Ах, черт!», а то и «О, господи!».

По-разному могут восприниматься в оригинале и переводе целые пласты лексики. В силу ряда причин в русском литературном языке широко используется военная лексика. Мы ведем «битву за урожай», объявляем «пьянству — бой», готовим «фронт работ», становимся на «трудовую вахту». Мы даже за мир «боремся» («И вечный бой, покой нам только снится»). Такое употребление для нас привычно и не привлекает особого внимания. Однако сохранение этой лексики в переводе

может создать у читателя нежелательное впечатление о постоянной агрессивности русского автора, и переводчик порой выбирает более «мирные» варианты.

Необходимость в прагматической адаптации может возникнуть и вследствие пристрастия автора оригинала к неуместному употреблению возвышенной лексики. В некоторых печатных изданиях часто без достаточных оснований используются такие «громкие» выражения, как «пафос созидания», «величественные свершения», «героический труд», «слуги народа» и т.п. В переводе подобный высокопарный слог, не соответствующий тривиальности содержания, часто создает впечатление неискренности, желания ввести читателя в заблуждение, Поэтому, например, при переводе русских газетных текстов на английский язык наблюдается общая тенденция несколько снижать стиль оригинала. Неприемлемым для текста перевода может оказаться и излишнее употребление в оригинале дерогативной лексики типа «правительственная клика», «марионеточный режим», «презренное охвостье», «банда предателей» и т.п. И здесь сохранение подобных ругательных выражений в переводе может производить в другой культуре совершенно иной эффект и быть прагматически неадекватным.

Неодинаковый коммуникативный эффект в разных языках может иметь употребление языковых средств, несвойственных текстам определенного типа. Например, разговорная лексика и образные обороты — обычное явление в английских научно-технических текстах, и их появление там не привлекает особого внимания читателей. Сохранение таких лексических вольностей в переводе на русский язык, в котором гораздо строже соблюдается серьезность научного стиля, приводит к их резкому выделению в тексте, создавая впечатление несерьезности и «ненаучности» автора. Встретив в серьезной английской статье о развитии автомобильной промышленности такую фразу: «Buick has stolen a march on the rest of the industry with a cast iron V-6 engine», переводчик обнаружит, что на русском языке в таком тексте неуместно написать, что компания «Бьюик» «обставила» или «обскакала» своих конкурентов, и выберет более «солидный» вариант вроде «опередила»...

Прагматические адаптации второго и первого типов могут быть взаимосвязаны, если в основе неадекватного восприятия лежит непонимание или неполное понимание исходного сообщения. В одной шуточной заметке в русской газете говорилось, что некий любящий муж обычно

называл свою жену «птичкой», а по четвергам — «рыбкой». Юмор этой заметки будет недоступен рецептору в переводе, если он не поймет, что в России четверг традиционно считался «рыбным днем», не говоря уже о том, что, например, английскому мужу не придет в голову нежно обращаться к своей жене со словами «My little fish» или «My birdie». Аналогичным образом, английский перевод традиционного русского приглашения: «Третьим будешь?» — Will you be the third? — может вызвать лишь недоумение.

Теперь рассмотрим третий тип прагматической адаптации при переводе. В отличие от предыдущих в данном случае переводчик ориентируется не на усредненного, а на конкретного рецептора и на конкретную ситуацию общения, стремясь обеспечить желаемое воздействие. Поэтому подобная адаптация обычно связана со значительным отклонением от исходного сообщения. Здесь можно выделить несколько типичных ситуаций.

1. В конкретной ситуации переводчик находит целесообразным передать не сказанное, а подразумеваемое. Предположим, несколько иностранцев с переводчиком ждут в лифте, что к ним присоединится приближающийся человек, который, подойдя ближе, говорит: «Я живу на первом этаже». Переводчик решает, что важно передать не причину, а результат, и переводит: «Он сказал, что с нами не поедет».

2. Переводчик решает, что для достижения желаемого воздействия на данного рецептора необходимы иные средства, нежели те, которые использованы в оригинале. Руководитель службы переводов в женевском отделении ООН Ф.Вейе-Лавале рассказывал о том как во время гражданской войны в Конго представитель миротворческой миссии ООН обратился через переводчика к старейшинам одного из племен с краткой речью, призывая их не предпринимать враждебных действий. Выступивший за ним переводчик значительно расширил и приукрасил переводимую речь. Зная, какими средствами лучше воздействовать на своих слушателей, он говорил очень долго, он пел, он исполнил ритуальный танец. И Ф.Вейе-Лавале считает, что это был хороший перевод, поскольку благодаря нему удалось уговорить старейшин не воевать.

Конечно, далеко не всегда переводчик может позволить себе подобную прагматическую адаптацию, столь далеко отходящую от оригинала. Известный американский исследователь Ю.Найда рассказывал о примечательном случае, когда переводчику не позволили внести в текст такие изме-

нения, которые обеспечили бы необходимое прагматическое воздействие. В этом эпизоде переводчик Библии, желая проверить действенность своего перевода библейской истории о том, как бог пожертвовал собственным сыном ради искупления людских грехов, прочел этот перевод членам племени, для которых он предназначался. Неожиданно для переводчика эта трогательная история вызвала у его слушателей презрительный смех. Оказалось, что в этом племени существовал групповой брак, при котором нельзя определить, кто является отцом ребенка. Поэтому мужчина считал своим ближайшим родственником не собственного сына, а родного племянника, то есть сына своей родной сестры. И слушатели смеялись, говоря: «Какой хитрый этот ваш Бог! Сыном пожертвовал. Сына бы каждый отдал. Небось, племянника Он не отдал!». Обескураженный переводчик решил, что для достижения желаемого эффекта надо сделать Христа в переводе племянником Господа Бога. Понятно, что никакая благая цель не могла оправдать подобную «адаптацию».

3. Прагматическая адаптация этого типа нередко встречается при переводе названий литературных произведений, кинофильмов, телевизионных передач с целью сделать такие названия привычными и естественными. Роман под названием «Live with Lightning» становится в переводе «Жизнь во мгле», американский фильм «Mr.Smith goes to Washington» выходит на русские экраны под названием «Сенатор», а в телесериале, посвященном работе скорой помощи, очередная серия «Days like this» переводится просто «Тяжелый день». И здесь стремление сделать название привычным и характерным для принимающей культуры приводит порой к курьезным результатам. Вот как в Японии в прошлом веке перевели название пушкинской повести «Капитанская дочка»: «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка. Новые вести из России».

Четвертый тип прагматической адаптации можно охарактеризовать как решение «экстрапереводческой сверхзадачи». Всякий перевод — это текст, создаваемый переводчиком для достижения определенной цели. В большинстве случаев эта цель заключается в обеспечении адекватности перевода. Однако порой переводчик может использовать перевод для достижения какой-то иной цели, решить какую-то свою задачу, непосредственно не связанную с точным воспроизведением оригинала. И для решения такой «сверхзадвчи» он может изменять и даже искажать оригинал, нарушая главные принципы своей профессиональной деятельности. Понятно, что подобная практика носит исключительный

характер и действия переводчика не являются переводом в обычном смысле этого слова.

Наиболее часто в переводческой практике встречаются четыре вида прагматической адаптации этого типа. Прежде всего отметим существование так называемого филологического перевода, когда переводчик стремится воспроизвести в переводе формальные особенности языка оригинала, даже если тем самым он нарушает норму или узус языка перевода. Такая тактика, недопустимая в «нормальном» переводе, может преследовать различные практические цели. Подобные переводы применялись, например, для изучения иностранных языков. На одной стороне страницы печатался текст на иностранном языке, а против него как можно более дословный перевод этого текста. И по переводу изучалась структура языка оригинала. В настоящее время филологический перевод применяется, в основном, при составлении подстрочников для переводчиков художественной литературы, не владеющих языком оригинала. В России так выполняются многие переводы с языков многих народов, населяющих нашу страну, наиболее талантливыми русскими поэтами и писателями, поскольку требуется в первую очередь обеспечить создание высокохудожественного текста перевода. Поэтому перевод осуществляется в два этапа. Сначала один переводчик, знающий язык оригинала, но не обладающий необходимым литературным даром, делает подстрочник, как можно более полно отражающий не только содержание, но и форму оригинала, а затем по этому подстрочнику поэт или писатель создает окончательный художественный текст. Хотя незнание языка и вынужденное пользование подстрочником, несомненно, затрудняют задачу таких переводчиков, многие из них решают ее вполне успешно.

Второй вид прагматической адаптации этого типа можно назвать упрощенным или приблизительным переводом, когда перед переводчиком конкретный рецептор ставит задачу выборочно или обобщенно передать интересующие его элементы содержания оригинала. В таких случаях переводчик создает какой-то рабочий перевод, не отвечающий требованиям адекватности, но соответствующий его «сверхзадаче». При необходимости этот перевод может использоваться как черновой для последующей окончательной доработки.

Особым видом адаптации, далеко уходящим от исходного текста, является модернизация оригинала при переводе. Нередко ее вообще нельзя назвать переводом, так как переводчик фактически создает новое произведение «по мотивам» исходного текста. Характер такой модернизации

может быть различным. С одной стороны, она может выражаться в перенесении действия в более позднюю эпоху или в другую страну, в изменении имен действующих лиц и пр. С другой стороны, модернизация достигается использованием слов и высказываний, характерных для более позднего или современного периодов. Порой подобная модернизация придает повествованию юмористический характер, когда исторические персонажи «работают сверхурочно», «осуществляют режим экономии», «проводят неверную кадровую политику», «решают проблемные вопросы без отрыва от производства» и т.п. Если в оригинале мужчины при встрече приветствуют друг друга «святым поцелуем» (как это было принято в библейские времена), то в переводе они обмениваются дружескими рукопожатиями. Если в исходном тексте говорится о стрелах Ахилесса, то в модернизированном переводе на их месте могут появиться ракеты с мыса Канаверел. Как уже отмечалось, подобное «обновление» оригинала, конечно, не является переводом, хотя нередко осуществляется переводчиком.

Весьма разнообразны причины применения прагматической адаптации четвертого типа, когда переводчик ставит перед собой какую-то «экстрапереводческую» задачу, продиктованную политическими, экономическими, личными и тому подобными соображениями, не имеющими никакого отношения к переводимому тексту. Переводчик может стремиться в чем-то убедить рецептора перевода, навязать свое отношение к автору оригинала или к описываемым событиям, избежать конфликта или, напротив обострить его и т.п. Подобная тенденциозность может привести к полному искажению оригинала, и обычно переводчик не допускает влияния своих личных соображений и пристрастий на процесс перевода. Однако случаи сознательного отказа от адекватного перевода под влиянием указанных факторов встречаются в переводческой практике.

Рассмотрим некоторые примеры подобной адаптации.

В прошлом веке известный французский писатель Проспер Мериме весьма успешно перевел гоголевского «Ревизора». Но в одном месте пьесы переводчик неожиданно написал совсем не то, что говорится в оригинале. В пьесе городничий приказывает поставить вокруг куч мусора забор, говоря, что чем больше сносят, тем лучшей считается деятельность властей. А переводчик вместо «чем больше сносят» пишет «чем больше строят». Считается, что Мериме сделал это, опасаясь что сохранение варианта оригинала могло быть истолковано как намек на

действия французской императрицы, по воле которой в это время сносилось много домов для устройства Больших парижских бульваров, и повлечь за собой неприятности для переводчика.

А вот пример использования сознательного искажения в пропагандистских целях. В разгар «холодной войны» американские газет както сообщили о ссоре президента Трумена с учителем музыки его дочери и о том, что в одном своем письме президент назвал этого учителя «that lousy teacher of music». Разговорное слово «lousy» вполне прилично, его можно услышать и в речи образованного человека. Но это прилагательное образовано от существительного «louse» — «вошь». И в переводе американский президент называл учителя музыки «вшивым», демонстрируя свою невоспитанность.

Сознательный отход от оригинала может потребовать от переводчика большой находчивости и эрудиции. На одном из послевоенных приемов английский генерал неожиданно спросил у своего русского коллеги через переводчика, какую тот предпочитает живопись. Под воздействием выпитого или сочтя вопрос неуместным спрошенный ответил переводчику грубовато-резко: «Скажи ему, что мне нравятся картины, где бабы и собаки». Переводчик счел благоразумным сгладить резкость ответа и перевел: «The general prefers Flemish painting» — «Генерал предпочитает фламандскую живопись». Очевиден высокий профессионализм переводчика: его прагматическая адаптация обеспечивает и высокую степень эквивалентности перевода — на картинах фламандских живописцев действительно много дородных женщин и красивых собак.

Таким образом, создавая текст перевода, переводчик либо старается сохранить прагматический потенциал оригинала, либо пытается добиться, чтобы этот текст обладал иным прагматическим потенциалом, более или менее независимым от прагматики исходного текста. В связи с этим переводчик по-разному видит свою роль в межъязыковой коммуникации: в одном случае он выполняет функции посредника, чья работа оценивается по степени верности перевода оригиналу, а в другом случае он активно вмешивается в коммуникативный процесс. В конкретной ситуации переводчик выбирает тот или иной прагматический подход к своей деятельности.

Прагматические проблемы, возникающие при переводе, не ограничиваются созданием Прагматического потенциала текста перевода. Как и любой рецептор, переводчик вступает в определенные прагматические отношения с текстом оригинала и с текстом перевода: они могут вызывать у него различные чувства, нравиться или не нравиться, он может соглашаться или не соглашаться с их содержанием и т.д. Личностное отношение переводчика не может не оказывать влияния на его решения и действия, хотя, как правило, он стремится свести это влияние к минимуму и как можно более объективно подходить к оценке прагматического потенциала обоих текстов.

С прагматической проблематикой перевода связана и оценка результатов переводческого процесса самим переводчиком или другими лицами. Завершая свою работу, переводчик решает, удовлетвориться созданным текстом или внести в него какие-то изменения. Суждение о качестве перевода выносят и многие другие: редакторы, критики, заказчики, преподаватели перевода, участники межъязыковой коммуникации. При этом текст перевода может оцениваться как по отношению к оригиналу, так и независимо от него. Соответственно критерием оценки может быть степень близости к оригиналу, качество языкового оформления текста или способность перевода достичь поставленной цели. В любом случае объективная оценка перевода представляет сложную задачу, поскольку при этом приходится учитывать целый ряд факторов. От успешного создания необходимого прагматического потенциала текста перевода с учетом характера предполагаемого рецептора в значительной степени зависит общая оценка качества перевода. Наряду с прагматикой в разных ситуациях на оценку перевода влияют и другие факторы — степень эквивалентности, жанрово-стилистическая правильность перевода, качество языка переводчика, соответствие взглядам на перевод, господствующим в данное время в обществе, — но достижение прагматической цели обычно служит наиболее важным показателем.

Оценка качества перевода может производиться с большей или меньшей степенью детализации. Для общей характеристики результатов переводческого процесса традиционно используются термины «адекватный перевод», «эквивалентный перевод», «точный перевод», «буквальный перевод» и «свободный (или вольный) перевод». *Адекватным* переводом называется перевод, который удовлетворяет всем указанным требованиям и, в первую очередь, поставленной прагматической задаче. В нестрогом употреблении адекватный перевод — это просто «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды участников межъязыковой коммуникации или лиц, осуществляющих оценку качества перевода. *Эквивалентный* перевод — это перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из

уровней эквивалентности. Мы уже отмечали, что адекватный перевод должен быть эквивалентным (на том или ином уровне эквивалентности), но не всякий эквивалентный перевод будет адекватным. Под точным переводом обычно понимается перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных стилистических погрешностях. Эквивалентный перевод может быть точным, а точный перевод частично эквивалентен. Буквальным переводом называется перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные (формальные) элементы оригинала, в результате чего либо нарушается норма или узус языка перевода, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала. Буквальный перевод, как правило, неадекватен за исключением тех случаев, когда перед переводчиком поставлена прагматическая сверхзадача выполнить филологический перевод, то есть как можно полнее отразить в переводе формальные особенности исходного языка. И, наконец, под *свободным* или вольным переводом подразумевается перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого возможно достичь при данных условиях переводческого акта. Свободный перевод может быть признан адекватным, если с его помощью решается определенная прагматическая задача или обеспечиваются высокие художественные достоинства перевода.

Во многих случаях подобной общей характеристики качества перевода оказывается недостаточно и требуется более конкретное указание на недостатки и достоинства перевода. Из всех факторов, влияющих на качество перевода, наиболее объективно удается судить о степени его эквивалентности оригиналу, поскольку такая оценка может основываться на сопоставительном анализе содержания двух текстов. В основе этого анализа лежит процедура выделения и классификации ошибок перевода, то есть несоответствий содержанию исходного текста, которых, по мнению критика, можно и нужно было избежать. В общем виде подобные ошибки подразделяются на две группы. Ошибки первой группы классифицируются по степени отклонения от содержания текста оригинала. Здесь обычно различаются, по меньшей мере, три типа ошибок. К первому типу относятся ошибки, полностью искажающие смысл оригинала, когда «черное» в оригинале становится «белым» в переводе, а утверждение чего-то становится его отрицанием или наоборот. Причина подобного грубого искажения смысла обычно кроится в неправильном понимании содержания оригинала и легко обнаруживается при анализе. Когда переводчик переводит английскую фразу

«He is a not infrequent visitor to her house» как «Он не частый гость в ее доме», то очевидно, что он не понял положительного значения двойного отрицания. Аналогичным образом, перевод фразы «He did it out of concern for his friend» как «Он сделал это не из-за заботы о своем друге» представляет грубое искажение смысла оригинала. В этом случае переводчик, видимо, связывал значение предлога «out of» только с русским «вне» или «в стороне от».

Второй тип ошибок включает всевозможные неточности перевода, не передающие или неправильно передающие какую-то часть содержания оригинала, но не искажающие полностью его смысл. Как правило, такие переводы нуждаются лишь в некотором уточнении. Нередко речь идет о замене гипонима гиперонимом или наоборот, например, когда в оригинале говорится о неизвестной переводчику редкой породе собак, а в переводе упоминается «собака» без уточнения породы. Другим примером ошибки этого типа может служить перевод английского «in the 1930's» русским «в 1930 году».

И, наконец, к ошибкам третьего типа можно отнести все шероховатости перевода стилистического характера, связанные с неудачным выбором слова или громоздким построением фразы и требующие редакторской правки, хотя и не отражающиеся на точности передаваемой информации. Когда переводчик передает английскую фразу «He belonged to a new race of scientists» как «Он принадлежал к новой расе ученых», он не искажает смысл оригинала, но обнаруживает незнание различия в употреблении английского «race» и русского «раса». Еще одна группа ошибок включает всевозможные нарушения нормы или узуса языка перевода: правил сочетаемости слов, грамматических правил, правил орфографии и пунктуации и т.п. Перевод — это всегда создание текста, письменного или устного, и этот текст не должен содержать языковых ошибок, чего переводчику не всегда удается избежать, особенно когда он переводит на неродной язык.

При необходимости дать оценку конкретному переводу по пятибалльной шкале каждому виду ошибок приписывается определенный оценочный вес. В зависимости от серьезности отклонения каждая ошибка либо снижает оценку на один или полбалла, либо признается несущественной и не учитывается. При выведении окончательной оценки полученная сумма «минусов» сопоставляется с такими трудно определяемыми положительными чертами перевода, как «общее благоприятное впе-

чатление», «элегантность изложения», «богатство словаря» и т.п. Очевидно, что при оценке перевода не удается полностью избежать субъективности. В заключение отметим, что прагматические аспекты перевода представляют большой практический и теоретический интерес Как мы могли убедиться, с ними связан целый ряд сложных переводческих проблем, для решения которых профессиональный переводчик должен обладать необходимыми знаниями и техническими приемами.

РАЗДЕЛ 5. МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ ПРООЦЕССА ПЕРЕВОДА

Как известно, когда говорят о переводе, то обычно имеют в виду либо процесс создания текста перевода (то есть действия переводчика), либо результат этого процесса (то есть сам текст перевода). На первых порах возникновения лингвистической теории перевода многие ее создатели полагали, что именно процесс перевода должен быть предметом изучения этой научной дисциплины. В дальнейшем перевод стал рассматриваться в широких рамках межъязыковой коммуникации, и в сферу интересов переводоведения были включены и результат, и процесс перевода, и все участники коммуникации, и все факторы, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Вместе с тем очевидно, что раскрытие механизма перевода, описание действий переводчика, его стратегии и тактики представляют большой теоретический и практический интерес.

Изучение процесса перевода осложняется тем, что он является результатом мыслительных операций, происходящих в мозгу переводчика и недоступных для непосредственного наблюдения. Исследователю поэтому приходится прибегать к различным косвенным средствам заглянуть в переводческую «кухню». Наиболее очевидны представляется возможность выделения в процессе перевода каких-то этапов, которые могут проходить одновременно или следовать друг за другом. Несомненно присутствие в переводе двух этапов: этапа понимания и этапа собственно перевода, создания текста на другом языке. Некоторые авторы предлагают выделять и третий этап — этап редактирования, окончательной шлифовки перевода. Поскольку процессы понимания и порождения текстов давно исследуются психологами и языковедами, переводоведение может использовать при изучении процесса перевода данные этих наук, предполагая, что протекание этих процессов у переводчика не может быть принципиально отличным от

других, «нормальных» людей. И, действительно, многие переводоведческие концепции основаны на наших знаниях того, как люди понимают и создают тексты. Вместе с тем исследования выявляют и некоторые особенности коммуникативного поведения переводчика. Как это ни парадоксально звучит, переводчик вынужден понимать переводимый текст более глубоко, чем это обычно делает «нормальный» читатель, для которого язык оригинала является родным. Такая дополнительная глубина понимания связана с необходимостью, во-первых, делать окончательные выводы о содержании текста и, во-вторых, учитывать требования языка перевода.

Предположим, в русском тексте сообщается, что кто-то произнес «яркую речь». Значение этого эпитета для нас очевидно, и нам нет необходимости над ним задумываться. А вот переводчику на английский язык подумать придется. Он должен будет решить, имеется ли в виду убедительность, образность или живость речи, поскольку от этого будет зависеть выбор в его переводе прилагательного «brilliant»,»impressive» или «vivid». Или вот в английском оригинале говорится об увольнении руководителя предприятия за то, что «he let things slide». Смысл понятен, но переводчику на русский язык придется решать, в чем именно провинился этот руководитель: «не занимался делами», «распустил подчиненных» или, может быть, просто «работал спустя рукава». Дополнительная информация может понадобиться переводчику и для выбора грамматической формы перевода. В английском предложении «Не visited me last month» можно не уточнять, был ли он у меня в прошлом месяце один или несколько раз. Но для русского перевода это существенно, так как позволит сделать выбор между «навестил» и «навещал».

Естественно попытаться использовать метод интроспекции, то есть узнать у самих переводчиков, что и как они делают. Однако ответы переводчиков на вопросы о том, как происходит процесс перевода, не дают сколько-нибудь полной и объективной картины. Переводчик во многом действует интуитивно и нередко оказывается неспособен объяснить и логически обосновать, почему он поступает так, а не иначе. Более объективные данные о процессе перевода позволяет получить метод «думай вслух», который мы уже упоминали. Напомним, что при этом переводчику предлагается для перевода письменный текст, и его просят проговаривать в микрофон все мысли, которые приходят ему в голову в процессе перевода. Например, он может сказать: «Читаю следующее предложение. Не понимаю, что оно означает, так как не знаю первого слова. Ищу это слово в словаре.

Словарь дает четыре следующих соответствия. Выбираю второе из них, которое, как мне кажется, больше подходит по контексту» и т.д. Все сказанное переводчиком фиксируется на магнитной ленте, затем переносится в письменный текст и сопоставляется с самим переводом. Записываются и анализируются также различные звуковые проявления эмоций: где-то переводчик горестно вздохнул или простонал, где-то радостно засмеялся, а где-то просто надолго замолчал. Разработанная процедура анализа позволяет получить сведения о трех важных аспектах переводческого процесса. Во-первых, выявляются различные типы переводческих трудностей как при понимании оригинала, так и при выборе варианта перевода. Во-вторых, определяется общая стратегия переводчика: последовательность его действий, методы работы со словарем, использование дословности и пр. В-третьих, удается обнаружить некоторые принципы, которыми руководствуется переводчик при выборе окончательного варианта перевода. Все это представляет несомненный интерес, и такой метод служит ценным инструментом изучения переводческого процесса. Следует, однако, заметить, что он не лишен существенных недостатков. С одной стороны, он неполно отражает реальный процесс, поскольку часть этого процесса может осуществляться интуитивно, не осознаваться и не озвучиваться переводчиком. С другой стороны, получаемая картина отражает какой-то искусственный, реально не представленный вид перевода: письменный перевод, который предварительно как бы выполняется устно. Кроме того, очевидно что далеко не каждый переводчик способен достаточно полно и правдиво рассказывать, о чем он думает.

Наиболее разработанным методом изучения переводческого процесса является создание теоретических моделей перевода и описание различных типов преобразований (трансформаций), с помощью которых возможен переход от отрезка текста оригинала к отрезку текста перевода. Модель перевода — это условное изображение процедуры осуществления процесса перевода, основанная на попытке распространить на перевод некоторые общие постулаты языкознания или психологии. Модель носит гипотетический характер, поскольку, как мы знаем, процесс перевода в мозгу переводчика непосредственно наблюдать нельзя и нет уверенности, что переводчик действует именно так, как предсказывает та или иная модель. Однако это не означает, что модели перевода — это чисто умозрительные построения. Как и в других случаях, когда исследователь имеет дело с ненаблюдаемой системой («черным ящиком»), реальность модели (ее объяснительная сила) проверяется путем сопоставления состояния системы «на входе» и «на выходе». Для перевода это означает сопоставление текстов оригинала и перевода. Если результат перевода оказывается таким, каким он должен был получиться согласно данной модели, следовательно модель «работает», хотя это, разумеется, не доказывает, что переводчик осознанно использовал такую модель.

В настоящее время в теории перевода разработано несколько подобных моделей. Наибольшее распространение получили ситуативная, трансформационная и семантическая модели, основанные на постулатах современной лингвистики. *Ситуативная* (или денотативная) модель распространяет на процесс перевода лингвистические концепции о связи языка и действительности. Вспомним, что словесные знаки называют классы объектов или единичные объекты (денотаты), реально существующие или воображаемые, а речевые высказывания и тексты используются для описания ситуаций — совокупностей денотатов и связей между ними. Ситуативная модель перевода исходит из положения о том, что любая ситуация может быть в принципе описана средствами любого языка. Даже если в языке отсутствуют наименования для каких-то элементов действительности, всегда существует возможность либо образовать в этом языке новые единицы, либо описать эти элементы с помощью сочетаний уже имеющихся единиц. На основе этих положений предполагается, что процесс перевода происходит следующим образом. Поняв содержание оригинала, переводчик определяет, какая ситуация в нем описана, а затем описывает эту ситуацию средствами языка перевода. Иначе говоря, процесс перевода осуществляется в два этапа: от текста оригинала к действительности и от действительности к тексту перевода.

Есть ли какие-нибудь доказательства, что перевод, действительно, может осуществляться подобным образом? По-видимому, в ряде случаев ситуативная модель хорошо объясняет наблюдаемые факты. Прежде всего она «работает» при переводе слов, не имеющих прямых соответствий в другом языке, так называемый «безэквивалентной лексики». Встретив в оригинале такое слово, переводчик выясняет, какая за ним стоит реальность и затем решает, каким способом эту реальность лучше описать в переводе. Например, выяснив, что английское «baby-sitter» обозначает человека, которого попросили посидеть с чужими детьми, переводчик будет решать, как это выразить по-русски.

Объясняет эта модель и известные нам случаи ситуативной эквивалентности, когда отдельные ситуации описываются в языке перевода

строго определенным способом. Независимо от того, как в оригинале формулируется требование «Не мять траву» (сравни английское «keep off the grass»), в русском переводе будет написано: «По газону не ходить!». Обращение к ситуации подсказывает переводчику общепринятый способ ее описания. Сравни перевод «Stop, I have a gun», как «Стой! Буду стрелять» и неупотребительное в русском языке: «Стой! У меня ружье». Решающую роль играет обращение к ситуации и в тех случаях, когда содержащаяся в высказывании информация недостаточна для выбора варианта перевода. Мы уже знаем, что любая ситуация описывается в высказывании не во всех деталях, а через обозначение некоторой совокупности ее признаков. В то же время выбор варианта перевода может порой зависеть от других признаков, которыми данная ситуация обладает в реальной действительности, но которые не вошли в способ ее описания, использованный в оригинале. В этом случае переводчик обращается к описываемой ситуации, ища необходимые сведения. Рассмотрим простой пример. Предположим, нам надо перевести следующее английское высказывание: «Her aunt must be made to tell them about it». Содержание этого высказывания понять нетрудно, но выбор соответствия для существительного «aunt» и глагола «made» в русском переводе потребует дополнительной информации. Ведь «aunt» может быть и «тетя», и «тетушка», и «тетка», а «must» может означать, что ее нужно «заставить», «убедить» или «попросить» (рассказать им об этом). Для того чтобы решить этот вопрос, необходимо выяснить, о каких людях реально идет речь, какие между ними существуют отношения и какие методы могут быть использованы, для того чтобы получить от упомянутой родственницы желаемые сведения.

Необходимые сведения о реальной ситуации можно порой получить из литературных источников и всякого рода справочников. В следующем примере из романа Дж.Джерома «Трое в одной лодке» переводчику понадобится основательное знание истории Англии. «Cromwell and Bradshaw (not the guide man, but the King Charles's head man) likewise sojourned here». Перевести слова в скобках удастся лишь тогда, если известно, что Дж.Бредшо был председателем суда, приговорившего к смертной казни Карла Первого, а его однофамилец — автор известного в Англии путеводителя. К обращению к ситуации нередко прибегает преподаватель, когда советует учащимся: «Вы поняли, о чем сказано в этом английском предложении? Теперь скажите то же самое по-русски».

Таким образом, ситуативная модель перевода дает возможность объяснить те особенности переводческого процесса, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности. В то же время нетрудно убедиться, что она охватывает лишь некоторые способы реализации процесса перевода. Мы знаем, что в первом типе эквивалентности сохранение цели коммуникации достигается за счет отказа от описания той же самой ситуации. Если ситуация, описанная в оригинале, не позволяет рецептору перевода сделать необходимые выводы, то описание средствами другого языка той же ситуации не обеспечит возможности межъязыковой коммуникации. Не объясняет ситуативная модель и тех случаев, когда в переводе сохраняется не только ситуация, описанная в оригинале, но и способ ее описания, а также основная часть значений языковых средств. Из этого не следует, что модель неправильна, просто такая модель обладает ограниченной объяснительной силой.

Попытку объяснить, каким образом происходит выбор синтаксических структур в переводе, предпринимает *трансформационная* модель перевода. Она основывается на положениях трансформационной грамматики, которая постулирует существование в языке рядов взаимосвязанных синтаксических структур. В таких (трансформационных) рядах выделяются ядерные структуры, в которых отношения между элементами структуры наиболее прозрачны, и производные структуры (трансформы), выводимые из ядерных по определенным трансформационным правилам. Например, производными по отношению к структуре «Мальчик читает книгу» будут трансформы «Мальчик не читает книгу», «Чтение книги мальчиком», «Читающий книгу мальчик». Одна и та же производная структура будет неоднозначной, если она может быть выведена из разных ядерных структур. Так, сочетание «приглашение ректора» может означать, что либо ректор пригласил кого-то, либо кто-то пригласил ректора. Трансформационная модель предлагает рассматривать процесс перевода как ряд последовательных трансформаций в двух языках, исходя из предположения, что ядерные структуры в разных языках совпадают в значительно большей степени, чем производные структуры.

Согласно этой модели процесс перевода осуществляется в три этапа. На первом этапе производная структура в оригинале возводится к ее ядерной структуре в исходном языке. На втором этапе происходит переход от ядерной структуры языка оригинала к аналогичной ядерной структуре языка перевода. И, наконец, на третьем этапе ядерная струк-

тура в языке перевода преобразуется в производную в соответствии с нормой и узусом этого языка. Предположим, английское предложение «She is a poor letter-writer» переведено на русский язык как «Она не умеет писать письма». По трансформационной модели этот перевод объясняется следующим образом. На первом этапе происходит преобразование в ядерную структуру: «She is a poor letter-writer — She writes letters poorly». На втором этапе эта ядерная структура заменяется соответствующей ядерной структурой в русском языке — «Она пишет письма плохо». А затем происходит преобразование в естественную производную структуру:»Она не умеет писать письма».

Разумеется и трансформационная модель, устанавливающая соответствия лишь между синтаксическими структурами оригинала и перевода, обладает ограниченной объяснительной силой и не претендует на всестороннее описание переводческого процесса. В определенной степени ее дополняет *семантическая* модель перевода, которая представляет процесс перевода как идентификацию и сохранение релевантных сем оригинала. В основе этой модели лежит попытка распространить на перевод применяемую в лингвистике процедуру компонентного анализа, позволяющую разбивать значения языковых единиц на более мелкие элементарные смыслы — семы, и эти значения рассматриваются как пучок таких сем. При этом оказывается, что, если пучки сем (значения языковых единиц) в разных языках, как правило, не совпадают, то между составляющими их семами имеется значительная общность. Предполагается, что процесс перевода может осуществляться в два этапа. На первом этапе переводчик определяет семный состав отрезка оригинала и решает, какие из выявленных сем релевантны для коммуникации и должны быть переданы в переводе. На втором этапе в языке перевода подбираются единицы, в значения которых входят как можно больше сем оригинала, в первую очередь, релевантных. Степень близости перевода к оригиналу определяется количеством общих сем. При этом некоторые семы могут обнаруживаться из контекста оригинала и эксплицироваться в переводе или навязываться нормами языка перевода.

Предположим переводится английское предложение «I have come». В этом предложении компонентный анализ выявляет пять эксплицитных сем: 1. Говорящий (первое лицо). 2. Прибытие (без указания на способ передвижения). 3. Прошедшее время 4. Связь с другим действием или моментом времени (значение перфекта). 5. Связь с моментом речи (значение формы перфекта настоящего времени). Первые три семы явно релевантны и должны быть сохранены в переводе. Кроме того, при переводе на русский язык выбор варианта потребует дополнительной информации о том, какого пола говорящий и пользовался ли он какими-либо средствами передвижения. А также было ли действие однократным или повторяющимся. Эта информация не содержится в самой фразе, и ее придется искать в других частях текста или в описываемой ситуации. С учетом всех таких факторов переводчик мог бы перевести эту фразу: «Я пришла». В русском предложении компонентный анализ обнаруживает шесть сем: 1. Говорящий. 2. Прибытие. *3.* Прошедшее время. 4. Женский род. 5. Движение пешком. 6. Совершенный вид. Таким образом, эквивалентность перевода основана на общности трех релевантных сем, эксплицированных в оригинале, и на трех других семах, соответствующих общему смыслу исходного текста.

Заменяющие друг друга семы могут не совпадать, а быть связаны отношениями семантического перефразирования, характерными для третьего типа эквивалентности: «Last year saw a rapid growth of industrial production». — «В прошлом году отмечался быстрый рост промышленного производства» (А видит X у себя = X наличествует у А = X существует в период, когда А). Вполне очевидно, что и семантическая модель не обладает универсальной объяснительной силой. Мы уже знаем, что эквивалентность перевода может устанавливаться на уровне цели коммуникации при замене ситуации или на уровне указания на ситуацию при замене способа ее описания. В этих случаях общность сем в оригинале и в переводе, естественно, отсутствует и процесс перевода не может осуществляться по семантической модели.

Для моделирования переводческого процесса могут быть использованы положения психолингвистики о структуре речевой деятельности. Как и в любой человеческой деятельности, в речевой деятельности человека можно выделить несколько этапов. Вначале у человека возникает мотив, побуждающий к действию, затем цель, которую он стремится достичь для удовлетворения мотива с помощь речевого произведения, внутренняя программа будущего высказывания, построение высказывания во внутренней речи и, наконец, вербализация его в устной или письменной речи. Для теории перевода особое значение имеют данные психолингвистических исследований, свидетельствующие о том, что внутренняя программа речепроизводства формируется не на базе естественного языка, а на индивидуаль-

ном предметно-образном коде человека. Она представляет в сжатой форме замысел высказывания и может затем развертываться средствами любого языка, которыми этот человек владеет. Поскольку переводчик также осуществляет речевую деятельность, создавая текст перевода, процесс перевода должен проходить через те же этапы, но при весьма существенном отличии: внутренняя программа переводчика создается не им самим, а представляет собой свернутое содержание оригинала. Тогда процесс перевода может быть представлен следующим образом. На первом этапе переводчик «переводит» понятое им содержание оригинала на свой «язык мозга» в виде своей внутренней программы (замысла высказывания), а на втором — развертывает эту программу на другом языке, как это делает любой говорящий на этом языке.

Поскольку результатом перевода является создание речевого произведения, есть основания полагать, что психолингвистическая модель речевой деятельности, в целом, правильно описывает и процесс перевода, хотя и нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что, как уже отмечалось, замысел речевого высказывания не содержит готовых языковых единиц, и говорящий развертывает свою внутреннюю программу, самостоятельно выбирая языковые средства. Поскольку переводчик ограничен в свободе выбора этих средств необходимостью как можно полнее передать содержание оригинала, то он должен обладать дополнительной информацией, которая позволит ему сделать правильный выбор. Такую информацию он может иметь, либо если его внутренняя программа будет принципиально иной, включая указания о способе развертывания (что теоретически маловероятно), либо если в процессе ее развертывания он вновь обращается к оригиналу, соизмеряя выбор языковых средств с содержанием и формой исходного текста.

Подобные дедуктивные модели перевода представляют процесс перевода в общей форме в виде ряда последовательных операций. Другой способ описания переводческого процесса заключается в попытке обнаружить более конкретные операции, с помощью которых переводчик может осуществлять переход от оригинала к переводу. Предполагается, что отношение между отрезком оригинала и соответствующим отрезком перевода можно представить как преобразование (трансформацию) первого во второй по определенным правилам. Подобные переводческие трансформации могут рассматриваться как приемы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей.

В зависимости от характера преобразований переводческие трансформации подразделяются на лексические, грамматические и лексико-грамматические. Лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе. Среди формальных преобразований основными приемами перевода являются переводческая транскрипция/транслитерация и переводческое калькирование.

Прием транскрипции означает, что в переводе воспроизводится звучание слова оригинала, в отличие от транслитерации, передающей его графическую форму. Этот прием широко применяется при переводе собственных имен, географических названий, названий фирм, печатных изданий, многих терминов и т.п. В современной переводческой практике, в основном, используется транскрипция, и многие наименования, которые в прошлом транслитерировались, теперь транскрибируются. Великий английский драматург был сначала известен в России как Шакеспеаре и лишь потом стал Шекспиром. Знаменитый английский физик был Невтоном, потом Ньютоном, а теперь все чаще именуется Ньютоном. Транскрибируются и некоторые названия, которые прежде переводились. Так, на карте США был раньше Город Соленого Озера, ставший теперь Солт-лейк-сити.

В ряде случаев транскрипция носит условный характер, так как у звуков языка оригинала нет приблизительно соответствующих им звуков и букв в языке перевода. Английские звонкий и глухой звуки, передаваемые на письме сочетанием «th», воспроизводятся в русской транскрипции — звонкий как «д» или «з», а глухой как «т» или «с» (Warner Brothers = Уорнер Бразерз, Smith = Смит и пр.). Условное соотношение порой устанавливается и для звуков более или менее близких. Например, английское «w» транскрибируется русским «у», а немецкое «h» традиционно передается по-русски как «г». (В последнее время эта традиция начала нарушаться: если Helmut Kohl — это Гельмут Коль, то президент Herzog уже пишется Херцог, а многие прежние Гансы стали Хансами.)

Хотя в целом в переводческой практике преобладает транскрипция, можно отметить несколько типичных случаев отклонения от этого правила. Прежде всего в транскрибируемых словах могут сохраняться элементы транслитерации. Так, в русских переводах сохраняется часто непроизносимое английское «r» и передающие один звук двойные согласные: Daily Worker = Дейли Уоркер, Bill Clinton = Билл Клинтон. Другим примером может служить преобладание графики над звучанием

в передаче немецкого дифтонга «ei»: Leipzig — Лейпциг, Heine — Гейне. Нередко буквенный состав сохраняется, если в результате получается уже существующее слово. Так, названия ракет обычно транскрибируются по правилам: ракета «Hawk» = «Хок», а «Faulcon» = «Фолкон». Но американская ракета «Tomahawk» именуется по-русски не «Томахок», а «Томагавк», ракета «Hercules» — не «Херкьюлиз», а «Геркулес». Особенно много отклонений от принципа транскрибирования связано с существованием традиционных наименований, которые уже прочно вошли в употребление. Это касается как географических названий, так и имен собственных. Столицу Франции мы называем не «Пари», как следовало бы (сравни название газеты «Пари суар»), а Парижем, а столицу Шотландии — не «Эдинбра», а Эдинбургом. Английское имя «Charles», естественно, транскрибируется как Чарлз — Чарлз Дарвин, Чарлз Диккенс и т.п. Но носивший такое же имя король, которому англичане отрубили голову, известен у нас как Карл I. Затем Карлом был назван и Charles II, а король Джеймс (James) превратился в Якова. Первого норманского короля Англии звали так же, как Шекспира, но мы его зовем Вильгельмом Завоевателем. Нескольких английских королей именовали Henry, но в России их зовут Генрихами. В Генрихов превратились и французские короли по имени Анри (Henri), а все восемнадцать французских царственных особ со столь распространенным именем Луи числятся у нас Людовиками. Понятно, что в подобных случаях переводчик не может транскрибировать такие имена «по правилам».

Несколько слов о приеме калькирования, который не требует особых разъяснений. Применяя этот прием, переводчик переводит составляющие элементы слова или словосочетания и затем объединяет переведенные части в единое целое: superpower = сверхдержава, International Monetary Fund = Международный валютный фонд. При этом в переводе может изменяться порядок следования компонентов: United Nations Organisation = Организация Объединенных Наций, first-strike weapon = оружие первого удара. Встречаются смешанные случаи, когда при калькировании одна часть слова переводится, а другая — транскрибируется: petrodollars = нефтедоллары, miniskirt = мини-юбка.

Следующую группу лексических трансформаций составляют лексико-семантические замены, применение которых связано с модификацией значений лексических единиц. К основным приемам этой группы относятся *конкретизация, генерализация и модуляция.*

Прием смысловой *конкретизации* заключается в том, что переводчик выбирает для перевода в оригинале слово с более конкретным значением в переводящем языке. В любом языке есть слова с более общим или с более конкретным значением, выражающие родовые или видовые понятия: слово «собака» называет больший класс объектов, чем слово «бульдог», «двигаться» охватывает все частные виды движения — ходить, бегать, летать и пр. В то же время соотношение таких слов в разных языках и их употребительность часто не совпадают, что вызывает необходимость в преобразованиях при переводе. Применение приема конкретизации оказывается целесообразным в двух основных случаях. Во-первых, в языке перевода слову с общим значением в оригинале могут соответствовать несколько слов с более частными значениями. При переводе английского слова «meal» на русский язык обычно приходится выбирать между более конкретными названиями приемов пищи (завтрак, обед, ужин и пр.). Аналогичным образом, переводя на английский язык русское «плавать», нужно будет выяснить, кто плавает и как плавает, чтобы сделать выбор между более конкретными глаголами «swim, sail, float, drift». Во-вторых, использование в переводе таких же общих слов, как в оригинале, может оказаться неприемлемым для описываемой ситуации. В романе Ч.Диккенса «Давид Копперфилд» есть такой эпизод. Мать мальчика Дэви, от лица которого ведется повествование, сидит одна в полутемной комнате, глубоко задумавшись. Внезапно в комнату с шумом врывается ее эксцентричная тетушка, испугав неожиданным появлением погруженную в раздумье женщину. И вот как это описывается в романе: «My mother had left her chair in agitation and gone behind it in the comer». Английские глаголы с общим значением «to leave» и «to go» не могут быть здесь переведены с помощью соответствующих русских глаголов «оставить» и «пойти». Неприемлемость перевода «Взволнованная матушка оставила свое кресло и пошла за него в угол» очевидна. В русском языке столь конкретная эмоциональная ситуация не описывается подобным образом. Обеспечить эквивалентность перевода можно путем конкретизации указанных глаголов: «Взволнованная матушка вскочила со своего кресла и забилась в угол позади его».

Как видно из его названия, прием *генерализации* подразумевает замену единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением. И здесь применение этого приема может быть вынужденным или факультативным. В первом случае в языке перевода отсутствует необходимое слово с конкретны значением. Так, различия между рус-

скими «теща и свекровь» или «шурин и деверь» обобщаются в английских переводах едиными «mother-in-law» и «brother-in-law». Во втором случае переводчик предпочитает более общий вариант по стилистическим соображениям. В художественных произведениях на русском языке не принято, например, в отличие от английских точно указывать рост и вес персонажей, и обычное предложение «I saw a man 6 feet 2 inches tall» в оригинале может быть заменено в русском переводе: «Я увидел высокого парня».

Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных отрезков в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями. И в этом случае отказ от «прямого» перевода может быть вынужденным или зависеть от выбора переводчика. Вспомним пример из романа А.Кронина «Цитадель», где герой приезжает к месту своей новой работы, и его встречает кучер с двуколкой. Дальше мы читаем: «Manson... climbed into the gig behind a tall... horse». Контекстуальной замены здесь не избежать, поскольку по-русски нельзя сказать: «Он сел в телегу позади лошади» (как будто лошадь тоже сидела в телеге). Но ведь лошадь не просто находилась впереди коляски, следовательно: «Мэнсон... влез в... коляску, запряженную крупной... лошадью». В следующем примере «прямой» перевод показался переводчику слишком громоздким, и он предпочел использовать прием модуляции. В романе Ч.Диккенса «Давид Копперфилд» рассказывается о школьнике, которого часто наказывали за различные провинности. Он быстро забывал про свои неприятности, и автор пишет: «He would cheer up somehow, begin to laugh again, and draw skeletons all over his slate, before his eyes were dry» — «Он снова приободрялся, начинал смеяться и рисовал на своей грифельной доске разные фигурки, хотя глаза его еще были полны слез». Можно согласиться, что вариант «...прежде чем у него высыхали глаза» был бы менее удачным.

Теперь познакомимся с некоторыми грамматическими трансформациями. Среди них наиболее частыми приемами являются дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены. Дословный перевод (нулевая трансформация) — это способ перевода, при котором синтаксическая структура ИЯ заменяется аналогичной структурой ПЯ, например: «He was in London two years ago» — «Он был в Лондоне два года назад». Прием достаточно прост, но заслуживает упоминания по двум причинам. Во-первых, потому, что следует подчеркнуть «легитимность» его применения: у начинающих переводчиков иногда обнаруживается стремление изменять синтаксическую структуру даже там, где лучшим выбором был бы дословный перевод. Во-вторых, надо четко отличать этот прием от уже известного нам буквального перевода, который тоже передает оригинал «слово в слово», но при этом искажает его смысл или нарушает нормы языка перевода.

Прием членения предложения, как об этом говорит его название, заключается в том, что одно предложение оригинала делится на два-три предложения в переводе. Применение этого приема может быть вызвано семантическими или стилистическими причинами. Например, в английских газетах нередко встречаются краткие сообщения, состоящие из одного предложения, но содержащие большой объем информации типа: «Both engine crews leaped to safety from a collision between a parcels train and a freight train near Morris Cowley, Oxfordshire». В этом предложении содержится целый рассказ: сообщается и что произошло, и где произошло, и с кем произошло, и как спаслись участники происшествия. В русском переводе будет естественным разбить сообщение на две части и сначала сказать о самом событии, а уже потом о его последствиях, например: «Вблизи станции Моррис Коули в графстве Оксфордшир произошло столкновение почтового и товарного поездов. Члены обеих поездных бригад остались невредимы, спрыгнув на ходу с поезда». А вот краткая метеосводка из английской газеты: «Mist covered a calm sea in the Straits of Dover yesterday». Можно перевести эту фразу дословно «Туман окутывал вчера спокойное море в проливе Па-де-Кале», но не слишком ли это поэтично для простой метеосводки? А вот как будет звучать перевод при использовании приема членения: «Вчера в проливе Па-де-Кале стоял туман. Море было спокойно».

Прием объединения предложений прямо противоположен предыдущему — двум или трем предложениям оригинала соответствует одно предложение в переводе. Применение этого приема может оказаться вынужденным вследствие недооформленности одного из переводимых предложений: «The marchers did not intend to go to Parliament. Nor to petition their MP's» — «Участники демонстрации не собирались ни идти к парламенту, ни подавать петицию своим депутатам». В других случаях переводчик может решить, что целесообразно объединить предложения по стилистическим соображениям. Для научно-технических текстов на английском языке харак-

терно преобладание простых предложений, что менее свойственно соответствующему русскому стилю, где очень широко используются сложные предложения. В связи с этим в англо-русских технических переводах двум или более простым предложениям оригинала соответствует одно сложное предложение в переводе, например: «This condition, however, changes at certain critical energies of the electrons. At these critical energies the gas atoms do absorb energy» — «Однако это условие нарушается при некоторых критических энергиях электронов, когда атомы газа поглощают энергию».

Во многих случаях переход от оригинала к переводу осуществляется с помощью различных грамматических замен, что подразумевает отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм. Замене может подвергаться грамматическая категория, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Рассмотрим несколько примеров применения этого приема. Обычно в переводе категория числа сохраняется, то есть соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употребляются в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в одном языке соответствует форма множественного числа в другом (сравни «money» — «деньги», «outskirts» — «окраина» и т.п.). Но в определенных условиях замена формы числа может применяться как прием перевода и при наличии соответствующей формы по соображениям стиля или узуса: «They left the room with their heads held high» — «Они вышли из комнаты с высоко поднятой головой».

Весьма распространенным видом грамматической замены при переводе является замена части речи. Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом («It is our hope that an agreement will be reached by Friday» — «Мы надеемся, что соглашение будет достигнуто к пятнице») и прилагательного существительным («Australian prosperity was followed by a slump» — «За экономическим процветанием Австралии последовал кризис»). Нередко также подобная замена применяется в отношении английских прилагательных в сравнительной степени со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени: «The stoppage which is in support of higher pay and shorter working hours, began on Monday» — «Забастовка в поддержку требований о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня началась в понедельник». Часто встречающиеся в англо-русских переводах замены части речи и типа предложения обусловлены, в частности, тем, что в английском языке чаще, чем в русском, подлежащее выполняет иные функции, нежели обозначение субъекта действия, например: «The crash killed 20 people» — «В результате аварии погибло 20 человек» (подлежащее заменено обстоятельством причины).

Особую группу переводческих трансформаций составляют приемы перевода, с помощью которых преобразуется и лексика, и синтаксические структуры оригинала. Наиболее распространенными лексико-грамматическими трансформациями являются прием антонимического перевода, прием описательного перевода и прием компенсации. При *антонимическом* переводе замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением: «Nothing changed in my home town» — «Все осталось прежним в моем родном городе». В англо-русских переводах этот прием применяется особенно часто, когда в оригинале отрицательная частица употреблена со словом, имеющим отрицательный префикс, например: «She is not unworthy of your attention» — «Она вполне достойна вашего внимания». В русском языке форма отрицательной частицы «не» и основной отрицательной приставки совпадает, и их совместное употребление обычно оказывается неудобопроизносимым.

В рамках антонимического перевода единица ИЯ может заменяться не только прямо противоположной единицей ПЯ, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль. Рассмотрим перевод следующего английского предложения: «The rail-road unions excluded negroes from their membership». Дословный перевод «Профсоюзы железнодорожников исключали негров из своих рядов» не вполне логичен: ведь, исключить человека из организации можно лишь тогда, если он является ее членом. Нельзя же предположить, что профсоюз принимал негра только для того, чтобы тут же его исключить. Но «исключать» — это значит «не включать» или, иначе говоря, «не принимать». Итак, «Профсоюзы железнодорожников не принимали негров в свои ряды».

Описательный перевод — это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, раскрывающим ее значение: conservationist — сторонник охраны окружающей среды, whistle-stop speech — выступление кандидата в ходе предвыборной агитационной поездки. Недостаток описательного перевода заключается в его многословности. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется там, где можно обойтись сравнительно кратким объясне-

нием. Так, a shuttle service — это организация челночных перевозок между какими-то пунктами, но в следующем переводе можно выразить эту мысль короче: «Car owners ran a shuttle service for parents visiting the children injured in the accident» — «Владельцы автомашин привозили и отвозили родителей, которые навещали своих детей, пострадавших во время аварии».

Последняя трансформация, которую мы упомянем в этой лекции, — это уже знакомый вам прием *компенсации*. Напомню вам, что компенсация — это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе, передаются в тексте перевода каким-либо иным средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Так, в следующем примере нарушение языковой нормы в английском тексте, непередаваемое в переводе, компенсируется совсем иными нестандартными формами в русском языке: «You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said 'he don't' and 'she don't' and stuff like that» — «Было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили 'хочут' и 'хочете' и все в таком роде». Мы подробно рассматривали прием компенсации при описании пятого типа эквивалентности, и я вас отсылаю к этому разделу курса.

РАЗДЕЛ 6. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Мы уже отмечали, что для перевода, в целом, характерна не только смысловая, но и структурная близость к оригиналу. В большинстве случаев для каждого предложения оригинала можно обнаружить соответствующее предложение в тексте перевода. Более того, сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что в процессе перевода значения определенных единиц ИЯ регулярно передаются с помощью одних и тех же единиц ПЯ. Это и не удивительно: языковые единицы обладают относительно устойчивым значением, что и предопределяет возможность того, что они могут регулярно заменять друг друга при переводе. Единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ, называется переводческим соответствием. «Регулярно» значит, что такая единица используется в качестве соответствия при переводе разных текстов разными переводчиками.

Переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разного уровня языковой структуры. Так, при переводе английского «But he 'will go there» русским «Но он обязательно пойдет туда» усиление,

выраженное в оригинале ударением на обычно безударном вспомогательном глаголе, передано в переводе лексическими средствами — словом «обязательно». Аналогичным образом могут существовать и лексико-грамматические соответствия: «Не has read the book» — «Он уже прочитал эту книгу» (значение завершенности действия в оригинале выражено грамматическими, а в переводе — лексическими средствами).

Однако, как правило, переводческие соответствия устанавливаются между единицами одного и того же уровня. Поэтому различаются лексические; фразеологические и грамматические соответствия. В основном, лексические соответствия могут быть единичными или множественными. Единичное соответствие означает, что в большинстве случаев данная единица ИЯ переводится одной и той же единицей ПЯ. Такие соответствия существуют, главным образом, у терминов, собственных имен и различных названий. Это наиболее устойчивый способ перевода данной единицы. Так, House of Commons — это всегда «Палата общин», oxygen - «кислород», hydrogen - «водород», а Senator — всегда «сенатор». Могут быть случаи, когда единичные соответствия имеются только у некоторых значений многозначного слова, например, английское barrel — «бочка, бочонок, барабан» и пр. имеет такие соответствия в значении «часть огнестрельного оружия» (ствол) и «единица объема нефти» (баррель). Хранение единичных соответствий в памяти переводчика имеет большое практическое значение. Во-первых, это дает ему возможность не тратить время на поиски эквивалента, что особенно важно при устном переводе. Во-вторых, заранее известный перевод таких единиц позволяет быстро определить тематическую область текста, ориентирует мысль переводчика в нужном направлении.

Многие единицы ИЯ имеют множественные соответствия — несколько единиц ПЯ, регулярно используемых для передачи их значений. Например, trade-union — профсоюз или тред-юнион, importance — важность, значение или значимость, flying — летающий, летный, летящий, летательный, летучий. Переводчик делает выбор между такими соответствиями на основе контекста — лингвистического или ситуативного. Лингвистический контекст — это окружение слова в тексте. Различается узкий контекст в рамках предложения и широкий контекст — часть текста или весь текст в целом. Нередко выбор соответствия оказывается возможным уже из узкого контекста. Например, английский глагол to strike может переводиться как «бить, ударять, найти, натолкнуться, поражать, сражать, пускать корни, бастовать». Но уже при переводе сочетания «the striking

trade-unions» контекст позволяет выбрать вариант «бастующие». В других случаях основания для выбора придется искать в широком контексте. Если в оригинале сказано, что кто-то «got up from his chair», то переводчику на русский язык нужно будет решать, идет ли речь о стуле или о кресле, а указание на это может обнаружиться совсем в другой части текста.

Под ситуативным контекстом понимается любая экстралингвистическая информация, позволяющая сделать выбор между соответствиями, сведения о времени, месте, обстоятельствах, фактах и т.п. Так, trade union в Англии будет переводиться «тред-юнион», а в США — «профсоюз». Если речь идет о прошлых веках, то abolitionist — это «аболиционист» (то есть сторонник отмены рабства), а если о наших днях, то в переводе это будет «сторонник отмены смертной казни». Существование у единицы ИЯ одного или нескольких переводческих соответствий еще не означает, что эти соответствия будут обязательно использованы в переводе. В ряде случаев условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают переводчика отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение этой единицы в данном контексте. Такой нерегулярный, исключительный способ перевода называется окказиональным соответствием.

Условия контекста могут побудить переводчика отказаться даже от применения единичного соответствия. Например название американского города New Haven регулярно передается на русский язык как «Нью-Хейвен». Но вот в романе Фицджеральда «Великий Гэтсби» встречается такое предложение: «I graduated from New Haven in 1915». Контекст ясно показывает, что название города употреблено здесь в переносном смысле вместо учебного заведения, находящегося в этом городе. Но по-русски нельзя «окончить Нью-Хейвен», хотя в некоторых случаях подобное переносное употребление вполне нормально, если название города связано с расположенным в нем университетом: можно окончить Оксфорд или Кембридж. С названием Нью-Хейвена у русского читателя такие ассоциации отсутствуют, и переводчик отказывается от регулярного соответствия: «Я окончил Иельский университет в 1915 году». Еще чаще контекст вынуждает переводчика отказываться от использования одного из множественных соответствий. Глагол «to deal» имеет несколько регулярных соответствий в русском языке: «обходиться, обращаться, поступать, вести себя». Но вот в книге «Во имя мира» А.Джонстон пишет: «History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers». Понятно, что автор имеет в виду, что

история не просто обошлась с Гитлером, а обошлась с ним по заслугам, сурово. И в переводе читаем: «История покончила с Гитлером; история покончит со всеми будущими гитлерами».

Нередко окказиональные соответствия используются в стилистических целях для воссоздания художественного эффекта оригинала. Английский автор пишет: «The mountain tops were hidden in a grey waste of sky», а переводчик переводит: «Вершины гор тонули в сером небе». Конечно, глагол to hide не означает «тонуть», но это окказиональное соответствие хорошо передает здесь беспредельность небесного свода (waste of sky). Сопоставительный анализ обнаруживает и такие единицы ИЯ, для которых в ПЯ вообще нет регулярных соответствий. Наличие подобных безэквивалентных единиц не означает, однако, что их значения не могут быть переданы в переводе. Переводческая практика выработала ряд способов создания окказиональных соответствий для этой цели. Остановимся кратко на некоторых из них.

1. Соответствия-заимствования, воспроизводящие в ПЯ форму иноязычного слова: tribalism — трайбализм, know-how — ноу-хау, chip — чип.

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части словосочетания: backbencher — заднескамеечник, brain drain — утечка мозгов, work-to-rule — работа (строго) по правилам.

3. Соответствия-аналоги, создаваемые путем использования единиц ПЯ, не вполне соответствующих по значению исходным единицам, но способных их заменить в конкретном случае. Для перевода английского drugstore можно использовать русское «аптека», хотя это не одно и то же, поскольку в drugstore продаются не только лекарства, но и продукты, газеты, хозяйственные товары и пр. Afternoon — это не «вечер», но если участники конференции проводят в день два заседания — morning session и afternoon session, то второе в переводе можно назвать «вечерним».

4. Соответствия — лексические замены, создаваемые с помощью одного из видов переводческих трансформаций, о которых шла речь в предыдущей лекции. Так, при переводе на русский язык английского exposure, не имеющего прямого соответствия, например, в предложении «He died of exposure» в зависимости от широкого контекста могут быть использованы трансформации конкретизации или модуляции: «Он умер от простуды», «Он замерз в снегах», «Он погиб от солнечного удара» и т.п.

5. При невозможности создать окказиональное соответствие указанными выше способами для передачи значения безэквивалентного слова

используется описание, раскрывающее это значение при помощи развернутого словосочетания: landslide — победа на выборах подавляющим большинством голосов, brinkmanship — искусство проведения политики на грани войны, coroner — следователь, проводящий дознание в случае насильственной или скоропостижной смерти.

Таким образом, значения безэквивалентных слов в конкретных контекстах передаются столь же успешно, как и значения слов, имеющих единичные или множественные соответствия.

Большой практический интерес представляет изучение фразеологических соответствий. Вспомним, что фразеологическими единицами или фразеологизмами обычно называют образные устойчивые словосочетания, к числу которых относятся такие важные выразительные средства языка, как идиомы, пословицы, поговорки и другие словосочетания, обладающие переносным значением. Фразеологизмам принадлежит особая роль в вербальной коммуникации, они не просто передают определенную информацию, но и оказывают воздействие на чувства и воображение рецептора. Многие авторы и ораторы специально насыщают свои тексты такими средствами, чтобы создать желаемый эффект. Понятно, что и в переводе желательно сохранить этот эффект, и надлежащее воспроизведение фразеологизмов составляет одну из важных задач переводчика.

Перевод фразеологических единиц связан со значительными трудностями, поэтому особенно важно, чтобы переводчик хорошо знал основные типы фразеологических соответствий и способы их применения. Но прежде всего отметим, что ошибки при переводе фразеологизмов могут возникать уже в связи с тем, что переводчик не распознает фразеологическую единицу и пытается перевести ее как свободное сочетание слов. Так, в переводе романа Гринвуда «Отряд выступает» нам сообщается, что герой романа вышел из «своего коричневого кабинета» что не может не вызвать удивления, так как до этого он находился во дворе. Переводчик был явно не знаком с английским фразеологизмом «to be in a brown study», то есть «глубоко задуматься», и не понял, что употребленное в тексте выражение «to come out of the brown study» означает «очнуться от глубокого раздумья». Известен анекдотический случай, когда Н.С.Хрущев в одной из своих речей пообещал показать империалистам «Кузькину мать» и в английских газетах сообщили, что он грозит показать им «the mother of Kuzma». Тогда шутили, что ЦРУ немало потрудилось, пытаясь отыскать эту грозную русскую маму.

Характер и способы применения фразеологических соответствий во многом определяются особенностями семантики фразеологических единиц. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты. Наиболее важными из них с точки зрения выбора соответствия в ПЯ являются следующие: 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма; 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа, «образный стержень»; *3)* эмоциональный компонент значения фразеологизма; 4) стилистический компонент значения фразеологизма; 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма. Нередко каждый компонент называют значением фразеологической единицы.

Переносное значение фразеологизма является основным, и оно должно обязательно воспроизводиться в переводе. Когда мы говорим по-русски «Не выноси сор из избы», мы имеем в виду, что не следует делать свои личные или семейные обстоятельства достоянием широкой общественности. Такое же переносное значение имеет и английский фразеологизм «Don't wash dirty linen in public», хотя в нем говорится не о соре и избе, а о стирке грязного белья. Очевидно, что переносное значение присуще фразеологизму в целом и не сводится к сумме значений составляющих его слов. Прямое значение фразеологизма служит основой для создания образа и соотносит этот образ с какой-либо сферой жизни человека. Так, английский фразеологизм «Make hay while the sun shines» имеет явно сельскохозяйственное происхождение, а его русское соответствие «Куй железо, пока горячо» связано с кузнечным производством. Прямое значение фразеологической единицы обычно отступает на задний план и не играет роли в коммуникации, так как говорящий употребляет такую единицу, имея прежде всего в виду ее переносное значение. Однако, как мы увидим дальше, характер прямого значения оказывает влияние на выбор соответствия и должен учитываться переводчиком.

Многие фразеологизмы выражают определенное эмоциональное отношение к описываемому, одобряют его или осуждают, что-то рекомендуют или от чего-то предостерегают. «Одним ударом двух зайцев убить» — это желаемый успех (сравни английское «to kill two birds with one stone»), а «попасть пальцем в небо» («to find a mare's nest») — это явная неудача. «Играть с огнем» (to play with fire) — опасно, а «ложка дегтя в бочке мёда» (a fly in the ointment) всё испортит.

Фразеологическая единица может принадлежать к различным стилям речи. Есть фразеологизмы поэтические, литературно-книжные, а есть разговорные, просторечные, вульгарные. С одной стороны, to pass the Rubicon («перейти Рубикон») и to show one's true colours («показать свое истинное лицо»), а с другой — the fish begins to stink from the head («рыба гниет с головы») и good riddance from bad rubbish («баба с воза, кобыле легче»). Изменение эмоционально-стилистической характеристики фразеологизма, как правило, делает перевод неадекватным.

Большинство фразеологизмов — это идиоматические выражения, характерные для определенного языка. Но среди них есть единицы, чья национальная принадлежность указана особенно четко благодаря тому, что в их состав входят слова, обозначающие предметы и явления национальной культуры. Английский фразеологизм «to get up on the wrong side of the bed» не мог возникнуть в России — стране с холодной зимой, где в отличие от англичан кровати не ставили посреди комнаты и встать не с той стороны кровати было бы просто невозможно. Русские говорят «встать не с той (или с левой) ноги». Но в самом английском фразеологизме нет ничего сугубо национального: ведь, кровати есть и в других странах и у них также есть две стороны. Иначе обстоит дело с английской поговоркой «He will not set the Thames on fire» (сравните «он пороха не выдумает»). Здесь уже само упоминание Темзы безошибочно указывает на национальную принадлежность фразеологизма. Все эти особенности семантической структуры фразеологизмов оказывают влияние на выбор соответствий при их переводе. Характеризуя каждый тип таких соответствии, мы будем указывать условия его использования в переводческой практике.

Существуют три типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала. Первый тип соответствий обычно именуют *фразеологическими эквивалентами*. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с фразеологической единицей оригинала, например: «Strike the iron while it is hot» — «Куй железо, пока горячо». Использование такого соответствия позволяет наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм, и переводчик прежде всего пытается его отыскать. Однако при этом необходимо учитывать два обстоятельства, ограничивающих возможность применения первого вида фразеологических соответствий. Во-первых, фразеологических эквивалентов сравнительно немного. Чаще всего они обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из какого-нибудь третьего языка, главным образом, латинского или греческого: the heel of Achilles — Ахиллесова пята, the sword of Damocles — Дамоклов меч и т.п. Эквивалентные единицы могут быть заимствованы и в более поздний период. Так, и английский, и русский языки заимствовали из французского языка пословицу «Le jeu ne vaut pas la chandelle» — The game is not worth the candle; Игра не стоит свеч. Во-вторых, при заимствовании обоими языками одного и того же фразеологизма его значение в одном из них может видоизмениться, и в результате эти фразеологизмы окажутся «ложными друзьями переводчика» — сходными по форме, но разными по содержанию. Например, английское «to lead by the nose» и русское «водить за нос» по форме совпадают, но английский фразеологизм означает «полностью подчинить, командовать», а русский — «обманывать». Аналогичным образом «to throw dust in the eyes» означает «обманывать», а «пускать пыль в глаза» — «хвастаться, важничать». Расхождение между соответствующими фразеологизмами может быть связано с коннотативными компонентами их семантики. Так, английский фразеологизм «to save one's skin» соответствует русскому «спасти свою шкуру», когда он употребляется в отрицательном смысле. Но этот же фразеологизм может иметь положительную коннотацию, и тогда такой перевод окажется неправильным. Сравните «Betty saved Tim's skin by typing his report for him» — «Бетти выручила (спасла от неприятностей) Тима, напечатав за него доклад».

Второй тип фразеологических соответствий представляют так называемые *фразеологические аналоги*. Когда переводчику не удается найти фразеологический эквивалент, он смотрит, нет ли в ПЯ фразеологизма с таким же переносным значением, хотя и основанном на ином образе: «to turn back the clock» — «повернуть вспять колесо истории», «A bird in the hand is worth two in the bush» — «Лучше синицу в руки, чем журавля в небе» и т.п. Использование соответствия этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности. Однако и здесь существуют некоторые ограничения. Во-первых, нужно убедиться, что при этом сохраняются эмоциональное и стилистическое значения фразеологизма. Английское «Jack of all trades» и русское «мастер на все руки» оба относятся к человеку, который может заниматься самыми разными делами. Однако русский идиом не является фразеологическим аналогом английскому, поскольку у них не совпадают эмоциональные значения. По-русски это, действительно, мастер, умелец в положительном смысле, а по-английски это — master of

none, то есть неумеха, портящий все, за что берется. Аналогичным образом, русский фразеологизм «черного кобеля не отмоешь добела», принадлежащий к разговорному стилю, нельзя использовать для перевода английского литературного идиома Can the leopard change his spots? Во-вторых, этот способ перевода неприменим в тех случаях, когда в переводящем языке фразеологизм обладает ярко выраженной национальной окраской. Как правило, перевод передает то, что, как предполагается, сказано иностранным автором оригинала, и было бы странно, если в переводе, скажем, английский лорд заявлял, что не следует «ездить в Тулу со своим самоваром».

Третий тип фразеологических соответствий создается путем калькирования иноязычной образной единицы: «People who live in glass houses should not throw stones» — «Люди, живущие в стеклянных домах, не должны бросать камни». Соответствия-кальки обладают определенными достоинствами и достаточно широко используются в переводческой практике. Во-первых, они позволяют сохранить образный строй оригинала, что особенно важно в художественном переводе. Во-вторых, они дают возможность преодолеть трудности, которые возникают, когда в оригинале образ обыгрывается для создания развернутой метафоры. Так, английский фразеологизм «It is raining cats and dogs» обычно переводится «Дождь льет как из ведра», но когда автор пишет «It was raining cats and dogs and a little puppy got on my page», переводчик может предпочесть кальку, чтобы можно было обыграть тот же образ (возможно, с поясняющими дополнениями типа «как говорится», как «говорят англичане» и т.п.), например: «Был такой дождь, будто, как говорят англичане, с неба сыпались кошки и собаки, и один маленький щенок упал мне на страницу». Эти преимущества фразеологической кальки побуждают порой переводчика использовать такой способ перевода даже при наличии эквивалента или аналога. У русской пословицы «Соловья баснями не кормят» есть английский фразеологический аналог «Fine words butter no parsnip», но переводчики нередко предпочитают кальку «Nightingales are not fed on fairy-tales».

Создавая соответствие-кальку, переводчик должен быть уверен, что образ в исходной единице достаточно «прозрачен» (мотивирован) и его воспроизведение в переводе позволит рецептору перевода понять передаваемое переносное значение. Нетрудно понять, например, калькированный фразеологизм «Он недостоин и воду таскать для нее» (He is not fit to carry water for her), а иноязычное происхождение кальки «ставить телегу впереди лошади» (to put the cart before the horse) вообще не ощущается, настолько

ясно осознается, что это значит нарушить правильную последовательность действий. При отсутствии подобной мотивированности калькирование фразеологизма становится невозможным. Это чаще всего происходит, когда переводчик имеет дело с так называемыми фразеологическими сращениями, калькирование которых сделает перевод бессмысленным. Хотя происхождение таких фразеологических единиц может быть обычно обнаружено путем специальных исследований, оно, как правило, мало известно самим рецепторам оригинала, и их переносное значение не выводится из самого образа. Далеко не все русские, употребляющие выражение «ни зги не видно», знают, что такое «зга». Понятно, что английская калька «You cannot see a zga» будет лишена всякого смысла, даже если объяснить, что зга — это колокольчик на дуге лошади. Мы знаем, что «бить баклуши» значит «бездельничать», но калька «to beat baklushas» будет абсолютно бессмысленной. В английском языке существует фразеологизм «to mind one's P's and Q's», означающий «соблюдать осторожность, держать ухо востро». Многие англичане не знают, откуда у него такое значение, хотя имеется ряд предположений о его происхождении. По одной из них, когда-то в английских пивных висела доска, на которой отмечалось количество пинт (pints) и кварт (quarts), выпитых посетителем. И тому рекомендовалось обращать внимание на эту запись, то ли, чтобы его не обманули, то ли, чтобы не «перебрать». Понятно, что в любом случае этот фразеологизм не будет скалькирован в русском переводе. Калькирование образа широко используется для передачи национально-этнического значения исходного фразеологизма «to carry coals to Newcastle» — «возить уголь в Ньюкастл». Но и в этих случаях переводчику приходится заботиться о том, чтобы образ был понятен рецептору перевода (а для этого необходимо, например, знать, что Ньюкастл — это центр угледобычи в Англии), и при необходимости обеспечивать полноценность понимания с помощью соответствующих сносок и примечаний.

Еще одна забота переводчика при создании фразеологической кальки заключается в том, чтобы придать ей подходящую форму крылатой фразы. Для этого иногда целесообразно приблизить кальку к уже имеющемуся образцу. Так, для перевода английской пословицы «Rome was not built in a day» не может быть использован русский фразеологизм с таким же переносным значением — «Не сразу Москва строилась» — из-за его национальной окраски. Можно дать точную кальку «Рим не был построен за один день», но еще лучше приблизить ее к русской пословице «Не сразу Рим строился».

В тех случаях, когда переводчику не удается воспользоваться ни одним из рассмотренных типов фразеологических соответствий, ему приходится довольствоваться передачей одного переносного значения фразеологизма. Английская идиома «to dine with Duke Humphrey» возникла по одной из версий в связи с тем, что нищие просили подаяние на паперти одной из лондонских церквей, где был похоронен некий герцог Гемфри. В русском языке у нее нет прямых соответствий, а калька «обедать с герцогом Гемфри» не дает представления о ее переносном значении. Придется удовлетвориться скромным «ходить голодным, остаться без обеда». Вот еще пример, связанный с английской юридической практикой. Выражение «to cut off with a shilling» связано с тем фактом, что если отец хочет лишить сына наследства, то он не может просто не упомянуть его в завещании, поскольку в этом случае завещание может **быть** оспорено. Поэтому он пишет «А сыну моему любезному завещаю один шиллинг», показывая, что он не забыл о сыне, а сколько он ему оставил, на то его родительская воля. В переводе это будет просто означать «лишить наследства».

Мы рассмотрели основные типы лексических и фразеологических соответствий. Теперь кратко остановимся на грамматических соответствиях. Выбор грамматической формы при переводе зависит не только и не столько от грамматической формы оригинала, сколько от ее лексического наполнения, то есть от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление. Поэтому для грамматических единиц ИЯ не обнаруживается единичных соответствий, которые постоянно или хотя бы в большинстве случаев использовались в переводе, когда в оригинале появляется данная единица. Множественные соответствия грамматическим единицам ИЯ также отличаются от лексических. Среди них различаются однотипные и разнотипные соответствия. Однотипные соответствия обладают аналогичным грамматическим значением в обоих языках, а иногда и аналогичным названием. При использовании однотипного соответствия значение данной грамматической единицы оригинала передается в переводе с наибольшей полнотой. Такие соответствия имеются, главным образом, в языках, **где,** в основном, совпадают принципы выделения грамматических категорий. Таковы, например, русское и английское существительное, русская и английская категория числа и т.д. Разнотипное соответствие не совпадает с исходной единицей по определению и названию (например, английское наречие и русский предложный оборот в функции обстоятельства).

Когда в обоих языках имеются синонимичные грамматические единицы, то между ними образуется особый тип соответствий — *взаимно эквивалентный.* Это означает, что у данной единицы ИЯ одинаково часто обнаруживаются как однотипные, так и разнотипные соответствия. Например, причастные обороты и придаточные определительные предложения в английском и русском языках образуют единую группу соответствий, в которой каждый русский компонент служит соответствием любому английскому компоненту. Иначе говоря, при переводе, скажем, английского причастного оборота может использоваться как придаточное определительное предложение, так и аналогичный русский причастный оборот. Рассмотрим такое предложение «He was guest of honour at a reception given for delegates to the world youth forum which opened here last Wednesday». В этом примере имеется как причастный оборот, так и придаточное определительное предложение. Для каждого из них может быть использовано либо причастие, либо придаточное предложение в русском **переводе.** «given» может **быть** переведено как «устроенный» или как «который был устроен», а «which opened» — как «открывшегося» или как «который открылся». Здесь однотипное и разнотипное соответствия являются практически взаимозаменяемыми, если отвлечься от некоторых стилистических тонкостей.

В области грамматики также обнаруживаются единицы ИЯ, у которых в ПЯ нет прямых соответствий. И здесь наличие безэквивалентной единицы не является препятствием для установления отношений эквивалентности между высказываниями в оригинале и в переводе. При этом можно выделить три основных случая.

1. Нулевой перевод, то есть отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его **избыточности.** Грамматическое значение нередко дублируется с помощью иных лексических или грамматических средств. В таких случаях безэквивалентная единица получает в переводе «нулевое **соответствие»,** то есть попросту говоря, опускается, например: (а) «Give me the book that you bought yesterday» — «Дай мне книгу, которую ты купил вчера». (б) «By that time he had already left the country» — «К этому времени он уже уехал из Англии». В первом из этих предложений значение определенного артикля дублируется смыслом придаточного предложения, во втором — значение предшествования, выраженное формой Past Perfect избыточно из-за наличия в высказывании лексических указателей предшествования «к тому времени» и «уже».

2. Приближенный перевод, который заключается в использовании в переводе грамматической единицы ПЯ, частично соответствующей безэквивалентной грамматической единице ИЯ в данном контексте. Так, абсолютный причастный оборот в современном английском языке не имеет регулярного русского соответствия. Он обладает комплексным значением, объединяющим ряд обстоятельственных отношений. Однако в конкретном высказывании на первый план может выдвинуться один или два вида таких отношений (временных, причинно-следственных, уступительных, условных и пр.), что позволяет приравнять к значению абсолютного оборота значение соответствующей русской структуры. В следующем примере абсолютный оборот имеет явно временную функцию «Business disposed of, Mr.Swiveller was inwardly reminded of its being high dinner time» — «Когда с этим делом было покончено, организм мистера Свивеллера напомнил ему, что давно настал час обеда».

3. Трансформационный перевод, который заключается в передаче значения безэквивалентной единицы с помощью одной из грамматических трансформаций, рассмотренных в предыдущей лекции. В следующем примере абсолютный оборот с предлогом with заменяется в русском переводе самостоятельным предложением (прием членения предложения): «The old capitalist and bureaucratic managements remained the directors and managers of the new nationalized industries, with a few right-wing trade-union officials thrown in for luck» - «Старые хозяева и административное руководство стали директорами и управляющими новых национализированных предприятий. Кроме того, было добавлено для вида несколько правых профсоюзных чиновников».

Итак, мы с вами рассмотрели основные принципы классификации переводческих соответствий, разработкой которых занимается общая теория перевода. Описание системы таких соответствий для конкретных комбинаций языков — задача частных теорий перевода этих языков.

ЛИТЕРАТУРА

Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М., 1975
Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — М., 1980.
Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1975.
Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1975.
Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — М., 1973.

ЧАСТЬ 3

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

РАЗДЕЛ 1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДОВЕДОВ

1. РАННИЕ АНГЛИЙСКИЕ РАБОТЫ по ПЕРЕВОДУ

Как и во многих других странах, в Англии первые попытки теоретических обобщений в области перевода были предприняты самими переводчиками, среди которых было немало выдающихся писателей и поэтов. Многие из них сопровождали свои переводы пространными комментариями, в которых они обосновывали или оправдывали свой подход к решению различных переводческих проблем, пытались сформулировать некоторые правила и принципы перевода. В 16 и 17 веках, когда переводческая деятельность в Англии приобрела особенно широкий размах, практика подобных переводческих комментариев получила значительное распространение.

Конечно, высказывания переводчиков о своей работе не составляли теории перевода в современном понимании. Они носили фрагментарный характер, не отличались последовательностью и не исходили из каких-либо научных концепций о языке, соотношении языков, участвующих в процессе перевода, или особенностях речевой коммуникации. Как правило, они сводились к формулировке ряда требований, которым

должен был удовлетворять переводчик и его перевод. Обычно эти требования оказывались самоочевидными и касались лишь самых общих сторон переводческой деятельности. Вместе с тем такие комментарии сыграли свою роль в создании предпосылок для развития переводческой теории. Они привлекали внимание к переводческой проблематике, указывали на сложность задач, решаемых переводчиком, нередко содержали достаточно богатый и интересный фактический материал.

Характерным примером ранних теоретических обобщений подобного рода могут служить высказывания выдающегося английского поэта и переводчика Дж.Драйдена (1631 — 1700). Свои взгляды на перевод Дж.Драйден изложил, главным образом, в предисловии к переводу «Понтийских посланий» Овидия, опубликованному в 1680 году. Опираясь на опыт современных ему переводчиков, Дж.Драйден предлагает прежде всего различать три вида перевода. Во-первых, «метафраз» — точная передача оригинала, слово за словом, что позднее назвали бы буквальным переводом. Во-вторых, «парафраз» — вольная передача оригинала, ориентированная на дух оригинала, а не на его форму, и, в-третьих, «имитация» (подражание) — вариация на тему оригинала, когда переводчик, фактически, перестает быть переводчиком. Указав, что самым правильным для переводчика является средний путь между метафразом и парафразом, Дж.Драйден, в соответствии с традицией, формулирует правила, с помощью которых переводчик может достичь этой золотой середины. В соответствии с этими правилами переводчик должен:

1. Быть поэтом.
2. Владеть языком оригинала и своим собственным языком.
3. Понимать индивидуальные особенности автора оригинала.
4. Сообразовывать свой талант с талантом автора оригинала.
5. Сохранять смысл оригинала.
6. Сохранять привлекательность оригинала без ущерба его смыслу.
7. Сохранять качество стиха в переводе.
8. Заставить автора говорить так, как говорит современный англичанин.
9. Не следовать слишком близко букве оригинала, чтобы не утратить его дух.
10. Не стараться улучшить оригинал.

Такие правила характерны для переводческих рассуждений этого периода. Все они неоспоримы и самоочевидны, но недостаточно конкретны, слабо увязаны друг с другом и не сводятся в сколько-нибудь последовательную научную концепцию.

Подобный же импрессионистский характер носила первая книга в Англии, предназначенная специально для рассмотрения переводческой проблематики. В 1791 г. А.Тайтлер опубликовал трактат «Эссе о принципах перевода», где он попытался несколько конкретизировать общие принципы перевода, неоднократно упоминавшиеся в переводческих комментариях. Главным из этих общепризнанных принципов, по мнению А.Тайтлера, являются следующие: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же как, в оригинале; *У)* перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение. Требования полноценной передачи смысла и стиля оригинала и полноценности языка перевода составляют основу многих нормативных концепций перевода и в более поздние эпохи вплоть до последнего времени.

Достоинство трактата А.Тайтлера заключается в том, что, разбирая каждый из этих принципов, он выделяет некоторые языковые особенности, обуславливающие наличие определенных переводческих трудностей. В работе рассматриваются вопросы перевода идиом, недопустимость модернизации лексики, особенности языка, влияющие на перевод, указывая, например, что английский язык не допускает более краткое выражение мысли, чем латинский, что греческий и латинский более свободно используют инверсию и эллипс и т.п. Обращается внимание на различие в степени трудности и способах передачи простого, неприкрашенного стиля повествования и цветистого, пышного слога. Большое место в работе занимает иллюстративный материал, приводятся примеры переводов, порой сопоставляются несколько переводов одного и того же оригинала. Весьма существенно, что в ходе анализа сопоставляются и оцениваются варианты перевода отдельных слов и предложений. Все эти элементы сближают А.Тайтлера со многими работами значительно более позднего периода. Однако выбор объектов анализа во многом случаен, они не объединены какой-либо общей концепцией, и собственно теории перевода пока еще нет.

2. АНГЛИЙСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В 20 ВЕКЕ

Более фундаментальные труды по теории перевода появились в Англии лишь во второй половине 20 столетия. Здесь можно прежде

всего отметить книгу Т.Сэвори «Искусство перевода» (Лондон, 1952). В ней автор пытался рассмотреть широкий круг переводческих проблем. Хотя лингвистическая основа этого исследования была явно недостаточной, автору удалось сформулировать ряд положений, которые получили дальнейшее развитие в трудах по лингвистической теории перевода.

В структуре своей работы Т.Сэвори во многом следует традиции. Здесь еще нет изложения общих принципов построения теории перевода, тематика разделов и их последовательность в значительной степени произвольны.

Прежде всего, предлагается различать 4 вида перевода. Предлагаемая классификация отражает одновременно различия в степени точности и в характере переводимых материалов. Термины, которые используются при классификации, не всегда удачны, но автор достаточно подробно раскрывает их содержание. Он выделяет следующие виды перевода:

1. Совершенный перевод — перевод чисто информационных фраз-объявлений.

2. Адекватный перевод — перевод сюжетных произведений, где важно лишь содержание, а как оно выражено, — не существенно. В этом виде перевода переводчик свободно опускает слова или целые предложения, смысл которых ему кажется не ясным, перефразирует смысл оригинала, как ему заблагорассудится. (Т.Сэвори полагает, что так должны переводиться детективы, книги Дюма, Боккаччо, а также, как ни странно, Сервантеса и Л.Толстого.)

3. Третий тип перевода, не получающий особого названия, это перевод классических произведений, где форма так же важна, как и содержание. Качественная характеристика этого типа перевода дается путем указания на то, что не может быть «совершенным» (1-й тип) и что он требует столь длительного времени и таких больших усилий, что это сводит не нет коммерческую ценность перевода.

4. Четвертый тип перевода определяется как близкий к «адекватному» (2-й тип). Это перевод научно-технических материалов, чье появление вызывается практической необходимостью. Он требует хорошего знания переводчиком предмета, о котором идет речь в оригинале.

Утверждая, что суть перевода всегда сводится к выбору, Т.Сэвори указывает, что при выборе переводчик должен последовательно ответить на *3* вопроса: 1) Что сказал автор? 2) Что он хотел этим сказать?

3) Как это сказать? Таким образом, Т.Сэвори, наряду с содержанием и формой оригинала выделяет в качестве объекта перевода и то, что теперь бы назвали коммуникативным намерением автора.

Центральное место в работе занимает раздел, посвященный вопросу о принципах перевода. Рассматривая формулировки, выдвигаемые различными авторами, Т.Сэвори приходит к выводу, что каких-либо общепризнанных принципов перевода вообще не существует. Для доказательства такого вывода он приводит список подобных формулировок, в котором рядом помещены взаимоисключающие принципы:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться как оригинал.
4. Перевод должен читаться как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.
11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме.

Со своей стороны, Т.Сэвори отказывается от формулирования каких-то новых принципов перевода. Он ограничивается указанием на то, что переводчик должен находить средний путь между буквальным и свободным переводом, для чего его перевод, с одной стороны, должен читаться, как оригинальный текст на ПЯ, а, с другой стороны, быть более верным оригиналу, поскольку это позволяют нормы ПЯ. Особо оговаривается право переводчика заимствовать удачные варианты из предшествующих переводов.

Не предложив новой трактовки общих принципов перевода, Т.Сэвори вместе с тем обратил внимание на один из важнейших факторов, влияющий на переводческий процесс и детально разрабатываемый в современной теории перевода. Он отметил, что выбор варианта перевода во многом зависит от предполагаемого типа читателя. Этот вывод, столь важный для изучения прагматики перевода, получает у Т.Сэвори довольно

своеобразную трактовку. Он различает 4 типа читателя: 1) совершенно не знающий ИЯ; 2) изучающий ИЯ отчасти с помощью перевода; *У)* знавший ИЯ, но почти полностью забывший его; 4) хорошо знающий ИЯ. Подобная классификация рецепторов перевода не получила развития в теории перевода, но сама идея зависимости хода и результата переводческого процесса от того, для кого предназначается перевод, прочно вошла в концептуальный аппарат современного переводоведения.

В книге Т.Сэвори внимание уделено также некоторым вопросам перевода произведений классической литературы, поэтических произведений, библии. Пытается автор дать и общую переводческую характеристику отдельным языкам, указывая, например, что немецкий язык более удобен для перевода, чем французский и английский. К сожалению, эта интересная мысль не получает в книге достаточного обоснования. В целом, книга Т.Сэвори хорошо отражает особенности общефилологического подхода к переводческой проблематике.

60-е годы 20 столетия ознаменовались появлением собственно лингвистических исследований в области теории перевода, придавших ей более строгий научный характер. Большинство лингвистов, обратившихся к переводческой проблематике, принадлежала к английской лингвистической школе, которая обычно связывалась с именем Дж.Ферса. Для лингвистов этой школы характерно рассмотрение языковой структуры как в формальном, так и в семантическом плане, большое внимание к функциональной роли языковых единиц в различных ситуациях речевого общения, стремление увязать общелингвистическую теорию с прикладными аспектами языкознания. Это позволило по-новому подойти и к теории перевода, рассматривая ее как часть прикладного языкознания, базирующуюся на постулатах общего языкознания. Отныне переводоведение получало фундаментальную теоретическую базу, и переводческие проблемы рассматривались либо в ряду других лингвистических проблем, либо их рассмотрению предшествовало изложение общелингвистических положений, на которых оно основывалось.

Начало такому подходу положил сам Дж.Ферс. В статье «Лингвистический анализ и перевод» он высказал убеждение, что лингвистический анализ фонологического, фоноэстетического, грамматического и других аспектов значения может быть увязан с анализом различных аспектов перевода. Указав на опасность использования дословного перевода в качестве основы для выводов об особенностях структуры языка, с которого сделан

перевод, Дж.Ферс отметил, что проблему места перевода в лингвистике предстоит еще изучить. Общий вывод, к которому пришел Дж.Ферс в своей статье: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии», побудил его последователей заняться разработкой основ лингвистической теории перевода.

Одним из таких последователей был выдающийся английский лингвист М.А.К.Хэллидей. М.А.К.Хэллидей не занимался специально переводческими исследованиями, но включил переводческую проблематику в собственно лингвистические работы, подчеркивая необходимость включения перевода в объект языкознания. Для Хэллидея теория перевода — это часть сопоставительного языкознания. Именно так рассматривает он переводческие проблемы в двух исследованиях, озаглавленных соответственно «Сопоставление и перевод» и «Сопоставление языков».

По мнению М.А.К.Хэллидея, перевод лежит в основе любого сопоставления языковых единиц и структур. Такое сопоставление предполагает контекстуальную эквивалентность сопоставляемых единиц, т. е. возможность их использования в переводе друг для друга. Лишь после того, как благодаря контекстуальной эквивалентности доказана сопоставимость единиц двух языков, можно ставить вопрос об их формальной эквивалентности, о том, насколько сходно их положение в структуре каждого из языков.

Таким образом, понятие «эквивалентность» оказывается центральным не только для теории перевода, но и для сопоставительного языкознания, и М.А.К.Хэллидей пытается пролить свет на сущность этого понятия. Прежде всего отношением эквивалентности характеризуются тексты оригинала и перевода в целом. Хотя перевод — это односторонний процесс, но в результате него мы имеем два сопоставляемых, взаимно эквивалентных текста на разных языках. Отсюда и определение перевода, предлагаемое М.А.К.Хэллидеем: «Перевод — это отношение между двумя или более текстами, играющими одинаковую роль в одинаковой ситуации». Это отношение (эквивалентность) носит относительный характер, поскольку «одинаковая роль» и «одинаковая ситуация» — не абсолютные понятия. Уточняя понятие эквивалентности, М.А.К.Хэллидей указывает, что это понятие — контекстуальное, не связанное с употреблением каких-то грамматических или лексических явлений, и поэтому она не может быть измерена. Отсюда следует, что нельзя определить порог эквивалентности и нельзя дать строгое опреде-

ление этого понятия. Следует заметить, что не все сказанное М.А.К. Хэллидеем о переводческой эквивалентности подтвердилось при дальнейших исследованиях, но его мысли о существовании шкалы эквивалентности и невозможности зафиксировать ее минимальный уровень сохраняют свою эвристическую ценность.

М.А.К.Хэллидей понимал, что эквивалентность перевода не ограничивается отношением между текстами, а распространяется на более мелкие части текстов оригинала и перевода. Однако он допускает существование отношения эквивалентности только между отдельными предложениями в текстах, но не между составными элементами предложения. Это утверждение обосновывалось тем обстоятельством, что число предложений в оригинале и переводе, как правило, совпадает и что обычно каждому предложению в оригинале соответствует отдельное предложение в переводе. По-видимому, отказ от изучения отношений эквивалентности на уровне слова и словосочетания обусловлен тем, что М.А.К. Хэллидей видел в переводческой (контекстуальной) эквивалентности основу для выделения объектов формальной эквивалентности, а в пределах предложения эквивалентными могут быть языковые единицы, между которыми нельзя обнаружить какое-либо формальное соответствие. Вспомним, однако, что сопоставимость языковых единиц, по мнению М.А.К.Хэллидея, всегда предполагает их взаимную переводимость, а, следовательно, и отношения эквивалентности. Отсюда, видимо, следует вывод, что эквивалентность при переводе может устанавливаться между отдельными компонентами предложения (словами и словосочетаниями) как находящимися, так и не находящимися в отношении формальной эквивалентности.

Большое внимание в работах М.А.К.Хэллидея уделяется моделированию самого процесса перевода. Определив переводческий процесс как последовательный выбор эквивалентов на разных уровнях языковой иерархии, он предложил для описания этого процесса использовать модель, которая правильно отражала его сущность, хотя и не обязательно соответствовала бы реальным действиям переводчика. М.А.К.Хэллидей различает в процессе перевода несколько этапов в соответствии с «рангами» (уровнями) единиц, которыми оперирует переводчик на каждом этапе. Сначала — на ранге морфем — дается наиболее вероятный эквивалент для каждой морфемы, не считаясь с ее окружением. Затем наиболее вероятные эквиваленты выбираются для единиц более высокого уровня — на ранге слов.

При этом эквиваленты на уровне морфем пересматриваются уже с учетом лингвистического окружения. Затем такая же процедура повторяется на уровне словосочетания и предложения.

На основе такой модели в процессе перевода выделяются два этапа: 1) выбор наиболее вероятного эквивалента для каждой категории или единицы; 2) модификация этого выбора на уровне более крупной единицы на основе либо данных ИЯ, либо норм ПЯ. Например, выбор формы числа в переводе обычно зависит от ИЯ, а выбор рода и синтаксического согласования определяется нормами ПЯ. В работах М.А.К. Хэллидея используется и вариант этой модели, где учет грамматических и лексических черт ПЯ выделяется в отдельный этап.

Схема описания процесса перевода, предложенная М.А.К.Хэллидеем, нашла мало сторонников среди теоретиков перевода. Представляется сомнительным, чтобы при переводе подыскивались эквиваленты морфемам, а не сразу словам, обладающим самостоятельным значением. Вся процедура кажется слишком громоздкой, и, по-видимому, эквивалентность может иногда устанавливаться непосредственно между единицами более высоких уровней. Однако несомненной заслугой является сама идея моделирования переводческого процесса, позволяющая описывать мыслительные операции переводчика, которые нельзя наблюдать непосредственно. Разработка различных моделей перевода получила широкое распространение в современном переводоведении.

Проблемы переводческой эквивалентности и моделирования переводческого процесса находятся в центре переводческих трудов М.А.К. Хэллидея, но они не исчерпывают их содержания. Ученого интересуют особенности научно-технического и художественного перевода, специфика устного перевода, перспективы развития машинного перевода. Хотя все эти проблемы не подвергаются всестороннему анализу, в соответствующих разделах можно найти немало интересных мыслей. Обращение к переводческой проблематике такого крупного лингвиста, как М.А.К. Хэллидей, несомненно способствовало формированию лингвистической теории перевода.

При всей ценности работ М.А.К.Хэллидея в области теории перевода они составляли лишь небольшие разделы в трудах, посвященных более широкой лингвистической проблематике. Заслуга создания первой лингвистической монографии по проблемам перевода принадлежит другому английскому лингвисту — Дж.Кэтфорду.

3. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЖ.КЭТФОРДА

Наиболее полным воплощением английских переводческих концепций этого периода явилась работа Дж.Кэтфорда «Лингвистическая теория перевода», сыгравшая значительную роль в становлении современной теории перевода. Книга Дж.Кэтфорда — это первая попытка в английском переводоведении построить цельную и законченную теорию перевода на основе определенных представлений о языке и речи. Она представляется образцом последовательного распространения на перевод общетеоретических постулатов лингвистической школы Дж.Ферса, к которой принадлежит и автор книги.

Дж.Кэтфорд положил начало традиции, которая нашла свое отражение во многих последующих работах по лингвистической теории перевода: предварять рассмотрение собственно переводческих проблем изложением исходных общелингвистических концепций. Этому посвящена первая глава книги, содержащая краткое, но очень четкое описание структуры языка, строения его единиц, взаимодействия языка с ситуациями, в рамках которых осуществляется речевое общение.

Описание языковой структуры начинается с введения понятия языка как вида структурного поведения человека, где обнаруживается причинная связь с элементами ситуации, в которой используется язык. Отсюда вытекает вывод, что существование языка может рассматриваться на двух разных уровнях. Вслед за Дж.Ферсом, Дж.Кэтфорд различает собственно языковые формальные уровни и экстралингвистические (неформальные). Собственно языковые уровни включают фонологию и графологию, связанные с фонической и графической «субстанцией» (звуками и буквами), грамматику и лексику, связанные с ситуативной субстанцией (элементами внешнего мира). Отношение между грамматическими и лексическими единицами и соответствующими элементами ситуации составляет контекстуальное значение этих единиц, в отличие от их формального значения, определяемого отношением единицы к другим единицам того же уровня.

Каждый уровень обладает своей спецификой. Так, для грамматического уровня характерно наличие закрытых систем с ограниченным числом элементов, связанных оппозитивными отношениями. Для уровня лексики, напротив, характерно наличие открытых систем, число элементов которых может расти, не меняя самой системы.

Дж.Кэтфорд дает классификацию грамматических единиц из 5 рангов (классов): предложение, клауза, группа, слово, морфема* и вводит понятие «сдвиг по рангу» (rank-shift). Так, клауза обычно функционирует непосредственно в составе предложения (Since we couldn't meet earlier, we met after the concert), но может включаться в состав группы (The man we met after the concert is my brother). В последнем случае и имеет место сдвиг по рангу.

Изложив некоторые исходные лингвистические понятия, Дж.Кэтфорд переходит к рассмотрению собственно переводческих проблем. Вторая глава книги посвящена определению перевода и классификации его типов. В соответствии со своим подходом Дж.Кэтфорд дает упрощенное, но собственно лингвистическое определение перевода как «замену текстового материала на исходном языке ИЯ эквивалентным текстовым материалам на языке перевода ПЯ». Он настаивает на термине «текстовой материал» (а не просто текст), поскольку некоторые элементы оригинала могут быть прямо перенесены в текст перевода. И здесь Дж.Кэтфорд выдвигает положение, сыгравшее большую роль в последующем развитии переводоведения. Он заявляет, что термин «эквивалентность» — несомненно ключевой в определении перевода и что центральная задача теории перевода заключается в том, чтобы определить природу переводческой эквивалентности и условия ее достижения. Анализу этого понятия посвящена следующая глава книги, но перед этим автор рассматривает возможные виды перевода. Предлагается различать, с одной стороны, полный и частичный перевод, а, с другой стороны, тотальный и ограниченный перевод. При полном переводе переводится весь текст оригинала, при частичном переводе часть текста оригинала переносится в текст перевода, либо потому что она признается непереводимой, либо для придания переводу «местного колорита». Тотальным переводом предлагается именовать обычный перевод, когда оригинал переводится на всех языковых уровнях, тогда как ограниченный перевод означает перевод лишь на каком-либо одном уровне: фонологическом, графологическом, грамматическом или лексическом.

* В лингвистической концепции Дж.Ферса и его последователей группа представляет собой член предложения (слово или словосочетание), клауза — элементарное предложение, простое или придаточное, а также приравниваемые к предикативным единицам обособленные обороты, а предложение — единица, состоящая из двух и более клауз.

Предлагается также различать перевод, ограниченный **рангом**, где эквиваленты создаются исключительно между единицами одного и того же ранга (слово переводится словом, группа — группой и т.д.), и перевод, свободный от такого ограничения. Тогда традиционные термины — свободный, буквальный и пословный перевод — получают собственно лингвистические определения. При свободном переводе эквиваленты перемещаются по различным рангам, но тяготеют к более высокому рангу, чем предложение. Пословный перевод осуществляется, в основном, на ранге слова, хотя может включать и некоторые эквиваленты на ранге морфемы. Буквальный перевод занимает промежуточное положение: он дословен, но допускает изменения в связи с требованиями грамматики ПЯ (добавление слов, изменение структуры на любом ранге и т.п.)

Большое внимание уделено в книге способу определения эквивалентности. **Дж.Кэтфорд** предлагает установить эквивалентность двух отрезков текста эмпирическим путем: анализируя уже выполненные переводы или предлагая опытному переводчику перевести отрезок текста оригинала. При этом обнаруживаемые эквиваленты отнюдь не обязательно будут формально соответствовать друг другу, т. е. занимать примерно одинаковое место в системах ИЯ и ПЯ. Не будут они иметь и одинаковые значения, поскольку каждый язык имеет собственную систему значений, и, **следовательно,** значения единиц оригинала не могут совпадать со значениями единиц перевода. Дж.Кэтфорд демонстрирует несовпадение значений эквивалентных единиц в оригинале и переводе, анализируя состав английского предложения «I have arrived» и его русского перевода «Я пришла». В английской фразе методом оппозиции можно выделить 5 элементарных смыслов: 1. «Говорящий» — I противопоставлено he, we и др. 2. «Прибытие» — arrive противопоставлено другим событиям «leave, depart» и др. *3.* «Событие, происшедшее в прошлом», — have arrived противопоставлено arrive. 4. «Прошлое событие, связанное с другим моментом времени», — have arrived противопоставлено arrived. 5. «Прошлое событие, связанное с настоящим», — have arrived противопоставлено had arrived. В русской фразе обнаруживаются 6 смысловых элементов, из которых лишь три совпадают с английскими: 1. «Говорящий» — «Я» противопоставлено «он, мы» и пр. 2. Женский род — «пришла» противопоставлено «пришел». *3.* «Прибытие» — «пришла» противопоставлено «ушла» и пр. 4. «Пешком» — «пришла» противопоставлено «приехала». 5. «Событие, происшедшее в

прошлом», — «пришла» противопоставлено «прихожу». 6. «Законченное событие» — «пришла» противопоставлено «приходила».

Таким образом, переводческая эквивалентность не означает ни формального соответствия, ни равенства значений. Единственным условием эквивалентности Дж.Кэтфорд считает требование, чтобы они могли заменять друг друга в данной ситуации, что и обнаруживается при эмпирическом анализе. Элементарные смыслы и представляют собой пучок различительных признаков как совокупности ситуативных черт, которые существенны для данного текста. Отсюда следует вывод, что эквивалентность при переводе возникает тогда, когда устанавливается соответствие между различительными признаками (или, по крайней мере, между некоторыми из них) текста на исходном языке и текста на языке перевода.

Высказывания **Дж.Кэтфорда** по проблеме переводческой эквивалентности оказались весьма плодотворными и нашли отражение во многих публикациях по теории перевода более позднего периода. Заслуживают внимания и разделы книги, посвященные применению транслитерации при переводе, грамматическим и лексическим преобразованиям, взаимодействию разных уровней в процессе перевода, проблемам учета при переводе социальных, диалектальных и иных языковых различий и т.п. Несмотря на их несколько фрагментарный характер, они убедительно свидетельствуют о плодотворности лингвистического подхода к переводческой проблематики.

4. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В РАБОТАХ П.НЬЮМАРКА

В кругах переводоведов хорошо известно имя Питера Ньюмарка, автора многочисленных статей по теории перевода, учебника по переводу и монографии «Подступы к переводу». Если **М.А.К.Хэллидей** и Дж.Кэтфорд в своих переводческих работах выступают как лингвисты, распространяющие на перевод принципы и методы исследования языкознания, то **П.Ньюмарк** — это прежде всего переводчик-практик и преподаватель перевода, формулирующий теоретические положения на основе обогащения переводческого опыта. Ему не по душе абстрактные теоретические модели и «чистая теория», он больше всего озабочен тем, чтобы теория перевода была непосредственно связана с переводческой практикой. Поэтому в его работах много частных наблюдений и замечаний о различных тонкостях и трудностях перевода и меньше собственно теоретических проблем. Вместе с тем в них можно найти и целый ряд

общетеоретических концепций, представляющих собой несомненную ценность, несмотря на то, что порой они не обладают достаточной научной строгостью и излишне категоричны.

По мнению П.Ньюмарка, главная задача теории перевода заключается в том, чтобы определить надлежащие методы перевода для возможно большего числа типов или подтипов текста, чтобы создать основу для формулирования принципов, отдельных правил и советов, необходимых переводчику. Все положения теории перевода должны выводиться из переводческой практики и обязательно сопровождаться примерами из оригиналов и их переводов. П.Ньюмарк неизменно следует этому правилу, и в его работах всегда присутствует богатый иллюстративный материал.

Хотя П.Ньюмарк делает упор на прикладную роль теории перевода, он осознает и ее большое научно-познавательное значение. Он указывает, что эта теория проливает свет на отношения между мыслью, значением и языком, на универсальные, культурные и индивидуальные аспекты языка и речевого поведения, на особенности различных культур, на проблемы интерпретации текстов и пр.

Рассмотрев важнейшие факторы, влияющие на выбор стратегии переводчика (цель текста, намерение переводчика, характер читателя и языковые и художественные качества текста оригинала) и основные типы переводческих текстов (выражающие, соответственно, экспрессивную, информативную и директивную функции), П.Ньюмарк формулирует два общих метода перевода: коммуникативный и семантический. Коммуникативный перевод стремится произвести на читателя воздействие как можно более близкое к тому, какое испытывают читатели оригинала. Семантический перевод стремится передать, с учетом семантических и синтаксических ограничений ПЯ, точное контекстуальное значение оригинала. Хотя оба метода могут сочетаться при переводе всего текста или его части, но в первом случае акцент делается на сообщение, читателя и высказывание, а во втором — на значении, авторе и его замысле. П.Ньюмарк подробно останавливается на условиях и особенностях использования каждого из указанных методов. Он отмечает, что коммуникативный перевод всецело ориентирован на читателя перевода, обеспечивая ему простую и ясную передачу исходного сообщения в привычной для него форме. Напротив, семантический перевод остается в рамках культуры оригинала, он более сложен, более детален, стремится передать все нюансы мысли, все особенности авторского стиля. Хотя П.Ньюмарк подчеркивает, что в ряде случаев коммуникативный перевод является обязательным (например, в предупредительных надписях типа «Beware of the dog» = «Осторожно, злая собака»), его симпатии явно на стороне перевода семантического. Он решительно не согласен с тем акцентом на получателя, который характерен для лингвистов-переводчиков, принадлежащих к школе Ю.Найды, Дж.Ферса и лейпцигской школы. П.Ньюмарк полагает, что подобный подход пренебрегает важными семантическими и формальными элементами оригинала, учетом специфической роли слова, словосочетания, синтаксической структуры, эмфатического выделения в конкретном тексте. Для него главное — это верность оригиналу и во имя нее он отстаивает даже буквальный перевод, утверждая, что в любом переводе при условии соблюдения эквивалентного эффекта буквальный перевод, «слово в слово» — это не только самый лучший, но единственно правильный метод, и что недопустимы ненужные «синонимы», а тем более «парафразы».

Могут быть случаи, когда семантический перевод одновременно будет и коммуникативным, но, по мнению П.Ньюмарка, обычно, стремление обеспечить максимально естественное восприятие и воздействие текста приводит к утрате ряда семантических элементов оригинала. Он призывает переводчика обращать внимание на форму оригинала не потому, что она важна сама по себе, но потому, что форма и есть содержание.

П.Ньюмарк делает интересную попытку подкрепить свою концепцию общими соображениями о соотношении речи и мышления. Он рассуждает о том, что человек больше мыслит, чем говорит, и что поэтому язык — это скорее орудие мысли, чем средство коммуникации. Процесс мысли наиболее полно отражается в письменной речи, в то время как устная речь более стереотипна и автоматизирована и часто осуществляется без предварительного обдумывания. Именно она представляет собой коммуникацию в чистом виде. Коммуникативный перевод связан с передачей информации, семантический перевод — с отражением процесса мышления. Первый воспроизводит то, что сообщает автор оригинала, второй — то, что и как он думает. Хотя коммуникативный перевод более распространен, семантический перевод оказывается, по мнению П.Ньюмарка, более значимым.

П.Ньюмарк указывает, что характеристика двух общих методов перевода является его главным вкладом в теорию перевода. Вместе с тем

в его работах рассматривается и ряд более частных переводческих проблем: вопросы перевода собственных имен, политических и иных терминов и названий, метафор и слэнга, выбора синонимических соответствий и пр. Все эти вопросы рассматриваются на большом иллюстративном материале, сопровождаемым тонкими и очень полезными в практическом плане наблюдениями и замечаниями.

Нельзя не согласиться с мнением Ю.Найды, который в своем кратком предисловии к книге П.Ньюмарка «Подступы к переводу» сказал, что автор внес важный вклад в достижение более глубокого понимания подлинной природы перевода.

5. ИНТЕГРИРУЮЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ М.Снелл-Хорнби

Современное переводоведение характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и направлений исследований. В то же время некоторые теоретики пытаются найти пути к созданию обобщающей единой концепции, охватывающей всю переводческую проблематику. Среди таких попыток большой интерес представляет книга М.Снелл-Хорнби «Переводческие исследования. Интегрированный подход», опубликованная в 1988 году.

В первой главе книги излагается основная мысль автора. Рассматривая историю переводческих учений и современные теории перевода, М.Снелл-Хорнби приходит к выводу, что все они неудовлетворительны. Во-первых, все они основаны на дихотомии, на выделении и изолировании противопоставленных категорий и областей исследования. Так, традиционно раздельно изучается язык и литература и, соответственно, разделяется изучение технического и художественного перевода. При этом лингвистический подход отвергает художественный перевод. Работы по художественному переводу фактически часто сводятся к сопоставительному литературоведению. Во-вторых, теории, ориентированные на какую-то одну из выделенных категорий, также дают, по мнению М.Снелл-Хорнби, очень скудные результаты. Они охватывают лишь отдельные участки объекта и носят либо очень общий, либо узкоограниченный характер. В-третьих, не оправдывают себя и попытки создать переводческую типологию текстов, поскольку их авторы стремятся выделить четкие категории, противопоставить один тип текста другому. На самом деле, между категориями нет четких границ, а в каждой категории есть центр (прототип) и периферия, более или менее плавно переходящая в другие категории. Поэтому нужна не типология, а

прототипология — единая динамическая система отношений, в которых рубрики — это идеальные фокусы, а между ними — шкала расплывчатых и пересекающихся оттенков.

Исходя из сказанного, М.Снелл-Хорнби предлагает свою стратификацию — модель предмета переводоведения, охватывающую все аспекты перевода и релевантные факторы без жестких разграничений между ними (см. схему 1 на с. 196). Схематическое изображение этой модели состоит из шести уровней. На каждом уровне указываются основные категории, которые составляют шкалу взаимосвязанных и переходящих друг в друга элементов. Уровни располагаются на схеме сверху вниз — от наиболее общих категорий на первом уровне до наиболее частных — на последнем.

Первый уровень (а) представляет общие виды перевода, которые традиционно неоправданно изолировались друг от друга. Они включают на одной стороне художественный перевод, на другой — перевод специальных текстов, а между ними — «Общий языковой перевод», который, по мнению автора, составляет основной объект внимания лингвистической науки о переводе, хотя остается крайне неопределенным и обычно характеризуется лишь негативно: «нехудожественный» и «нетехнический». Подчеркивается, что на схеме это — не дихотомия, а подвижной спектр, где чисто литературные приемы, например игра слов или аллитерация, могут включиться в «общеязыковые» газетные тексты и рекламные объявления, и, наоборот, прототипические технические, политические или бытовые термины могут использоваться как художественные средства в литературе.

На втором уровне (Ь) представлена прототипология основных видов текстов. Здесь на одном полюсе находятся традиционные объекты внимания теоретиков — Библия, классические произведения античности и более поздних времен, а также лирическая поэзия, детская литература, драматургия и современная беллетристика. На другом полюсе расположены технические тексты, а между этими полюсами помещены газетно-информационные тексты, рекламные объявления, тексты юридические, экономические и медицинские. М.Снелл-Хорнби указывает, что в схеме упоминается лишь небольшое число основных типов текстов, которых, на самом деле, гораздо больше, включая множество смешанных типов.

Третий уровень (с) занимают «экстрапереводческие» дисциплины: история культуры и литературы, социокультурные и страноведческие исследования, изучение специальных предметов.

СХЕМА **1.** Типы ТЕКСТОВ и ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ПЕРЕВОДА

A.	LITERARY TRANSLATION	GENERAL LANGUAGE TRANSLATION	SPECIAL LANGUAGE TRANSLATION
B.	Bible Stage / Film Lyric Poetry Modern Literature **Cl. Antiquily** Literature before 1900 Children's Light Literature Fiction	Newspaper / General Information Texts Advertising Literature	Legal Literature Econoomic Literature Medicine Scince / Technique
C.	⇐ Cultural History / Subjects ⇒ Literary Studies ⇔	Sociocultural and Area Studies ⇔	Studies of Special
D. (i)	⇐ Creative Extension / of Language Norm	Narrowing Scope of Interpretation	Conceptual Identity ⇒
(ii)	Recreation of **Languge** Dimantions ⇐	Grade of Differentiation	Relevance of ⇒ Invariance Equivalence Criteria
(iii)	Shifting of ⇔	Communicative Function of the Translation ⇔	Information Function
E.	Historical Linguistic Dialectology	Text-linguistics ⇒ Costructive Grammar / Semantics ⇒ Sociolinguistic ⇒ Pragmalinguistic ⇒ Psycholinguistic ⇒	
	Speakability Historical Linguistic Dialectology ⇐	Sound / Rythm ⇒ Costructive Grammar / Semantics ⇒ Sociolinguistic ⇒⇐	Phonological Effects

Четвертый уровень (d) отражает особенности процесса перевода. Здесь выделены три подуровня. Первый представляет этап понимания, где предполагается учет творческого развития языковых норм в литературе, сужение возможной интерпретации оригинала, уяснение понятийного содержания. Второй относится к созданию текста перевода, где упоминаются такие факторы, как воссоздание «языковых измерений», «степень дифференциации» (пояснение реалий), учет релевантности критериев эквивалентности и сохранение инвариантности. Третий касается функции перевода от возможного изменения функциональной перспективы до сохранения коммуникативной или информативной функции.

На пятом уровне (е) дается широкий спектр лингвистических дисциплин, релевантных для теории перевода, от лингвистики текста до психолингвистики, включая **контрастивную** лингвистику, социолингвистику, **прагмалингвистику** и ряд других областей языкознания.

И, наконец, на шестом уровне (f) помещены звуковые особенности речи, ее ритмическая организация и достигаемый фонологический эффект.

Кратко охарактеризовав отдельные компоненты общей **схемы,** М.Снелл-Хорнби посвящает следующие четыре главы своей книги рассмотрению узловых проблем переводоведения, которые она группирует под рубриками: 1) перевод как межкультурное событие; 2) перевод, текст и язык; *У)* от специального языка до художественного перевода; 4) перспективы переводоведения. Можно заметить, что хотя в начале книги М.Снелл-Хорнби отвергла лингвистический подход к переводу, ведущее место в этих разделах занимает чисто лингвистическая проблематика.

1. Критикуя крайности теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа и противостоящей ей теории универсалий, М.Снелл-Хорнби подчеркивает большую роль в переводе различия культур, что заставляет переводчика быть не только билингвом, но и **«бикультурным».** Она разбирает ряд работ 80-х годов, главным образом, немецких авторов, где делается упор на «культурный перенос» при переводе для обеспечения коммуникации с помощью текста перевода, что приводит к «свержению с трона оригинала».

К числу особенностей культуры М.Снелл-Хорнби относит и нарушения языковой нормы, типичные для литературных текстов, их метафоричность, позволяющая использовать скрытые потенции языка.

Для характеристики культурного переноса при переводе предлагаются два новых термина: **измерение** и перспектива. Под измерением понимается языковая ориентация текста через отбор лексики, стилистических приемов и синтаксических структур. Измерение текста оригинала желательно сохранить в переводе, однако трудность заключается в многомерности художественного текста, его связях и ассоциациях с другими текстами и единицами языка. Перспектива текста — это точка зрения говорящего, автора или читателя, определяемая их культурой, отношением к описываемым событиям, местом и временем создания текста. При

переводе перспектива всегда меняется, что должно учитываться переводчиком.

2. В разделе «Перевод, текст и язык» критически рассматриваются некоторые популярные направления современной лингвистики. М.Снелл-Хорнби считает, что современные концепции, рассматривающие язык как код, а высказывание — как цепочку знаков, устарели и применимы лишь для машинного перевода. Для исследования перевода более полезны старые подходы, которые связывали язык с культурой, изучали различия между языками, использовали индуктивно-литературно-эмпирические методы анализа. Предлагается при изучении перевода анализировать литературные тексты «сверху вниз» на нескольких уровнях. Сначала определяется положение текста в культуре и ситуации, общая структура текста, начиная *с* заголовка, функции отдельных его частей и единиц и сеть отношений между ними. Затем проводится более конкретный языковой анализ: выявляются повторяющиеся «ключевые слова», создающие «лексические поля» или систему образов, соотношение частей речи, особенности синтаксиса. Такой анализ, по мнению М.Снелл-Хорнби, позволяет раскрыть специфику художественного текста, который создает систематическую альтернативную картину реальному миру.

Рассмотрев возможность использования в теории перевода положений теории фреймов и теории речевых актов, М.Снелл-Хорнби особо останавливается на требованиях к словарю, который необходим переводчику. По ее мнению, такой двуязычный словарь должен объединить в себе данные толкового и синонимического словарей. В нем должны различаться 5 видов прототипов: терминология, интернационально— известные слова (суббота), конкретные предметы (стул), слова оценки и восприятия (предчувствие), культурно-ограниченные слова (реалии). К словарю следует приложить описание контрастивных семантических полей.

3. Следующий раздел книги посвящен проблемам теории художественного перевода. М.Снелл-Хорнби полагает, что в этой области наблюдаются три новые тенденции. Во-первых, основная ориентация переносится с оригинала на текст перевода. Во-вторых, оценочный подход заменяется дескриптивным. В-третьих, от текста как единицы языка теория идет к функции перевода как части широкого социокультурного фона, части культуры ПЯ.

Связь перевода с оригиналом динамична, зависит от текста, ситуации и функции перевода:

— чем специальнее текст, тем теснее он связан с конкретной ситуацией и тем легче определить его функцию;

— чем конкретнее ситуация и яснее функция, тем заметнее перевод ориентирован на текст перевода;

— чем «литературнее» текст (оригинальный или переводной), тем сильнее ситуация и функция перевода зависит от «активации» читателя;

— чем «литературнее» перевод, тем выше статус оригинала как произведения искусства.

Значительное место в разделе уделено проблеме стиля художественного текста. М.Снелл-Хорнби считает, что подлинная теория стиля в переводе еще не создана и разговоры о стиле обычно ограничиваются стилистическими приемами. Разработка такой теории должна основываться на ряде положений современной лингвистики, в частности, выдвигаемых в работах М.А.К.Хэллидея. М.Снелл-Хорнби разбирает некоторые из этих положений:

— теория стиля должна предусматривать многоуровневый подход, иметь дело с множеством семантических, синтаксических, физических свойств художественного текста;

— такой многоуровности соответствует и множественность текстовых функций;

— стиль может измеряться частотностью стилевых черт;

— ведущим понятием в теории стиля является «форграундинг» — художественно-мотивированное отклонение от норм языка, качественное или количественное;

— стиль может быть «прозрачным», прямо раскрывающим содержание, и «непрозрачным», где форграундинг направлено на языковую форму;

— стилистический анализ начинается с синтаксиса (структура и длина предложения, организация информации — фокус и ударение, структура и частотность именных и глагольных групп — именной или глагольный стиль), затем на уровне семантики и лексики изучаются семантические свойства слов, словообразование и стилистические приемы вплоть до аллитерации и ассонанса.

Стилистический анализ отражает и различия типов текстов: от конвенциональности и «прозрачности» научно-технических и стандартно-информационных текстов до «непрозрачности» индивидуально-авторских.

4. В заключительной части книги М.Снелл-Хорнби кратко формулирует свои взгляды на перспективу развития переводческих штудий. Она считает, что у этой дисциплины есть хорошее будущее:

а) Теория перевода будет успешно развиваться, так как потребность в переводе все возрастает и он должен будет получить необходимый статус и признание на основе солидной теоретической базы;

б) Отвечая запросам практики, теория перевода разрабатывает эффективную программу подготовки будущих переводчиков;

в) На основе теоретических разработок повысится уровень критики перевода.

Подводя итог этому беглому обзору работы М.Снелл-Хорнби, можно отметить, что, наряду с попыткой дать обобщенное представление об основных направлениях переводческих исследований, в ней содержится и целый ряд конкретных предложений по изучению отдельных аспектов художественного перевода.

РАЗДЕЛ 2. ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ И КАНАДЕ

Развитие теории перевода во Франции и Канаде целесообразно рассматривать совместно не только потому, что основные исследования переводческой деятельности в Канаде проводились франкоязычными переводоведами, работавшими в школе переводчиков Монреальского университета. Более существенно, что их работы тесно связаны идейно и организационно с исследованиями их французских коллег: многие публикации канадских ученых были изданы в Париже, часть этих ученых защищала диссертации во Франции в русле теоретических концепций Парижской школы переводоведения.

В истории переводоведения работы на французском языке появились одни из первых, и выдвинутые в них идеи сыграли важную роль в становлении этой новой науки. Особенно сильное воздействие на последующие исследования оказали работы Ж.-П.Вине и Ж.Дарбельне, а также лингвистический подход к проблемам перевода Ж.Мунэна. По-

зднее широкую известность приобрела интерпретативная теория перевода Д.Селескович, развитая и конкретизированная в работах М.Ледерер, М.Пернье, Ж.Делила и ряда других.

Для франко-канадского переводоведения характерны как собственно лингвистические концепции перевода, так и широкое использование данных психологии и психолингвистики. Для многих работ этого ареала характерно также стремление связать теоретические положения с практическими задачами подготовки будущих переводчиков.

1. СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА Ж.-П.ВИНЕ И Ж.ДАРБЕЛЬНЕ

Большое влияние на развитие теории перевода не только во франкоговорящих странах, но и во всем мире оказала книга канадских лингвистов Жана-Поля Вине и Жана Дарбельне «Сопоставительная стилистика французского и английского языков. Метод перевода», вышедшая в Париже в 1958 г. и выдержавшая несколько переизданий. Она дала толчок к появлению целого ряда работ, использовавших предложенную методику анализа переводов на материале других пар языков.

Будучи одной из первых фундаментальных работ по лингвистической теории перевода, книга Ж.-П.Вине и Ж.Дарбельне обладает рядом несомненных достоинств, которые могут служить образцом для построения подобных исследований в области перевода. Ее отличает высокая степень научности, фундаментальности, четкости структуры и процедуры анализа.

Работе предпосланы словарь переводческих терминов и Введение, в котором изложены основные принципы построения теории перевода, именуемой «сопоставительной стилистикой». Указав, что перевод обычно рассматривается как особое искусство и осуществляется переводчиком интуитивно, Ж.-П.Вине и Ж.Дарбельне настаивают на больших возможностях научно-лингвистического изучения процесса перевода, которое должно исследовать пути, по которым, сознательно или бессознательно, следует ум переводчика при переводе от одного языка к другому. Эти пути во многом определяются соотношением структур и, особенностей функционирования языков, участвующих в процессе перевода. Поэтому их изучение должно осуществляться в лингвистических терминах на основе положений современного языкознания.

Во Введении кратко излагаются лингвистические положения, из которых исходят авторы при последующем анализе перевода. Это, в

первую очередь, соссюровская концепция двусторонности языкового знака, значения и значимости знака, соотношения языка и речи. Особо подчеркивается важность различения обязательности и факультативности использования языковых форм в речи. Определенные языковые формы говорящий вынужден применять для выражения своей мысли, между другими он волен выбирать. Если переводчик не учитывает этого различия, возникает явление «сверхперевода»: он не видит вынужденности использования определенной формы в оригинале и переводит так, как будто у автора оригинала был выбор (то есть считает выбор формы релевантным для смысла): (Например, фр.»aller chercher» — пойти за чем-либо», перевод на английский язык как «to go and look for smth» вместо простого «to fetch»).

Вслед за Ш.Балли, предлагается различать внутреннюю стилистику, изучающую взаимодействие когнитивных (интеллектуальных) и аффективных (эмотивных) элементов языка, и внешнюю (сопоставительную) стилистику, которая занимается сопоставительным изучением выразительных средств двух и более языков. Именно в рамках этой последней и предлагается исследовать соотношения французского и английского языков, лежащие в основе перевода.

Большое значение уделяется в Введении обоснованию процедуры анализа, в которой выделяются исследуемые единицы, планы (уровни) анализа и технические приемы. В качестве единиц перевода предлагается рассматривать языковые единицы, соответствующие единицам мысли. Среди таких единиц выделяются: (а) функциональные (выражающие одну грамматическую функцию); (б) семантические (выражающие одно лексическое значение: to happen — to take place); (в) диалектические (выражающие ход мысли: this, or); (г) просодические (выражающие одну интонацию: You don't say). В структурном отношении единица перевода может быть равна слову, словосочетанию, части слова (морфеме), фразеологической единице как идиоматической, так и неидиоматической (severe winter, flat denial, to know for a fact и т.д.). Таким образом, в качестве ЕП выделяются единицы текста оригинала разного уровня, которым можно указать отдельные соответствия в переводе и которые переводятся как одно целое.

Рассматриваются *3* плана анализа: сопоставление лексических единиц ИЯ и ПЯ, сопоставление порядка расположения этих единиц (синтаксических структур) и сопоставление семантической организации

двух текстов (двух сообщений) на этих языках (тональность, развитие мысли, эмфаза, порядок следования и структура абзацев и т.п.).

Технические приемы перевода подразделяются на приемы прямого перевода (заимствование, калька, дословный перевод) и приемы косвенного перевода (транспозиция-замена части речи, модуляция-изменение точки зрения, эквиваленция-замена пословиц другим образом, предупредительных надписей и пр., адаптация-замена описываемой ситуации). Предполагается, что косвенный перевод применяется, когда прямой перевод невозможен, так как он нарушает смысл или вообще не имеет смысла, нарушает нормы языка или ничему не соответствует в ситуации. Все технические приемы перевода могут применяться к ЕП на каждом из трех планов анализа.

Основное содержание книги Ж.-П.Вине и Ж.Дарбельне составляет детальное сопоставление английского и французского языков по всем этим трем планам. Особенно подробно рассматривается соотношение лексических единиц двух языков. ,По мнению авторов, главное различие между английским и французским языками состоит в том, что английские слова чаще отражают план реальности, являясь словами-образами (конкретные, мотивированные), а французские слова — план концептуальный, выступая в качестве слов-знаков (абстрактные, немотивированные). Отсюда вытекают многочисленные частные различия: в объеме значения (вызывающие необходимость конкретизации или генерализации при переводе), в видовых значениях (как интеллектуальных — длительность, начинательность, завершенность и пр., так и аффективных — интенсивность, непринужденность, изысканность и пр.).

Особо рассматриваются различия в ассоциативных связях слова и типы лексических модуляций. Так, анг. «swim» может ассоциироваться с двумя рядами действий: walk, run, jump — физические упражнения — to go for a walk, to read, to play tennis — и развлечения, а фр. «nager» связано лишь с одним таким рядом (ср. se baigner). Лексические модуляции могут иметь в своей основе самые разные логические отношения, например: причина-следствие to baffle analysis — не поддается анализу, средство-результат (a firing squad — команда для расстрела), часть-целое (to wash one's hair — помыть голову), изменение угла зрения (entered the high way — выехал на шоссе), промежуток-предел (three flights of stairs — три этажа), форма-применение (high chair — детский стульчик) и т.д.

По аналогичной схеме сопоставляются и синтаксические организации высказываний и морфологические категории в двух языках, раскрывающие различия в способах актуализации лексических единиц в речи. Здесь прежде всего детально рассматриваются различные виды транспозиции (замены части речи в переводе). Затем авторы пытаются сформулировать ряд обобщений, касающихся подобных преобразований. Они выделают четыре основных тенденции, которые создают, по их мнению, разные «виды речи». Во-первых, отмечается преобладание во французском языке существительных, в отличие от большей «глагольности» английского языка. (Ср. to resign — donner sa demission). Во-вторых, порядок слов в английском языке более четко отражает реальное расположение объектов, чем во французском, что вызывает необходимость перестановок при переводе, например: He gazed out of the open door into the garden (средство-результат) — Il a regarde' dans le jardin par la parte ouverte. В-третьих, английский язык более эллиптичен, в связи с чем часто при переводе служебные слова заменяются полнозначными (ср. From-Expediteur). В-четвертых, существуют различия в употреблении деиктов-артиклей и местоимений: He walked seven miles on an empty stomach-Il a fait dix kilometres le ventre vide.

Значительное место в данном разделе уделено сопоставлению грамматических категорий. Здесь отмечаются расхождения в категориях рода, числа, времени, залога, модальности и вида.

Завершают раздел замечания о возможных различиях в структуре синтагмы и в использовании эллипса. Наблюдаются как случаи избыточности, связанные с опущениями при переводе (He strode away like the mountaineer he was), так и необходимость добавления опущенного элемента (He did not say — он этого не сказал — Il пе Га pas dit).

Большой интерес представляет материал раздела, посвященного выявлению различия в смысловой структуре сообщений в двух языках. Прежде всего обращается внимание на расхождения в способах описания одних и тех же ситуаций (We passed few cars on the road. — По дороге мы встретили мало машин). Затем под общим названием «Просодические явления» рассматривается ряд явлений, связанных с повторением элементов текста, расширением сообщения (добавления слов при переводе), экономией средств, компенсацией, стилистическими украшениями и с использованием метафор («живых» и стершихся). Соотношение порядка слов в оригинале и переводе обнаруживает различия в расположении идей в высказывании, что по мнению авторов, отражает особенности психологии. Отмечается, в частности, тенденция английского языка к анимизму, субъективному изображению ситуации (Winter saw .... We heard steps), особенности использования эмфазы, инверсии, риторических вопросов. Интересно наблюдение, что некоторые слова в переводе не могут стоять в начале фразы (More will come tomorrow), другие не могут стоять в конце (французский язык, по мнению авторов, избегает ставить в конце фразы короткие слова). Рассматриваются также различные виды логических связок между высказываниями.

В заключение раздела анализируются случаи использования приемов модуляции и эквиваленции при изменении смысловой структуры сообщения при переводе. Подробно описываются различные логические отношения между исходными и преобразованными структурами: конкретное-абстрактное, причина-следствие, целое-часть и т.д. Следует отметить, что эта часть во многом повторяет раздел работы, посвященный лексическим модуляциям. То же самое можно сказать и о примерах использования приема эквиваленции при переводе высказывания, где описываются уже знакомые явления (Ср. Open to the public — Вход свободный; Men at work — Дорожные работы и т.п.).

Заключая раздел, Ж.-П.Вине и Ж.Дарбельне подчеркивают, что не надо обращаться к экзотическим языкам, чтобы убедиться, что разные языки по-разному членят описываемую действительность, и приводят ряд убедительных примеров. (Например: ряд сочетаний с английским прилагательным «brown»: brown eyes, brown butter, brown pencil, brown shoes, brown bread, brown paper, brown hair).

Как видно из этого краткого изложения содержания книги Ж.-П.Вине и Дарбельне, она содержит богатый фактический материал, показывающий большие перспективы разработки частных теорий перевода для разных пар языков. Многие идеи и направления анализа, намеченные в книге, успешно разрабатывались в более поздних работах по переводоведению. Вместе с тем следует отметить, что в этой работе автором не всегда удается четко провести разграничение между теорией перевода и сопоставительным языкознанием. Не всегда ясно, проверялись ли выделенные соответствия путем анализа реальных переводов или они были выбраны лишь потому, что имеют одинаковые функции в обоих языках. Это обстоятельство, разумеется, не умаляет заслуг этой пионерской работы в развитии современной науки о переводе.

2. Ж.Мунэн как переводовед

Известный французский языковед Жорж **Мунэн** один из первых обратился к переводческой проблематике. В фундаментальной работе «Теоретические проблемы перевода» (1963 г.), в книге «Теория и история перевода» (1965 г.), в многочисленных статьях и докладах, позднее собранных в сборнике «Лингвистика и перевод» (1976 г.), он рассматривает широкий круг вопросов, раскрывающих связь языкознания с теорией перевода.

Ж.Мунэн не стремится разработать целостную лингвистическую теорию перевода. Он ставит перед собой задачу раскрыть большие возможности использования понятий и методов исследования, которыми оперирует современное языкознание, для изучения переводческих проблем. Эрудированный лингвист, **Ж.Мунэн** решает эту задачу как бы «от противного». Прежде всего он рассматривает на высоком научном уровне современные концепции о языке, которые ставят под сомнение саму возможность перевода. Лингвистические препятствия для перевода объединяются в три группы проблем: специфичность семантики языковых знаков, несовместимость «картин мира», создаваемых языком для отражения **внеязыковой** реальности, и различия в самой этой реальности, в культуре и цивилизации носителей разных языков.

Рассматривая лингвистические концепции значения языкового знака в работах таких известных языковедов, как Соссюр, Харрис, Блумфилд, Мартине, Ельмслев и ряд других, **Ж.Мунэн** обращает внимание на то, что современное языкознание все еще преодолевает наивное представление о языке как о инвентарном списке имен, где каждое слово служит ярлыком для обозначения соответствующего объекта. При такой точки зрения слова разных языков — это разные обозначения для одинаковых объектов. Поэтому соответствующие слова двух языков могут различаться лишь по форме, и их перевод будет сводиться к простой замене одной формы на другую. Современные концепции языка не приемлют подход к языку как к простой номенклатуре. В то же время многие лингвистические теории, к которым обращается **Ж.Мунэн,** признавая наличие у каждого языкового знака устойчивого, лишь ему присущего значения, не считают возможным описывать такое значение с достаточной степенью объективности и на этом основании предлагают ограничивать лингвистический анализ лишь формальной стороной языка, его планом выражения.

Поскольку перевод всегда предполагает понимание переводимого текста, отлучение значения от объективного описания служит препятствием для теоретического изучения переводческого процесса.

Вторым лингвистическим препятствием для разработки теории перевода являются, по мнению **Ж.Мунэна, неогумбольдтианские** концепции в современном языкознании, которые утверждают, что каждый язык создает собственную картину мира, членит отражаемую в нем действительность только ему присущим способом. При этом язык как бы навязывает каждому следующему поколению такую картину мира, вынуждая его видеть окружающий мир сквозь концептуальную сетку данного языка. Из известной гипотезы Сепира-Уорфа следует, что различие языков предполагает и различие логических категорий и характера мышления у людей, говорящих на этих языках. Утверждается, например, что Аристотелева логика отражает особенности греческого языка и что, если бы Аристотель был индейцем племени Дакота, то его логика была бы совсем иной. А поскольку картины мира, создаваемые разными языками, не сводимы друг к другу, то содержание текста оригинала не может совпадать с содержанием текста перевода и вся процедура перевода оказывается фикцией.

В качестве третьего препятствия для возможности осуществления перевода и его теоретического обоснования **Ж.Мунэн** указывает на выводы современной социолингвистики, свидетельствующие о существенных **культурно-этнических** особенностях, находящих отражение в переводимых текстах. Утверждается, что культура одного народа специфична и непроницаема для другого народа, что каждый из них обладает своими обычаями, ассоциациями, своей психологией, своим отношением к реальности. Речь здесь идет не только о различиях в картинах мира, но и о том, что и сами миры оказываются разными. Цитируя труды **Ю.Найды, Ж.Мунэн** указывает на трудности перевода, связанные с особенностями экологии, материальной культуры, культуры социальной, религиозной и лингвистической. Как перевести слово «пустыня» на язык племени, живущего в гуще тропического леса? Что может означать фраза «городские ворота» для кочевников, никогда не видевших ни города, ни ворот? Как **быть,** если на языке данного народа нет понятия «брат», а есть только «старший брат» или «младший брат»? Как переводить специфические религиозные термины на язык народа, не знакомого с теологическим понятиями и ритуалом? Различие цивилизаций, как и

собственно языковые различия, создают серьезную преграду для полноценного перевода.

Ж.Мунэн не останавливается на констатации серьезности лингвистических возражений против «законности» и обоснованности перевода. Он подвергает более детальному анализу проблемы перевода, связанные со структурой лексического состава языка, его картиной мира и множественностью культур, дополняя их рассмотрением синтаксических аспектов перевода. И в каждом из этих разделов анализа он раскрывает новые возможности для лингвистического подхода к переводу, для успешного теоретического изучения перевода с помощью лингвистических терминов и понятий.

Так, в связи с проблемой передачи в переводе значений слов оригинала Ж.Мунэн подробно рассматривает труды таких лингвистов, как Л.Ельмслев, Л.Прието, А.Мартине и др., в которых обосновывается возможность выделения в значении знака минимальных смысловых элементов (фигур содержания). Такие компоненты значения, выделяемые путем сопоставления с другими словами языка (jument = cheval + femelle, durfen = possibilité + morale), дают возможность сопоставлять значения слов разных языков, обеспечивая использование в переводе одинакового набора элементарных смыслов.

Важное значение для теории перевода имеют также достижения современного языкознания в области описания тех дополнительных компонентов плана содержания языкового знака, которые обычно именуются его коннотацией. Передача в переводе эмотивных, стилистических, образных аспектов значения может играть столь же важную роль, как и передача предметно-логического содержания.

Ж.Мунэн вновь и вновь обосновывает свой основной тезис, что современная лингвистика не только создает трудности для теории перевода, но и помогает их преодолевать. Указывая на реально существующие препятствия для воспроизведения содержания текста на другом языке, лингвистика дает возможность объективно оценить степень точности перевода, выявить элементы расхождения перевода и оригинала и их коммуникативную значимость.

Аналогичным образом рассматриваются и проблемы перевода, связанные с языковой картиной мира и множественностью культур. Конечно, каждый язык по-разному членит действительность, и многочисленные названия разновидностей снега у эскимосов или лошадей различной окраски у аргентинских пастухов не находят соответствия в языках других народов, создавая тем самым определенные трудности при их переводе. Однако, лингвистика и здесь указывает на ограниченность этих трудностей. Во-первых, аналогичные различия в членении действительности обнаруживаются и в пределах одного и того же языка. Ж.Мунэн отмечает, например, что, хотя средний француз знает всего лишь одно слово со значением «снег», французские лыжники используют целый ряд наименований различных видов снега, не уступающий по числу слов лексике эскимосов или лапландцев. То же самое можно сказать и о французских коневодах, в распоряжении которых имеется более двухсот терминов для названия лошадей. Наличие таких различий вовсе не препятствует возможности общения между французами. Равным образом они могут преодолеваться и в переводе. Во-вторых, лингвистические исследования обнаруживают наличие в языках многочисленных универсалий, отражающих общность среды обитания, биологического типа, восприятия окружающего мира и психической организации у всех обитателей нашей планеты. К собственно лингвистическим универсалиям следует добавить и многие общие элементы, свойственные культурам разных народов, общность описываемых объектов и ситуаций. В современном мире наблюдается дальнейшее сближение культур, отражающееся в определенной конвергенции языков. Все это, несомненно, облегчает преодоление различий в языковых картинах мира в процессе перевода.

Не представляются непреодолимым препятствием для перевода и различия между культурами языковых коллективов. Безусловно, знание реальности, стоящей за текстом оригинала, необходимо для его понимания и перевода. Но факты чужой культуры не являются чем-то непостижимым, недоступным для описания и изучения. Используя этнографические данные, переводчик может успешно справиться с задачей воспроизведения или объяснения в переводе особенностей культуры, отраженных в значениях слов оригинала.

Среди лингвистических барьеров, которые должен преодолеть переводчик, Ж.Мунэн рассматривает и расхождение грамматических структур языков. И здесь, с одной стороны, лингвистика обнаруживает возможность существования универсалий, основанных на общности функций или способов грамматической связи, равно как и возможность приравнивания друг к другу разнотипных структур, употребляемых разными языками в одних и тех же ситуациях.

Ж.Мунэн подчеркивает относительность понятий «переводимость» и «непереводимость». При переводе приходится преодолевать множество препятствий лингвистического и нелингвистического характера, и каждый раз это удается сделать в большей или меньшей степени. Коммуникация с помощью перевода никогда не бывает абсолютной, но в то же время она всегда возможна.

Ж.Мунэн был одним их первых исследователей, подошедших к переводческой проблематике с последовательно лингвистических позиций. Его работы во многом предопределили дальнейшее развитие лингвистического переводоведения.

3. Интерпретативная теория перевода Д.Селескович и М.Ледерер

Опытный переводчик и преподаватель перевода Даница Селескович основывает свою теорию перевода на наблюдениях за процессом устного, в первую очередь, синхронного перевода. Разработанная ею концепция изложена в многочисленных публикациях, а ее общетеоретические выводы нашли наиболее полное отражение в книге «Интерпретировать для того, чтобы переводить» (1987), написанной совместно с М.Ледерер.

В основу своей концепции Д.Селескович кладет неоспоримые лингвистические и психологические факторы, раскрывающие связь языка и мышления в процессе общения между людьми. Как известно, вслед за Ф.де Соссюром, в языкознании утвердилось понимание языкового знака как двусторонней единицы, объединяющей звуковой образ — означающее и понятие-означаемое и составляющей часть общей языковой системы. Звучания и значения языковых единиц хранятся в памяти членов данного языкового коллектива и являются их общим достоянием. Именно благодаря этой общности, язык может служить средством общения между людьми. Однако само общение осуществляется не единицами языка, а с помощью речевых высказываний-текстов, которые хотя и строятся из языковых единиц, но обладают смыслом, не сводимым к простой сумме значений таких единиц. Общаются конкретные люди в определенной обстановке, в определенное время и в определенном месте. Смысл любого высказывания будет во многом зависеть от этих факторов, а также от предыдущего опыта коммуникантов, их знаний, чувств и намерений. Одно и то же высказывание может иметь различный смысл в зависимости от контекста и ситуации, в которых оно используется. Цель общения и состоит в передаче такого

конкретного смысла, который и понимается адресатом. Например, высказывание «Я только, что приехал из Нью-Йорка» может быть ответом на вопрос «Не хотите ли поехать сегодня в Нью-Йорк» или на вопрос «Не хотите ли поехать сегодня в Бостон?» или «Почему Вы чувствуете себя здесь чужим?» И каждый раз это высказывание будет иметь иной смысл, а, следовательно, и иной перевод.

Такая относительная независимость смысла высказывания от составляющих его языковых единиц подтверждается и данными психологии. Известно, что говорящие не запоминают языковую форму высказанных ими мыслей, а сохраняют в памяти лишь выраженный смысл. Как правило, человек не может повторить слово в слово сказанное или услышанное, но может передать соответствующий смысл.

Отсюда Д.Селескович делает вывод, что задача переводчика и состоит в передаче на другой язык этого смысла переводимого высказывания, который возникает в момент речи в конкретных условиях, когда языковое содержание высказывания (выводимое из значений языковых единиц) сочетается с необходимыми познаниями слушателя. Как указывалось, такой смысл, или, иначе говоря, «содержание речи», не совпадает с языковым содержанием высказывания, так как фраза вне контекста коммуникации значит не то, что она значит тогда, когда ее использует одно мыслящее существо, адресуясь к другому такому существу.

По мнению Д.Селескович, понимание смысла представляет собой его интерпретацию, то есть извлечение смысла, минуя языковое содержание. Это происходит мгновенно и интуитивно, и в памяти переводчика сохраняется лишь извлеченный смысл, который он и передает в переводе. Обращение к языковому содержанию, к значениям языковых единиц оригинала только затрудняет и искажает понимание, а, следовательно, и перевод.

Таким образом, всякий перевод — это интерпретация. В переводе присутствуют три элемента: речевое высказывание на языке X, понимание переводчиком смысла этого высказывания — уже вне этого языка — и перевыражение этого смысла на языке У. В целом, перевод — это операция над идеями, а не над языковыми знаками, и переводчик добирается до смысла, преодолевая языковое выражение и интерпретируя содержание высказывания.

Из этой концепции перевода, которую можно назвать интерпретативной, Д.Селескович делает далеко идущие выводы. Она полагает,

что подобная интерпретация лучше и легче всего удается переводчику-синхронисту, поскольку у него нет времени анализировать языковую сторону высказывания и он непосредственно «ухватывает» тот единственный смысл, который возникает в момент интуитивного восприятия высказывания и должен быть передан («перевыражен») в переводе. Письменный переводчик находится в более трудном положении: у него перед глазами фиксированный текст, из анализа которого можно извлечь («приписать» ему, исходя из значения составляющих текст языковых единиц) всевозможные смыслы, а не только тот неожиданный, новый, возникший в конкретном акте коммуникации и соответствующий намерению говорящего. Ведь в письменном переводе отсутствует непосредственная межличностная связь переводчика с участниками коммуникации и перевод осуществляется в иное время и при других условиях. Существует опасность, что как раз этот главный смысл переводчик может опустить, занимаясь детальным анализом оригинала.

Таким образом, по мысли Д.Селескович, именно устный перевод наиболее полно отражает сущность переводческого процесса, поскольку в нем переводчик оказывается в естественном положении участника речевого общения. Точнее, он попеременно выполняет две роли: интуитивно понимает смысл сказанного и естественным образом, как любой говорящий, выражает этот смысл на другом языке.

Однако Д.Селескович считает, что ее концепция не только объясняет процесс устного перевода, но справедлива и для любого вида перевода. Только в письменном переводе эта сущность перевода затемняется и искажается по указанным выше причинам. Поэтому письменному переводчику рекомендуется использовать процедуру устного перевода: прочесть отрезок оригинала (скажем, абзац), закрыть книгу, изложить «схваченный» смысл на языке перевода и лишь затем посмотреть, есть ли необходимость добавить к переданному смыслу какие-то дополнительные детали, связанные с языковым содержанием оригинала.

Помимо подчеркивания особой роли устного перевода, концепцию Д.Селескович отличает и ее противопоставленность собственно лингвистическим теориям перевода. Поскольку, как указывалось, переводчик должен стремиться как можно скорее избавиться от языковой формы оригинала, не может быть речи о каком-либо соотношении между отдельными единицами текстов оригинала и перевода. Д.Селескович признает, что могут существовать некоторые трудности в связи с опре-

деленными единицами или структурами ИЯ или ПЯ, но, по ее мнению, они относятся к языковой компетенции переводчика, к недостаточности его знаний, а не к процессу перевода, который в идеале предполагает, что переводчик также легко и быстро понимает и продуцирует высказывания, как и любой человек, свободно владеющий соответствующим языком.

Соавтор и сотрудник Д.Селескович Марианна Ледерер является также автором монографии «Теоретические основы синхронного перевода» (1980), в которой можно найти дополнительные доводы в пользу интерпретативной теории перевода.

Книга М.Ледерер, как свидетельствует ее название, посвящена проблемам синхронного перевода, однако автор неоднократно подчеркивает, что основные положения ее теоретической концепции применимы и к письменному переводу и, более того, имеют общелингвистическую значимость, поскольку изучение синхронного перевода проливает свет на способ выражения мысли с помощью языка. В работе рассматриваются различные аспекты процесса синхронного перевода, в котором выделяются 8 операций, протекающих параллельно или в разных сочетаниях:

1. Восприятие (аудирование) устной речи.
2. Понимание услышанного.
3. Интегрирование понятых смысловых единиц с предыдущим знанием, извлеченным из оригинала.
4. Формирование высказывания на ПЯ на основе когнитивной памяти.
5. Восстановление элементов высказывания на основе ИЯ с использованием прямых соответствий, осуществляемым автоматически.
6. Восстановление элементов высказывания (слов) на основе вербальной памяти (поиск слова для выражения понятого).
7. Слуховой контроль за собственной речью переводчика.
8. Осознание окружающей обстановки.

Все эти операции подробно описываются в связи с такими особенностями устной речи, как быстрота, неправильность (аграмматичность), неполнота, колебания, паузы и т.п. Важная особенность устной речи заключается также в том, что в отличие от письменной речи здесь имеется непосредственное и точное представление о том, кому адресована передаваемая информация.

Детально описывая процесс синхронного перевода, М.Ледерер все время подчеркивает, что переводчик оперирует не с языковыми единицами, а со смыслом текста, возникающим в речи, а не данным заранее. Она указывает на ряд факторов, свидетельствующих о том, что переводчик переводит не то, или не совсем то, что он слышит. Во-первых, в устной речи смысл сказанного понимается и в случае неполноты или неправильности высказывания: слушающий (переводчик) без труда восстанавливает правильные формы или восполняет пропущенное. Более того, именно подобные «искажения» являются нормой устной речи, обеспечивают ее естественность и легкость восприятия. Во-вторых, слушающий всегда дополняет получаемую информацию за счет знаний, хранящихся в его краткосрочной и долгосрочной памяти, и поэтому общий смысл высказывания значительно обогащается, благодаря фоновой информации. В-третьих, высказывание никогда полностью не описывает объект или ситуацию, а указывает на нее, называя лишь некоторые ее черты или признаки, через которые адресат получает представление о ситуации в целом.

На основе всех этих соображений М.Ледерер выдвигает свою концепцию «синекдохи», которая распространяется как на перевод, так и на речевую деятельность вообще. Как известно, синекдохой именуется известное семантическое явление, когда часть используется для наименования целого. М.Ледерер полагает, что по этому принципу формируется значение слова и смысл высказывания. В основе наименования объекта обычно лежит какой-то признак этого объекта. Значение слова не описывает объект, а лишь указывает на него через один или несколько таких признаков. Таким образом, целое (объект) именуется через его часть (признак), то есть имеет место своего рода синекдоха.

То же самое относится и к высказыванию, и тексту в целом. Как уже отмечалось, значение высказывания составляет лишь часть его общего смысла. Высказывание не описывает мысль, а лишь указывает на нее, обозначает ее. Общий смысл не только не сводится к значениям языковых единиц, составляющих высказывание, но и может существенно отличаться от них. Например, японский дипломат, прощаясь с хозяином дома, может сказать ему «Вы очень богатый человек», что фактически означает «Спасибо за гостеприимство». М.Ледерер вспоминает, как она была шокирована, когда ее знакомая англичанка, говоря о своей любви и преданности мужу, сказала «I am a one man's dog». По ее

мнению, употребление слова «chien» по-французски выражало бы крайнюю степень рабства и унижения.

Общий смысл высказывания — это то, что должен понять и передать переводчик. А для этого он должен не анализировать каждое слово в оригинале, а стараться, отвлекаясь от значений слов, добраться до смысла. М.Ледерер вновь и вновь повторяет, что перевод — это операция не со словами, а со смыслом. Главная задача перевода заключается в том, чтобы обеспечить немедленное понимание смысла. Если в английском оригинале сказано «He disposed of the stolen vehicle» и ясно, каким способом он это сделал, то перевод должен быть: «Он продал украденную машину». «Strategic negotiations» могут стать в переводе «Переговоры о сокращении стратегических вооружений», если таков смысл этого сочетания в оригинале. При этом следует учитывать , что ясность понимания переводчиком смысла оригинала еще не обеспечивает понятность перевода, о которой переводчику нужно особо заботиться.

Таким образом, следует проводить различие между интерпретацией текста и интерпретацией смысла. Интерпретация текста — *обязательное* условие понимания и перевода, она осуществляется для извлечения и ясной передачи смысла. Интерпретация смысла, под которой понимается его оценка и возможные выводы и ассоциации, связанные с ним, не входит в обязанности переводчика. Она может быть осуществлена самим адресатом перевода, если смысл оригинала передан ясно и понятно.

Интерпретативная теория перевода представляет собой попытку подвести теоретическую базу под интуитивное представление устного переводчика о характере своей деятельности. Она опирается на хорошо известные факты о различии между языком и речью, о многозначности многих языковых единиц и речевых высказываний, о несводимости смысла высказывания к его языковому содержанию. Однако у этой теории есть ряд уязвимых сторон в теоретическом и практическом плане.

Интерпретативная теория перевода основывается на психологических концепциях, гипертрофирующих роль интуитивно-непосредственного в речи. На ограниченность таких концепций уже неоднократно указывалось. Отмечалось, что быстрое и легкое интуитивное понимание возможно лишь в отношении сравнительно простых текстов, что субъективное ощущение его правильности часто не имеет объективных оснований и не доказательно для других, что реальный смысл сложного текста

складывается из многих компонентов, для выявления которых необходим всесторонний сознательный анализ.

Недостаточно обосновано и возвеличивание устного перевода как наиболее точного и надежного способа передачи смысла оригинала. Известно, что устный переводчик (особенно переводчик-синхронист, работающий в экстремальных условиях) нередко вынужден довольствоваться передачей лишь основной мысли автора, компрессировать при переводе смысл исходного текста, допускать пропуски, отклонения, оговорки и ошибки в речи. Не случайно достижение максимальной точности не выдвигается обычно в качестве главной задачи устного перевода. Напротив, письменный переводчик, имеющий возможность детально анализировать смысл оригинала, прибегать к помощи словарей и справочников, неоднократно сопоставлять свой перевод с оригиналом и вносить необходимые коррективы, способен наиболее полно передавать все содержание оригинала (в том числе и его глубинный смысл, составляющий намерение говорящего).

Нельзя полностью согласиться и с тем, как Д.Селескович трактует роль языка в создании смысла текста. Смысл высказывания в конкретном контексте может не сводиться к его языковому содержанию, но он всегда интерпретируется через это содержание и на его основе. Участники коммуникации извлекают смысл высказывания, применяя всю совокупность своего предыдущего опыта и знание обстановки общения именно к данному языковому содержанию, которое определяется набором языковых единиц и способом их организации в высказывании.

Вряд ли правильно также утверждать, как это делает Д.Селескович, что высказывание имеет лишь мгновенный, неповторимый смысл, создающийся в момент коммуникативного акта и принципиально иной для каждого нового коммуниканта, воспринимающего высказывание в иной момент и в других условиях и обладающего иными знаниями и предыдущим опытом. Помимо такого субъективного смысла, связанного с индивидуальными особенностями и личными ассоциациями каждого из коммуникантов, любое осмысленное высказывание необходимо должно содержать некоторую информацию, общую для всего коллектива, пользующегося данным языком как средством коммуникации. В противном случае оказалось бы невозможным речевое общение между людьми и их совместная деятельность. И для извлечения такой общей информации нет другого пути как понимание языкового содержания, как максимальное приближение к тексту через язык. Хотя при интуитивно-непосредственном восприятии устной речи переводчику-синхронисту может казаться, что он понял оригинал, минуя его языковое содержание, на самом деле он очень быстро и неосознанно идентифицировал услышанные языковые единицы, интерпретировал их значения по отношению друг к другу и к описываемой реальности и определил языковое содержание высказывания с большей или меньшей полнотой. И лишь после этого или наряду с этим он может осуществить понимание смысла, выводимого из этого содержания, который отражает уже не столько, что реально сказал говорящий, сколько то, что он хотел сказать, какую он этим преследовал цель, какие выводы можно сделать на основании сказанного и т.п. В некоторых случаях передача в переводе языкового содержания дает возможность получателю перевода извлечь и этот смысл. В других случаях для передачи такого смысла придется произвести некоторые преобразования. В любом случае основой для принятия решения служит именно языковое содержание оригинала.

Как видно, теоретическая концепция Д.Селескович затрагивает важнейшие аспекты переводческого процесса и представляет несомненный научный интерес.

4. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРУДЫ Ж. ДЕЛИЛА

Свидетельством тесной идейной связи переводоведов Франции и Канады могут служить публикации канадского переводчика и преподавателя перевода Жана Делила. Наиболее полно теоретические установки Ж.Делила отражены в его книге «Анализ дискурса как метод перевода», изданной в Оттаве в 1980 г.

Исходные положения Ж.Делила находятся полностью в русле интерпретативной теории перевода. Он также настаивает на принципиальном различии узкоязыкового и коммуникативно-речевого подходов к переводу и подчеркивает, что «перевод текста есть умственная операция по воспроизведению живой мысли в речи» и сутью этого процесса является извлечение и перевыражение смысла. И для него характерно отрицательное отношение к использованию в теории перевода сопоставительного анализа двух языков. В этой связи он подвергает резкой критике концепцию Ж.-П.Вине и Ж.Дарбельне, указывая, что переводчик вовсе не сравнивает знаки ИЯ со знаками ПЯ, а интерпретирует целостный смысл высказывания для его последующего перевыражения.

Развивая концепцию Д.Селескович, **Ж.Делил** выделяет в процессе перевода три основных этапа: понимание, перевыражение и подтверждающий анализ. Этап **понимания,** в свою очередь, включает три стадии: (1) Декодирование знаков в тексте оригинала. (2) Извлечение смысла в связи с контекстом и ситуацией. *(3)* Правильное понимание заглавия текста оригинала (если таковое имеется), что возможно лишь после ознакомления со всем сообщением. Здесь уже можно усмотреть некоторое расхождение с классическими канонами **интерпретативной** теории: языковые единицы рассматриваются не как препятствие к извлечению **смысла,** а как объект анализа, составляющего важную часть процесса понимания. Такое смещение акцентов, возможно, объясняется тем фактом, что Ж.Делил занимается не устным, а письменным переводом.

На втором этапе происходит перевыражение на языке перевода извлеченного смысла. Процесс перевыражения, по мнению Ж.Делила, включает в себя рассуждение по аналогии и собственно перевербализацию. При рассуждении по аналогии переводчик пытается установить сходство понятий, выражаемых разным способом в ИЯ и ПЯ, а при перевербализации он создает на ПЯ разные варианты перевода и выбирает из них тот, который лучше воссоздает смысл оригинала. При этом чем более стереотипны, привычны формы выражения тех или иных понятий в конкретных областях, тем меньше степень свободы у переводчика, так как он должен переводить в соответствии с узусом ПЯ.

На третьем этапе — подтверждающего анализа — избранные варианты перевода оцениваются с точки зрения их приемлемости по смыслу, коннотации, метафоричности, логичности и т.п. Неверные варианты должны, в **зависимости** от опыта и мастерства переводчика, заменяться на более правильные.

Таким образом, в процессе перевода переводчик осуществляет двойную интерпретацию: при извлечении смысла оригинала и при оценке варианта перевода в ходе подтверждающего анализа. При этом процесс перевода может быть схематично представлен следующим образом (см. схему 2 на с. 219).

Отличительная черта концепции Ж.Делила заключается в попытке связать теоретические положения с характеристикой переводческого билингвизма и с задачами обучения будущих переводчиков. Он пытается выявить различие между билингвизмом профессионального переводчика и билингвом, для которого владение двумя языками не является

СХЕМА 2. ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА по ЖАНУ ДЕЛИЛУ

	ИСХОДНЫЙ ТЕКСТ	
	ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА ИЯ	
Понимание	Дифференцирование языковых знаков (референция к языку)	Первая интерпретация
	Извлечение смысла (референциация к действительности, невербальная стадия)	
Перевыражение	Оперирование понятиями при попощи умственных механизмов нелингвистического характера	Аналоговый процесс
	Перевербализация понятий	
	Предварительные решения	
Подтверждающий анализ	Выбор решения	Вторая интерпретация
	Скорректированный вариант	
	ТЕКСТ ПЯ	

условием его профессиональной деятельности. Ж.Делил усматривает это различие в том, что для переводчика характерно осознанное владение вторым языком, активное знание письменной и устной норм родного языка (ПЯ), умение понимать и находить соответствия по аналогии, умение извлекать из высказывания смысл при помощи анализа и логического рассуждения.

Обучение переводу должно всецело строиться на основе учета коммуникативного характера переводческого процесса и тех умений, которые нужно создать у переводчика. Переводчик никогда не переводит изолированных фраз, а всегда имеет дело с реальными текстами, предназначенными для определенной аудитории. Поэтому и в процессе обучения будущие переводчики должны упражняться не в переводе отдельных фраз или словосочетаний, а в решении реальных коммуникативных задач.

Значительная часть книги Ж.Делила посвящена системе упражнений для обучения переводу. По замыслу автора, такие упражнения должны быть не лингвистическими, а чисто коммуникативными, то есть учить не переводить какие-то языковые **единицы.** а решать определенные коммуникативные задачи. Для этого каждому упражнению пред-

посылается указание о цели, которая достигается его выполнением. Такие цели формулируются для всех этапов переводческого процесса. Так, ряд упражнений предназначен для развития умения правильно понимать переводимый текст. Например, цель — умение различать между значением и смыслом. Учащиеся переводят изолированные слова и предложения, изъятые из текста, а затем переводят текст и сравнивают результаты двух переводов. При этом подбираются как единицы, перевод которых сохраняется, так и, главным образом, такие единицы, чей перевод в тексте будет совсем иным. Или: цель — раскрытие содержания связного текста. Упражнение состоит в ответах на вопросы к тексту, раскрывающие (а) Структуру и стиль текста. (б) Внелингвистические факты, описываемые в тексте. (в) Подразумеваемый смысл и аллюзии. (г) Лексические тонкости.

Другая серия упражнений связана с умением подбирать необходимые соответствия. Например: цель — замена синтаксических структур в связи с тем, что аналогичные структуры в ПЯ семантически неравноценны. Упражнение — перевод на французский язык английских предложений, содержащих структуры, вводимые словами «whichever», «with», «when» и т.п. Следует заметить, что в ряде случаев Ж.Делил грешит против своих теоретических установок, предлагая будущим переводчикам решать задачи, связанные с переводом отдельных языковых единиц. Так, в числе упражнений имеются задания по переводу английских глагольных форм (с заменой их французскими именными формами), английских лексических повторов, метафор и даже дейктического «this».

Особый ряд упражнений имеет целью развитие умения использовать все богатство языка перевода. Здесь мы находим упражнения на переформулирование плохо написанного текста, поиск идиоматических выражений вместо выделенных в тексте, использование стереотипов и клише, стилистическое редактирование и пр. И здесь некоторые задания связаны с наличием в оригинале определенных языковых единиц типа английских глаголов «to affect» и «to approach» или прилагательных «appropriate» и «available».

В целом, труды Ж.Делила, хотя и опираются на интерпретативную теорию перевода, избегают крайностей этой концепции, уделяя достаточное внимание собственно языковым аспектам перевода. Это объясняется, главным образом тем, что он имеет дело с письменным переводом и стремится найти пути к практическому использованию теоретических положений в процессе обучения будущих переводчиков. Работы Ж.Делила свидетельствуют о возможности сближения различных переводческих теорий для всестороннего описания процесса перевода.

РАЗДЕЛ 3. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В США

1. ПЕРВЫЕ РАБОТЫ по ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Общее направление лингвистических исследований в США к середине 20 столетия, когда начала формироваться лингвистическая теория перевода, не благоприятствовало развитию этой науки. Господствовавшие в этот период в американском языкознании концепции раннего структурализма с его принципиальным отказом от изучения семантики (заклейменного Л.Блумфилдом как ненаучный «ментализм») мало способствовали пробуждению интереса лингвистов к переводу, при исследовании которого приходилось обращаться к такому расплывчатому понятию, как смысл текста. К тому же весьма популярная среди американских лингвистов теория языковой относительности Б.Уорфа, постулировавшая несовместимость «картин мира», создаваемых различными языками, побуждала к признанию принципиальной невозможности перевода, о которой когда-то писал еще В.Гумбольдт.

Следует также отметить, что переводческая деятельность в США имела относительно скромные масштабы и сами переводчики не испытывали потребности в теоретическом осмыслении своего труда. Прагматическая ценность теории перевода представлялась весьма сомнительной, что обесценивало попытки ее создания в глазах практичных американцев.

И тем не менее, именно в Соединенных Штатах раньше многих других западных стран появились первые работы, пытавшиеся подойти к переводу с лингвистических позиций. Отчасти этому способствовал интерес американских лингвистов к изучению бесписьменных языков, при котором языковед-этнограф, не знающий изучаемого языка, старался с помощью информантов получить перевод отдельных единиц и высказываний с тем, чтобы составить таким образом представление о словарном составе и грамматическом строе нового языка. С этим направлением исследования связаны статьи о переводе, появившиеся в начале 50-х годов в журнале «International Journal of American Linguistics». Наиболь-

шего внимания среди них заслуживает статья Ч.Ф.Веглина «Многоступенчатый перевод» (1954 г.), в которой автор предлагает сложную 8-и ступенчатую процедуру совершенствования перевода, полученного с помощью информанта. О пробуждении у американских лингвистов интереса к переводу свидетельствовала и опубликованная в том же журнале статья Дж.Касагранде «Цели перевода». Постулируя, что характер перевода определяется его целью, автор предлагает различать 4 вида перевода: 1. Прагматический перевод, цель которого заключается как можно точнее передать сообщение. 2. Эстетическо-поэтический перевод, цель которого — воспроизвести литературную или эстетическую форму. 3. Этнографический перевод, преследующий цель объяснить культурный контекст оригинала. 4. Лингвистический перевод, имеющий целью указать значения морфем оригинала. Предложение классифицировать переводы и требования к ним в зависимости от цели, которую ставит перед собой переводчик, оказалось весьма плодотворным и получило дальнейшее развитие во многих более поздних концепциях перевода.

Следует также отметить, что Дж.Касагранде сформулировал понятие «абсолютной эквивалентности» как обеспечение идентичной реакции читателей перевода и предложение проверить эквивалентность перевода по реакции на него информантов. Тем самым он в определенной степени предвосхитил некоторые концепции переводоведческой школы Ю.Найды. Проблема точности переводов подобного рода была позднее подробно рассмотрена У.Куайном, опубликовавшем в сборнике «On Translation» (1966 г.) статью «Значение и перевод». У.Куайн исходит из того, что значение предложения в любом языке можно выделить, освободив его от языковых средств выражения, лишь путем перевода предложения на другой язык. Иначе говоря, значение предложения (в современном языкознании предпочли бы говорить о «смысле») — это то, что сохраняется при переводе предложения на другой язык. Проанализировав способы уточнения значения предложений неизвестного языка, имеющиеся в распоряжении лингвиста, У.Куайн приходит к выводу, что полной точности здесь достичь нельзя, и, следовательно, перевод оказывается «недетерминированным». Хотя этот вывод относится лишь к переводам с неизвестного языка, полученным с помощью информантов, из него, с определенными оговорками, следует тезис о вариативности любого перевода и его нетождественности оригиналу, значение которого не может быть однозначно определено.

Сборник «On Translation» сыграл важную роль в истории формирования лингвистической теории перевода, хотя в большей части составляющих его работ перевод рассматривался с литературоведческих позиций как вид литературного творчества. Этим он, в первую очередь, обязан небольшой статье Р.Якобсона «О лингвистических аспектах перевода». Эта работа стала своего рада манифестом лингвистической теории перевода и сохраняет свою научно-теоретическую значимость и в настоящее время. Сжато, но убедительно Р.Якобсон сформулировал ряд положений, утверждающих перевод в качестве объекта языковедческой науки. Отметим основные постулаты его концепции.

1. Значение вербального знака представляет собой перевод в другие знаки, более полно эксплицирующие это значение. Отсюда следует, что любое преобразование одних знаков в другие — это своего рода перевод. Таким образом, перевод оказывается важным лингвистическим явлением.

2. Значение знака может быть переведено в другие знаки того же языка, в знаки другого языка или в знаки другой невербальной системы. Отсюда следует различать три вида перевода: внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический.

3. При всех видах перевода значение исходного знака или сообщения не полностью совпадает со значением знаков (сообщения), интерпретирующих его. Отсюда следует, что эквивалентность перевода оригиналу не означает тождественности их содержания.

4. Эквивалентность содержания при наличии определенных различий — это основная проблема языка и языкознания. Любое сопоставление двух языков подразумевает изучение их взаимопереводимости.

5. Широко распространенное явление межъязыковой коммуникации и, в особенности, переводческая деятельность должны быть объектом пристального внимания языковедов.

В заключение Р.Якобсон привел ряд примеров трудностей перевода, возникающих по чисто языковым причинам в связи с различиями в элементах смысла, обязательно воспроизводимыми в каждом из языков, которые участвуют в процессе перевода. Большую эвристическую ценность имел вывод Р.Якобсона, что языки отличаются друг от друга не тем, что они могут выразить, а тем, что в них обязательно должно быть выражено.

2. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА в ТРУДАХ Ю.НАЙДЫ

Огромное влияние на развитие лингвистической теории перевода не только в США, но и во всем мире, оказал выдающийся американский лингвист Ю.Найда. Юджин Альберт Найда занимался многими языками как классическими, так и современными, опубликовал ряд значительных работ по проблемам синтаксиса и семантики. Он заинтересовался проблемами перевода благодаря своей многолетней деятельности в Американском библейском обществе (the American Bible Society), где он занимал пост Исполнительного секретаря и научного консультанта Отдела переводов, под руководством которого создавались переводы Библии на 200 языках семидесяти пяти стран. На основании опыта этой работы Ю.Найда написал целый ряд книг и статей, в которых рассматривались многие важные аспекты переводческой деятельности. Наиболее важную роль в развитии лингвистического переводоведения сыграла его книга «К науке переводить», опубликованная в 1964 г.

Книга посвящена проблемам перевода библии, а также ряду организационных проблем, связанных с подбором коллектива переводчиков и консультантов, толкованием «туманных» мест в библии, особых требований к благочестию переводчика, необходимостью для него получить «божественное благословение» его труда и пр. Однако основная часть книги содержит рассмотрение фундаментальных вопросов теории перевода, далеко выходящих за рамки специфики переводов библии.

Труд Ю.Найды — это первая серьезная попытка разработать собственно лингвистический подход к переводческой проблематике. Еще в 1959 г. в статье «Принципы перевода на примере перевода библии» Ю.Найда четко постулировал, что в основе перевода лежат главные характерные особенности языковых систем, а именно: 1) системность языковых знаков; 2) произвольность языкового знака по отношению к называемому предмету; *3)* произвольность членения действительности языковыми и речевыми знаками; 4) различие в том, как разные языки организуют знаки в значимые выражения. Уже из этого следует, что основные проблемы перевода лежат в области языковой семантики. Эта идея и получила всестороннее развитие в книге «К науке переводить».

По содержанию рассматриваемый труд Ю.Найды делится на три неравные части. Первые две главы посвящены постановке проблемы и краткому обзору истории переводческих концепций в «западном мире». В четырех последующих главах, имеющих сугубо лингвистический характер, анализируются различные аспекты проблемы значения. И, наконец, последние шесть глав отведены разбору собственно переводческих проблем как теоретических, так и организационных. Эти проблемы группируются под рубрикой: «Роль переводчика», «Принципы соответствия», «Типы соответствий и расхождений», «Техника замен», «Процедура перевода» и «Машинный перевод».

Разделы, посвященные вопросам семантики, по объему и содержанию занимают центральное место в книге. Лингвистический подход к содержанию текста оригинала, которое должно быть воспроизведено в переводе, дает возможность детализировать это понятие и получить набор семантических компонентов, которые можно будет сопоставлять в оригинале и переводе и делать выводы о степени их эквивалентности. Такие компоненты рассматриваются Ю.Найдой в каждом из трех видов значения языковых единиц: лингвистического, референтного и эмоционального.

После общего определения языка как кодовой системы и краткого обзора возможных способов описания содержательной стороны языковых единиц (глава *3)* Ю.Найда посвящает четвертую и пятую главы книги подробному рассмотрению приемов анализа их значений.

Прежде всего анализируется лингвистическое значение (глава 4), которое Ю.Найда предлагает описывать в терминах сочетаний четырех функциональных классов слов и морфем: объекты, события, абстракты (определители) и релятивы (связки). Отдельное слово может одновременно принадлежать к нескольким таким классам, например «правитель» выражает и объект, и событие, то есть «тот, кто правит». Функциональные отношения выявляются путем сведения любых единиц или сочетаний к «ядерным» или «околоядерным», то есть «структурно наиболее простым и семантически наиболее очевидным», На многочисленных примерах Ю.Найда демонстрирует целесообразность применения такой процедуры для выявления различия в значениях сочетаний одинаковой синтаксической структуры. Так, «his failure» трансформируется в «he failed», а «his arrest» — в «(they) arrested him». Отсюда в отношении лингвистического значения предлагается следующая процедура перевода: (1) сведение оригинала к ядерным структурам; (2) перенос значения на язык перевода на уровне этих простейших структур; *(3)* преобразование ядерных структур в стилистически приемлемые структуры в языке перевода. Позднее Ю.Найда дал этим трем этапам переводческого процесса названия: «анализ», «перенос» и «переструктурирование».

Пятая глава книги посвящена описанию методов анализа референтного и эмоционального значений. В ней подробно разбираются референтные значения как групп слов, составляющих семантические подсистемы (термины родства, синонимические ряды и пр.), так и семантически изолированных слов. Описание отдельных приемов анализа значения (цепной, иерархический, компонентный — для групп слов; деривационный, компонентный, дистрибутивный — для изолированный слов) отличается исключительной четкостью. Особое внимание уделяется процедуре разграничения значений многозначного слова методом семантических меток (markers). При анализе постоянно отмечается возможность несовпадения структуры референтного значения у слов разных языков, используемых для называния одинаковых объектов или явлений.

Менее очевидна предлагаемая в главе процедура анализа эмоциональных значений, поскольку здесь нельзя, по мнению Ю.Найды, использовать методы структурных оппозиций. Поэтому в отношении эмоциональных значений предлагается выявлять их, либо изучая реакцию носителей языка, либо наблюдая за употреблением слова с другими словами, у которых уже установлено наличие эмоционального значения.

Большой интерес представляет собой рассмотрение динамического измерения в коммуникации (глава 6). Описывая процесс коммуникации в терминах теории информации, Ю.Найда обосновывает важность понятия «информационная нагрузка» для теории перевода. Как известно, надежность приема (понимания) любого сообщения рецептором (слушающим или читающим) обеспечивается благодаря избыточности речи. Трудность понимания текста зависит от количества информации, измеряемого степенью неопределенности, неожиданности появления в тексте новых элементов. Увеличение количества информации путем использования в сообщении редких слов, необычного синтаксиса и других элементов, непривычных для рецептора (то есть обладающих большой неопределенностью), затрудняет прием, «декодирование» полученного сообщения. Поскольку перед переводчиком стоит задача обеспечить для рецептора надежный прием сообщения, содержащегося в исходном тексте, возникает проблема сохранения в переводе достаточной степени избыточности и легкости декодирования. Следует также учитывать, что избыточность, создаваемая для рецепторов оригинала благодаря их экстралингвистическим знаниям, может отсутствовать для рецепторов перевода. Поэтому при переводе приходится создавать дополнительную

избыточность в самом тексте перевода, чтобы уравновесить отсутствие ее у рецептора перевода и таким образом избежать чрезмерной информационной нагрузки.

Понятие информационной нагрузки позволяет более четко сформулировать такое традиционное положение теории перевода, как недопустимость буквального перевода. Буквальный перевод перегружает сообщение информацией (высокая степень неопределенности, необычности форм), затрудняя декодирование. Даже если формы, использованные в переводе, отмечены в ПЯ («так можно сказать»), перевод может оказаться неравноценным оригиналу по информационной нагрузке, т.е. степени избыточности.

Большое значение для дальнейшего развития лингвистической теории перевода имела концепция переводческой эквивалентности, изложенная Ю.Найдой в главе 8. Предлагается различать два вида эквивалентности: формальную и динамическую. Формальная эквивалентность, как ее определяет Ю.Найда, «ориентирована на оригинал» и имеет целью обеспечить возможность непосредственного сопоставления разноязычных текстов. Подобная эквивалентность достигается обязательным сохранением части речи при переводе, отсутствием членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранением пунктуации, разбивки на абзацы, а также применением принципа конкорданса (т.е. перевод определенного слова всегда одним и тем же соответствием). Кроме того, все идиомы калькируются, любые отклонения от буквы оригинала объясняются в сносках и т.п. Динамическая эквивалентность «ориентирована на реакцию Рецептора» и стремится обеспечить равенство воздействия на читателя перевода. Это предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, «как автор написал бы на ином языке».

Симпатии автора этой концепции явно на стороне динамической эквивалентности. Задачей перевода Ю.Найда считает создание на языке перевода «наиболее близкого естественного эквивалента» («the closest natural equivalent») тексту оригинала. Очевидно, что формально-эквивалентный перевод не может быть естественным, а наибольшая близость определяется прежде всего равенством реакции рецепторов, что предусматривается лишь при динамической эквивалентности. По-видимому, уже сам термин «формальная» подразумевает ущербность и сомнительность подобной эквивалентности.

Особо следует упомянуть богатство лингвистического материала, используемого в книге (главы 9—10) при описании причин и видов преобразований, осуществляемых переводчиком в процессе перевода. Ю.Найда рассматривает различные типы соответствий и расхождений между высказываниями в двух языках и приводит многочисленные примеры преодоления таких расхождений в процессе перевода с помощью трех видов переводческих модификаций: добавлений, опущений и изменений.

Теоретическая концепция Ю.Найды, столь подробно изложенная в книге «К науке переводить», получила дальнейшее развитие и конкретизацию в книге «Теория и практика перевода», написанной совместно с Ч.Тейбером и предназначенной в качестве практического пособия для переводчиков.

Многочисленные труды Ю.Найды и его последователей сыграли выдающуюся роль в развитии лингвистического переводоведения и создали весьма плодотворную теоретическую школу, обладающую рядом особенностей, которые прежде всего связаны с научными взглядами и практическим опытом самого основателя этой школы.

Переводческая школа Ю.Найды сложилась под влиянием его лингвистических взглядов и многолетней практической деятельности в области перевода библии. Это обусловило главные особенности этой школы.

Ю.Найда принадлежит к поколению американских лингвистов-дескриптивистов, основателей этапа структуралисткого направления в лингвистике. И в своих переводоведческих работах он широко использует методы структурного анализа. Ученик Л.Блумфилда и Ч.Фриза, Ю.Найда в определенном смысле пошел дальше своих учителей, поставив в центр своих лингвистических работ вопросы семантики. Это дало ему возможность связать лингвистику с переводом, в основе которого лежат операции над смыслом.

Работа над переводами библии побудила Ю.Найду обратить основное внимание на проблему передачи при переводе коммуникативного эффекта оригинала, его прагматического воздействия на рецептора. Перевод библии отличается от всех других видов перевода как характером переводимых материалов, так и отношением к ним переводчиков и теми задачами, которые преследуют переводчики в своей работе. Эти задачи заключаются прежде всего в стремлении переводчика донести до рецепторов перевода «слово Божие», укрепить их веру или приобщить к ней, добиться желаемого воздействия. Для достижения своей цели переводчик должен все время иметь в виду особенности людей, для которых он предназначает перевод, учитывать, в какой степени и как тот или иной вариант перевода может затронуть их ум и чувства в желаемом направлении, какова будет их реакция на переведенные сообщения. Неудивительно поэтому, что центральным понятием переводоведческой концепции Ю.Найды стала «реакция рецептора». Именно она признается главным критерием оценки качества перевода, которая определяется не сопоставлением с оригиналом, а предъявлением перевода рецепторам и наблюдением за их реакцией.

Такой подход закономерно привел Ю.Найду к описанной выше концепции «динамической эквивалентности», которая нашла много сторонников среди переводоведов во всем мире.

Именно динамическая эквивалентность должна, по мнению Ю.Найды, обеспечить выполнение главной функции перевода — полноценной коммуникативной замены текста оригинала. При этом ориентация на рецептора неизбежно приобретает самодовлеющее значение. Наиболее четко эта ориентация выражена в часто повторяемом тезисе: традиционный вопрос — «верен ли перевод?» — нуждается в уточнении — «для кого?»

Ориентированность на переводы библии обусловила еще одну особенность переводоведческой школы Ю.Найды — ее акцент на культурно-этнические аспекты перевода. Переводчики из Американского библейского общества выполняют переводы библии, в основном, на языки многочисленных племен, живущих в отдаленных районах Африки или Американского континента в относительной культурной изоляции от остального мира. Предполагается, что необходимое воздействие на рецепторов подобного рода можно обеспечить лишь при условии, если текст перевода не будет содержать чуждых для них культурно-этнических фактов или основанных на таких фактах образов или ассоциаций. Из этого следует необходимость существенной культурной адаптации текста при переводе. Так, поскольку жители тропиков никогда не видели снега, выражение «белый как снег» предлагается переводить на их язык — «белый как перо цапли». Если Христос говорит о себе как о «хлебе жизни», то при переводе на язык мексиканских индейцев, для которых главной пищей служит не хлеб, а кукурузная лепешка — тортиллья — он будет сравнивать себя не с хлебом, а с лепешкой. Если Рецепторы перевода никогда не видели волков, но хорошо знакомы с койотами, то «волки» в оригинале окажутся «койотами» в переводе.

Таким образом, принцип динамической эквивалентности дополнялся требованием существенной адаптации перевода, гипертрофирующим культурно-этнические различия между народами и недооценивающим способность человека усваивать элементы чуждой ему культуры, понимать, что другие люди могут иметь другие обычаи, жить в других условиях и т.д.

Указанная концепция получила широкое распространение в многочисленных трудах последователей Ю.Найды. Следует однако отметить, что сам автор концепции в более поздней работе (1976 г.), специально посвященной роли культурных различий в переводе, отошел от крайности предыдущих монографий.

Подчеркивая необходимость добиться адекватного понимания Рецептором образов, ассоциаций и символов, связанных с культурно-этническими особенностями оригинала, Ю.Найда уже не требует такой адаптации текста перевода, которая переместила бы его в новую культурную среду и тем самым в значительной степени удалила бы перевод от оригинала. Теперь упор делается на объяснение культурных реалий с помощью ссылок и примечаний. Таким путем достигается правильное понимание текста Рецептором перевода, но уже речь идет не об обеспечении одинакового воздействия, как этого требовал принцип динамической эквивалентности.

Несмотря на специфический характер переводов, на изучении которых она базировалась, переводоведческая школа Ю.Найды сыграла важную роль в общем процессе формирования лингвистической теории перевода. Она предвосхитила развитие многих разделов современного переводоведения, особенно исследования в области прагматики и семантики перевода.

Разумеется, работы Ю.Найды и его последователей не исчерпывают вклад переводоведов США в развитие переводоведческой науки. Американскими лингвистами опубликован и ряд других исследований, не создавших столь крупной научной школы, но содержащих интересные данные и концепции по отдельным аспектам перевода. Выше уже упоминались некоторые работы из сборника «О переводе». Кроме него в США вышло еще несколько сборников трудов по переводу, из которых наибольшую известность получил сборник под редакцией Р.Брислина, в котором, наряду с американскими авторами, участвовали и известные европейские переводоведы Д.Селескович и В.Вилсс.

3. АМЕРИКАНСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В 80-Е ГОДЫ 20 ВЕКА

Американское переводоведение 80-х годов характеризуется все более широким подходом к переводческой проблематике. Если в предшествующий период многие работы выполнялись в своеобразной теоретической изоляции, без учета опыта переводоведов других стран (в первую очередь, европейских), то теперь переводоведы США все чаще опираются на труды зарубежных авторов (за исключение работ российских ученых, которые, как правило, мало известны за океаном), вступают с ними в дискуссию, дают оценку их теорий.

Наиболее серьезной переводоведческой работой начала этого периода можно считать книгу С.Басснетт-Макгайр «Переводческие исследования».

Во введении к своей монографии С.Басснетт-Макгайр указывает, что в теории перевода следует различать 4 раздела. Первые два ориентируются на результат перевода и включают вопросы истории перевода и роли перевода в культуре ПЯ. По мнению автора, эти разделы теории перевода имеют дело исключительно с художественным переводом и история перевода — это часть истории литературы. Третий раздел, именуемый «Перевод и лингвистика» охватывает широкий круг пробоем, связанных с сопоставлением единиц ИЯ и ПЯ, переводимостью, эквивалентностью и вообще всеми вопросами «нехудожественного перевода». И, наконец, четвертый раздел — «Перевод и поэтика» включает всю область теории и практики опять-таки художественного перевода.

Как видно, основное внимание автор книги предполагает уделить вопросам художественного перевода. Однако содержание книги лишь отчасти сохраняет этот акцент. Центральное место в ней занимает первая общетеоретическая часть, а две другие части посвящены соответственно истории теории перевода и специфическим проблемам художественного перевода.

В первой части книги, озаглавленной «Основные проблемы», рассмотрение общетеоретических вопросов перевода распределяется по семи разделам: «Язык и культура», «Виды перевода», «Кодирование и декодирование (процедура перевода)», «Проблемы эквивалентности», «Потери и приобретения», «Непереводимость», «Наука и вторичная деятельность».

Рассматривая столь большой комплекс переводческих проблем, С.Басснетт-Макгайр широко использует работы других переводоведов, соглашаясь с их концепциями или критикуя их. Так, вслед за Р.Якобсо-

ном, выделяются три вида перевода: перефразирование (внутри одного языка), собственно перевод (с одного языка на другой) и трансмутация (преобразование из одной семиотической системы в другую). Описывая процедуру перевода, С.Басснетт-Макгайр, в основном, принимает концепцию Ю.Найды, дополняя ее детальным описанием действий переводчика при выборе варианта перевода. По этой схеме переводчик должен действовать в такой последовательности:

1. Признать невозможность передачи (сохранения) фразы ИЯ на языковом уровне.
2. Признать отсутствие такого обычая в культуре ПЯ.
3. Рассмотреть набор возможностей в ПЯ с учетом типа, статуса, возраста, пола говорящего, его отношения к слушающим и обстановку общения.
4. Учесть роль этой фразы в данном случае, например создание напряженной обстановки.
5. Заменить инвариантом фразы в ПЯ — в системе текста и в системе культуры, породившей текст.

Такая замена зависит от языка и культуры ПЯ, то есть она ориентирована на Рецептора перевода.

Напротив, в трактовке переводческой эквивалентности С.Басснетт-Макгайр резко расходится с Ю.Найдой. Положительно оценивая классификации типов эквивалентности, предложенные А. Поповичем (лексическая, парадигматическая, стилистическая и текстовая эквивалентность) и А.Нойбертом (синтаксическая, семантическая и прагматическая эквивалентность), она решительно отвергает концепцию динамической эквивалентности Ю.Найды. Разбирая один из приводимых им примеров, когда библейское «to greet with a holy kiss» было передано в переводе «to give one another a hearty handshake all around», С.Басснетт-Макгайр решительно утверждает, что это плохой перевод. По ее мнению, целесообразно различать эквивалентность семантики и эквивалентность социальных функций. Подводя итоги дискуссии об эквивалентности, С.Басснетт-Макгайр приходит в выводу, что она представляет собой не тождество, а диалектическое отношение между знаками и структурами в текстах и вокруг них.

Интересный материал представлен во второй части книги, посвященной истории переводческих учений. Поставив под сомнение правильность периодизации этой истории, предложенной Г.Стейнером, который разделил ее на 4 периода (до 1791 г. — эмпирические выводы самих переводчиков; до 1946 г. — возникновение теории и эвристического подхода к терминологии и методологии; в 40-х годах XX века — использование структурной лингвистики, теории коммуникации, в тот же период — междисциплинарные исследования), С.Басснетт-Макгайр предложила классифицировать историю переводоведения не по периодам, а по направлениям и выделила целый ряд таких тенденций.

Прежде всего еще в Древнем Риме проявились две противоположные тенденции. С одной стороны, развивался «свободный перевод»: читателям был доступен греческий оригинал, и переводчик стремился создать достойное ему произведение. С другой стороны, переводчики библии отдавали предпочтение дословности, поскольку даже изменение одного предлога могло повлечь обвинение в ереси.

Следующая тенденция в переводе связана с формированием новых европейских языков. Здесь в переводах отмечаются многочисленные подражания и заимствования как средство обогатить стиль и язык. В то же время стремление использовать классику для утверждения национальных языков, характерное для эпохи Возрождения, приводило ко многим вольностям в переводе. Переводчик осознавал себя не посредником, а революционером, деятелем культуры, решающим свои собственные задачи, подчас непосредственно не связанные с переводимым оригиналом.

Отдельное направление составляет «исправляющий перевод», особенно распространенный во Франции XVIII века, когда переводчики перестраивали по-своему, «улучшали» переводимых авторов в соответствии с требованиями «хорошего вкуса».

Из других направлений теории перевода, рассматриваемых в этом разделе книги, можно упомянуть тенденции, которые С.Басснетт-Макгайр называет «романтизмом» и «пост-романтизмом». Сторонники таких концепций (Шлегель, Шелли, а позднее Шляйермахер, Карлейл, Моррис), подчеркивая роль переводов в развитии литературы и культуры народа, ратовали за сохранение странности, чужеродности языка перевода, свидетельствовавших о новизне, принадлежности к другой культуре.

В целом второй раздел книги дает хорошее представление о становлении общетеоретических концепций, главным образом, в области художественного перевода.

В третьем разделе рассматриваются некоторые специфические особенности художественного перевода. С.Басснетт-Макгайр, сопостав-

ляя взгляды других авторов на этот вид перевода, подчеркивает два аспекта:

1. Литературный текст — это целостная структура, входящая в более общую структуру с другими текстами. Цель перевода — передать эту цельность, и для достижения этой цели возможны любые изменения.

2. Переводчик — это прежде всего читатель, интерпретирующий текст. Характер перевода определяется как системами ИЯ и ПЯ, так и функцией перевода (для чего и для кого осуществляется перевод).

В разделе более детально анализируются особенности перевода поэзии, прозы и драматургии. По мнению автора, в основе их лежит один и тот же принцип: рассматривать каждое предложение как часть целого, передавать не только то, что в нем говорится, но и работать над созданием художественного образа, общего настроения, характеристики атмосферы, персонажей и т.п. Здесь важен и выбор отдельного слова и синтаксической структуры и других элементов.

В заключение своего труда С.Басснетт-Макгайр подчеркивает, что и история переводческих учений, и вопросы перевода отдельных литературных жанров требуют более детального изучения. Не менее важны также вопросы нехудожественных текстов, устного перевода и другие проблемы, не получившие освещения в работе.

Как уже указывалось, такое стремление охватить широкий круг переводческих проблем характерно для работ по теории перевода в США в 80-е годы. Об этом свидетельствует и сборник «Переводческий спектр», опубликованный в 1981 г. Сборник включает 18 статей, посвященных как сугубо теоретическим, так и более практическим вопросам перевода с самых разных языков. Рассматриваются вопросы перевода художественных, гуманитарных, классических текстов, переводы песен и драматургических и поэтических произведений, вопросы, связанные с использованием компьютера при переводе, недостатки в обучении иностранным языкам в университетах США и ошибки перевода, обусловленные плохим знанием языка и культуры и т.д. Некоторые работы имеют сугубо эмпирический характер, но есть и попытки разработать обобщенные теоретические концепции. В теоретическом плане наибольший интерес представляет статья «Перевод и подобие» (автор С.Росс).

Констатируя, что полное тождество невозможно даже между двумя разными текстами на одном языке, С.Росс указывает, что недостаточно

передать в переводе намерение автора, поскольку в этом случае пришлось бы признать, что может существовать лишь один правильный перевод. На самом деле, перевод отражает понимание переводчиком оригинала, а всякое понимание — это одно из возможных толкований текста на основе внешних факторов. Речь может идти лишь о подобии перевода оригиналу, которое допускает 4 различных трактовки:

1. Существует какое-то единое произведение, заключенное в тексте и выводимое из текста или из намерения автора. Если переводчик правильно его интерпретирует, то и перевод может быть объективно верным.

2. Перевод — это сложный процесс, протекающий под воздействием множества факторов. Передать эквивалентно все, содержащееся в оригинале, невозможно. Необходим выбор, а отсюда и принципиальная множественность решений.

3. Перевод — это эвристический процесс, попытка перебросить мост между различными эпохами и мирами. Поэтому объективного перевода не бывает, в лучшем случае достигается удачное раскрытие различия миров.

4. Перевод (как и любое толкование) — это различные формы высказываний об оригинале, которые стоят к нему в отношении «много к одному». Нет совершенного перевода, но перевод может быть великолепным или неудачным по определенным критериям.

Предлагается сравнивать эквивалентность перевода с отношением между объектом и его живописным изображением. Изображение, например, человека зависит от выбора, который художник делает из многочисленных факторов, и поэтому оно бесконечно множественно.

С.Росс выдвигает и другую концепцию для обоснования принципиальной множественности переводов одного и того же оригинала. Он указывает, что каждое высказывание содержит суждение, которое может иметь три вида модальности: утверждающую (assertive), действующую (active) и представляющую (exhibitive). В любом высказывании эти три вида модальности присутствуют, но одна из них может превалировать. Воспринимая суждение, аудитория формирует свое суждение о высказанном суждении. В этом новом суждении может превалировать любая модальность, в том числе и не та, что у говорящего. В переводе, таким образом, наличествует сочетание девяти модальностеи-оригинала, переводчика и аудитории. Выбор доминантной модальности зависит от

цели перевода. Например, научная статья переведена точно (утверждающая модальность), но ее блестящий стиль утрачен (представляющая модальность): перевод плохой в одном отношении и приемлем в другом. Перевод никогда не бывает хорошим во всех отношениях.

Особый теоретический интерес представляет определение перевода, где С.Росс выделяет две характерные особенности перевода. Во-первых, перевод определяется как высказывание, имеющее целью выступать в качестве эквивалентного оригиналу в некоторых отношениях, несмотря на некоторые фундаментальные и важные различия. Во-вторых, С.Росс указывает, что перевод (самим фактом своего существования) заверяет нас, что, несмотря на все различия, он может заменить оригинал в определенных отношениях и в определенный целях. Эти два аспекта — признаки телеологической (целевой) сущности перевода (текст является переводом данного оригинала, потому что он предназначен в качестве такового) и его претензии на полноправную замену оригинала — имеют первостепенное значение для научного определения перевода.

Подводя итоги краткому рассмотрению наиболее значительных работ ученых США в области теории перевода, можно отметить, что американские переводоведы внесли достойный вклад в развитие науки о переводе.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

1. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Большой интерес к проблемам перевода — характерная особенность истории немецкой культуры. Достаточно вспомнить, что могучее движение реформации началось с опубликования Мартином Лютером его «Письма переводчика», в котором он обосновывал принципы нового перевода библии. Ратуя за полную и точную передачу оригинала, Лютер в то же время решительно возражал против его рабского копирования, настаивал на полноценности языка перевода, требовании «чистейшего и внятного немецкого языка». У Лютера уже проявляется стремление, характерное для многих немецких переводоведов, воплотить свои теоретические установки в переводоведческую практику. Лютер сам был талантливым переводчиком, хорошо понимавшим, какую большую роль при переводе играет соотношение структур и функциональных стилей двух языков, участвующих в процессе перевода. В своих переводах он применял многие языковые преобразования, которые сегодня мы бы назвали переводческими трансформациями: изменял порядок слов, применял описательный перевод отдельных слов оригинала, уточнял связи между словами и фразами, вводя дополнительные союзы и другие связки, компансировал утрату метафоричности в одних фразах, употребляя метафоры для неметафорических выражений оригинала и т.д.

В более позднее время проблемы перевода привлекали внимание многих выдающихся деятелей культуры Германии. О переводе высказывали свои концепции И.Брайтингер и А.Шлегель, И.Гете и Ф.Шлейермахер, В.Гумбольдт и Я.Гримм и многие другие. Широкую известность получило высказывание о переводе В.Гумбольдта, который в письме в Шлегелю выразил сомнение в самой возможности успешного перевода, поскольку, по его мнению, переводчик неизбежно должен разбиться об один из подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Вместе с тем В.Гумбольдт много лет работал над переводом «Агамемнона» Эсхила и в предисловии к этому переводу убедительно показал пути преодоления многих казалось бы непреодолимых трудностей.

Современник В.Гумбольдта Фридрих Шлейермахер посвятил свою работу обоснованию различных методов перевода. Он указывал, что метод перевода зависит прежде всего от характера переводимого текста. В связи с этим предлагается различать перевод устных высказываний и письменных документов, непосредственно отражающих предметы и действия в определенном порядке следования в пространстве и времени (сегодня к таким материалаам мы бы отнесли коммерческую переписку, официальные бумаги и т.п.), и перевод художественных и научных текстов. Ф.Шлейермахер полагает, что перевод первого типа не представляет особой сложности, так как здесь содержание оригинала задается как бы извне, предметами и действиями, и без труда воспроизводится в переводе. Во второй категории переводов содержание создается самими авторами, свободно избирающими предметы и их расположение, которые выступают лишь вместе с речью. Здесь уже перевод становится трудной проблемой, так как речь строится разными языками по-разному. Пере-

водчик имеет дело, с одной стороны, с системой чужого языка, а, с другой стороны, с творчеством автора, использующего язык относительно самостоятельно и свободно. В связи с этим Ф.Шлейермахер предлагает различать два метода перевода: парафразу и свободное переложение. При парафразе переводчик во главу угла ставит верность отдельным частям подлинника, оперируя элементами обоих языков так, как если бы они были математическими знаками, находящимися в определенном отношении друг к другу. При свободном переложении переводчик стремится создать одинаковое впечатление для своих читателей, каким оно было у читателей подлинника, отказываясь от соответствия отдельным его частям. Таким образом, в концепции Ф.Шлейермахера уже имеются элементы ориентации на получателя, которая играет столь большую роль в современной теории перевода.

Весьма значительный след в немецкой переводческой теории оставил гениальный классик немецкой литературы Иоганн Вольфганг Гете. Гете сам дал блестящие образцы художественного перевода и много и плодотворно размышлял о возможностях и методах переводческой деятельности. Он различал два принципа перевода — один из них требует переселения иностранного автора к читателям перевода, так, чтобы они могли увидеть в нем соотечественника; другой требует, чтобы читатели перевода отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям. В переводе эти принципы могут сочетаться, когда переводчик выбирает средний путь, но каждый из них имеет свои достоинства.

Особое внимание Гете уделял поэтическому переводу. Он различал три вида перевода, исторически сменявшие друг друга. Первый тип перевода поэзии имеет цель ознакомить читателя с чужой страной и для этого наиболее уместен прозаический перевод, который снимает все поэтические особенности подлинника, но обеспечивает встречу двух литератур, двух культур. За ним следует второй вид перевода, когда мы пытаемся перенестись в чужеземные условия, пытаясь выразить чужие мысли и чувства в своих мыслях и чувствах. Это достигается при помощи вольных поэтических переводов, порой весьма далеко отходящих от оригинала. И, наконец, третий вид перевода стремится сделать перевод полностью тождественным оригиналу как по смыслу, так и по поэтическим особенностям.

Подобные замечания литературоведческого и лингвистического характера можно найти у многих переводчиков и ученых на протяжении 18 и 19 веков. Они подготовили почву для создания развернутых переводоведческих концепций, которые появились уже в XX столетии. В связи с тем, что в течение нескольких десятилетий в Германии существовали два самостоятельных немецких государства, теория перевода получила неодинаковое развитие в Восточной и Западной частях Германии.

2. Переводоведческая школа

На протяжении нескольких десятилетий восточная часть Германии, где была расположена ГДР, занимала ведущее место в Западной Европе по масштабам и значимости теоретических исследований в области перевода. Центром таких исследований стал Лейпцигский университет, позднее ряд работ по теории перевода (главным образом, устного) был выполнен и в Берлинском университете.

В Лейпцигском университете, где сложился центр по подготовке профессиональных переводчиков, исследования различных аспектов переводческой деятельности проводит большая группа языковедов, среди которых следует, в первую очередь, отметить авторов фундаментальных трудов по теории перевода О.Каде, А.Нойберта и Г.Егера. К созданной ими научной школе примыкает целый ряд известных переводоведов как Э.Флайшман, Х.Шмидт, Х.-М.Залевски, В.Шаде, К.Картельери, З.Бастиан и многие другие. Нередко высказываются по проблемам перевода и крупные немецкие лингвисты более общего профиля — Р.Ружичка, Г.Вотьяк, М.Бирвиш и др. В Лейпциге регулярно проводятся национальные и международные конференции по проблемам перевода, выходят сборники трудов по переводоведению, ежеквартальный журнал «Фремдшпрахен», приложения к журналу, содержащие солидные монографии общетеоретического характера. Труды переводоведов Восточной Германии пользуются широкой известностью во всем мире.

Теоретические концепции Лейпцигской школы развивались в тесном сотрудничестве с советскими переводоведами и во многом созвучны с их работами. Перевод рассматривается в качестве особого вида языковой деятельности, который может и должен изучаться в рамках лингвистической науки с использованием лингвистических методов исследования. Вместе с тем исследователи Лейпцигской школы с самого начала стремились расширить изучение переводческой деятельности, рассматривая перевод как важнейшую часть межъязыковой коммуникации с учетом всех участников коммуникации и всех факторов, оказывающих на нее влияние, — как лингвистических, так и экстралингвистических.

Коммуникативный подход к переводу — важная характерная черта работ ученых Восточной Германии.

Другая характерная черта этой переводоведческой школы заключается в широком диапазоне направлений и объектов исследования. Большое внимание уделяется общетеоретическим проблемам — обоснованию теоретических основ **переводоведения,** разработке объективных методов исследования, изучению социальной роли перевода, его прагматических функций и т.п. Наряду с этим изучаются и многие частные вопросы перевода с разных языков, связанные с языковыми особенностями переводимых текстов, соотношением семантических и формальных структур языков, участвующих в процессе перевода. Рассматривается специфика устного и письменного перевода, собственно перевода и иных видов языкового посредничества, связанного с переработкой содержания иноязычного текста. Большое внимание уделяется использованию в теории перевода новейших направлений современного языкознания — лингвистики текста, коммуникативной лингвистики и др. Теоретические исследования тесно увязываются с изучением практических аспектов переводческой деятельности, с задачами подготовки будущих переводчиков.

Все эти особенности развития переводоведения в Восточной Германии нашли наиболее полное отражение в работах **О.Каде,** А.Нойберта и **Г.Егера.**

3. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА в ТРУДАХ О.КАДЕ

Немецкий лингвист **Отто Каде** внес большой вклад в развитие лингвистической теории перевода. После защиты в 1964 г. диссертации на тему «Субъективные и объективные факторы в процессе перевода» он на протяжении более 25 лет опубликовал целый ряд работ по теории перевода, наиболее значительными из которых являются монографии «Случайность и закономерность в переводе» (1968 г.) и «Языковое посредничество как общественное явление и предмет научного исследования» (1980 г.). Для О.Каде характерна фундаментальность и широта научных интересов. Опытный переводчик и преподаватель перевода, он интересовался проблемами как письменного, так и устного синхронного перевода, занимался общетеоретическими вопросами и отдельными типами переводческих соответ**ствий,** изучал связи переводоведения с лингвистикой, теорией коммуникации и общественными науками.

Переводоведческие концепции О.Каде отличаются большой логичностью и последовательностью. Он стремится придать теории перевода объективный характер, для чего в переводе необходимо выделить такие факторы, которые были бы не случайными, а закономерными и изучение которых могло бы привести к обоснованным теоретическим обобщениям. Поиски таких факторов привели О.Каде к коммуникативному подходу к переводу: рассмотрению перевода как важнейшей части двуязычной коммуникации, участники которой владеют разными языковыми кодами. В процессе такой коммуникации переводчик выполняет троякую функцию: получателя сообщения на ИЯ, перекодирующего звена и отправителя сообщения на ПЯ. Как и при одноязычной коммуникации, общение осуществляется с помощью системы языковых знаков, обладающих грамматическими, семантическими и прагматическими значениями. О.Каде указывает, что в двуязычной коммуникации и в переводе как ее составной части существуют три параметра, из которых могут быть выведены различные факторы, влияющие на процесс перевода: (1) языковые системы, (2) объективная действительность и ее отражение, *(3)* участники коммуникации, использующие знаки. Он делает вывод, что объективные процессы перевода в первую очередь определяются факторами, вытекающими из особенностей языков, а остальные факторы носят более или менее случайный характер. Отсюда следует, что в основе перевода лежат лингвистические факторы, а теория перевода является частью прикладной лингвистики.

При этом коммуникативный подход предполагает рассмотрение перевода в **макролингвистическом** аспекте, так как знаки участвуют в коммуникации не только своей формой, но и значением (как сигнификативным, так и денотативным). На основе этих трех компонентов языкового знака (формантива, сигнификата и денотата) О.Каде пытался разработать классификацию переводческих процедур и решить проблему переводческой эквивалентности. Он различает три способа реализации перевода: Субституция — на основе грамматического значения, интерпретация — на базе сигнификативного значения и парафраза — на основе денотативного значения. В последнем случае нет соответствия между единицами ИЯ и ПЯ и имеет место не перекодирование, а свободное кодирование, исходя из объекта.

Хотя **О.Каде** признавал, что в реальном процессе перевода используются все способы его реализации, в своих ранних работах он

отдавал предпочтение субституции как наиболее рациональной форме перевода, в том числе и машинного, при которой устанавливается непосредственное соотношение между единицами двух языков. Он полагал, что применение интерпретации носит временный и вынужденный характер и будет исключено, когда удастся полностью формализовать семантику языковых знаков. Парафраза же выводилась им за пределы собственно перевода. Позднее О.Каде отошел от акцента на необходимость формализации семантических процедур перевода и значительно расширил диапазон коммуникативных приемов, которыми располагает переводчик. Он по-прежнему исключает из переводческой деятельности «свободное парафразирование», при котором между парафразой и оригиналом нет закономерного соотношения, но включает в нее теперь не только собственно перевод (Translation), охватывающий прежние «субституцию» и «интерпретацию», но и адаптивное транскодирование (adaptives Uebertragen), при котором допускается несовпадение некоторых параметров «адаптата» (в отличие от «транслата») и оригинала. Однако это несовпадение не является следствием произвола переводчика, а обусловлено необходимостью учета специфических условий общения в сфере целевого языка. Таким образом, признается правомерным широкое варьирование переводчиком языковыми средствами для решения конкретных прагматических задач при условии, однако, что адаптация текста перевода вызывается объективными факторами коммуникативной ситуации. О.Каде настаивает на сохранении двойной детерминированности перевода — оригиналом и коммуникативной ситуацией, в которую включен получатель перевода, — тем самым избегает крайностей концепции Х.Фермеера, где единственным критерием перевода объявляется «скопос» — цель деятельности переводчика.

Претерпевают эволюцию и взгляды О.Каде на сущность переводческой эквивалентности. И здесь развитие шло от акцента на соотношение языковых знаков к более широкой трактовке коммуникативной роли текста в целом. В своих ранних работах О.Каде определял переводческую эквивалентность как инвариантность плана содержания и плана выражения знака в оригинале и переводе. При этом сохранение денотативной инвариантности признавалось минимально обязательным условием, сигнификативное значение, инварианты плана выражения и прагматические инварианты считались факультативными в зависимости от характера и назначения транслата.

Оптимальный транслат должен характеризоваться сохранением всех объективно возможных инвариантов.

Позднее в поисках критерия эквивалентности О.Каде делает акцент на оценке комплексного воздействия текста перевода в условиях конкретной коммуникативной ситуации. Он настаивает на необходимости различать понятия текста как языкового образования — макрознака, содержание которого определяется взаимодействием семантики составляющих его единиц, и текста как единицы коммуникации — «коммуниката», который обладает смыслом, возникающим при интеграции языкового макрознака в коммуникативную ситуацию. Таким образом, содержанием коммуниката является смысл, а его формой — последовательность языковых знаков, включая манифестированные в них значения. Выступая в качестве коммуниката, текст содержит больше информации, чем ее манифестирует в своих значениях цепочка языковых знаков. Между значением и смыслом существует регулярное отношение: определенные значения в определенных ситуационных условиях порождают определенный смысл. При этом тождественные значения в различных условиях могут порождать различный смысл, а различные значения в тождественных условиях — тождественный смысл.

Поскольку в любом акте коммуникации носителями сообщения выступают коммуникаты, то сущность перевода заключается в замене не текстов, а коммуникатов. При переводе имеет место, конечно, и замена знаков одного языка знаками другого, но она подчинена задаче создания эквивалентных коммуникатов. При этом центральное место занимает анализ коммуникативной ситуации — цели, предмета коммуникации, отправителя, получателя, представляемых ими коммуникативных сообществ, средств коммуникации и условий передачи информации. Изменение коммуникативной ситуации влечет за собой изменения в тексте перевода.

Таким образом, создание эквивалентного коммуниката при переводе может и должно сопровождаться более или менее существенными изменениями текста оригинала. Понятно, что такой подход значительно расширяет понятие переводческой эквивалентности, охватывая широкий спектр реальных условий, в которых осуществляется деятельность переводчика.

Коммуникативная ситуация может изменяться и в соответствии с общей целью самого акта двуязычной коммуникации. В связи с этим О.Каде предлагает различать переводы разных категорий, каждый из которых будет соответствовать определенным требованиям: «необрабо-

танный», «рабочий» и «готовый к опубликованию». Для каждого типа переводов устанавливаются свои критерии эквивалентности. В переводах первой категории признается достаточной «денотативная эквивалентность», обеспечивающая лишь общность предмета сообщения. Здесь допускаются также отклонения от нормы ПЯ. Переводы второй категории передают денотативное и сигнификативное значения оригинала, полностью соблюдают нормы ПЯ, но могут быть стилистически неадекватны и прибегать к пояснениям для восполнения потерь информации. Понятно, что к этим двум категориям перевода неприложимо требование эквивалентности коммуникатов. И только переводы третьей категории передают все содержание оригинала, включая его прагматическое значение, стилистически адекватны оригиналу и обеспечивают необходимое воздействие на получателя сообщения в переводе, то есть могут обладать коммуникативной эквивалентностью.

Подчеркивая необходимость и закономерность изменений, вызванных несовпадением коммуникативных ситуаций в оригинале и в переводе, О.Каде в то же время предостерегал против «переводческого произвола». Он утверждал направленность перевода как на коммуникат, так и на макроэнак оригинала. И хотя приоритет, по его мнению, должен принадлежать коммуникату, все изменения макрознака должны быть строго обусловлены требованиями двуязычной коммуникации.

Многие теоретические положения О.Каде получили широкое признание и составляют неотъемлемую часть идейного арсенала современного лингвистического переводоведения.

4. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ А.НОЙБЕРТА

Немецкий лингвист и преподаватель перевода Альбрехт Нойберт много и плодотворно работает в области теории перевода. Он является автором целого ряда публикаций и научных докладов по различным аспектам переводческой деятельности. Наиболее значительный вклад А.Нойберта в развитие теории перевода состоит в исследовании двух комплексов переводоведческих проблем, связанных с прагматическими аспектами перевода и применением в переводоведении принципов и понятий современной лингвистики текста.

А.Нойберту принадлежит заслуга выдвижения прагматики в качестве одного из важнейших аспектов теории перевода. В своей работе «Прагматические аспекты перевода» (1968 г.) он постулировал, что

адекватный перевод должен сохранять прагматику оригинала. Понятие прагматики (отношения пользующихся языком к языковым знакам, в том числе к макрознакам — текстам) трактуется А.Нойбертом очень широко. По его мнению, прагматика изучает все причины выбора формативов говорящим и их влияния на слушающего. Отсюда прагматические отношения коммуникантов к тексту определяются как принадлежностью коммуникантов к определенной национальной, социальной или профессиональной группе, так и использованием в тексте единиц различных экспрессивных и функциональных стилей. Таким образом, прагматика включает в себя стилистику и противопоставляется грамматике и семантике, посредством которых она реализуется. Перевод означает расширение круга воспринимающих сообщение, включая в этот круг слушающих или читающих другого типа. Задача перевода — сохранить характер воздействия (прагматические отношения), для чего могут потребоваться изменения в самом сообщении.

Текст перевода не обладает какими-либо грамматическими или семантическими особенностями, которые выделяли бы его как перевод. Грамматика и семантика в нем принадлежат ПЯ и лишь прагматика заимствуется из оригинала. Отсюда следует, что сущность перевода заключается в сохранении прагматики оригинала. Но прагматика оригинала основывается на его грамматике и семантике, поэтому и в переводе грамматика и семантика должны быть отобраны и объединены соответствующим образом.

Поскольку адекватность перевода, по мнению А.Нойберта, зависит от прагматических отношений, возникает вопрос, всегда ли и в какой степени такое сохранение возможно. А.Нойберт полагает, что не грамматика и семантика, а в первую очередь прагматика ставит под вопрос проблему переводимости. Некоторые виды прагматических отношений могут быть легко воспроизведены в переводе, другие воспроизводятся лишь с трудом или частично. Могут существовать и такие прагматические отношения, которые не могут возникнуть у коммуникантов, принадлежащих к иной языковой общности.

А.Нойберт связывает проблему прагматической адекватности (и тем самым проблему переводимости) с четырьмя типами прагматических отношений, которые могут существовать в тексте оригинала. Соответственно выделяются и четыре типа перевода, различающиеся по степени переводимости.

В первом типе у текстов ИЯ и ПЯ имеются общие цели, основанные на общих потребностях. Другими словами, оригинал не предназначен исключительно для аудитории ИЯ. Примером таких текстов может служить научная, техническая литература, рекламные объявления. Общность целей означает возможность возникновения аналогичных прагматических отношений к нему у аудитории ПЯ. Поэтому тексты этого типа обладают в принципе высшей степенью переводимости с прагматической точки зрения.

Второй тип отношений характерен для текстов, содержащих информацию (наставления, официальные распоряжения, развлекательные материалы и т.д.), отвечающую специфическим потребностям аудитории ИЯ, специально предназначенную для нее. Это — тексты законов, общественно-политическая литература, местная пресса, объявления и пр. По мнению А.Нойберта, в этом случае специфика прагматических отношений исключает возможность их воспроизведения для аудитории ПЯ и в этом смысле они принципиально непереводимы.

Третий тип текстов — художественная литература, — хотя и создаются для аудитории ИЯ, но могут выражать и общечеловеческие потребности, становясь частью всемирной литературы. Поэтому присущие им прагматических отношения могут быть реализованы в переводе, хотя и со значительными ограничениями с точки зрения формы, которая в художественном произведении является частью содержания. Здесь степень переводимости зависит от жанра: беллетристика и драматургия обладают более высокой степенью переводимости, чем лирическая поэзия.

И, наконец, четвертый тип текстов создается на ИЯ, но предназначается прежде всего для перевода на ПЯ и изначально направлен на аудиторию ПЯ. Он отвечает потребности этой последней получить информацию с точки зрения аудитории ИЯ (публикации для зарубежных стран). Этот тип текстов обладает высокой степенью прагматической переводимости.

Как видно из вышесказанного, А.Нойберт исходит из очень узкой интерпретации прагматической адекватности перевода: можно усомниться, например, что текст закона одной страны нельзя адекватно перевести на язык другой страны лишь потому, что на ее жителей он не распространяется и поэтому не столь интересен. Однако идея А.Нойберта о приоритетной роли прагматики в переводе, о ее связи с переводимостью и о необходимости разработки переводческой классификации текстов прочно утвердились в современном переводоведении.

Во многом новаторской является и монография А.Нойберта «Текст и перевод» (1985 г.). У многих авторов можно найти утверждения о том, что подлинная единица перевода — это текст и что именно целостность текста должна, в первую очередь, быть объектом теории перевода. Однако до А.Нойберта никто не ставил перед собой задачу показать, каким образом категории текста соотносятся с переводческой проблематикой.

А.Нойберт исходит из того, что любая коммуникация, в том числе и двуязычная, осуществляется через посредство текстов. Переводчик воспринимает текст оригинала и создает текст перевода. Любой текст существует как сложное структурно-семантическое целое и является таковым (и может участвовать в процессе коммуникации), если он соответствует правилам построения текстов данного типа в данном языке.

Глобальная структура текста состоит из ряда макроструктур, которые, в свою очередь, включают более мелкие микроструктуры. В семантическом плане микроструктуры являются носителями микропропозиций, из которых формируются макропропозиции, объединяющиеся в глобальное значение текста. Однако формирование глобального значения текста не сводится к простому сложению микро- и макропропозиций. Оно осуществляется по трем основным макроправилам: опущение, генерализация и конструирование. Опущение предполагает отбрасывание микропропозиций или даже некоторых макропропозиций как нерелевантных для глобального значения текста. При этом может иметь место и «нулевое опущение», когда какая-то микропропозиция непосредственно включается в глобальное значение. Генерализация предполагает обобщение ряда микродеталей в рамках более общих макропропозиций. И, наконец, конструирование означает включение в макропропозиции таких элементов смысла, которые эксплицитно не выражаются в семантических структурах более низкого уровня, но ассоциативно возникают в сознании коммуникантов. Таким образом, глобальное значение текста оказывается чем-то большим, качественно и количественно, чем совокупный семантический материал, содержащийся в словах и структурах текста.

Глобальное значение текста может по-разному сформироваться коммуникантами и представлять для них различную коммуникативную ценность в зависимости от того, какими знаниями воспринимающий текст обладает о языке, об отражаемой в тексте реальности, о конкретных особенностях коммуникативного акта, создавшего текст. Соответственно коммуникативная ценность текста включает три вида воспроизведения

информации: семантика языковых единиц, «текстуализированные» отрезки экстралингвистического опыта и конкретные ассоциации. связанные с данным актом вербального общения.

Задача переводчика заключается в создании такого текста, который бы позволял воссоздать коммуникативную ценность оригинала. Достижение этой цели обусловлено указанными тремя видами знания у получателя текста перевода. При этом переводчик выбирает один из возможных способов построения глобального значения текста оригинала и выведения его коммуникативной ценности. Уже это предопределяет множественность возможных переводов одного и того же текста. Множественность выбора существует и при создании текста перевода, глобальное значение которого должно обеспечивать возможность выведения аналогичной коммуникативной ценности. В результате процесс перевода и его результат имеют принципиально множественный, вариативный характер.

Независимо от того, как переводчик интерпретировал коммуникативную ценность оригинала и какой путь он избрал при построении текста перевода, он должен создать целостное языковое образование, которое отвечает всем требованиям, предъявляемым к текстам на ПЯ, обеспечить наличие «текстуальности», отличающей текст от «не-текста». Достижение такой текстуальности обусловлено рядом обязательных параметров текста: интенциональностью, акцептабельностью, кооперативностью (стремление быть понятым), ситуативностью, информативностью, когерентностью, связностью, соответствием определенному типу текстов. Все эти текстовые категории, детально описываемые лингвистикой текста, должны учитываться переводчиком для создания полноценного текста на ПЯ. А.Нойберт считает, что поскольку в оригинале и переводе должны быть эквивалентными коммуникативные ценности, являющиеся производными от глобального значения текста, то отношения эквивалентности могут существовать только между текстами. Вместе с тем такая эквивалентность достигается путем отбора соответствующих микро- и макропропозиций и каждая единица может либо способствовать установлению коммуникативной эквивалентности между текстами, либо нарушать ее. Поэтому между элементами текста может существовать лингвистическая эквивалентность в том смысле, что они соответствуют друг другу в оригинале и переводе. Однако решающим критерием для признания их взаимно эквивалентными служит их роль в обеспечении коммуникативной эквивалентности двух текстов в целом.

Подчеркивая важность текстового аспекта перевода, А.Нойберт отмечает, что правильней было бы говорить не о переводе текста на другой язык, а о переводе текста на одном языке в текст на другом языке. Его труды намечают пути исследования важных сторон переводческой деятельности на основе новых концепций современного языкознания.

5. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В ТРУДАХ Г.ЕГЕРА

Как и его коллеги по Лейпцигской школе, Герт Егер подходит к проблемам перевода с позиций современного языкознания. В круг его научных интересов входят многие аспекты переводческой деятельности. Его главная работа «Трансляция и трансляционная лингвистика» (1975 г.) содержит разделы, посвященные общественной роли перевода, его истории, различным видам перевода и языкового посредничества и ряду других вопросов теории перевода. Однако центральное место в этой и других публикациях Г.Егера занимает главная проблема переводоведения — проблема переводческой эквивалентности, выделяющая перевод среди других видов языкового посредничества и раскрывающая самое сущность переводческой деятельности.

Г.Егер стремится дать строго лингвистическое определение понятия переводческой эквивалентности. Он понимает, что при этом придется пойти на определенные упрощения, так как лингвистические аспекты перевода не охватывают все содержание этой сложной коммуникативной деятельности. Однако, благодаря таким упрощениям,, удается выделить ее наиболее существенные стороны и обеспечить необходимую степень научности и объективности описания.

Г.Егер исходит из положения, что перевод должен быть коммуникативно эквивалентен оригиналу. Это означает, по его мнению, что оба текста должны обладать одинаковой коммуникативной значимостью, ценностью, которая понимается как мыслительный образ, вызываемый текстом в сознании коммуникантов. Однако этот образ существует в их мозгу и принципиально не наблюдаем. При нынешнем уровне наших знаний не существует возможности сколь-либо объективно описать реальную коммуникативную значимость текста, а, следовательно, и понятие коммуникативной эквивалентности перевода не обладает достаточной определенностью.

В качестве выхода из такого положения Г.Егер предлагает заменить коммуникативную значимость ее лингвистическим экспликатом, то есть содержанием самого текста, которое во взаимодействии с экстра-

лингвистическими факторами и создает этот сложный мыслительный образ. Подобное содержание, непосредственно выводимое из значений (функций) языковых **единиц,** составляющих текст, предлагается именовать функциональной значимостью (ценностью), а совпадение функциональных значимостей оригинала и перевода будет означать их функциональную эквивалентность. Конечно, функциональная значимость составляет лишь более или менее значительную часть коммуникативной значимости, но зато ее можно описать в лингвистических терминах и тем самым дать объективное определение переводческой эквивалентности.

Г.Егер определяет функциональную значимость текста как совокупность трех видов его языковых значений: актуального сигнификативного значения, актуального членения и **внутрилингвистического** прагматического значения. Все эти виды значений с достаточной степенью объективности могут быть выведены из значений и размещения в тексте составляющих его языковых единиц. За пределами функциональной значимости остаются различные ассоциации, выводы, реакции и пр., возникающие на основе текста, но не входящие в его содержание непосредственно. Например, фраза «Эта рукопись пригодна для дидактических целей» может подразумевать положительную или отрицательную оценку, которая должна включаться в коммуникативную значимость, но не в значения текста, которые можно наблюдать в качестве функций использованных в нем языковых средств. Эта оценка выходит за рамки актуального сигнификативного значения и складывается лишь в результате интерпретации этого значения в определенной ситуации.

Конечно, замена коммуникативной значимости функциональной представляет собой вынужденное упрощение, но оно дает возможность доказательно оценивать эквивалентность перевода. При этом различие между коммуникативной и функциональной эквивалентностью перевода оказывается меньше, чем между коммуникативной и функциональной значимостью текста, поскольку сохранение функциональной значимости оригинала в переводе может обеспечить воспроизведение в какой-то степени и экстралингвистической части коммуникативной значимости. В идеальном случае функциональная и коммуникативная эквивалентность могут полностью совпадать. В реально выполняемых переводах нередко существует расхождение между этими видами эквивалентности.

Достижению функциональной эквивалентности могут препятствовать два ряда факторов. Один ряд факторов определяется соотношением

систем и правил функционирования ИЯ и ПЯ, которые в ряде случаев не позволяют текстам оригинала и перевода иметь одинаковую функциональную значимость. Относительную функциональную эквивалентность, которая максимально возможна при данном соотношении двух языков, предлагается именовать «максимальной эквивалентностью». Другой ряд факторов носит переменный, более или менее случайный характер: знания и умения переводчика, обстановка и условия его работы и т.п. Они в принципе могут быть устранены, но их воздействие может привести к неполной коммуникативной эквивалентности перевода или даже к его коммуникативной неэквивалентности **(«гетеровалентности»).**

В более поздней работе «Коммуникативная и максимальная эквивалентность текстов» (1982 г.) Г.Егер уточняет понятие коммуникативной эквивалентности, связывая его со способностью адресата сообщения извлекать из него передаваемую информацию. В результате он выделяет пять типов языкового посредничества:

I. Текст перевода максимально эквивалентен тексту оригинала. При этом возможны два случая:

1. Адресаты сообщения в переводе обладают такими же возможностями для извлечения информации, как и получатели сообщения в оригинале — перевод коммуникативно эквивалентен оригиналу.
2. Адресаты сообщения в переводе обладают иными возможностями для извлечения информации, чем получатели сообщения в оригинале — перевод коммуникативно гетеровалентен оригиналу.

II. Текст перевода не обладает максимальной эквивалентностью по отношению к тексту оригинала. При этом возможны три случая:

1. Адресаты оригинала и перевода обладают разными возможностями для извлечения информации, и это различие соответствует различию между значениями текстов оригинала и перевода — перевод коммуникативно эквивалентен оригиналу.
2. Адресаты оригинала и перевода обладают разными возможностями для извлечения информации, и это различие не соответствует различию между значениями текстов оригинала и перевода — перевод коммуникативно гетеровалентен оригиналу.
3. Адресаты оригинала и перевода обладают одинаковыми возможностями для извлечения информации — перевод коммуникативно гетеровалентен оригиналу.

Введение фактора адресата заставило Г.Егера по-новому поставить вопрос об объективности его концепции коммуникативной эквивалентности, которую он основывал на одинаковой функциональной значимости оригинала и перевода. Если функциональная значимость могла быть определена в лингвистических терминах, то познавательные возможности адресата недоступны для объективного описания или измерения, что лишает научной конкретности и понятие коммуникативной эквивалентности. Этот недостаток Г.Егер пытается преодолеть в работе «Языковые значения — центральная проблема перевода и его научного описания» (1986 г.).

В этой работе Г.Егер уточняет понятие коммуникативной значимости текста, включая те его компоненты, которые привносятся познавательными возможностями адресата. Прежде всего предлагается различать «языковой текст» (Sprachtext) как языковое образование, значение которого выводится из значений составляющих его языковых единиц, и «речевой текст» (Redetext), возникающий при помещении языкового текста в конкретную коммуникативную ситуацию при осуществлении конкретного акта общения. Один и тот же языковой текст может использоваться в разных коммуникативных ситуациях, поэтому каждому тексту соответствует множество речевых текстов, хотя автор текста может иметь в виду лишь один из них в соответствии со своим коммуникативным намерением. Коммуникативная значимость речевого текста складывается из значения лежащего в его основе языкового текста (лингвистическая часть) и экстралингвистической части. Лингвистическая часть коммуникативной значимости выражена эксплицитно, а экстралингвистическая часть существует в имплицитной форме и зависит от познавательных возможностей адресата, которые складываются из его общеэнциклопедических знаний предмета, о котором идет речь в акте общения, и знания коммуникативной ситуации.

Поскольку эти знания индивидуальны для каждого адресата, то не только каждый языковой текст может лежать в основе множества речевых текстов, но и каждый речевой текст может репрезентировать множество коммуникативных значимостей для разных адресатов. Вместе с тем у адресатов, принадлежащих к одной и той же языковой или социальной группе, имеется значительная общность знаний, благодаря чему во множестве потенциальных коммуникативных значимостей данного речевого текста существует средняя (durchschnittliche) часть, общая

для всех таких адресатов, которая и делает возможным использование текста в процессе общения. Таким образом, каждый речевой текст фактически представляет собой совокупность множества текстов для каждого адресата, но все они коммуникативно эквивалентны, так как обладают общей частью коммуникативной значимости.

Отсюда следуют важные выводы для теории перевода. Коммуникативная эквивалентность перевода заключается в сохранении той общей части коммуникативной значимости оригинала, которой последний обладает для своих адресатов. Поскольку эта общая часть представлена во множестве потенциальных вариантов речевого текста, оригиналу может соответствовать множество коммуникативно эквивалентных переводов. В основе переводческой эквивалентности лежит воспроизведение значения языкового текста оригинала, эксплицитно представленного в нем, однако, учитывая различие в знаниях адресатов оригинала и перевода, переводчик может эксплицировать часть имплицитной коммуникативной значимости, вводя соответствующую информацию в текст перевода, или, напротив, делать имплицитной часть коммуникативной значимости и различные ассоциации и выводы, которые адресат может сделать на основе содержания текста, но которые не входят в его коммуникативную значимость. Подобные ассоциации и выводы не должны эксплицироваться в тексте перевода.

Сознавая, что определение общей части коммуникативной значимости текста и соотношения в ней эксплицитного и имплицитного происходит в настоящее время, в основном, интуитивно, Г.Егер ставит перед теорией перевода задачу объективировать этот процесс, обращаясь для этого к анализу семантической структуры языковых единиц. В частности, он обращает внимание на тот факт, что значимое использование языковой единицы в речи предполагает, по крайней мере, минимальные лингвистические знания структуры значения этой единицы. Выявление такого минимального знания, необходимо общего для всех владеющих языком, могло бы способствовать более полному раскрытию содержания инвариантной части коммуникативной значимости текста оригинала, которая сохраняется при переводе.

Как видно из краткого изложения некоторых переводческих концепций Г.Егера, для его работ характерна последовательно лингвистическая трактовка проблем перевода, имеющая целью придать описанию переводческого процесса более объективный и доказательный характер. Вместе с

тем в своих исследованиях он последовательно расширяет рамки микролингвистического подхода, включая в сферу своих интересов макролингвистические и коммуникативные аспекты переводческой деятельности.

РАЗДЕЛ 5. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Хотя в Западной Германии не сложилось единой переводоведческой школы, многие западногерманские лингвисты проявляют интерес к переводческой проблематике и они внесли значительный вклад в развитие современной теории перевода. Широкой известностью пользуются теоретические работы по переводу: Е.Косериу, Е.Кошмидера, Ю.Вирла, В. Коллера, В.Дресслера, Г.Тиль, Х.Фермеера, К. Райс, Х.Крингса и ряда других.

Для этих работ характерно разнообразие подходов к решению переводческих проблем, что затрудняет их общую характеристику. Все же можно выделить несколько основных направлений исследований. Западногерманские переводоведы уделяют большое внимание социальной роли перевода и переводчика в современном мире, стремятся расширить функции переводчика, рассматривать его не просто в качестве посредника, играющего подсобную, второстепенную роль в процессе межъязыковой коммуникации, но как квалифицированного языкового консультанта широкого профиля, хорошо знающего не только иностранный язык, но и все сферы жизни, политики и экономики народа, говорящего на этом языке, специалиста, без услуг которого не могут обойтись фирмы, предприятия и организации, занимающиеся внешнеполитической или внешнеторговой деятельностью.

Характерен для западногерманских переводоведов и особый интерес к прикладным аспектам теории перевода, попытки применить результаты теоретических исследований к решению чисто практических задач. В связи с этим большое внимание уделяется проблемам подготовки будущих переводчиков, формулированию требований, которым должен удовлетворять хороший переводчик, разработке методов качественной оценки результатов его деятельности.

В чисто теоретическом плане в центре исследований находятся вопросы соотношения лингвистики и переводоведения. Принципиальная возможность перевода и механизм его осуществления выводятся из свойств языкового знака, его двусторонности, его связи с внеязыковой реальностью. Вместе с тем подчеркивается, что перевод имеет дело не с системами языков, а с конкретными текстами. Это обстоятельство имеет ряд важных последствий. Теория перевода, в отличие от сопоставительной лингвистики, изучает не соотношение единиц, занимающих аналогичное положение в системах соответствующих языков, а единицы, нередко разноуровневые, которые способны заменять друг друга в процессе перевода. В связи с этим ограничивается роль в изучении перевода лингвистики, которая, как предполагается, имеет дело лишь с системой языка.

Многие авторы указывают на специфичность системы значений в каждом языке, что делает невозможным воспроизведение этих значений в переводе. Поэтому утверждается, что общими у оригинала и перевода являются не значения, а обозначения, то есть соотнесенность с одинаковыми явлениями внеязыковой реальности. Тем самым существенно ограничивается возможность полной передачи содержания иноязычного текста.

В некоторых работах высказываются сомнения в целесообразности каких-либо обобщений в области перевода, возможности подлинной теории перевода. Указывается, что каждый текст уникален, и переводчик в каждом конкретном случае должен решать особые задачи, применять индивидуальные способы преодоления трудностей.

Особое внимание западногерманские переводоведы уделяют связи теории перевода с лингвистикой текста, разработке переводческой типологии текстов. Предполагается, что именно тип текста оказывает решающее влияние на характер всех переводческих проблем и во многом предопределяет стратегию переводчика и критерии оценки его работы.

Указанные особенности переводческих исследований в Западной Германии отчетливо проявляются в фундаментальных трудах таких лингвистов, как К.Райс, В.Вилсс и Х.Крингс. Особое место занимает концепция А.Гутта.

1. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРУДЫ К.РАЙС

Трудам Катарины Райс принадлежит заметное место в развитии переводоведения в Западной Германии. Ее переводческие концепции отличаются большой динамичностью и за последние два десятилетия претерпели существенные изменения. В первой крупной работе «Возможности и границы критики перевода» (1971 г.) К.Райс рассматривает

широкий круг факторов, которые должен принимать во внимание критик, стремящийся дать объективную оценку качеству перевода, но главным из таких факторов признается тип переводимого текста.

С самого начала К.Райс, указывает, что широко распространенная практика (особенно в области художественного перевода) оценки качества без сопоставления его с оригиналом лишена объективных критериев и может дать лишь весьма ограниченные результаты, которые в основном сводятся к обнаружению явных ошибок в языке перевода. По ее мнению, окончательное суждение о качестве перевода можно вынести только после сопоставления перевода с оригиналом и, в первую очередь, после определения, к какому типу принадлежит текст оригинала, ибо это, главным образом, обусловливает и метод перевода.

Проанализировав существующие классификации переводов, основывающиеся на типах переводимых текстов, К.Райс приходит к выводу, что все они не отличаются последовательностью и не отражают существенных различий в применяемых методах перевода. Метод перевода должен соответствовать типу текста, поскольку его главная задача — сохранить при переводе наиболее существенное, определяющее тип текста. Основой типологии текстов может быть функция, которую язык выполняет в данном тексте. Исходя из классификации таких функций, предложенной Карлом Бюлером, К.Райс полагает, что существуют три основные типа текста. В одном типе текста на первом месте стоит функция описания (сообщение информации), в другом типе текста основная роль принадлежит функции выражения (эмоциональных или эстетических переживаний), а в третьем типе текста доминирует функция обращения (призыв к действию или реакции). Первый тип ориентирован на содержание, второй — на форму и третий — на обращение. Эти три типа текстов, выделяемые на основе функций языка, могут быть дополнены четвертой группой текстов, которые предлагается именовать аудиомедиальными. Речь идет о текстах, зафиксированных в письменной форме, но поступающих к получателю в устной форме и воспринимаемых им на слух.

Различие между этими четырьмя типами текста обусловливает и характер метода, применяемого при переводе текстов каждого типа. При переводе текстов, ориентированных на содержание (коммерческая корреспонденция, сообщения и комментарии прессы, специальные тексты гуманитарных, естественных и технических наук и т.п.), требуется обеспечить инвариантность на уровне плана содержания. При этом языковое

оформление перевода должно полностью соответствовать законам языка перевода, чтобы читатель мог получить информационное содержание в привычной языковой форме. Из таких требований и должен исходить критик при оценке переводов этого типа.

При переводе текстов, ориентированных на форму (произведения художественной литературы), задача переводчика заключается, в первую очередь, в передаче их эстетического воздействия. Такие тексты сообщают определенное содержание, но они теряют свой специфический характер, если в переводе не сохраняется их внешняя и внутренняя формы, определяемые нормами поэтики, стилем или художественными устремлениями автора. Инвариантность плана содержания уступает здесь главное место аналогии формы, требующей эквивалентности эстетического воздействия. Отсюда следует, что языковое оформление перевода текстов, ориентированных на форму, детерминируется языком оригинала.

Тексты, ориентированные на обращение, передают не только содержание в определенной языковой форме, но и преследуют определенную цель, определенный экстралингвистический эффект. Поэтому при переводе необходимо прежде всего сохранять четкое обращение к слушателю или читателю. Этой цели должно быть подчинено и языковое оформление перевода, который должен обеспечить определенную реакцию, иногда побудить к конкретному действию. Для ее достижения переводчику дозволено больше, чем при переводе других текстов, отклоняться от содержания и формы оригинала, и при оценке перевода такие необходимые отклонения не следует рассматривать как нарушение требования «верности оригиналу». Здесь верность оригиналу и заключается прежде всего в достижении намеченного автором эффекта, в сохранении заложенного в тексте обращения.

Аудиомедиальные тексты (тексты радио и телепередач, сценические произведения, тексты музыкальных произведений и пр.) являются элементами более крупного целого и не могут обходиться без внеязыковой (технической) среды и неязыковых графических, акустических и визуальных форм выражения. В принципе аудиомедиальные тексты могут быть распределены между текстами, ориентированными на содержание (доклады по радио, документальные фильмы), текстами, ориентированными на форму (радиоочерки, постановки), и текстами, ориентированными на обращение (комедиями, трагедиями). Но для оценки перевода этого недостаточно, поскольку при этом следует прежде всего оце-

нивать, насколько в переводе удалось учесть условия неязыковой среды, присутствовавшие в оригинале, и степень участия дополнительных средств выражения в создании целостной смешанной литературной формы.

Избрав в качестве основы для оценки качества перевода его соответствие типу текста, к которому принадлежит оригинал, **К.Райс** сочла необходимым дополнить критерии оценки требованием соблюдать в переводе еще целый ряд особенностей оригинала, которые она именует «внутриязыковыми инструкциями» и **«внеязыковыми детерминантами»**. К числу первых относятся семантические, лексические, грамматические и стилистические особенности оригинала, а вторые включают такие прагматические факторы, как ситуация, предмет речи, пространственно-временные рамки, особенности автора и получателя, аффективные импликации и т.п.

Таким образом, критику перевода вменялось в обязанность учитывать как собственно языковые, так и **внеязыковые** (прагматические) факторы.

Определяя границы критической оценки перевода, **К.Райс** указывает на необходимость учитывать, что перевод может осуществляться в каких-либо специальных целях (различные виды реферирования, учебный перевод, пословный перевод, «ученый перевод» и т.п.) или для особого круга читателей (переводы для детей и юношества, популяризация специальных текстов, всевозможные адаптации по моральным, религиозным, идеологическим и коммерческим соображениям). Учет этих факторов составляет собственно функциональный аспект критики перевода.

Переводческая концепция К.Райс получила дальнейшее развитие и существенные дополнения в ее последующих работах, центральное место среди которых занимает книга «Основы всеобщей теории перевода» (1984 г.), написанная совместно с **Х.Фермеером.** Ее содержание отражает эволюцию теоретических взглядов авторов. Соответствие перевода оригиналу в текстовом и в функциональном аспекте отступает здесь на второй план и трактуется как частный случай, не определяющий понятие «перевод» в целом. Еще меньшее место в теоретической концепции занимает учет языковых особенностей оригинала, тех «внутриязыковых инструкций», которые раньше рассматривались как часть требований, предъявляемых к переводу. Главным и фактически единственным критерием оценки перевода объявляется его соответствие той цели, ради которой он был осуществлен.

Эта концепция, которую авторы назвали **«скопос-теория»** (скопос — цель), исходит из того, что перевод — это прежде всего вид практической деятельности, а успех всякой деятельности определяется тем, в какой степени она достигает поставленной цели. Перевод всегда осуществляется для чего-то, переводчик стремится выполнить определенную задачу, которую он выбрал сам или получил от заказчика, в чьих интересах и по чьему поручению осуществляется процесс перевода. Цели перевода могут быть самыми различными, и соответствующие им тексты перевода будут принципиально отличаться друг от друга. При этом несущественно, в какой степени перевод оказывается близок к оригиналу, коль скоро он соответствует своей цели. В каких-то случаях цель перевода может заключаться в достижении максимальной близости к оригиналу, а в других случаях цель может быть иной: сообщить получателю какую-то информацию, убедить его в чем-либо, добиться заключения сделки, ввести его в заблуждение и т.д. Исходя из поставленной задачи, переводчик выбирает способ перевода, воспроизводящий оригинал, отклоняющийся от оригинала или пренебрегающий им. Переводчик выступает не в качестве простого посредника, а как языковой консультант, специалист, хорошо знающий язык, культуру, экономику соответствующей страны и способный создать такой текст, который нужен для успешной деятельности с представителями этой страны. Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика. Таким образом, переводчик превращается в центральную фигуру межъязыковой коммуникации.

В связи с таким подходом предлагается различать понятия «адекватность» и «эквивалентность» перевода. Адекватный перевод — это перевод, отвечающий поставленной цели. Стремление обеспечить адекватность определяет выбор способа перевода и поэтому понятие «адекватность» относится к процессу перевода, который может осуществляться адекватным способом. «Эквивалентность» относится к результату перевода и означает функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. Поэтому перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода определенной цели.

Разработка **скопос-теории** представляет несомненный вклад в современное переводоведение. Она открывает новое направление **исследо-**

ваний, охватывает весь спектр функций, выполняемых переводчиком, ставит задачу описания различных целей переводческой деятельности, подчеркивает важность и престижность работы переводчика. Вместе с тем обобщенное рассмотрение всех видов языкового посредничества не устраняет необходимость специального научного анализа наиболее сложного и важного аспекта разнообразной деятельности переводчика — осуществления «собственно перевода», имеющего целью создание текста, способного полноценно заменить оригинал в процессе межъязыковой коммуникации.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В.ВИЛССА

Известный западногерманский лингвист Вольфрам Вилсс внес большой вклад в утверждение общественной значимости переводческой деятельности, в изучение теоретических и прикладных аспектов перевода. В его многочисленных статьях и научных докладах и в фундаментальном труде «Переводческая наука: Проблемы и методы» (1977 г.) рассматривается широкий круг переводоведческих проблем, связанных с ролью перевода в современном мире, историей переводоведения, местом науки о переводе в языкознании, способами описания переводческого процесса, переводческой типологии текстов, определением понятия переводческой эквивалентности и многих других.

Наряду со всесторонним охватом переводческой проблематики, для работ В.Вилсса характерен глубокий анализ переводческих концепций выдающихся переводоведов всех стран (за исключением, к сожалению, исследований российских лингвистов). В них обобщен опыт теоретического изучения перевода на протяжении всей истории развития переводоведения. При этом В.Вилсс весьма сдержанно оценивает теоретические достижения переводоведов. По его мнению, большинство их концепций носит слишком абстрактный характер, в то время как каждый акт перевода конкретен и требует индивидуального подхода и специфических решений.

Особое внимание В.Вилсс уделяет прикладным аспектам переводоведения, связи теории перевода с задачами обучения будущих переводчиков. Его внимание привлекают проблемы классификации переводческих трудностей, методики обучения переводу, анализа переводческих ошибок, оценки качества перевода.

В.Вилсс разрабатывает принципы создания типологии переводческих трудностей. Он считает, что в основе таких трудностей лежат 4 факторa: 1) Особенности каждого из языков, участвующих в процессе перевода. 2) Особенности переводчика, выступающего в двойной роли: адресата текста оригинала и автора текста перевода. 3) Особенности типа текста оригинала в соответствии с тройной классификацией текстов, предложенной К.Райс. 4) Особенности конкретного текста оригинала. Первые три группы факторов носят относительно постоянный характер для конкретного переводчика, работающего с определенной парой языков. Различные сочетания двух видов языковых особенностей, двух видов ролевых особенностей и трех видов типологических особенностей, текста дают 12 параметров переводческих трудностей, причем такие трудности могут носить коллективный (существовать для всех переводчиков), частично коллективный и индивидуальный характер. В.Вилсс указывает, что более детальная типологизация затруднена из-за большого числа индивидуальных трудностей, связанных с особенностями конкретного текста и конкретного переводчика, но полагает, что можно описывать отдельные трудности перевода на разных уровнях языковой системы.

Большой практический интерес представляют замечания В.Вилсса по содержанию и организации подготовки будущих переводчиков. Методика обучения переводу остается до сих пор слабо разработанной, особенно учитывая разнообразие целей обучения и требований, предъявляемых к переводчику в различных видах перевода. В.Вилсс полагает, что обучаемые должны обладать определенными способностями к переводческой деятельности, хорошим владением родным языком, интересом к познанию, способностью применять теорию обучения к переводу, способностью к развитию умения критически оценивать свою работу. Цель обучения заключается в создании у обучаемого умения анализировать текст, выбирать правильную переводческую стратегию, применять необходимые методы и способы перевода. Для достижения этой цели организация учебного процесса должна обеспечивать: а) действенность и системность применяемых методов; б) последовательность (континуум) обучения; в) градацию в выделении и преодолении трудностей; г) градацию переводческих проблем по их относительной важности; д) представление переводческой компетенции в виде ряда операций («операционализация компетенции»).

В.Вилсс настаивает на том, что обучение переводу должно заключаться не в интуитивном переводе учебных текстов, а в объяснении и усвоении переводческих процедур и приемов. Преподавание должно быть диф-

ференцированным и проблемно-ориентированным. В каждом тексте в рамках отдельного предложения есть возможность выделить переводческие трудности и продемонстрировать обучаемым способы преодоления этих трудностей. Предлагается при этом следующая последовательность учебной работы: 1) Синтактико-семантико-стилистический анализ предложения оригинала. 2) Описание, классификация и оценка переводческих трудностей. 3) Преодоление трудностей в процессе создания перевода (одной или несколькими операциями). 4) Критическая оценка степени эквивалентности перевода. 5) Обратный перевод для сопоставления выразительных средств двух языков. В целом, основной упор при обучении переводу должен делаться не на уникальность процесса перевода, а на повторяемость его основных аспектов в других языковых контекстах.

Важное место в процессе обучения занимает анализ переводческих ошибок и оценка качества перевода. Предлагается различать типичные и нетипичные ошибки и уделять особое внимание первым. Ошибки классифицируются в зависимости от причин, с которыми они связаны. Самые грубые ошибки возникают в связи с непониманием переводчиком смысловых отношений между частями текста оригинала. В тексте перевода предлагается различать грамматические, стилистические и когнитивные ошибки. Могут быть ошибки, связанные с нарушением норм ПЯ, при которых текст остается понятен. Основная трудность заключается в оценке степени важности ошибки, особенно трудно судить о «приемлемости стиля» перевода.

В отличие от анализа ошибок критика перевода, по мнению В.Вилсса, имеет дело с переводом в целом. Настаивая на том, что всякий перевод — это лишь приближение к идеалу, В.Вилсс считает, что прежде всего нужно уметь оценить, имеет ли критик дело с ошибкой или с намеренным преобразованием или отклонением от оригинала. При этом весьма существенно, может ли критик предложить и обосновать лучший вариант. Предлагается использовать 4 критерия общей оценки языка перевода: а) правильность языка — соблюдение или нарушение нормы ПЯ; б) правильность употребления — соблюдение или нарушение узуса ПЯ; в) соблюдение или нарушение социолингвистической (ролевой) нормы; г) правильность выбора индивидуальных речевых характеристик текста. Эта общая оценка дополняется оценкой более детальной, раскрывающей правильность передачи синтаксических, семантических и прагматических особенностей оригинала. Такую оценку прелагается производить в отношении каждого из

этих планов по пятибалльной шкале, различая следующие варианты: «неправильно», «неуместно», «неясный случай», «правильно», «уместно». Такая градация должна позволить оценить варианты перевода с достаточной степенью объективности, хотя в ряде случаев критик может колебаться, куда отнести то или иное отклонение.

Как уже отмечалось, В.Вилсс — один из ведущих теоретиков перевода Западной Германии, и в его работах можно найти много ценных суждений по самым различным проблемам переводоведения. Однако особенно интересными представляются изложенные выше идеи по организации подготовки переводчиков, поскольку эта проблема не затрагивается, как правило, в теоретических работах по переводу, и В.Вилссу во многом принадлежит приоритет в ее разработке.

Среди главных трудов В.Вилсса особое место занимает его книга «Познание и перевод. К теории и практике человеческого и машинного перевода» (1988 г.), в которой переводческая проблематика рассматривается с позиций когнитивной психологии.

В.Вилсс считает, что эмпирически-индуктивные и моделирующие подходы к созданию теории перевода должны быть дополнены разработкой нормативной теории перевода, которая раскрывала бы особенности действий переводчика в процессе перевода. Такая теория, ориентирующаяся на личность переводчика, должна основываться на данных когнитивной психологии, показывающих, каким образом человек приобретает знания и использует их в различных видах практической деятельности. Исследование перевода должно выявить, как внешний стимул, в качестве которого здесь выступает текст оригинала, активизирует структурированное знание в памяти переводчика и как это знание, наряду с другими психологическими факторами, позволяет решать проблемы и выполнять необходимые операции в процессе перевода.

Теория перевода, по мнению В.Вилсса, изучает не объективные, физические объекты, а идеальные объекты — мыслительные действия и операции. Для нее более важны не общие законы, а особенное — создание конкретного текста. Поэтому она должна описывать процесс перевода в таких операционных терминах, как «действие, поведение, решение проблемы, выбор, творчество, интуиция, стратегия перевода, метод перевода, техника перевода, стереотип перевода». Знания могут приобретаться и использоваться человеком либо аналитическим путем, на основе объективного анализа фактов и ситуаций, либо герменевтическим путем, т.е. субъективно-

интуитивно. Отсюда следует, что при описании процесса перевода нельзя ограничиваться сознательным, объективным и закономерным, а надо уделять должное внимание и интуитивному, субъективному и единичному. Это ограничивает «научность» теории перевода, но этого не следует бояться. Степень научности определяется сущностью и сложностью объекта. Не всякий объект поддается объективному и обобщенному описанию. Научная редукция объекта (процесса перевода) к его наиболее общим признакам может оставить за пределами исследования его наиболее существенные стороны. Указанный подход хорошо согласуется с новой ориентацией языкознания не на систему языка, а на речь, т.е. на действие, применения языка. И центральным вопросом теории действия является, при каких условиях, в какой функции, каким образом организуется действие, в данном случае процесс перевода. В этом процессе имеют место два вида поведения переводчика: ассимиляторское — собственно поведенческое (поиск соответствий на основе объективных данных) и адаптирующееся — применение творческих когнитивных процессов (создание новых планов в соответствии с поставленной целью). В.Вилсс различает, таким образом, в переводе поведенческий (объективный) аспект (Verhalten) и деятельностный (субъективный) аспект (Handeln). В процессе перевода деятельность переводчика проходит через три этапа: подготовка, осуществление и оценка результатов. Весь процесс — это обдуманные действия, в ходе которых переводчик постоянно делает выбор, строит гипотезы о последствии того или иного выбора и принимает решения для достижения цели: вопрос должен идти, не почему принято это решение, а зачем оно было принято. При таком подходе, полагает В.Вилсс, теория перевода будет эмпирической и нормативной и будет служить практике.

Таким образом, в центре внимания исследователя оказывается когнитивная деятельность переводчика. Так, при рассмотрении этапа подготовки указывается, что переводчик осуществляет при выборе варианта перевода три вида поиска: случайный, систематический и эвристический (сокращающий интуитивно путь поиска). Именно этот последний является основным, решающим и должен быть главным предметом изучения. В результате таких поисков переводчик создает своего рода мыслительную рабочую схему, в соответствии с которой он осуществляет поэтапное решение задач.

Значительное место в концепции В.Вилсса уделяется роли личности переводчика, ситуации, в которую он себя ставит, цели, которые он преследует, сознательно или бессознательно. В.Вилсс полагает, что действия переводчика несомненно зависят от оригинала и от читателей перевода и чем точнее он определит для себя (объективно и субъективно) те требования, которые они ему предъявляют, тем успешней будет его деятельность. В связи с этим В.Вилсс не соглашается с принципом «самостоятельного права переводчика на окончательное решение» (Mitbestimmungsrecht), который провозглашают сторонники «скопос-теории» (Х.Фермеер, Ю.Холц-Мянтяри) и с их утверждениями, что оригинал не имеет собственной ценности. По мнению В.Вилсса, такой принцип может привести лишь к переводческому произволу. Полемизируя с указанной концепцией, он напоминает, что переводчик — это всегда не только создатель текста (Textproduzent), но и получатель текста оригинала (Textrezipient) и что его деятельность — это всегда реакция на оригинал.

Каждый вид деятельности обладает своими особенностями. Перевод характеризуется, в первую очередь, тем, что это — действие, основанное на понимании (активном, дистантном, не означающим согласие с понятым); процесс, методически контролируемый, то есть осуществляемый по определенной стратегии действий, определенной системе анализа и синтеза; область деятельности отдельного лица-переводчика, часть которой сугубо субъективна, поскольку у каждого переводчика своя система оценок; деятельность, которая отчасти носит неопределенный, эвристический характер, когда многое приходится основывать на догадке (нет связи с автором оригинала, неизвестна цель перевода, характер получателя и т.п.). Отсюда следует, что переводчик использует разные типы мыслительных операций: рефлексивный, основанный на объективном анализе доступной информации, и импульсивный, интуитивный, основанный на субъективных решениях. В.Вилсс полагает, что в силу такого характера переводческой деятельности наука о переводе не должна быть слишком строго сформулированной, поскольку обобщающие концепции, методы и модели всегда будут охватывать лишь объективный аспект перевода, оставляя в стороне важнейший субъективный аспект.

Именно на этот субъективный аспект и может, по мнению В.Вилсса, пролить свет когнитивная психология, пытающаяся исследовать человеческую интуицию. С ее позиций процесс перевода следует прежде всего рассматривать как операцию решения проблем. При этом проводится различие между задачей и проблемой. Задача решается известными методами или путями, а для решения проблемы приходится идти

новыми путями, незнакомыми для данного переводчика. Таким образом, проблемы не носят абсолютного характера: одна и та же трудность для одного переводчика — проблема, а для другого — стереотипно решаемая задача. Проблемы могут быть макроконтекстуальные и микроконтекстуальные. Макроконтекстуальные проблемы связаны с необходимостью определить общий смысл, цель, назначение, функцию текста оригинала, которые, как правило, должны сохраняться и в переводе. Больше трудностей представляют микроконтекстуальные проблемы, к которым В.Вилсс относит случаи семантической неопределенности, синтаксической сложности текста, тема-рематические отношения, наличие эллипса, метафор, иронии, неудачных формулировок, атрибутивных, герундиальных, причастных конструкций (речь идет о переводах с английского языка) и т.п. Все эти проблемы, по мнению В.Вилсса, носят единичный характер, мало поддаются обобщению и каждый переводчик решает их по-своему. Поэтому очень важно учитывать личностный фактор, индивидуальные психологические особенности переводчика.

В процессе перевода используются два вида знаний переводчика: позитивные (эпистемические), хранящиеся в его памяти, и эвристические (способность добывать новую информацию). Оба этих вида знаний должны формироваться при подготовке будущих переводчиков. В процессе такой подготовки полезно практиковаться в решении различных проблем, даже если нельзя дать строгих процедур решения.

Мало изученным остается сам процесс принятия решений переводчиком. Переводчик оказывается в ситуации лабиринта и стремится достичь цели оптимальным путем. При этом ни один переводчик не в состоянии осуществить все возможные и необходимые действия, перебрать все варианты. Каждый переводчик видит лишь часть возможных интерпретаций и вариантов. Принятие решения обусловливается рядом общих факторов. В.Вилсс отмечает влияние таких факторов, как характер решаемой проблемы, степень рискованности того или иного решения, предел достаточности поиска информации (при неизбежной ограниченности времени и затраты усилий), зависимость последующих решений от предыдущих. При этом сам переводчик не может иногда обосновать свое решение.

Процесс принятия решений непосредственно связан с характерным для данного переводчика типом поведения. Типология поведения переводчика основывается на ряде оппозиций: целеустремленный — колеблющийся («синдром Пилата»), упрямый — скептический, вдумчивый — честолюбивый, находчивый — ограниченный, логичный — непоследовательный. В.Вилсс полагает, что переводчику необходимо нейтрализовать бессознательное влияние типа своей личности, сделать бессознательное сознательным. При всей важности интуиции ей должно предшествовать размышление.

В своей работе В.Вилсс пытается разобраться и в таких сложных и трудно определяемых понятиях, как переводческое творчество и переводческая интуиция.

Имеющиеся работы по психологии творчества указывают на его косвенную связь с интеллектом, знаниями и опытом человека, на его целеустремленность и оценочность (в отличие от фантазии или оригинальности). Существуют разные виды творчества: художественное, научное, техническое, организаторское и т.д., но это — всегда новаторская комбинация идей. В области перевода особый характер творчества определяется тем, что оно представляет собой соединение понимания и изобретательности, и в нем участвуют разум, понимание, интуиция и фантазия переводчика. Здесь необходимо также различать собственно творчество и творческое воспроизведение уже существующего. По-видимому, имеются различные уровни, области и проявления творчества, в связи с этим, возможно, следует говорить об особом виде «перетекстового» творчества.

В.Вилсс полагает, что характер переводческого творчества зависит от типа переводимого текста. В художественных текстах нет предсказуемости отношения автор-переводчик, и творчество переводчика более субъективно и индивидуально. В технических текстах многие свойства существуют независимо от автора и получателя, поэтому на первый план выступает аналитическое творчество переводчика, обнаруживающее эти свойства.

Анализируя примеры переводов технических и художественных текстов, В.Вилсс пытается показать различие в творчестве разных переводчиков, разную возможность и склонность использовать «прямой» перевод, где требуется меньше творческих приемов, разное соотношение с методами перевода (сознательное использование известного приема) и техникой перевода (автоматическое воспроизведение известного по памяти). В акте творчества предлагается различать четыре фазы: подготовка, вызревание (Inkubation), озарение, проверка результата.

Переводческая интуиция определяется как способность спонтанно находить решение проблем, не основанная на знании и не опирающаяся на логическое рассуждение. Интуитивные решения могут быть правиль-

ными или ошибочными. Это — ответ определенным способом на определенную ситуацию. В какой-то степени интуиция основана на рациональном, но она выходит за его пределы. В.Вилсс указывает, что переводоведение направлено на обнаружение закономерностей и тем самым принципиально игнорирует интуицию. В процессе перевода переводчик должен пользоваться известными ему методами и образцами, но он также должен быть готов использовать свою интуицию, которая не поддается регулируемости, упорядоченности, обоснованности, анализу и вербализации.

В конце монографии В.Вилсс рассматривает проблематику машинного перевода, демонстрируя его ограниченные возможности и теоретическую, и практическую невозможность обеспечить высокое качество перевода, полагаясь лишь на логический и лингвистический анализ и исключив недоступную машине интуицию.

Как видно из вышеизложенного, многие сложные проблемы, затронутые в работе В.Вилсса, не получают решения. Однако сама ориентация на когнитивные аспекты деятельности переводчика несомненно плодотворна и намечает новое направление исследований. Дальнейшая разработка этой проблематики потребует применения новых методов анализа, в том числе экспериментальных.

3. ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА в ТРУДАХ Х.Крингса

С самого начала теоретического изучения переводческой деятельности в центре внимание исследователей находился процесс перевода, понимаемый как совокупность действий переводчика по созданию текста перевода. Многие переводоведы подчеркивали, что именно процесс перевода должен быть предметом теории перевода. Изучение перевода как процесса противопоставлялось анализу перевода как результата (то есть текста перевода в сопоставлении с текстом оригинала) и должно было придать теории перевода динамический характер. Последующее развитие переводоведения привело к рассмотрению перевода в широких рамках межъязыковой коммуникации, что устраняло противопоставление процесса перевода его результату. Процесс перевода происходит в мозгу переводчика, он принципиально не наблюдаем, и о нем можно судить лишь косвенным образом, изучая его результаты. По этой причине суждения о переводческой компетенции, о том, как реально переводчик осуществляет перевод, какие проблемы и каким образом он ре-

шает в процессе перевода, носили, как правило,, гипотетический характер. Изучение мыслительных операций переводчика в процессе перевода остается одним из наименее разработанных разделов современной теории перевода.

Задачу восполнить в определенной степени этот пробел и поставил перед собой немецкий переводовед Ханс П. Крингс, который провел интересное психолингвистическое исследование переводческого процесса, детально описанное им в фундаментальной монографии «Что происходит в головах переводчиков?» (1986 г.).

Работа Х.Крингса носила новаторский характер как по поставленным задачам, так и по методу исследования. Для эмпирического изучения наблюдаемого процесса перевода он применил известный в психологии экспериментальный метод «думания вслух» (think aloud). Участникам эксперимента имевшим опыт переводческой работы, предлагалось переводить тексты (с родного языка на иностранный и наоборот), вербализуя при этом все свои размышления, так сказать, мысля вслух. Все высказанное испытуемыми записывалось на пленку и затем подробно анализировалось, включая зафиксированные на пленке невербальные соматические и паралингвистические звуки, паузы, сопутствующие действия и т.п. В результате такого анализа были получены весьма ценные фактические данные, расширившие наши представления о сущности процесса перевода и доказывающие возможность и целесообразность его экспериментального изучения.

Центральным в анализе экспериментальных данных у Х.Крингса является понятие «переводческая проблема». Изучение высказываний испытуемых (протоколов эксперимента, полученных путем транскрибирования записанных пленок) показывают, что отдельные части текста переводчик переводит, не задумываясь (нечего не вербализуя), автоматически, на основе имеющегося в его памяти эквивалента, прочно ассоциируемого с данной единицей исходного текста. Во всех остальных случаях, когда переводчик затрудняется сразу дать перевод, считается, что он столкнулся с переводческой проблемой. Х. Крингс особо заботится о том, чтобы обеспечить объективную процедуру выделения переводческих проблем. Он предлагает два ряда критериев их выделения. Первый ряд главных критериев, наличие каждого из которых считается достаточным, включает: 1) Прямые или косвенные высказывания переводчика, что он испытывает трудности. 2) Указания на обращение к слова-

рю. 3) Проблемы в переводе, осознанные переводчиком. Второй ряд включает второстепенные критерии, которых должно быть не менее двух, чтобы идентифицировать переводческую проблему. К таким критериями относятся: 1) Обсуждение переводчиком двух или более альтернативных вариантов перевода. 2) Внесение исправлений в текст перевода. 3) Подчеркивание каких-то («трудных») мест в оригинале. 4) Высказывание переводчиком неудовлетворенности результатов перевода. 5) Обращение в ходе рассуждения к общетеоретических принципам перевода. 6) Наличие паузы. 7) Наличие паралингвистических указаний на затруднение (вздохи, стоны, смех). 8) Ошибки в переводе. Таким образом, переводческая проблема может возникать как вследствие недостатка у переводчика каких-то знаний, так и при необходимости выбора среди каких-то уже известных ему вариантов.

Далее, высказывания переводчиков дают возможность выделить среди переводческих проблем трудности понимания и трудности передачи. При этом последние могут быть чисто трудностями передачи (например, при полном понимании текста) и могут быть связанными с трудностями понимания. (Х.Крингс называет их «индуцированными проблемами» в отличие от «первичных».) Оказывается возможным также различать трудности, связанные с недостаточной языковой компетенцией переводчика и с недостатками в его собственно переводческой компетенции (при первичных проблемах передачи). Особо следует отметить случаи, когда переводчик обнаруживает непонимание элемента оригинала и тем не менее дает правильный перевод (путем заимствования или пословного перевода).

Основная часть анализа протоколов эксперимента посвящена выявлению «переводческих стратегий», которые определяют характер действий переводчика, составляющих процесс перевода. Под стратегиями перевода понимаются потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи. Предлагается различать «макростратегию» — способы решения целого ряда переводческих проблем и «микростратегию» — пути решения одной проблемы.

С точки зрения макростратегии в процессе перевода выделяется 3 этапа: предпереводческий анализ оригинала (Vorlauf), собственно перевод (Hauptlauf) и постпереводческая обработка текста (Nachlauf) — проверка и коррекция перевода. При этом первый или третий этап у некоторых испытуемых отсутствовал.

Предпереводческий анализ характеризуется следующими особенностями. Во-первых, отмечается различие в степени изолированности этого этапа от последующего. Одни переводчики сначала прочитывают текст оригинала, стремясь понять его содержание, и лишь потом приступают к его переводу. Другие же в процессе чтения ищут переводческие соответствия отдельным элементам оригинала. Предполагается, что понимание текста при чтении может достигаться одним из двух путей. Одни сначала охватывают общее содержание и затем идут от понимания целого к деталям (top — down), другие идут к пониманию целого от деталей (bottom — up). Отмечается также, что некоторые испытуемые опускают при переводе трудные места, откладывая их перевод на «потом». Как правило, переводчик сначала быстро формирует грубый, приблизительный перевод, основанный на имеющихся у него ассоциативных связях между единицами двух языков, а затем начинает его шлифовать, изменять и корректировать.

Стратегия переводчика варьируется в зависимости от того, решает ли он проблемы понимания (Rezeptionsstrategie) или проблемы передачи (Wiedergaberstrategie). В первом случае в качестве основы для достижения понимания используется информация, извлекаемая из различных видов контекста, логические выводы и рассуждения, а также словари. Во втором случае обнаруживается целый ряд стратегических приемов. Прежде всего в большинстве случаев в процессе перевода происходит сопоставление нескольких возможных вариантов, которые берутся как из словаря, так и дополняются переводчиком за счет синонимов и парафраз. Окончательный результат может быть одним из первоначально сопоставляемых или отыскиваться заново, если все они были отвергнуты. Эксперимент показал, что первый вариант значительно чаще берется из словаря, чем окончательный. При этом оказалось, что, если в словаре дается единственное соответствие, то оно нередко используется в переводе даже при непонимании переводчиком значения переводимого слова, хотя это подчас приводит к ошибке.

Во многих случаях у переводчика для переводимого слова существует некий основной эквивалент в другом языке, с которым в его памяти установлена непосредственная, постоянная и равнозначащая связь. Именно такой эквивалент (разный у разных переводчиков) прежде всего, возникает в качестве первого варианта перевода. Однако такие основные эквиваленты есть далеко не у всех единиц оригинала, часть из

них формируется в процессе перевода, порой недостаточно правильно, на основе чисто внешнего звукового или структурного подобия. Анализируя экспериментальные данные, Х.Крингс делает интересный вывод об отсутствии прямой зависимости окончательного варианта перевода от процедуры его выбора: одинаковый результат может быть достигнут разными путями.

Отмечается различие в переводческой стратегии при переводе на язык и с языка. При переводе на иностранный язык важная роль в этой стратегии принадлежит перевыражению мысли в оригинале («внутриязыковой перевод» в ИЯ) с целью облегчения поиска эквивалента, а также обращение к словарю *(2/3* проблем решаются с помощью словаря). При этом в 20% случаев словарь дает необходимое решение, а в 25% случаев в словаре нет нужного слова или выражения. Из словаря берется и 1/3 сопоставляемых первоначально вариантов. Менее часто используется нахождение эквивалента из ситуации, создание нового соответствия путем комбинирования элементов и использование ранее примененных решений аналогичных проблем.

При переводе с иностранного языка на родной главная стратегия переводчика, по данным Х.Крингса, заключается в перевыражении основного эквивалента ПЯ, в частности, для поиска наиболее употребительного варианта. Реже встречается комбинирование нового соответствия. Х.Крингс отмечает, что при переводе с иностранного языка наблюдается больший разброс предварительных вариантов, чем при переводе на язык.

Большой интерес представляют наблюдения Х.Крингса о процедуре оценки и выбора вариантов. По его данным, оценка варианта может производиться либо путем его сопоставления с проблемной единицей исходного текста (3/4 всех случаев), либо независимо от нее. При сопоставлении вариантов они оцениваются абсолютно как «хороший» или «плохой» или относительно: вариант А лучше Б. Выбор варианта обуславливается либо тем, что он удовлетворяет переводчика, либо тем, что он кажется ему лучше других («за неимением лучшего»). Вариант перевода оценивается по следующим основным параметрам: степень соответствия единице оригинала, приемлемость с точки зрения ПЯ, соответствие общим принципам перевода, понятность для читателя перевода.

Соответствие единице оригинала оценивается по наличию/отсутствию расхождений в семантике слова, его употреблении, контекстуальном значении и коннотации. Источники информации, на которых переводчик основывает свое суждение, включают: языковые знания переводчика, сведения из двуязычного и одноязычного словаря, анализ контекста, а также использование обратного перевода.

Любопытен список общих правил, которыми руководствуются переводчики. На первом месте здесь стоит требование дословности: переводчик предпочитает вариант, который более дословно воспроизводит оригинал. Затем идет требование избегать многословных описаний: считается, что объем перевода не должен превышать объем оригинала более чем на 10%. К числу таких принципов также относятся: требование переводить одинаковые слова одним и тем же словом, а разные слова (не синонимы) — разными словами; требование предпочитать исконные слова иностранным; требования правильного использования словаря. Неоднозначен подход к ошибкам в языке оригинала: некоторые переводчики исходят из необходимости исправлять эти ошибки при переводе, другие считают нужным их воспроизводить. К сожалению, данные Х.Крингса не позволяют судить о том, откуда взялись эти переводческие принципы: сформировались ли они на основе каких-то теорий перевода или стихийно возникли в сознании переводчиков.

Как уже указывалось, поиск заканчивается, когда переводчик удовлетворен найденным эквивалентом или решает, что лучшего у него нет. Могут быть и такие случаи, когда переводчик не удовлетворен ни одним из найденных вариантов. В этом случае переводчик избирает путь, который Х.Крингс называет «стратегией редукции». Она включает отказ от воспроизведения отдельных элементов оригинала, упрощенную передачу (отказ от воспроизведения выделения, метафоричности или отдельного семантического признака), прямой перенос в перевод иностранного слова. Обнаруживается также использование своеобразной «стратегии перестраховки», когда переводчик, будучи не уверен, что ему удалось правильно решить переводческую проблему, выбирает наиболее общий вариант с неясным или амбивалентным значением, который можно истолковывать по-разному.

Анализ экспериментальных данных обнаруживает значительные расхождения в структуре переводческого процесса при переводе с иностранного языка и при переводе на иностранный язык. В первом случае главную роль играет стратегия понимания, а в стратегии поиска эквивалента большое место занимает оценка уместности и употребительности, когда вариан-

ты отбрасываются без сопоставления с оригиналом, а лишь исходя из узуса и правил текстопроизводства языка перевода. Во втором случае на первое место выходит перевыражение отрезков оригинала с целью облегчить нахождение эквивалента и сопоставление единиц ИЯ и ПЯ.

Х.Крингс указывает и на некоторые особенности поведения его испытуемых, которые не могут быть признаны правильными. Его переводчики не задумываются о цели перевода, функции оригинала, характере адресата, для которого они предназначают перевод. Они подчас неохотно пользуются словарем, пытаются переводить, не понимая, предпочитают «туманные» варианты, нарушают нормы родного языка. Подобные недостатки объясняются, по-видимому, тем, что испытуемые у Х.Крингса не были профессиональными переводчиками, хотя и достаточно много переводили в процессе изучения иностранного языка.

Пытается Х.Крингс и сформулировать некоторые общетеоретические выводы, касающиеся закономерностей процесса перевода. Так, он обращает внимание на то, что анализ ошибок перевода не дает достоверных данных ни о наличии переводческих проблем, ни о степени понимания оригинала переводчиком. В ходе эксперимента отмечались случаи, когда ошибочный перевод давался при отсутствии проблемы, а проблема решалась без ошибки. Аналогичным образом ошибки в переводе допускались и при правильном понимании оригинала, а порой, напротив, переводчик переводил правильно без полного понимания переводимого отрезка.

Несомненный интерес представляет и отмеченная выше принципиальная асимметрия переводческого процесса при переводе на иностранный язык и с иностранного языка и в то же время выявленная в ходе эксперимента ведущая роль в обоих случаях родного языка. При переводе на иностранный язык это — широкое использование перевыражения оригинала (на родном языке) в процессе поиска эквивалентов. При переводе с иностранного языка — преобладание оценок вариантов перевода по степени их уместности и приемлемости в родном языке.

Заслуживает особого упоминания и обнаруженное Х.Крингсом значение дословного перевода. Во-первых, при составлении ряда вариантов, из которого будет выбираться эквивалент, первым, как правило, называется дословный вариант. Во-вторых, обдумыванию окончательного варианта перевода предложения обычно предшествует грубый (дословный) предварительный перевод, который затем обсуждается и улучшается. И, наконец, многие переводчики считают стремление к дословности одним из главных принципов перевода. Можно усомниться в правильности и теоретической значимости этого принципа, но со стихийно складывающейся тенденцией к дословности необходимо считаться.

Работа Х.Крингса представляет большой теоретический и практический интерес. Можно спорить о том, насколько полно и точно «думание вслух» переводчика отражает реальный процесс перевода, насколько обоснован был выбор испытуемых, достаточным ли было их число и т.п., но попытка получить более или менее объективные данные об этом сложном и ненаблюдаемом процессе, несомненно, заслуживает одобрения. Возможности экспериментального изучения перевода еще далеко не исчерпаны.

4. «ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ» Э.-А.ГУТТА

Работавший в Англии Эрнст-Август Гутт написал в 1991 году книгу под названием «Перевод и релевантность», в которой он предложил новый подход к разработке теории перевода, основанный на концепции релевантности английских психологов Спербера и Уилсона.

В первой главе книги он дает обзор (далеко не полный) современных теорий перевода и приходит к выводу, что все они несостоятельны. По его мнению, их недостатки носят фундаментальный характер. В основе всех теорий лежит дескриптивно-квалификаторский подход и выбор какого-то аспекта перевода в качестве объекта описания. При таком подходе создатели теории пытаются классифицировать релевантные факторы, причем каждый фактор должен быть отнесен к определенному классу. Таких факторов оказывается очень много, что ведет к увеличению числа трудно совмещаемых классификационных схем. Не оправдывает себя и выбор в качестве объекта теории процесса перевода или его результата. Тексты перевода необъятны и не подчиняются единым закономерностям, а описание процесса перевода не дает достаточных оснований для оценки действий переводчика. Не решает проблемы и модель «скопос», которая оставляет выбор решения на интуицию «эксперта» (переводчика), что вообще исключает возможности теории.

Предлагается сменить область теории, делая упор не на внутреннее свойство объекта (перевода), а на мыслительную деятельность переводчика, поскольку любые факторы влияют на перевод только через мышление человека. Требуется не просто описание, а объяснение дей-

ствий переводчика через вычислительные и инференциальные особенности его ума в связи с принципом психологической оптимизации. Такой подход дает эмпирическую основу для раскрытия процесса оценки и принятия решений. Перевод рассматривается как часть коммуникации в новом понимании: не как процесс кодирования, передачи и декодирования сообщений, а как реализация способности к инференции, лежащей в основе любой коммуникации (способности делать выводы из поведения других людей — невербального и вербального).

Теория релевантности, на основе которой Э.-А.Гутт строит свою концепцию, стремится объяснить, каким образом в процессе человеческого общения выводится смысл речевых высказываний. Коммуникация рассматривается как когнитивная цепочка из трех звеньев: стимул — контекст — интерпретация. Стимулом служит остенсивное (языковое) высказывание, которому коммуниканты приписывают определенную семантическую репрезентацию. Контекст состоит из некоторого числа допущений, выбираемых из «когнитивной среды», то есть из совокупных знаний коммуникантов. Интерпретация заключается в выведении на основе семантической репрезентации и контекста ментальной сущности в форме пропозиции.

Для того, чтобы объяснить, как происходит выбор допущений в контексте, вводится понятие релевантности. Предполагается, что в каждом акте коммуникации из всей когнитивной среды выбирается только такое допущение, которое: а) должно произвести контекстуальный эффект, т.е. сделать возможным вывод импликаций, подтверждающих или исключающих предыдущие допущения — свои или чужие, — и б) должны требовать минимальных усилий для отбора.

Особый интерес для теории перевода представляет различие, которое авторы теории релевантности проводят между двумя способами использования языка и двумя видами отношений между пропозициями (т.е. ментальными репрезентациями или мыслями). Язык может использоваться дескриптивно для непосредственного описания реальности или интерпретативно, позволяя экономно описывать другую реальность: то, что говорится, интерпретативно, подобно тому, что мы хотели сообщить (и что может быть выведено из сказанного). Слушающий всегда решает, как используется получаемое им сообщение. Например, фраза, «Билл — настоящий гангстер» может использоваться дескриптивно, если речь идет действительно о гангстере, или интерпретативно, если Билл лишь сравнивается с гангстером.

Каждый из двух способов использования языка создает различный вид связи между пропозициями. Две пропозиции могут быть связаны общностью аналитических импликаций, описывающий одну и ту же реальность, например: «Эта женщина — моя теща» и «Эта женщина — мать моей жены». С другой стороны, две пропозиции могут быть связаны одинаковыми контекстуальными импликациями, то есть интерпретативно, если одно из них может быть выведено из другого. Например, фраза «Он купил «Мерседес»» подразумевает пропозицию «У него много денег». Отсюда следует, что пропозиции могут иметь разные аналитические, но общие контекстуальные импликации. Иными словами, из разных высказываний может быть сделан один и тот же вывод. Пропозиция «У него много денег» может быть с таким же успехом выведена из высказывания «Он всегда покупает самые дорогие вещи». Общие аналитические импликатуры всегда остаются одинаковыми, а контекстуальные импликатуры рассматриваются как одинаковые лишь тогда, когда это входит в намерение говорящего.

Э.-А.Гутт предлагает использовать понятие релевантности для описания и объяснения феномена перевода. В свете этой концепции, перевод — это прежде всего текст на другом языке, используемый интерпретативно по отношению к тексту оригинала. Это, очевидно, исключает все случаи, когда текст на другом языке используется не для репрезентации и интерпретации оригинала, а в каких-то других целях. Иначе говоря, перевод всегда представляет собой межъязыковое интерпретативное использование языка. Так же, как в одноязычной коммуникации, общий вывод из текстов оригинала и перевода достигается путем интерпретации их семантических репрезентаций и контекстуальных допущений, выбранных из когнитивной среды в соответствии с принципом релевантности. Этот основной принцип объясняет как сущность перевода, так и источник его верности оригиналу, поскольку перевод рассматривается как часть психической деятельности человека, основанной не релевантности и интерпретативном использовании языка. Такой подход можно назвать тексто-ориентированным, так как он связывает коммуникативное намерение переводчика с интерпретацией текста оригинала в соответствии с намерением его автора. В то же время этот подход ориентирован и на контекст, так как соблюдение принципа релевантности всегда учитывает роль когнитивной среды аудитории. Как отмечалось, различные пропозиции могут быть основой для одной и той же контекстуальной импликации. Отсюда следует, что при межъязыко-

вом интерпретативном использовании языка из разных пропозиции в оригинале и переводе может быть сделан одинаковый вывод. Если в оригинале говорится о том, что кто-то купил «Мерседес», а в переводе утверждается, что он приобрел роскошную яхту, такой перевод вряд ли будет признан удовлетворительным, хотя из обоих высказываний можно заключить, что у этого человека много денег.

Э.-А.Гутт понимает, что сама по себе концепция межъязыкового интерпретативного использования языка недостаточна, чтобы объяснить особенности перевода. Поэтому он пытается дополнить ее аналогией с различием между прямой и косвенной речью. Вводится термин «прямой перевод», который должен обозначать нечто большее, чем простая интерпретативная репрезентация оригинала. Подобно прямой речи, цитирующей какое-то высказывание, воспроизводя не только его смысл, но и поверхностные языковые признаки, прямой перевод представляет собой межъязыковую имитацию цитирования оригинала, «Цитирование» — потому что он стремится передать не только, что сказано, но и как это сказано, то есть воспроизвести языковой стимул, служащий основой интерпретации. «Имитация» — потому, что поверхностные языковые признаки не могут быть сохранены в переводе. Сохраняются лишь: «коммуникативные ключи» — способность языковых признаков направлять интерпретацию в соответствии с намерением автора оригинала. Коммуникативные ключи создаются различными семантическими, синтаксическими и просодическими средствами, логическими связками, элементами коннотации и т.п. Имитация цитаты в переводе может лишь создать «презумпцию подобия», и отсутствие тождества компенсируется различными сносками и примечаниями. Может случиться так, что цели коммуникации не требуют полного подобия и будет достаточно соблюсти принцип релевантности. Это означает, что перевод будет столь же релевантным для его читателей и будет обеспечивать соответствующую интерпретацию (другими словами, будет интерпретативно тождественен оригиналу), не требуя больших усилий для обработки информации. Фактически это требование сводится к тому, чтобы перевод был верным и естественным. Переводчик решает, какие допущения будут релевантны в когнитивной среде его читателей. Следует, однако, заметить, что воспроизведение наиболее релевантных черт оригинала отнюдь не освобождает переводчика от обязанности передавать менее релевантные его черты, когда это оказывается возможным.

Подводя итог этому краткому обзору теории релевантности Э.-А.Гутта, можно отметить, что, хотя некоторые ее положения лишь переформулируют традиционные проблемы, неоднократно обсуждавшиеся в трудах других переводоведов, она предлагает ряд интересных подходов к анализу когнитивной основы перевода, эвристической природы этого явления.

РАЗДЕЛ 6. ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СКАНДИНАВИИ.

Особенности развития переводоведения в скандинавских странах отражают переводческую ситуацию, существующую в этих странах на протяжении многих десятилетий. Знание иностранных языков (особенно немецкого и английского) в Скандинавии очень распространено, считается очень полезным и престижным и открывает многим людям непосредственный доступ к иноязычным источникам информации. В связи с этим информативная функция перевода отступает на второй план, и соответственно снижается престижность переводческой деятельности и интерес к ее теоретическому осмыслению. В то же время в скандинавских странах издается довольно много переводов, особенно с английского и русского языков.

В последние годы наблюдается некоторый рост интереса к исследованиям в области перевода. Был проведен ряд семинаров, теоретических конференций, начали выходить журналы и монографии по теории перевода. Эта тенденция получила наибольшее развитие в Финляндии и менее четко выражена в Швеции и Норвегии. Следует заметить, что у переводоведов Скандинавии существуют давние и тесные связи с теоретиками перевода в Западной Европе, особенно в Германии. Многие западноевропейские специалисты преподают в скандинавских университетах, участвуют в конференциях по переводу, организуют совместные публикации. В опубликованных работах по теории перевода рассматривается широкий круг проблем, в целом совпадающий с переводческой проблематикой, изучаемой в других странах Европы.

Особенно много сделано в этой области переводоведами Финляндии. В университетах страны — в Тампере, Хельсинки, Вааса, Ионсу — успешно работает большой отряд специалистов в области теории и практики перевода. Перевод преподается как учебная дисциплина,

созданы исследовательские группы по проблемам перевода, издаются теоретические сборники и периодические издания («Studia translatologia», «TextconText», «LSP and Theory of Translation» и др.), публикуются фундаментальные монографии.

Хотя во многом переводоведы Финляндии развивают идеи теоретиков перевода в других странах, они вносят в эти идеи много нового, значительно повышая степень научности и доказательности переводоведческих концепций. Примером этого могут служить работы Ю.Хольц-Мянттяри, И.Вехмас и С.Тирkконен-Кондит.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ю.Хольц-Мянттяри

Одним из ведущих переводоведов Скандинавии, несомненно, является немецкая переводчица и педагог Юста Хольц-Мянттяри, живущая и работающая в Финляндии. Ю.Хольц-Мянттяри преподаст перевод в университете г. Тампере, организует семинары по теории и практике перевода, активно сотрудничает в издании журналов «Studia translatologica» и «TextconText». Она — автор ряда теоретических работ, в которых обосновывается и развивается концепция перевода, предложенная Х.Фермеером («скопос-теория»). В ее трактовке эта концепция приобретает крайнюю форму, почти полностью исключающую ориентацию на оригинал.

Свой новый подход к переводу Ю.Хольц-Мянттяри формулирует следующим образом. Имеется какой-то индивид, являющийся членом определенного общества. Его поведение, в том числе коммуникативно-языковое, определяется тремя группами факторов: общественными (особенностями культуры данного общества), ситуативными (внешними обстоятельствами) и индивидуальными (самочувствие, настроение и пр.). В определенных случаях он может решить, что обладает информацией для другого индивида, либо потому, что этот последний не обладает такой информацией, либо она может привести к изменению его поведения (как этого, например, пытаются добиться миссионеры). В любом случае, когда один индивид решает передать информацию другому индивиду, он осуществляет действие (Handlung), преследующее определенную цель (skopos). Что и как будет передано зависит от соответствующих обстоятельств. Передача информации может быть осуществлена наглядно (например, с помощью жестов), вербально (с помощью слов) и с помощью текста (объединяющего наглядные и словесные знаки).

Цель, содержание и форма создаваемого при этом текста обусловливаются культурой, ситуацией и индивидуальностью «создателя текста» и его оценкой соответствующих факторов у получателя.

Если получатель информации принадлежит к другому обществу и различие между культурами отправителя и получателя велико, то отправитель может чувствовать себя недостаточно компетентным, чтобы вступать в непосредственное общение. Он не знает ни правил поведения, принятых в чужой культуре, ни чужого языка (как части этих правил). Вопрос: «Как сказать это на другом языке?» означает то же самое, что и вопрос: «Как ведут себя в этом случае с точки зрения языка в другой культуре?»

В подобной ситуации наш индивид (отправитель) ищет кого-то, кто, как он полагает, знаком с обеими культурами: с его собственной (чтобы он мог понять его просьбу) и с чужой культурой (чтобы он мог сделать эту просьбу понятной для получателя). Этот кто-то и является по профессии переводчиком.

В этом случае отправитель информирует переводчика, что он хочет сообщить, почему он хочет это сделать, а часто и как он это хотел бы сообщить. В качестве сообщения он может избрать и текст, принадлежащий какому-нибудь другому лицу. Таким образом, наш индивид не обязательно сам создаст текст своего сообщения, а скорее является заказчиком передачи информации. Переводчик же на основе знания чужой культуры (и, по возможности знания о личности получателя) решает что и как должно быть передано, чтобы обеспечить оптимальный прием передаваемой информации.

Как видно из такого понимания сущности перевода, коммуникация между двумя культурно-отдаленными партнерами качественно отличается от коммуникации между двумя членами одного общества. При этом для оптимального достижения цели при переводе часто приходиться вносить более или менее серьезные или даже радикальные изменения по сравнению с первоначальными представлениями отправителя и его «исходного текста». Таким образом, основой действий переводчика является не исходный текст и не его транскодирование на язык перевода, а цель коммуникации с партнером из другой культуры. Именно требованиями этой культуры определяется само существование, содержание и форма перевода, и в каждом конкретном случае переводчик должен уметь правильно оценить эти требования. В такой модели важнейшие функции и большая ответственность возлагается на самого переводчика.

Итак, основные положения предлагаемой модели заключаются в следующем:

1. Тексты существуют не в безвоздушном пространстве. Они имеют свою историю, входят в традиционно установленные рамки (стили, типы, жанры), обусловлены поставленными перед ними целями.
2. Барьеры между культурами не сводятся к языковому барьеру. Сюда относятся и формы вежливости в деловых письмах, и особенности графики и рифмы, и многое другое. Существование текста, его содержание и форма конституируется всеми особенностями культуры, а не только его грамматикой и стилистикой.
3. Тексты перевода — это сами по себе полноправные тексты. Хотя они и базируются на исходном материале, они должны функционировать независимо от него. Они предназначены для другого получателя, в иной обстановке и в другой культуре, чем исходные тексты. В художественных переводах верховенство также принадлежит их собственной цели.
4. Переводчики — это специалисты по созданию текстов через культурные и языковые барьеры, как бы их ни называть, — устные или письменные переводчики или консультанты в указанном смысле. Специалисты являются экспертами в своей области и сами несут ответственность за свою деятельность. Они выполняют действия, которые их заказчики не могут осуществить без их помощи. Условия профессиональной деятельности определяются ее целью, а также условиями поставки и характером используемых материалов. Переводчики работают с текстами, поставляют тексты для межкультурной коммуникации и «продают» свои переводы. Переводчик — это «текстовик», специалист по созданию текстов. Если текст касается какой-либо специальной области, он сотрудничает с юристами, инженерами, литературоведами и т.п. При этом в функции профессионального создателя текстов входит и умение создавать тексты о других текстах.

Ю.Хольц-Мянттяри указывает, что понимание перевода как профессиональной деятельности выдвигает три основных требования к переводческой компетенции:

1. Переводчик должен уметь «специфицировать» свой будущий текст, подробно объяснить заказчику возможности использования, воздействия и соответствующую его функции структуру текста перевода. Для этого он должен уметь в качестве эксперта анализировать коммуникативные ситуации заказчика, автора исходного текста и получателя текста перевода в рамках соответствующих культур и на основе такого анализа формулировать условия своей деятельности.
2. Переводчик должен уметь «проектировать» тексты. Для этого он должен не только обладать языковой компетенцией, но и знать, как в другой культуре говорят и пишут об определенном содержании, какие темы могут обсуждаться (можно ли задавать партнеру-японцу вопросы о его семье?), какие аргументы следует приводить для достижения определенной цели (как во Франции рекламируют автомобили?), как и какие средства коммуникации лучше использовать (какими длинными могут или должны быть паузы в разговоре? — Как громко следует говорить? — Говорить по телефону или написать письмо?).
3. Переводчик должен уметь вести исследовательскую работу, приобретать знания, необходимые для того, чтобы содержательно и функционально правильно говорить или писать о каком-то предмете.

Все эти умения должны развиваться в процессе подготовки будущих переводчиков.

Несомненный интерес представляет попытка Ю.Хольц-Мянттяри связать свою концепцию с биологически-социальными аспектами переводческой деятельности. Она отмечает, что всякая деятельность обладает определенной структурой, в которую обязательно входят такие ролевые факторы, как характер осуществляемой операции (кто делает что), положение операции во времени и пространстве (когда и где делает), функция операции (почему и зачем делает и профессиональный аспект операции (как и с помощью чего делает). Создатель текста («текстовик»), каким является переводчик, осуществляя свою деятельность, стремится правильно построить ее структуру, чтобы добиться поставленной заказчиком цели.

Однако создание любой структуры может происходить двумя путями: эволюционно-естественным и искусственно-профессиональным. Первый путь — это способ существования и развития всего живого, выработанный в процессе эволюции и реализуемый на всех уровнях, начиная с простейшей клетки и кончая сложными биолого-социальными

сообществами. Его сущность заключается во взаимодействии (вещественном и информационном) с окружающей средой, которое осуществляется стихийно, выборочно, творчески создавая новую структуру, отграниченную от окружающего. Таким образом, на основе небольшого количества исходного материала строятся сложные структуры путем перерабатывания внешних импульсов, выбор которых происходит всегда по-разному в зависимости от соразмерности исходной структуры. В этом случае конечный результат индивидуален и не предсказуем.

Примером второго пути — искусственно профессионального — может служить сборка машины из заранее изготовленных деталей, каждая из которых имеет строго определенную форму и назначение. Результат сборки может быть предсказан заранее, и она производится в установленной последовательности по определенной схеме. Здесь нет избирательности, множество исходных элементов полностью входит в конечную структуру.

Ю.Хольц-Мянттяри полагает, что теории перевода, стремящиеся установить определенные закономерности переводческого процесса или рекомендующие переводчику полностью поставить себя на место автора оригинала («влезть в его шкуру»), подходят к переводу как к «машинной» деятельности. В действительности же биологическая основа любой мыслительной деятельности придает ей эволюционно-естественный характер, и перевод обнаруживает все присущие ей особенности.

Обосновывая это положение, Ю.Хольц-Мянттяри опирается на работы Р.М.Бергстрома, где деятельность мозга объясняется взаимодействием («дарвиновской борьбой») двух потоков информации. Мозг представляет собой своего рода диполь, двуполюсную антенну, принимающую сигналы, отражающие состояние самого организма, а со стороны коры головного мозга поступают упорядоченные, структурированные сигналы, воспринимаемые органами чувств из окружающего мира, а также следы прежних сигналов, хранящиеся в памяти. В результате борьбы этих двух сигналов в центре мозга (именуемого self — эго) образуется новое мыслительное образование, которое содержит случайное, каждый раз иное сочетание сознательного и бессознательного. Именно случайность и непредсказуемость такого сочетания позволяет продуцировать новое неожиданное содержание, создает творческий и интуитивный аспект человеческого мышления.

В силу этих биофизиологических особенностей нашего мозга создание текста напоминает процедуру развития живых существ, поскольку и здесь происходит выборочный обмен между двумя различными структурами, в результате чего создается новая уникальная структура. Поэтому два человека, воплощающие в текст («текстирующие») одну и ту же информацию, никогда не создают одинаковые тексты. Тем более это справедливо по отношению к переводу, где возможный разброс при создании текста перевода осложняется различиями в возможных интерпретациях информации, содержащейся в оригинале, а также в оценках сравнительной важности отдельных ее частей. В основе процесса перевода — сознательная организация и использование сигналов коры головного мозга, возникающих под воздействием оригинала и анализа цели и условий деятельности, но этот процесс всегда происходит и в связи с потоком информации от спинного мозга, что создает возможность и для творческих новообразований. Такая творческая деятельность переводчика, которую Ю.Хольц-Мянттяри называет «точной фантазией», может быть активизирована, приведена в действие определенным количеством «исходного материала». При этом, по ее мнению, речь идет не о борьбе двух потоков информации, а об их взаимодействии с целью достижения оптимального результата. Сложность и напряженность биофизиологического аппарата такого взаимодействия объясняют большую затрату психофизической энергии переводчика (особенно при устном переводе). В значительной степени они определяют и некоторую неопределенность процесса перевода, которая является основным «космическим» принципом.

Завершая изложение концепции Ю.Хольц-Мянттяри, можно заметить, что в ней понятие «перевод с одного языка на другой» отступает на второй план. Переводчик — это текстовик, создатель текста, отвечающего желанию заказчика. Представление этого желания в виде другого (исходного) текста, особенно на другом языке, лишь усложняет задачу, не меняя ее сущности. Исходного текста (оригинала) может и не быть, услуги текстовика могут понадобиться и при коммуникации в рамках одного языка.

Концепция Ю.Хольц-Мянттяри, как и лежащие в ее основе идеи Х.Фермеера, несомненно, имеет свои сильные и слабые стороны. Она включает перевод в широкую категорию текстопроизводства, подчеркивает социальную значимость переводчика, ответственный и творческий характер его деятельности. В то же время она оставляет в стороне весьма важную часть этой деятельности — собственно перевод, всецело ориентированный на наиболее полное и точное воспроизведение иноязычного оригинала и требующий особого подхода и особого умения от переводчика, роль которого в этом случае не сводится к функции текстовика.

2. КРИТИКА «СКОПОС-ТЕОРИИ» — А.Ф.КЕЛЛЕТАТ

Как видно из анализа концепции Ю.Хольц-Мянттяри, в ее основе лежит «скопос-теория», изложенная в работе К.Райс и Х.Фермеера. Ю.Хольц-Мянттяри пользуется большим авторитетом в скандинавском переводоведении и у ее концепции имеется немало сторонников.

Однако далеко не все соотечественники Ю.Хольц-Мянттяри разделяют ее позицию по отношению к идеям К.Райс и Х.Фермеера. Для противоположной точки зрения характерна работа А.Ф.Келлетата, которую он многозначительно озаглавил: «Шаг назад в теории перевода» (1986 г.).

Отметив сложность и многогранность переводческой проблематики, особенно в области художественного перевода, и неправомерность попыток решать все эти проблемы только лингвистическими методами, А.Ф..Келлетат указывает, что предлагаемая К.Райс и Х.Фермеером «Всеобщая теория перевода» не только не способствует их решению, но и представляет собой шаг назад в серьезном изучении переводческой деятельности. По его мнению, эта теория антиисторична, не имеет четко сформулированного объекта и во многом возвращает нас к давно пройденному этапу в истории перевода, когда переводчики позволяли себе переиначивать оригинал, перенося его в иную культуру, в иные географические и временные рамки. А.Ф.Келлетат приводит ряд примеров подобных переводов.

«Скопос-теория», по мнению А.Ф.Келлетата, означает перенос на переводческую деятельность известного принципа: «Цель оправдывает средства». Приводимые авторами этой теории доводы представляются неубедительными. Например, они утверждают, что немецкий читатель иначе, чем финский воспринимает известный в Финляндии роман Алексиса Киви «Семь братьев». Но какие же изменения в связи с этим следует вносить в перевод? Не переносить же действие романа в окрестности Мюнхена? Авторы теории не дают ответа на этот вопрос, но судя по их теоретическим установкам, и такой вариант они признают возможным и правомерным, поскольку они принципиально считают сомнительным любое определение перевода, связанное с его отношением к оригиналу.

А.Ф.Келлетат, в частности, указывает, что при таком подходе вся обширная римская литература может рассматриваться как переводы с греческого. Фактически стирается всякое различие между переводом и переложением, произведением «по мотивам» и просто самостоятельным

произведением на аналогичный сюжет. На каком основании все эти виды творчества считать переводами?

Конечно, всегда существовали переводы, имевшие мало общего с оригиналами. Это обстоятельство было одной из причин, вызвавших необходимость развития теории перевода, повышения требований к качеству перевода, стремления детально анализировать оригинал, чтобы как можно полнее воспроизвести все, что в нем содержится, в переводе. Теоретические устремления К.Райс и Х.Фермеера, как считает А.Ф.Келлетат, направлены прямо в противоположную сторону. Они основывают свои положения не на переводах, а на всевозможных адаптациях и переработки, создание которых совершенно не связано с переводческой проблематикой (например, изложением содержания «Дон Кихота» в книге для детей).

А.Ф.Келлетат указывает, что, претендуя на создание новой концепции, авторы «скопос-теории» фактически повторяют зады теоретических установок, хорошо известных в истории перевода, получивших всестороннее обоснование у переводчиков 18 века. Вслед за ними, К.Райс и Х.Фермеер говорят об «имитации» оригинала в переводе. Этот термин, отражавший поэтическую практику 16 и 17 веков и позднее вышедший из употребления в связи с требованием точности перевода, вновь извлекается на свет в попытке отказаться от всего, что было достигнуто за последние 250 лет, благодаря изучению того, что такое перевод и каким он должен быть.

А.Ф.Келлетат иронизирует над примером, связанным с постановкой шекспировких пьес, который приводят К.Райс и Х.Фермеер. Они указывают, что пьесы Шекспира ставятся в современных инсценировках; в них актеры «выступают в модных современных костюмах, но все же именуются Цезарь, Антоний и Брут». А.Ф.Келлетат задает вопрос, какое отношение имеет переводчик шекспировской пьесы к режиссеру или художнику по костюмам? А что означает «все еще»? Может быть в будущих переводах они будут называться Коль, Геншер и Франц-Иозеф Штраус?

Такой подход оправдывает переводческий произвол и, как ехидно замечает А.Ф.Келлетат, студенты, сдающие экзамен по переводу, с радостью воспримут эту концепцию, однако у переводчиков она вряд ли заслужит одобрение.

Хотя К.Райс и Х.Фермеер все время говорят о переводе, и, в частности, о переводе художественном, фактически они создают не тео-

рию перевода, а теорию «перетекстовки», которой часто занимается профессиональный **переводчик,** имеющий дело с рекламными каталогами, ярлыками, проспектами, инструкциями по употреблению, деловой переписки и т.п., и которой до сих пор наука не интересовалась. Изучение этих вопросов проводилось обычно в курсах по сопоставительному страноведению, коммерческой переписке и пр. Понятно, что такая теория «переводческого поведения» (термин **Ю.Хольц-Мянттяри)** ни терминологически, ни методологически на может быть связана с языкознанием или литературоведением.

Отсюда **следует,** что «Основы всеобщей теории перевода» мало что дают профессиональным переводчикам, поскольку они не затрагивают наиболее сложных и творческих переводческих проблем и придают слишком большое значение тривиальным ремесленническим аспектам прагматического перевода. Не раскрывают они и новых возможностей для подготовки будущих переводчиков. Преподаватели перевода по-прежнему должны будут опираться на лингвистическую науку о переводе, чтобы дать студентам представление о моделях переводческого процесса, и изучать художественные переводы, чтобы показать специфические проблемы этого вида перевода. Примеры, используемые К.Райс и **Х.Фер**меером, конечно, пригодятся на занятиях, посвященных переводу рекламных каталогов и инструкций по употреблению. Но о новой «всеобщей теории» говорить не приходится.

3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С.ТиРККонЕН-Кондит и **И.Вехмас-Лехто**

Большой интерес представляют работы финских переводоведов, использующих экспериментальные методы исследования. Здесь прежде всего следует упомянуть публикации **С.Тиркконен-Кондит** и **И.Вехмас-Лехто.**

С.Тиркконен-Кондит, как и ряд других современных переводоведов, ищет более объективные методы оценки качества переводов. К решению этой задачи она пытается подойти с позиций лингвистики текста и психолингвистики. Прежде всего адекватность перевода, под которой, вслед за Г.Тури, понимается воспроизведение важнейших особенностей оригинала, проверяется путем сопоставления наиболее глобальных характеристик текстов оригинала и перевода. В качестве таких характеристик рассматриваются т.н. «риторические отношения» — функциональные и иерархические связи между предложениями, группами

предложений и абзацами. Наиболее общими типами таких внутритекстовых отношений являются отношения «проблема — решение», «тезис — антитезис», «общее положение, уточняющее детали» и т.п. При проведении эксперимента ряду студентов университета предлагался в качестве экзаменационной работы для перевода английский текст с достаточно четкой структурой риторических отношений. Затем анализировалась структура подобных отношений в полученных переводах. Несовпадение этих структур расценивалось как свидетельство неадекватности перевода на уровне текста. Интересно, что, стремясь сделать условия работы переводчиков более естественными, им давались аналогичные статьи из финского журнала в качестве критерия стилистической правильности и приемлемости. Исследовательница полагает, что в принципе возможно определить структуру риторических отношений в пропозициональном содержании любого текста. Понятно, что сохранение такой структуры рассматривается лишь как одно из условий адекватности и само по себе не является достаточным для оценки качества перевода.

Второй эксперимент, проведенный С.Тиркконен-Кондит, носит психолингвистический характер. Он основывается на гипотезе о том, что успешный процесс перевода, особенно связанный с решением сложных проблем, требует от переводчика больших умственных и эмоциональных усилий, которые не могут не оставить следа в его долговременной памяти. Поэтому исследовательница предположила, что чем лучше перевод, тем более успешно сумеет переводчик кратко изложить содержание переведенного текста сразу же после окончания процесса перевода. И наоборот: плохие переводчики, не дающие себе труда ознакомиться предварительно с текстом в целом, переводящие предложение за предложением, не в состоянии полноценно воспроизвести основные положения текста. Если эта гипотеза подтвердится, можно будет с большой точностью установить источник переводческих ошибок в процессе подготовки будущих переводчиков. Если переводчик плохо переводит, но хорошо суммирует содержание, следовательно источник его ошибок лежит не в понимании оригинала, а в выборе варианта перевода. В случае, когда не удачен и перевод, и пересказ, причина ошибок может лежать как на стадии анализа, так и на стадии синтеза. Плохой пересказ при хорошем переводе поставил бы под сомнение правильность гипотезы.

Таким образом, связь между переводом и пересказом предполагалась лишь односторонняя: хорошие переводы предполагали хорошие

пересказы, но хорошие пересказы отнюдь не обязательного означали, что и переводы были хорошими.

Эксперимент был организован следующим образом. Девяти студентам третьего курса университета был предложен перевод на два часа работы с использованием словарей. После окончания работы тексты оригинала и перевода отбирались и переводчикам предлагалось суммировать содержание текста письменно в течение 5-6 мин. При переводе студенты и здесь имели тексты-образцы. Им были даны краткие инструкции по составлению резюме и подчеркнуто, что оценка резюме повлияет на оценку их переводов. Затем переводы и резюме проверялись и оценивались преподавателем перевода и экспериментатором и их пропозициональное содержание сравнивалось со структурой риторических отношений оригинала, а приемлемость — со стилем параллельных текстов-образцов. Результаты оценивались по 4-х балльной шкале: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и выводились после согласования между проверяющими.

В целом, результаты эксперимента подтвердили первоначальную гипотезу, хотя и возникли некоторые трудности, связанные с методами оценки качества переводов и резюме. Сама исследовательница не считает полученные результаты окончательными и предполагает повторить эксперимент в более широких масштабах с тем, чтобы оценку качества переводов и резюме производила бы группа экспертов.

Третий эксперимент был проведен С.Тиркконен-Кондит с целью сопоставить реакцию разных групп испытуемых на различные варианты переводов, выполненных студентами университета на выпускных экзаменах. Испытуемым предлагалось расположить варианты перевода одного и того же текста в зависимости от того, в какой степени, по их мнению, каждый вариант успешно выполнял ту функцию, для которой был предназначен перевод. Такие импрессионистские оценки сопоставлялись с оценками, выставленными за экзаменационные работы преподавателями, и с расстановкой вариантов по степени точности на основе сопоставления риторических отношений. При этом испытуемые сравнивали переводы методом парных сопоставлений: текст А сравнивался с текстом Б, потом каждый из них сравнивался с текстом В и т.д. Таким образом проверялась психолингвистическая объективность субъективных оценок.

Эксперимент проводился в три этапа. На первом этапе в качестве испытуемых были использованы 6 лингвистов-преподавателей и студентов старших курсов, которым предлагалось расположить по указанному принципу восемь текстов. При этом два текста были составлены самим экспериментатором: один — в качестве «хорошего» перевода по текстолингвистическим критериям, другой — как пример «плохого» перевода.

В результате, несмотря на некоторые отклонения, оценки испытуемых в большей степени совпали с текстолингвистическими данными, чем с оценками, выставленными преподавателями.

На втором этапе эксперимента та же процедура была проделана с 12 испытуемыми и 8 текстами и были получены аналогичные результаты. Еще более четко близость текстолингвистических и импрессионистских оценок была выражена на третьем этапе эксперимента, в ходе которого 22 испытуемых, разделенные на 2 группы, оценивали пять различных вариантов перевода.

На всех трех этапах в качестве испытуемых выступали лица, получившие специальную лингвистическую подготовку. В завершение был проведен еще один дополнительный эксперимент, в котором участвовали две группы испытуемых по 15 человек в каждой. Первую группу составляли студенты биологического факультета, а вторую — преподаватели финского языка в университете. Процедура эксперимента оставалась прежней.

Результаты эксперимента довольно любопытны. Текстолингвистические критерии на этот раз близко совпали с оценками биологов и с оценками, выставленными преподавателями на экзаменах. В то же время они существенно расходились с оценками испытуемых-преподавателей финского языка. Среди этих последних наблюдался и значительный разброс оценок, тогда как оценки биологов, в целом, совпадали между собой.

Расценивая результаты эксперимента как предварительные и нуждающиеся в дополнительном исследовании, С.Тиркконен-Кондит все же полагает, что они свидетельствуют о том, что текстолингвистические критерии обладают психолингвистической реальностью. При этом она считает, что испытуемые биологи более правильно отразили восприятие среднего читателя переводов, для которого эти переводы и предназначались, а преподаватели финского языка в силу своей специальности привыкли слишком критически относиться к малейшим погрешностям стиля, что и отразилось на их оценках. Преподаватели же перевода, как и испытуемые биологи, основное внимание обращали на собственно коммуникативные особенности текста.

Попытка С.Тирkконен-Кондит разработать и экспериментально обосновать текстолингвистические критерии оценки перевода, несомненно, заслуживает одобрения. Следует отметить большую тщательность в организации экспериментов и осторожность и научную добросовестность в оценке их результатов.

Фундаментальный труд финской исследовательницы Инкери Вехмас-Лехто «Квазиправильность» отражает содержание ее докторской диссертации по проблемам перевода. В этой работе автор предлагает хорошо обоснованную процедуру анализа качества переводов русской газетной публицистики на финский язык, проводит в рамках предложенной процедуры экспериментальное исследование, выявляет особенности переводов, делающие их, по мнению исследователя, неадекватными, и делает ряд рекомендаций, направленных на повышение качества таких переводов.

В качестве исходного постулата своего исследования И.Вехмас-Лехто принимает неоднократно высказываемое в трудах по переводоведению положение, согласно которому перевод должен читаться как оригинальный текст на языке перевода. Поэтому главным объектом анализа является правильность и естественность речи переводчика. Именно язык текста перевода и составляет, по мнению И.Вехмас-Лехто, важнейший аспект коммуникативного и эстетического эффекта, который перевод производит на его читателя. Такой эффект и определяет степень адекватности переводов, которая обеспечивается правильностью их языка. Эквивалентность же переводов, под которой понимается воспроизведение семантических и стилистических особенностей оригинала, признается менее существенным требованием и может быть отчасти принесена в жертву ради достижения максимальной адекватности, которая означает адекватное восприятие текста перевода его читателями. Правильность языка переводов определяется его соответствием системе, норме и узусу ПЯ. Кроме этого существуют также особые требования к хорошо написанным текстам в рамках определенного функционального стиля. Эти требования составляют общепризнанные и официально одобренные рекомендательные нормы, которые также должны учитываться переводчиком. Таким образом, перевод должен быть написан языком образцовых текстов данного стиля.

И.Вехмас-Лехто полагает, что при оценке правильности языка перевода особое внимание следует уделять «скрытым ошибкам», то есть нарушениям узуса ПЯ, особенно количественным, когда используемые в переводе правильные формы нарушают частотность их употребления в

языке вообще, в текстах данного типа или при описании подобных ситуаций. Это относится, в первую очередь, к переводам на родной язык переводчика.

В соответствии с исходными теоретическими положениями И.Вехмас-Лехто ставит перед собой задачу разработать методику критического анализа перевода. Она исходит из предположения, что существующие финские переводы русских газетных статей содержат скрытые ошибки, которые могут быть обнаружены эмпирическим путем. При этом предполагается использовать сочетание экспериментальных методов и сопоставления текстов переводов с их оригиналами и с оригинальными текстами на ПЯ.

Сопоставительному анализу текстов предшествует изучение особенностей журналистского стиля в финском и русском языках и функций, выполняемых газетными статьями в обоих культурах. Основное внимание уделяется обнаружению характера и степени отклонения языка финских переводов от оригинальных финских газетных статей. Сопоставление переводов с их русскими оригиналами позволяет обнаружить возможные причины ошибок.

Интересная особенность применяемой методики заключается в том, что опубликованные финские переводы сопоставляются также с альтернативными переводами, сделанными самой исследовательницей с целью показать пути улучшения качества переводов. Это дает возможность дополнить количественные данные, полученные при сопоставлении с оригинальными финскими текстами, интуицией автора, отраженной в альтернативных текстах.

Как отмечалось, в центре исследования лежит задача определения адекватности финских переводов. Степень такой адекватности оценивается с помощью ряда экспериментов, которые должны обеспечить объективность оценки. В первом эксперименте испытуемым предлагалось отличать в предъявляемом им материале переводные и оригинальные финские тексты. Предполагалось, что перевод заслуживает тем более высокой оценки, чем меньшее число испытуемых сумеет отличить его от оригинальных текстов. В число переводов включались при этом как опубликованные переводы, так и альтернативные переводы, предложенные автором эксперимента и более естественные, по ее мнению, с точки зрения норм финского языка.

Аналогичную цель преследовал и второй эксперимент, где проверялось различие в эмоциональном отношении испытуемых к переводным

и оригинальным текстам. Предлагалось оценить предъявляемые тексты по семибалльной шкале по отношению к четырем парам оппозиций: «неинтересно — интересно», «приятно — неприятно», «убедительно — вызывающее подозрение», «напыщенно — естественно». Близость оценки к положительной части оппозиции свидетельствовала о более высоком качестве перевода.

Третий эксперимент проводился с целью сопоставления числа эмоционально-окрашенных слов в переводных и оригинальных текстах, поскольку предполагалось, что неестественность финских переводов связана с тем, что они более насыщены эмоциональной лексикой, чем оригинальные финские тексты. И здесь слова в предъявляемых текстах предлагалось оценить по семибалльной шкале, включавшей следующие оценки: «очень положительное слово», «положительное слово», «слегка положительное слово», «нейтральное слово», «слегка отрицательное слово», «отрицательное слово», «очень отрицательное слово».

В четвертом эксперименте проверялась степень «читабельности» переводных текстов. В предъявляемых испытуемым переводных, оригинальных и альтернативных текстах на одну и ту же тему содержалась примерно одинаковая информация, и испытуемые должны были в течение ограниченного времени ответить на 15 вопросов по содержанию текста. Большое число правильных ответов должно было свидетельствовать о большей легкости извлечения информации из текста, о его большей понятности, более высокой «читабельности».

Указанные эксперименты дополнялись сопоставительным анализом опубликованных переводов с оригинальными финскими текстами того же жанра, а также с их русскими оригиналами и предлагаемыми автором альтернативными переводами.

Особенно важно отметить, что И.Вехмас-Лехто не ограничилась доказательствами недостаточно высокого качества финских переводов, а попыталась обнаружить собственно лингвистические причины ущербности их языка и предложить методы их устранения. Эти причины усматриваются в различии языковых особенностей газетных статей русского и финского языков и необходимость в связи с этим осуществлять целый ряд приемов стилистической адаптации для повышения качества перевода, как-то: нейтрализация лексики, устранение буквалистского воспроизведения клишированных фраз, уменьшение длины предложений, изменение частотности употребления отдельных частей речи, особенно уменьшение частотности употребления отглагольных существительных, изменение способов использования определений и т.п. Все эти приемы применяются в предлагаемых автором альтернативных переводах, которые оцениваются как более качественные.

Хотя в работе И.Вехмас-Лехто анализируются газетно-публицистические переводы, предлагаемые ею методы анализа представляют несомненный интерес и для разработки основ критики иных видов переводов. Особо следует отметить, что в этой работе убедительно показано, что многие аспекты эмоционально-эстетического воздействия перевода определяются собственно лингвистическими факторами: надлежащим выбором языковых средств в переводе.

Следует отметить, что, хотя И.Вехмас-Лехто делает выводы о качестве перевода текстов, фактически она оперирует отдельными высказываниями. В связи с этим возникает вопрос о правомерности подобной процедуры при анализе перевода художественного текста, который, как было указано, представляет единое образное целое. Подобная редукция, по-видимому, неизбежна, если не ограничиваться общей импрессионистской оценкой, а попытаться построить критический анализ перевода на объективных лингвистических основаниях. Предвидя подобные критические замечания, И.Вехмас-Лехто особо подчеркивает, что ее анализ носит сугубо текстовой характер и что отдельные предложения всегда рассматриваются как единицы текста, то есть с учетом окружающего контекста.

Проведенные эксперименты отличаются большой тщательностью, полученные результаты наглядно представлены в многочисленных таблицах. В целом гипотеза, положенная в основу исследования, подтвердилась: испытуемые оценивали качество языка оригинальных финских текстов выше языка финских переводов, а альтернативные тексты по их оценке располагались где-то посередине.

В работе не ставилась задача определить степень эквивалентности исследуемых переводов их русским оригиналам. Не делалось попыток и доказать, что альтернативные переводы более эквивалентны, чем опубликованные. Однако И.Вехмас-Лехто полагает, что в любом случае более естественные по отношению к ПЯ переводы лучше выполняют задачу обеспечения межъязыковой коммуникации и передачи содержания иноязычного текста.

Интересно отметить, что И.Вехмас-Лехто считает вполне закономерным, что и ее альтернативные тексты уступали по степени прием-

лемости для испытуемых оригинальным финским текстам. Она объясняет это тем, что переводчик всегда вынужден идти на определенный компромисс, переводя дословно специфические лексические единицы (например, социалистические экономические термины) и сохраняя порядок изложения, изменение которого потребовало бы коренной переформулировки всего текста. Таким образом, переводной текст всегда будет несколько отличаться от оригинальных текстов на ПЯ.

Такой вывод лишает абсолютного характера исходную посылку о том, что «перевод должен читаться как оригинальный текст». Может вызвать сомнение и показательность оценки приемлемости текста перевода, которую давали испытуемые (учащиеся старших классов средней школы), учитывая, что тексты были специального (экономического) содержания. Тем не менее, исследование И.Вехмас-Лехто имеет большой теоретический и практический интерес, демонстрируя новые возможности экспериментального изучения перевода.

РАЗДЕЛ 7. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Ф.ГЮТТИНГЕРА, А.ЛЮДСКАНОВА И Г.ТУРИ

В дополнение к обзору трудов представителей основных центров переводоведения рассмотрим еще три работы по теории перевода, принадлежащие перу ученых разных стран.

1. Фриц Гюттингер опубликовал в 1963 г. в Цюрихе (Швейцария) книгу под названием «Целевой язык. Теория и техника перевода». Как показывает название книги, ее автора, в первую очередь, интересуют вопросы качества языка перевода, принципы и способы выбора средств ПЯ.

Монография Ф.Гюттингера состоит из пяти разделов. Первый раздел посвящен проблеме, многократно обсуждавшейся в переводческой практике: должен ли перевод производить впечатление «чужеродности», сохраняя порядок слов и другие особенности структуры исходного текста, или же он должен читаться как оригинальный текст на ПЯ. Приведя многочисленные высказывания, отстаивающие одну или другую точку зрения, Ф.Гюттингер решительно становится на сторону ратующих за полноценность языка перевода. Он цитирует целый ряд примеров, когда переводчики, стремясь к «чужеродности», создают какой-то промежуточный язык, нарушающий нормы ПЯ. Подобная практика

может привести к утрате читателями языка-уродца чувства родного языка и она не может быть оправдано необходимостью показать принадлежность текста к другой культуре. По мнению Ф.Гюттингера, для этого достаточно сохранять в переводе имена и географические названия, ведь «Темза» в любом немецком переводе остается «Темзой», а не заменяется на «Рейн». Не выдерживает критики и утверждение, что «чужеродный» перевод дает возможность читателю ознакомиться с иностранным языком или даже изучить его: не имея доступа к оригиналу, читатель не может судить, в какой степени искажение его родного языка в переводе отражает особенности другого языка.

Отмечая, что одно и то же нарушение нормы языка в переводе под влиянием оригинала расценивается одними как порча языка, а другими — как его обогащение, Ф.Гюттингер приходит к выводу, что это объясняется различием в подходе у ученых и поэтов. Ученые видят в переводе средство познания чужой культуры. Они стремятся к максимальному пониманию оригинала через дословный перевод, сопровождаемый многочисленными примечаниями и комментариями. Напротив, для поэтов перевод — это удовольствие, достигаемое благодаря эмоциональному сопереживанию. Симпатии Ф.Гюттингера явно на стороне поэтов. Он отвергает претензии ученых на более точное воспроизведение оригинала, указывая, что всякий перевод — это преломление содержания и формы оригинала в восприятии переводчика. Поэтому переводчику нет причин отказываться от создания полноценного литературного произведения ради мнимой тождественности оригиналу. Перевод — это всегда интерпретация; именно это обстоятельство препятствует успеху машинного перевода.

Эта идея получает дальнейшее развитие во втором разделе книги, посвященном переводу поэтическому. Ф.Гюттингер рассуждает здесь о причинах принципиальной множественности переводов одного и того же текста, рассматривая три основных фактора. И первый из них — отмеченная выше, различная интерпретация текста разными переводчиками. В качестве второй причины множественности выступает несовпадение значений соответствующих слов в двух языках (например, немецкое «Abend» и английское «evening»). И, наконец, третий фактор — это выбор переводчиком вида перевода, той цели, которую он стремится достигнуть. В качестве примера рассматривается проблема перевода английского сочетания «fish and chips», используемого как символ мелко-

буржуазного быта. В немецком языке аналогичным символом может служить не «рыба и чипсы», а «Wurst und Brot», то есть «хлеб с колбасой». При этом, как считает Ф.Гюттингер, переводчик может выбрать одно из пяти решений:

1. Просто опустить трудное место, что, строго говоря, нельзя назвать переводом.

2. Дать дословный перевод с риском, что текст ничего не будет значить для читателя и поэтому по своему воздействию окажется раносилен отсутствию перевода.

3. Перевести как «Wurst und Brot», изменив и обозначающее, и обозначаемое, но сохранив первоначальную функцию.

4. Сопроводить дословный перевод дополнительным пояснением типа «эта вечная рыба с чипсами» в самом тексте или в сноске.

5. Ограничиться объяснением типа «одна и та же дешевая еда» без перевода самого словосочетания.

На практике переводчику приходится делать то один, то другой выбор в зависимости от многих факторов. Особенно четко необходимость передать не только смысл, но и воздействие оригинала на читателя проявляется при переводе игры слов. Ф.Гюттингер приводит целый ряд примеров неудачных переводов, где была утрачена игра слов и тем самым не передано не только воздействие, но и сам смысл.

Сложнее обстоит дело со значимыми именами, которые нередко придумываются авторами литературных произведений (например, шекспировские Aguecheek, Touchstone, Parolles и др.). В принципе для сохранения воздействия на читателя они должны заменяться значимыми именами в языке перевода. Однако это может оказаться неприемлемым, если в оригинале ясно указана национальная принадлежность носителя имени (англичанин Смит не может называться в немецком переводе Шмидтом).

В конце этого раздела Ф.Гюттингер останавливается еще на двух частных вопросах переводческой практики, связанных с восприятием читателем текста перевода. Первый из них касается написания английских имен в немецких переводах. Речь идет о таких именах, которые лишь незначительно отличаются в написании (англ. George и нем. Georg). Указав, что в обоих языках есть и полностью совпадающие имена (Ральф, Артур, Роберт), Ф.Гюттингер заключает, что чисто английские имена должны сохраняться в переводе, а имеющиеся и в немецком языке должны даваться в немецкой форме. Второй вопрос связан с частым употреблением перед английскими именами титульных слов «мистер, миссис и мисс». Хотя в немецком языке есть соответствующие титулы, Ф.Гюттингер считает, что их употребление часто придает высказыванию иронический оттенок, отсутствующий в английском оригинале. Поэтому в большинстве случаев Mr. Graham Green будет просто Graham Green в немецком переводе.

Третий раздел книги посвящен «друзьям переводчика» — различным источникам информации, которые он использует в своей работе. Здесь рассматриваются различные виды словарей и справочников, а также возможность использования удачных находок и формулировок других переводчиков или авторов оригинальных произведений. Приводится ряд убедительных примеров, показывающих, какими обширными, в том числе сугубо специальными знаниями должен обладать переводчик любого художественного произведения.

Несомненный практический интерес представляет четвертый раздел книги, где автор пытается обнаружить основные причины ошибок в переводе. При этом его интересуют не ошибки, вызванные недостаточными познаниями переводчика, и не случайные неточности, а источники регулярных ошибок, допускаемых вполне квалифицированными переводчиками. На целом ряде интересных и убедительных примеров Ф.Гюттингер демонстрирует ошибки переводчиков, вызванные необращением к словарю, невниманием к отсутствию логической связи между отдельными элементами в тексте перевода, нечувствительностью к эмоциональным оттенкам и ассоциациями слова в конкретном контексте, непониманием переносного употребления слова, неразличением свободного выбора автора оригинала и грамматических форм, навязываемых ему языком как обязательные или наиболее употребительные.

Значительное место в книге занимает ее последний, пятый раздел, где рассматривается большое число конкретных проблем создания полноценного текста на ПЯ:

— использование слов, не имеющих прямых соответствий в ИЯ (хотя в английском языке нет слова, соответствующего по значению немецкому «leise», это последнее должно употребляться в переводах столь же часто, как и в оригинальных немецких текстах);

— выбор формы обращения в соответствии с реальными отношениями между говорящими (перевод английского «you» немецким «du» или «Sie» или опущение обращения в неясных случаях);

— стремление указать на принадлежность оригинала к отдаленной исторической эпохе не может достигаться использованием архаизмов, непонятных современному читателю и не сохраняющих воздействие оригинала на его современников;
— сохранение в переводе разговорного стиля оригинала, тем более, что у многих обиходных предметов нет неразговорных наименований (а у переводчиков нередко существует предубеждение против разговорной лексики);
— осторожное использование заимствованных слов, учитывая, что они играют в немецком языке иную роль, чем в английском (многие заимствования принадлежат к разговорному стилю: das Telephon, а не der Fernsprecher);
— замена повторяющегося английского «he said» разнообразными немецкими глаголами говорения;
— опущение территориальных диалектизмов или замена их просторечием (то же при передачи ломаной речи иностранца);
— передача английских «крепких словечек» соответствующими немецкими;
— обладание специальными знаниями для передачи профессиональных диалектизмов;
— использование естественного порядка слов в немецком (не конируя прямой порядок слов английских предложений), что может иногда потребовать и изменение последовательности отдельных фраз;
— предпочтение более кратких вариантов, где это возможно;
— постоянное стремление к совершенствованию активного владения родным языком.

Как видно из этого обзора, работа Ф.Гюттингера содержит богатый материал, представляющий интерес не только для переводчиков с английского языка на немецкий, но также и для других теоретиков и практиков перевода.

2.ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А.ЛЮДСКАНОВА

Болгарский переводовед Александр Людсканов стал известен широкой научной общественности благодаря своей книге «Человек и машина в роли переводчика», вышедшей на болгарском языке в 1967 г. и в немецком переводе в 1975 г.

Книга написана в период усиления внимания языковедов к методологическим основам лингвистической науки, в период попыток повысить объективность лингвистических исследований, внести в языкознание математические и другие формальные методы, приблизить лингвистику к так называемым точным наукам. Большие надежды возлагались на использование понятий и данных теории информации и кибернетики, широкое развитие получили исследования в области машинного перевода.

Свою основную задачу А.Людсканов видит в построении семиотической теории перевода, которая охватывала бы все виды перевода, как «человеческого», так и машинного. Он исходит из положения, что в основе всех этих видов перевода лежит преобразование одного кода в другой. Семиотический подход к переводу включает этот феномен в широкую категорию кодовых преобразований различных типов.

Первая часть книги А.Людсканова посвящена общему обзору истории перевода и основных направлений науки о переводе. Автор считает, что в историческом плане последовательно развивались четыре типа перевода: дословный, слепо копирующий форму оригинала; «перевод по смыслу», передающий общий смысл литературного произведения, но игнорирующий особенности его формы и тем самым его историческую, национальную и социальную специфику; вольный перевод, ставивший перед собой цель не столько воспроизвести оригинал, сколько удовлетворить абстрактно сформулированные нормы прекрасного, и адекватный перевод, возникший, в первую очередь, благодаря росту масштабов и значимости технического перевода и стремящийся обеспечить максимальную верность оригиналу.

Говоря об особенностях переводческой деятельности в современном мире, А.Людсканов отмечает ее масштабность, появление новых видов перевода (синхронный, дублирование фильмов и пр.), тенденцию к широкому пониманию термина «перевод», включающему многие процессы, изучаемые в лингвистике, информатике, биологии и других науках, перспективы развития машинного перевода. Широкому пониманию термина «перевод» не соответствуют, по мнению А.Людсканова, те направления в теории перевода, которые приводят к раздроблению ее объекта. В этой связи представляются более правильными лингвистические концепции перевода, изучающие общую языковую основу для всех видов перевода, как технического, так и литературного. Напротив, литературоведческий подход рассматривает перевод только как вид ху-

дожественного творчества и поэтому считает объектом теории перевода лишь литературный перевод, оставляя без внимания остальные виды перевода, которые, как утверждается, не имеют творческого характера.

По аналогичным причинам А.Людсканов считает нецелесообразным противопоставлять, как это делают И.Ревзин и В.Ю.Розенцвейг, перевод как непосредственный переход от текста к тексту интерпретации как переходу через обращение к действительности. По его мнению, перевод и интерпретация — это две разновидности одного и того же процесса, и их различение делает необходимым введение какого-то родового понятия, обозначающего перевод в целом. В качестве наименования такого понятия должен выступать термин «семиотика».

Обоснованию этого положения посвящена вторая часть книги А.Людсканова. Семиотика изучает знаковые системы и процессы коммуникации, осуществляемые при помощи таких систем-кодов. Коммуникация оказывается возможной благодаря тому, что знаки способны репрезентировать определенную информацию для ее участников. Эта информация формируется в их сознании путем сопоставления знаков со знаниями — фактами, хранящимися в их долговременной памяти. Такие знания представляют собой своеобразный язык-посредник, с помощью которого интерпретируется сообщение. При этом эта интерпретация, или понимание сообщения, может быть трех видов: референтное, т.е. осознание реальности, стоящей за сообщением; содержательное, т.е. осознание концептуальной информации в сообщении и формальное, т.е. осознание соотношения между разными знаками или сообщениями.

С семиотической точки зрения перевод выступает как ряд кодовых преобразований. Сначала переводчик воспринимает оригинал, декодирует его, переводя его на свой язык-посредник, затем с этого языка он преобразует сообщение на язык перевода и кодирует его в текст перевода. Таким образом осуществляется межъязыковая коммуникация, т.е. коммуникация между людьми, владеющими разными языковыми кодами. Цель перевода совпадает с целью межъязыковой коммуникации, а целью коммуникации является передача информации. Иначе говоря, перевод — это средство межъязыковой коммуникации. Коммуникация носит языковой характер, то же самое относится и к средству коммуникации, поэтому любой перевод — это всегда языковое действие.

Любая коммуникация заключается в преобразовании знаков при сохранении выражаемой этими знаками информации. Подобный процесс

имеет место при любых видах таких преобразований: запись устной речи или музыки на магнитную ленту и последующее воспроизведение записанного, преобразование световых импульсов в зрительное восприятие, преобразование обычной цифровой записи в двоичную (64 = 1000000), преобразование воспринимаемой информации для хранения в долговременной памяти и т.п. Перевод с одного языка на другой также должен рассматриваться как один из видов семиотического процесса, поскольку и здесь происходит преобразование кода при сохранении инварианта информации. Таким образом, не только утверждается единая основа всех видов перевода — литературного и технического, «человеческого» и машинного, — но этот феномен входит в огромный ряд других семиотических процессов.

Такой широкий подход к предмету теории перевода, с одной стороны, раскрывает весьма существенные особенности переводческого процесса, а, с другой стороны, подчеркивает важность его теоретического осмысления, так как изучение перевода может пролить свет на многочисленные семиотические процессы в самых различных сферах.

Исходя из указанных предпосылок, А.Людсканов считает, что теория перевода должна развиваться как особая ветвь семиотики. Предлагается различать «универсальную теорию перевода», являющуюся частью общей семиотики, «общую теорию перевода», основанную на лингвистике, которая рассматривается как семиотика естественных языков, и «специальные теории перевода», описывающие преобразования между субкодами естественных языков, между естественными и искусственными языками и языками машинного программирования.

Последние две части книги посвящены описанию особенностей «человеческого» и машинного перевода. Рассмотрение перевода с одного естественного языка на другой А.Людсканов начинает как бы «от противного»: Он сначала обращается к проблеме перевода с искусственных языков. Отмечается, что для искусственного кода характерно однозначное и постоянное соотношение между символом и приписываемым ему значением. Эти значения могут быть точно указаны в соответствующем списке или кодовой книге. В искусственном языке — коде полностью отсутствуют такие явления, как полисемия, синонимия, омонимия, полиструктурность и т.п. нарушения однозначного соотношения между знаком и обозначаемым. В сообщении, составленном из таких знаков, каждый знак сохраняет свое значение,, и его интерпретация не зависит

от других знаков и от его места в сообщении. Поэтому единицы двух искусственных языков могут **быть** поставлены в строгое соотношение друг с другом.

Отсюда следуют важные выводы:

1. Для понимания сообщения, составленного из единиц искусственного **языка,**. достаточно опознания формы этих единиц.
2. Исходные данные из описания кода дают всю необходимую информацию для понимания и перевода такого сообщения.
3. Для осуществления понимания и перевода не требуется дополнительной информации.
4. Не требуется поэтому проводить анализ за пределами отдельной единицы (учитывать окружающий контекст) или учитывать глубинный (семантический) или референтный уровни сообщения.
5. Нет проблемы синтеза при переводе, поскольку идентификация формы знака уже определяет его эквивалент в другой кодовой системе.
6. Перевод носит нетворческий, механический характер.

Совершенно иначе обстоит дело с естественными языками. В них отсутствует однозначное соотношения между знаком и его значением. Для них характерны синонимия, полисемия, омонимия и другие отклонения от однозначности. Вследствие этого для понимания сообщения на естественном языке необходим предварительный анализ его содержания с использованием дополнительной информации, получаемой на различных уровнях и выходящей за пределы самой интерпретируемой единицы.

Таким образом, понимание сообщения как первый этап переводческого процесса основывается на базовой информации о значении языковых единиц, зафиксированной в описании кода и дополнительной информации, получаемой в результате анализа.

Совокупность этих информационных комплексов А.Людсканов называет «обязательной переводческой информацией». Он считает это понятие центральным в теории перевода. По его мнению, подобная информация представляет собой объективную величину, которая может быть определена до начала переводческого процесса. Теория перевода должна установить состав и объем обязательной переводческой информации, которые будут различны для разных пар языков и для разных субкодов языка, его функциональных стилей и жанров. И сделать это она может на основе анализа формы и значения знака, глубинно-семантического и референтного уровня сообщения. Такой анализ всегда связан с необходимостью выбора. Процесс перевода с одного естественного языка на другой носит поэтому селективный, творческий характер. На его первом этапе происходит сопоставление знаков с **языком-посредником**, который хранится в памяти переводчика или материализован в словарях, правилах, книгах и других справочниках. Информация, полученная в результате анализа лингвистических и экстралингвистических факторов, существует также в виде кода-языка-посредника в сознании переводчика. Таким образом, первый этап переводческого процесса — этап **анализа** — может быть охарактеризован как перевод с естественного «входного» языка на язык-посредник.

Переходя ко второму этапу перевода — этапу синтеза, — А.Людсканов указывает, что он может рассматриваться как перевод с языка-посредника на другой естественный язык — язык «выхода». И здесь переводчик использует необходимую для синтеза информацию, которая, по мнению А.Людсканова, совпадает с информацией, полученной на этапе анализа и фиксированной в языке-посреднике. Эти информация является результатом формального, семантического и референтного анализа. Формальный анализ позволяет выбрать означающее и в этом отношении мы имеем ту же ситуацию, что и при переводе с искусственных языков. Но семантический и референтный анализ позволяет определить означаемое, но не определяет однозначно означающее, то есть выбор знаков в языке перевода. Проблема синтеза и заключается в выборе означающего для одинакового означаемого, а иногда и иного означаемого для одинакового референта. Эту проблему нельзя решить на уровне означающих, поэтому, хотя кажется, что переводчик передает средство одного языка при помощи средства другого языка, на самом **деле,** он передает функцию исходного средства, выбирая для этого средство в другом языке, выполняющее ту же функцию. (При этом под функцией понимается способность языкового средства вызывать у адресата определенное интеллектуальное или эмоциональное переживание.) Сохранение подобной функции и составляет инвариант перевода, а ее определение и выбор соответствующих средств носит творческий характер.

В этой связи А.Людсканов не соглашается с распространенным мнением, что, поскольку количество формальных соответствий больше в одних жанрах (научно-технический перевод), чем в других (художественный перевод), степень точности перевода может быть различна. Он указывает,

что точность перевода заключается в сохранении функционального инварианта, а это требование остается неизменным при любом соотношении означающих. Такая функциональная эквивалентность обязательна для всех видов перевода. А.Людсканов полагает, что цель перевода всегда совпадает с целью коммуникации: передать инвариантную информацию, и поэтому его точность всегда функциональна. Поскольку при существующем уровне развития языкознания, литературоведения, эстетики и других наук невозможно заранее регламентировать все факторы, от которых зависит определение необходимой информации, выбор варианта перевода при естественных языках носит творческий характер во всех видах перевода. В связи с этим А.Людсканов вновь решительно выступает против противопоставления художественного перевода другим видам перевода, настаивая на том, что в их основе лежат общие закономерности.

Последняя часть книги посвящена проблемам машинного перевода. Рассмотрев основную проблематику машинного перевода и кратко охарактеризовав некоторые теоретические работы в этой области, А.Людсканов указывает на принципиальную возможность формализации и алгоритмизации переводческого процесса и в то же время на огромные теоретические и практические трудности, связанные с реализацией этой задачи. И здесь он подчеркивает единство переводческой деятельности, подчеркивая, что научное изучение различных аспектов «человеческого» перевода и развитие смежных лингвистических дисциплин позволяет продвинуться вперед и в области передачи части переводческих функций компьютеру.

Работа А.Людсканова отражает определенный период формирования лингвистической теории перевода. Она интересна прежде всего своим широким семиотическим подходом к переводу, который показывает, что изучение переводческой деятельности может дать ценные данные для более глубокого проникновения в существо самых различных семиотических процессов.

3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ взгляды ГР.ТУРИ

Серьезная работа в области теории перевода в Израиле проводится главным образом в университете Тель-Авива, где существует кафедра теории и практики перевода. Наибольшую известность получили переводоведческие труды израильского учетного Гидеона Тури, основные статьи и научные доклады которого собраны и опубликованы в книге «В поисках теории перевода» (1980 г.).

Г.Тури в течение многих лет разрабатывает собственную концепцию перевода, отличающуюся цельностью и последовательностью. Объектом его исследования служат художественные переводы с различных языков на иврит, но он стремится положить в основу анализа конкретных переводов широкие общетеоретические концепции.

Г.Тури начинает с критики существующих теорий перевода, которые, по его мнению, исходят из неправильных предпосылок. Они всецело ориентированы на исходный текст или даже на исходный язык, определяя перевод как текст на другом языке, эквивалентный исходному тексту. Независимо от того, как определяется сама переводческая эквивалентность, такой подход делает теорию перевода нормативной и ограничительной, поскольку она исключает из своего рассмотрения множество реальных переводов, не отвечающих априорным условиям эквивалентности. При этом остается и недостаточно четкой граница между теорией перевода и контрастивной лингвистикой, поскольку в обоих случаях речь идет о соотношении двух языков. Не решает проблемы и обычное утверждение, что контрастивная лингвистика имеет дело с языковой компетенцией и сопоставляет языковые единицы в системе, а теория перевода рассматривает соотношение единиц в реальном речевом употреблении. В любом случае исследуются межъязыковых отношения, в то время как при переводе существенны отношения между текстами. Контрастивная лингвистика и изучение межъязыковых отношений создают лишь основу для исследования собственно переводческой проблематики, но сама теория перевода не должна быть ориентирована, в первую очередь, ни на ИЯ, ни на исходный текст и не быть нормативной.

Г.Тури выдвигает свою концепцию теории перевода, которую он называет «описательной» и которая исходит из иных постулатов. Прежде всего она принципиально ориентирована не на процесс, а на результат перевода, на текст перевода. Исходный пункт анализа — функционирование текста перевода в системе текстов на ПЯ. Перевод определяется как коммуникация при помощи переводных сообщений в рамках определенных культурно-языковых границ. Она осуществляется тем лучше и успешней, чем ближе текстовые традиции ПЯ и ИЯ. Текст перевода функционирует не только как текст на ПЯ, но и как переводной текст на ПЯ. Такие тексты обладают определенными особыми признаками (а не только своим происхождением), отличающими их от непереводных текстов на ПЯ. Г.Тури приводит ряд доказательств того, что текст

может быть отнесен к числу переводных при самых различных отношениях с оригиналом: (а) Могут быть несколько переводов одного и того же оригинала разной степени близости к исходному тексту. (б) При равном отношении к исходному тексту одни тексты на ПЯ могут признаваться переводами, а другие — нет. (в) Известны случаи, когда признавались переводами тексты, вообще не имевшие оригиналов, но, по-видимому, обладавшие чертами, характерными для переводных текстов. Поэтому, прежде всего, следует ставить вопрос не о том, является ли данный текст переводом, но считается ли он переводом, функционирует ли он в качестве перевода в литературе ПЯ.

Таким образом, перевод — это телеологическая категория; его процесс и результат подчинены его цели: быть переводным текстов в ПЯ.

Отсюда вытекает и трактовка понятия переводческой эквивалентности, эквивалентных отношений между переводом и оригиналом. Они не определяются заранее, а выявляются и описываются путем сопоставления текстов перевода и оригинала. Текст не потому является переводом, что он эквивалентен оригиналу, а, напротив, если это перевод, то по определению он эквивалентен исходному тексту. неэквивалентных переводов быть не может. Если текст признается переводом, то тем самым утверждается, что его отношения с оригиналом суть отношения переводческой эквивалентности. Понятно, что эти отношения могут быть разного типа, но они реальны, наблюдаемы и могут быть изучены и описаны, но не заданы а priori на основе каких-либо теоретических соображений.

Отношения между текстами перевода и оригинала могут классифицироваться на основе *3-х* оппозиций: (а) Отношения формальные (материальные), т.е. эквивалентность формы, и отношения функциональные — эквивалентность функции. (б) Отношения между существующими соответствиями и при отсутствии соответствий. (в) Отношения , сохраняющие соотношение текста оригинала в системе ИЯ (статические) и меняющие его (динамические).

Не существует заранее данной иерархии между различными видами эквивалентности, но для отнесения текста к переводному, ведущую роль играют формальные (материальные) соответствия.

Для того чтобы текст мог бы функционировать в качестве переводного текста, он, как и всякий текст, должен быть приемлемым для языковой и литературной систем ПЯ. Но чтобы быть переводным текстом, он должен как можно полнее отражать оригинал, быть адекватным ему. Под адекватностью предлагается понимать гипотетическую величину — максимально точное соответствие оригиналу. При этом можно учитывать обязательные расхождения, вызванные необходимыми различиями между ПЯ и ИЯ, и считать отклонениями от потенциально возможной максимальной адекватности лишь произвольные решения переводчика, или же не делать различия между вынужденными и произвольными отклонениями. Текст перевода всегда представляет собой компромисс между стремлением к приемлемости и адекватности.

В связи с этим Г.Тури выдвигает концепцию «промежуточного» языка (interlanguage). По его мнению, стремление к адекватности в какой-то степени ограничивает приемлемость текста перевода и приводит к тому, что язык переводов занимает особое место в системе ПЯ. Он приобретает определенные особенности, благодаря которым тексты перевода идентифицируются как переводные. Этот промежуточный язык не следует рассматривать как нежелательную интерференцию, с которой нужно вести борьбу. *Его* проявление в переводе может быть желательно, более того, Г.Тури полагает, что это вообще — переводческая универсалия, если исходить из того, что теория перевода должна изучать реальные переводы, а не пытаться формулировать какие-то априорные требования переводимости. Промежуточный язык — это, прежде всего, проявление материальной (формальной) эквивалентности: единице ИЯ соответствует в переводе промежуточная единица, появляющаяся в ПЯ под влиянием ИЯ (ИЯ/ПЯ средство). Здесь выявляются три основных случая: (а) Единица создается вне ПЯ — прямое заимствование единицы ИЯ (путем сохранения ее иноязычной формы или при помощи транскрипции или транслитерации). (б) Единица создается как бы между ПЯ и ИЯ — калька (использование знаков ПЯ в рамках структуры ИЯ). (в) Единица создается в ПЯ, но используется под влиянием ИЯ (предпочтение формам ПЯ оказывается вследствие их сходства, то есть формального соответствия с единицами ИЯ, хотя функционально они и не равноценны).

Наличие подобного «межъязыка» в переводах подтверждается эмпирически и может быть обосновано теоретически. В качестве такого обоснования Г.Тури указывается на три обстоятельства. Во-первых, как уже отмечалось, появление этого языка обусловлено неизбежным компромиссом при переводе между адекватностью и приемлемостью. Во-вторых, реальная эквивалентность между текстами и единицами ИЯ и ПЯ носит промежуточный характер между эквивалентностью языковой (системной) и речевой (или текстовой). В третьих, межъязык обладает

необходимыми признаками лингвистической системы: у него есть своя структура и он используется в целях коммуникации, участниками которой выступают переводчик и носитель ПЯ. В связи с промежуточной природой межъязыка его изучение должно носить междисциплинарный характер и проводиться совместными усилиями языкознания, психолингвистики и социолингвистики. В качестве примера Г.Тури указывает на широкое применение в переводах с русского языка на иврит слов с уменьшительными суффиксами, что несвойственно оригинальным текстам на иврите и отражает влияние русского языка, пользовавшегося в определенный период большой престижностью в Израиле.

Помимо межъязыка первого порядка, может существовать и межязык второго порядка, возникающий при переводе не непосредственно с оригинала, а с перевода на какой-то третий язык или просто под влиянием третьего языка. В этой связи Г.Тури указывает на несомненное влияние русского языка на язык переводов на иврит с других языков.

Особое место в концепции Г.Тури занимает понятие «норма перевода», в которое он вкладывает своеобразный смысл. По его мнению, решения переводчика в процессе перевода могут обусловливаться тремя факторами: обязательными правилами, навязываемыми языковыми нормами, переводческими нормами — основными решениями переводчика, определяющими его стратегию и поведение; и субъективным выбором (идиосинкразиями). В этой триаде переводческие нормы занимают центральное положение между объективным и субъективным.

В художественном переводе предлагается различать литературные нормы и собственно переводческие. По другому признаку различаются предварительные и операционные нормы. Предварительные (предпереводческие) нормы определяют политику переводчика при выборе оригинала и при решении вопроса, будет ли перевод осуществляться непосредственно с оригинала или через какой-либо промежуточный язык. Операционные нормы действуют в самом процессе перевода и определяют распределение (структурирование) материала в тексте (матричные нормы) и формулирование содержания текста (текстуальные нормы). К ним же относится и «начальная норма»: основная ориентация переводчика на оригинал или на нормы ПЯ. В первом случае он будет стремиться создать адекватный перевод, как можно ближе соответствующий оригиналу и допускающий лишь необходимые изменения, вызываемые различиями между языками и литературами. Во втором случае в центре

его внимания будет обеспечение максимальной приемлемости текста перевода с точки зрения языка и литературы ПЯ. При этом в первом случае создается перевод не на ПЯ, а, в лучшем случае, только на какую-то часть этого языка, а то и на искусственный переводческий межъязык. Во втором же случае в литературу на ПЯ входит не оригинал, а лишь какая-то его версия. Фактически в реальных переводах создается нечто среднее между этими двумя крайностями.

Переводческие нормы не задаются заранее, а выявляются путем сопоставительного анализа переводов (текстовой источник), а также путем анализа высказываний о переводе самих переводчиков, критиков, теоретиков и пр. (внетекстовый источник). При сопоставительном анализе могут сравниваться несколько переводов одного и того же текста, сделанные в разные периоды времени, переводы одного текста, выполненные разными переводчиками, переводы до и после редактирования. Однако главным видом анализа остается сопоставление перевода с оригиналом, чтобы определить, насколько перевод эквивалентен и насколько он литературен. При этом при анализе эквивалентности в качестве потенциального инварианта принимается адекватный перевод — максимально приближенный к оригиналу (возможно, с учетом обязательных отклонений).

Нормы могут быть также: основными (обязательными) и второстепенными, проявляющимися в виде тенденций и определяющие лишь допустимое поведение (наиболее многочисленные). Кроме норм на выбор переводчика влияют и некоторые универсалии поведения переводчика. В качестве иллюстрации последних Г.Тури указывает на общую склонность переводчиков эксплицировать информацию, которая имплицитно содержится в оригинале.

Между нормами нет строгих границ: один вид норм может переходить в другой, статус нормы зависит от временного периода, принадлежности к определенной литературной школе и т.п. В основе одной нормы может лежать другая, более общая норма. Например, в переводах на иврит отмечается очень широкое использование устойчивых словосочетаний, фразеологизмов. Однако это явление вторичное, оно связано со стремлением переводчиков использовать в переводах язык канонических текстов (в первую очередь, библии), которые изобилуют фразеологизмами.

Ориентированность теории на текст перевода не означает отказа от анализа реальных отношений, существующих между переводом и оригиналом. Однако такой анализ должен, по мнению Г.Тури, отвечать

двум условиям. Во-первых, сопоставляться должны отношения не между единицами языков, а между единицами текстов — «текстемами». В качестве текстем могут выступать единицы языка, вступающие в текстовые отношения (выполняя определенные внутритекстовые функции) и собственно текстовые единицы (абзац, глава, строфа, куплет и пр.). Во-вторых, анализ должен вестись от переводческих решений, обнаруживаемых в тексте перевода, к отношениям между такими единицами этого текста и соответствующими единицами исходного текста и далее к основаниям для таких решений (процессу принятия решений). Такая процедура исключает априорную заданность эквивалентных отношений, а обнаруживает их путем сопоставительного анализа всех текстов, признаваемых переводами. Существуют 4 основных типа переводческих отношений (хотя могут быть выявлены и многие другие): 2 типа формальных отношений («этических») — между языковыми средствами ИЯ и ПЯ (языковой тип) и между текстовыми средствами ИТ и ПТ (текстовый тип) и 2 типа функциональных отношений («эмических») — между функциями языковых средство ИЯ и ПЯ (языковой тип) и между функциями текстовых средств ИТ И ПТ (текстовый тип).

При изучении отношений следует учитывать их иерархию: от высших типов к низшим — функционально-текстовые, формально-текстовые, функционально-языковые, формально-языковые. Доминантными являются высшие типы, хотя легче обнаруживаются более низшие типы. Практически анализ осуществляется от небольших единиц к целому тексту, но при анализе любой единицы должно учитываться ее место в целом.

Среди решений переводчика различаются существующие средства (имеющиеся соответствия) и несуществующие (создаваемые ad hoc). Способы создания новых средств включают заимствования, кальки, изобретение новых единиц в языке перевода или тексте без связи с ИЯ/ИТ (например, рифмованный перевод при отсутствии рифмы в оригинале). Текстовые текстемы всегда передаются средствами ad hoc.

Процесс принятия решений может быть заранее заданным (при использовании всевозможных штампов, даже когда у них иная функция в тексте) или подлинно творческим (особенно при определении функции текста в целом и функций его отдельных элементов).

На основе своей теоретической концепции Г.Тури разрабатывает методику анализа и оценки художественного перевода путем его сопоставления с оригиналом. Согласно предлагаемой им процедуре исходный

текст анализируется с целью определить, какой потенциально мог бы быть адекватный (максимально эквивалентный) перевод и затем изучается реальная эквивалентность перевода, степень его отклонения от адекватности. При этом отклонения оцениваются как обязательные или как произвольные (в основе которых лежат переводческие нормы). Последние могут рассматриваться с точки зрения обеспечения большей или меньшей степени приемлемости.

Сопоставление осуществляется в три этапа: 1. Анализ исходного текста для определения параметров адекватного перевода и выделения текстем. 2. Сопоставление соответствий к текстемам и выявление наличия и характера отклонений от адекватности. *3.* Обобщающие выводы о расстоянии между максимальной и реальной эквивалентностями на основе сопоставления многих отдельных текстем.

Хотя основная единица сопоставления — это целый текст, требования экономичности, ограниченность времени и человеческих возможностей вынуждают в качестве такой единицы использовать отдельную текстему. При этом возможны две процедуры отбора: 1. Выбирать наиболее важные элементы текстового анализа (определенные части текста) и рассматривать их как полномочные представители текста в целом, на основе которых можно делать выводы о всем тексте. 2. Выбирать текстемы из разных мест текста, выполняющие по несколько текстовых функций или принадлежащие к разным микроструктурам, и на их основе делать общетекстовые выводы.

Теоретические постулаты Г.Тури дополняются практическим анализом переводов на иврит романов ряда европейских писателей в период 1930—1945 гг. Приводимые данные позволяют судить о характере обобщений, с помощью которых определяются особенности художественных переводов этого периода. Отмечаются, главным образом, изменения, преследующие цель сделать перевод более соответствующим литературным нормам ПЯ. Сюда относятся опущение подзаголовков, не принятых в литературе на иврите, тенденция выносить прямую речь в отдельный абзац, членить абзацы, оказывать предпочтение лексике и синтаксису «высокого стиля», опускать коллоквиализмы, широко использовать устойчивые словосочетания и семантические дублеты, опущение или замена на синоним повторяющихся слов и пр. Все эти тенденции рассматриваются как переводческие нормы, классифицируемые как лингвистические, риторико-стилистические и литературные. В общем плане исследованные переводы характери-

зуются использованием языка определенных письменных источников (библии), богатством редких, сложных и разнообразных языковых средств и социальной направленностью — стремлением пополнить жанры, отсутствующие в оригинальной литературе на иврите. Приемлемость считается более важным фактором, чем адекватность. По наблюдениям Г.Тури, степень адекватности переводов зависит от того места, которое они занимают в принимающей их литературе. Если они занимают более центральное место (в том числе и среди других переводов), то стремление к адекватности выражено сильнее. Такое же влияние на адекватность переводов оказывает и высокая престижность ИЯ и наличие лакун (отсутствие определенного жанра в принимающей литературе).

Как видно из вышесказанного, концепция Г.Тури представляет несомненный теоретический и практический интерес как для дальнейшего развития общей теории перевода, так и для разработки теории художественного перевода. Она намечает пути сближения лингвистического и литературоведческого подхода к описанию этого сложного вида переводческой деятельности. Предлагаемая процедура анализа требует дальнейшей конкретизации, но ее общая направленность представляется весьма перспективной.

ЛИТЕРАТУРА

Bassnett-McGuire S. Translation Studies. — Methuen, L. and N.-Y., 1980.

Brislin R.W.(ed). Translation. Application and Research. — N.-Y., 1976.

Brower R. (ed). On Translation. — Cambridge (Mass.)., 1959.

Casagrande J.B. The Ends of Translation // IRAL. — Vol. XX, No.4, Oct. 1954.

CatfordJ. A Linguistic Theory of Translation. — L., 1965.

Delisle J. L'analyse du discours comme methode de traduction. — Ottawa, 1984.

Dryden J. Ovid's Episteles // W.P.Ker (ed.) Essays of John Dryden. — Oxford, 1926.

Firth J.R. Linguistic Analysis and Translation // For Roman Jakobson. — The Hague., 1956.

Goethe J.W. Drei Stucke vom Ubersetzen // H.J.Störig (Hrsg.). Das Problem des Ubersetzens. — Stuttgart, 1963.

Gutt E.-A. Translation and Relevance. Cognition and Context. — Cambridge (Mass.), 1991.

Güttinger F. Zielsprache. Theorie und Technik des Ubersetzens. — Zurich, 1963.

Halliday M.A.K. Comparison and Translation // M.A.K. Halliday, A.McIntosh, P.Strevens. The Linguistic Sciences and Language Teaching. — L., 1964.

Halliday M.A.K. The comparison of languages. // A.McIntosh, M.A.K. Halliday. Patterns of Language. L., 1966.

Holz-Mänttäri J. Transtatorisches Handeln. Theorie und Methode. — Helsinki, 1964.

Humboldt. W. Einleitung zu «Agamemnon» // H.J. Störig (Hrsg.). Das Problem des Ubersetzens. — Stuttgart, 1963.

Jager G. Translation und Translationslinguistik. — Halle (Saale), 1975.

Jager G., Müller D. Kommunikative und maximale Aquivalenz von Texten // Aquivalenz bei der Translation. — Leipzig, 1982.

Jager G. Die sprachlichen Bedeutungen — das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung // Bedeuting und Translation. Leipzig, 1986.

Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // R.Brower (ed.). On Translation. — Cambridge (Mass.), 1959.

Kade O. Zufall und Gezetzmassigkeit in der Ubersetzung. — Leipzig, 1968.

Kade O. Die Sprachmittling als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. — Leipzig, 1980.

Kelletat A.F. Die Ruckschritte der Übersetzungstheorie. — Vaasa, 1986.

Krings H.P. Was in den Kopfen von Ubersetzern vorgeht. — Tubingen, 1986.

Lederer, M. La traduction simultanée. Experiance et theorie. — Paris, 1981.

Luther M. Sendbrief vom Dolmetschen // H.J.Storig (Hrsg.). Das Problem des Ubersetzens. — Stuttgart, 1963.

Людсканов А. Превеждат човекът и машината. — София, 1957.

Mounin G. Les Problèmes théoriques de la traduction. — Paris, 1963.

Mounin G. Teoria et storia, della traduzione. — Turin, 1965.

Mounin G. Linguistique et traduction. — Bruxelles, 1976.

Neubert A. Pragmatische Aspekte der Ubersetzung // A.Neubert (Hrsg.). Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. — Leipzig, 1968.

Neubert A. Text and Translation. — Leipzig, 1985.

Newmark P. Approaches to Translation. — Oxford, 1981.
Nida E. Principles of Translation as Exemplified by Bible Translating. // R.Brower (ed.) On Translation. — Cambridge (Mass.), 1959.
Nida E. Toward a science of translating. — Leiden, 1964.
Nida E., Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. — Leiden 1964.
Nida E,. Reyburn W.D. Meaning Across Cultures. — N-Y., 1976.
Quine W. Meaning and Translation. // R.Brower (ed.) On Translation. — Cambridge (Mass.), 1959.
Reiss K. Möglichkeiten und Grenzen der Ubersetzungskritik. — München, 1971
Reiss K., VermeerH.J. Grundlegung einer allgermeinen Translationstheorie. — Tübingen, 1984.
Rose M.D. (ed.). Translation Spectrum. Essays in Theory and Practice. — Albany, 1981.
Ross C.D. Translation and Similarity // M.D.Rose (ed.) Translation Spectrum. — Albany, 1981.
Savory T. The Art of Translation. — L., 1952.
Schleiermacher F. Methoden des Ubersetzens // H.J.Störig. Das Problem des Ubersetzens. — Stuttgart, 1963.
Seleskovich D., Lederer M. Interpreter pour traduire. — Paris., 1987.
Snell-Hornby M. Translation Studies. An Integrated Approach. — Amsterdam, Philadelphia, 1988.
Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. — Oxford, 1986.
Tirkkonen-Condit S. Textual Criteria in Translation Quality Assessment, — Jyvaskyla, 1982.
Toury C. In Search of a Theory of Translation. — TelAviv, 1980.
Tytler A.F. Essay on the principles of translation. — L., 1791.
Vehmas-Lehto I. Quasi-Correctness. — Helsinki, 1989.
VinayJ.-P., Darbelnet J. Stilistique comparée du français et de l'anglais. — Paris, 1968.
Voegelin C.F. Multiple Stage Translation // IJAL. — Vol.20, No.4, 1954.
Wilss W. Ubersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden. — Stuttgart 1978.
Wilss W. Kognition und Ubersetzen: Zu Theorie und Praxis der menschlichen und der maschinellen Ubersetzung. — Tüsbingen, 1988.

ЧАСТЬ 4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

РАЗДЕЛ 1. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Необходимость подготовки большого числа профессиональных переводчиков возникла сравнительно недавно, хотя перевод — это, несомненно, очень древний вид человеческой деятельности. Без переводчиков было бы невозможно общение разноязычных племен и народностей, существование государств и империй, населенных многочисленными и многоязыковыми народами, утверждение культуры господствующих наций, обладающих большим социальным престижем, распространение религиозных и социальных учений. Вместе с тем в большинстве случаев число переводчиков в стране было относительно невелико, и они обычно не получали какого-либо специального образования. Хотя некоторые переводчики в прошлом работали на достаточно высоком профессиональном уровне, а наиболее талантливые из них создавали порой переводческие шедевры, в целом качество большинства переводов было невысоким. Как правило, высокой точности переводов и не требовалось, переводческий произвол подчас оправдывался и поощрялся, профессиональные требования к переводчику формулировались лишь в самом общем виде.

Мы уже отмечали, что это положение коренным образом стало меняться во второй половине двадцатого столетия. В мире произошел так называемый «информационный взрыв». Резко увеличился объем информации, которой обмениваются люди и народы. Возросли международные **контакты,** на карте мира появились новые государства, возникли многочисленные международные организации, всемирные движения, региональные союзы государств. Научно-техническая революция вызвала огромную потребность в обмене научной информацией между разными странами. Неизмеримо возрос объем международной торговли, дипломатической деятельности, международной переписки. Расширились культурные связи между народами, массовый характер приобрел международный туризм.

Эти изменения в жизни человечества вызвали невиданную доселе потребность в переводах и переводчиках. Профессия переводчика стала массовой, и возникла необходимость в большом числе высококвалифицированных переводчиков. Таких переводчиков нужно было целеустремленно и планомерно готовить, и во многих странах появились различные учебные заведения, ставящие перед собой задачу обучения будущих профессиональных переводчиков.

Однако для того чтобы осуществить обучение будущих переводчиков, необходимо было ответить на три вопроса: зачем учить переводу, чему учить и как учить. Первый вопрос может показаться нелепым: мы ведь отметили, что подготовка переводчиков стала важной социальной **задачей,** отвечающей новым потребностям общества. Но дело в том, что против необходимости и возможности учить переводить выдвигаются возражения с двух прямо противоположных позиций. С одной стороны, утверждается, что для того, чтобы переводить, необходимо и достаточно знать два языка и предмет, о котором идет речь в переводимом тексте. Следовательно, изучая языки и приобретая знания в различных областях, человек тем самым учится и переводить. В самом деле, уже на первых этапах обучения иностранному языку преподаватель предлагает обучаемым перевести на иностранный или родной язык отдельные фразы или отрезки текста, и ученики оказываются в состоянии это делать, хотя никто специально не учил их переводу. Таким образом, первое возражение против обучения переводу сводится к тому, что умение переводить возникает у всех попутно и переводчиком может быть любой, знающий иностранный язык.

С другой стороны, существует прямо противоположное мнение, согласно которому переводу нельзя научить, поскольку умение переводить — это природный дар, подобно музыкальным или литературным способностям, и поэтому переводчиком, как и поэтом, надо родиться. Есть прирожденный талант — будешь переводчиком, нет таланта — никто не сможет научить тебя хорошо переводить. Итак, переводчиками могут **быть** лишь немногие избранные.

Оба этих возражения опровергаются как теоретическими соображениями, так и переводческой практикой. Безусловно, явление «естественного» перевода существует, и люди, владеющие иностранным языком, способны передавать содержание иноязычного текста, не получив никакой специальной подготовки в области перевода. У некоторых способность «естественно» переводить оказывается настолько развитой, что они могут переводить на вполне профессиональном уровне. Однако в большинстве случаев «естественный» перевод является лишь предпосылкой к созданию подлинно профессиональной переводческой компетенции.

Дело в том, что естественный перевод — это перевод весьма неточный, не отвечающий требованиям. За редким исключением знания языков и предмета оказывается недостаточным, чтобы удовлетворить требованиям, предъявляемым к профессиональному переводу, независимо от того, каким образом человек приобрел необходимые знания.

Как известно, академик **Л.В.Щерба** предлагал различать два вида двуязычия: «чистое» и «смешанное». Позднее в теории языковых контактов использовались термины «координированное» и «субординированное» двуязычие, фактически с тем же содержанием. При «чистом» двуязычии системы двух языков формируются и существуют в сознании человека независимо друг от друга и не оказывают друг на друга никакого влияния. Человек свободно пользуется каждой из этих языковых систем, но испытывает трудности, когда ему нужно подыскать в одном языке соответствия единицам другого языка. Л.В.Щерба полагал, что двуязычие этого типа создается при изучении иностранного языка в раннем возрасте «методом гувернантки», когда определенный человек общается с ребенком исключительно на иностранном языке, а другие люди в его окружении используют при общении родной язык.

«Смешанное» двуязычие возникает при изучении иностранного языка в более позднем возрасте, когда у человека уже сформировалась система понятий на базе родного языка. При этом единицы иностранного языка

усваиваются через единицы родного языка и соотносятся с ними в сознании человека. **Обладающий** таким двуязычием легко находит соответствия между единицами двух **языков,** охотно вставляет в речь на одном языке слова и выражения из другого языка. По-видимому, на таком двуязычии и основана способность к «естественному» переводу.

Способность к «естественному» переводу давно известна и широко используется при обучении иностранным языкам. Учащимся предлагается осуществлять перевод как при проверке понимания иноязычных высказываний, так и в качестве упражнения в употреблении изученных языковых единиц и структур. При таких учебных переводах предполагается, что для осуществления перевода достаточно иметь необходимые языковые знания и не требуется специально обучать умению переводить.

«Естественный» перевод успешно применяется и в целом ряде повседневных ситуаций, когда владеющий иностранным языком выступает в роли посредника, оказывая помощь не владеющим этим языком в магазине, в отеле, при осмотре достопримечательностей и т.п.

Понятно, что ни учебный, ни «повседневный» перевод не требуют какой-либо специальной подготовки и не предполагают существования особой учебной дисциплины, занимающейся обучением переводчиков. Появление такой дисциплины связано с некоторыми особенностями профессиональной переводческой **деятельности,** которые возникли во второй половине двадцатого века. Мы уже говорили о том, что в этот период значительно повысились требования к качеству работы переводчика. На основе профессионально выполненных переводов принимаются ответственные государственные решения, выполняются сложные технические операции, заключаются многомиллионные контракты. Малейшая ошибка переводчика может привести к серьезным политическим конфликтам, техническим авариям или большому финансовому ущербу.

Повысились требования и к литературным переводам. Ушло в прошлое узаконенное своеволие переводчиков-литераторов, позволявших себе менять при переводе имена действующих лиц или место действия, «исправлять и улучшать» переводимого автора, дописывать за него значительные отрезки текста. От переводчика стали требовать адекватное воспроизведение содержания и индивидуально-авторского стиля оригинала.

Оказалось, что за редким исключением способности к «естественному» переводу недостаточно для осуществления высококачественного профессионального перевода. Многие люди, хорошо владеющие двумя **языка**-

ми, не могут выступать в качестве высококвалифицированных переводчиков даже в знакомой предметной области. Выяснилось, что переводчиков надо специально готовить. Если раньше сравнительно немногочисленные кадры переводчиков могли обучаться по принципу «учись переводить переводя», постепенно приобретая необходимые знания и умения уже в практической работе или проходя курс «индивидуального ученичества» у какого-нибудь мастера перевода, то массовая подготовка специалистов, отвечающих новым высоким профессиональным требованиям, вызвала необходимость в создании специальных курсов обучения переводу, в разработке учебных программ, пособий и методики обучения этой дисциплине.

Однако можно ли научить переводу? Не является ли способность профессионально переводить врожденной так же, как способность осуществлять «естественный» перевод возникает непроизвольно при изучении иностранного языка? Ведь недаром говорят о таланте переводчика и об искусстве перевода. Возможно, хорошим переводчиком нужно родиться?

Как мы увидим ниже, перевод представляет собой весьма сложный вид **речемыслительной** деятельности, которая предполагает наличие специфических знаний и умений и осуществляется в значительной степени интуитивно. В результате обретения таких знаний и умений (в процессе обучения или путем длительной практики) развивается интуитивная способность надлежащим образом решать переводческие проблемы. Естественно, что успешность создания и достигаемый уровень такой способности в значительной степени зависят от индивидуальных данных обучаемого. Возможно, что наиболее выдающихся результатов в переводческой деятельности могут добиваться лишь те лица, которые обладают врожденной предрасположенностью (талантом) именно к этому роду занятий. Известны также случаи, когда особо одаренные переводчики без специальной подготовки и особых усилий с самого начала демонстрировали высокое переводческое мастерство. Однако опыт показывает, что перевод не является уделом лишь немногих особо одаренных людей и что большинство обучаемых могут достичь необходимого профессионального уровня в этой сфере деятельности. Разумеется, успех обучения в немалой степени зависит от организации учебного процесса, учебной программы и методики преподавания.

Итак, переводу надо обучать как особой учебной дисциплине, и овладение умением переводить не является (исключительно) прерогативой особо одаренных людей. Это положение в настоящее время обще-

признанно, и во всех учебных заведениях, готовящих переводчиков, обучаемым предлагаются занятия по теории и практике перевода. В основе методики обучения переводу лежит убеждение в том, что способностью переводить человек обладает генетически, как и способностью овладевать языками, и хотя каждый отдельный человек обладает этой способностью в неодинаковой степени, она может быть развита и доведена до профессионального уровня.

Обучение переводу имеет не только чисто прикладное значение — создание у обучаемых необходимой переводческой компетенции. Оно выполняет также важные общелингвистические и общеобразовательные функции. Занятия переводом побуждают учащихся обращать внимание на тончайшие нюансы семантики и **коннотативных** аспектов языковых единиц, раскрывают своеобразие системной организации и функционирования языков, особенности «картины мира», создаваемой каждым языком, общее и особенное в культуре и мышлении представителей разных языковых коллективов. Создание переводческой компетенции способствует всестороннему развитию личности будущих переводчиков: формирует у них внимательность и чувство ответственности, умение пользоваться справочниками и дополнительными источниками информации, делать выбор, быстро принимать правильные решения, обнаруживать и сопоставлять многочисленные лингвистические и экстралингвистические данные. Профессиональная подготовка переводчика предполагает высокую культуру, широкую энциклопедическую эрудицию, коммуникабельность, такт, постоянное пополнение знаний, многообразие интересов. Все эти качества проявляются в двух языках и двух культурах.

Обучение переводу во многом определяется языковой подготовкой учащихся, в зависимости от которой существуют две учебные ситуации.

В первой ситуации в процессе обучения участвуют учащиеся, свободно владеющие как языком оригинала, так и языком перевода. В этом случае обучение переводу сводится к формированию собственно переводческой компетенции, развитию переводческих умений и навыков, умению использовать языковые средства на разных этапах межъязыковой коммуникации.

Во второй ситуации обучение переводу начинается в условиях недостаточного владения учащимися [хотя бы] одним из языков, сопряженных в процессе перевода (являющегося для них иностранным), и осуществляется параллельно с изучением этого языка. В этом случае

приходится учитывать отсутствие у обучаемых достаточной языковой подготовки и предварять (или дополнять) собственно переводческое обучение изучением особенностей языка (или языков), знание которого (которых) необходимо для решения переводческих задач.

Таков ответ на вопрос, зачем учить переводу. Немалые трудности связаны и с поиском ответа на вопрос, чему надо учить, каково должно быть содержание курса перевода.

В первую **очередь,** содержание любой учебной дисциплины определяется особенностями изучаемого предмета и конечной целью обучения. Сущность переводческой деятельности изучает, осмысливает и описывает теория перевода, положения которой лежат в основе программы подготовки будущих переводчиков.

Однако основная задача курса перевода заключается не в сообщении студентам некоторой совокупности знаний, а в подготовке из них высококвалифицированных специалистов, способных выполнять переводы на профессиональном уровне. Поэтому значительная часть курса посвящается развитию профессиональных переводческих умений и навыков, овладению элементами переводческой стратегии и техники, накоплению опыта перевода текстов различной степени сложности. В основе этой работы лежит концепция профессиональной компетенции переводчика, определяющая объем и характер знаний и **умений,** которыми должен обладать переводчик. Конкретная структура содержания курса перевода строится с учетом места этого курса в учебном плане вуза и количества учебных часов. Основные принципы организации занятий по переводу будут нами рассмотрены особо.

Результаты изучения любой учебной дисциплины зависят не только от правильного выбора цели и содержания обучения, но и от того, как эта дисциплина изучается, от методики обучения. Методика обучения переводу остается до сих пор неразработанной, хотя в отдельных высказываниях и замечаниях о том, как надо учить переводу, недостатка нет, и преподаватели перевода накопили большой опыт подготовки переводчиков. Частичным отражением этого опыта и является содержание последующих лекций.

Организация и методы обучения переводу обуславливаются принятием, явно или неявно, ряда исходных постулатов.

1. Перевод рассматривается как сложный и многогранный вид умственной деятельности, которая может преследовать разные цели,

осуществляться в разных условиях, различными способами и под воздействием многих факторов.

2. Как всякая деятельность, перевод требует для своей реализации определенных знаний, умений (сознательного выполнения определенных действий) и навыков (полуавтоматического и автоматического выполнения определенных действий), которые должны быть созданы в процессе обучения.

3. Переводческая деятельность может осуществляться переводчиком сознательно (в результате анализа и обоснованных выводов) или интуитивно. Соотношение сознательного и интуитивного различно у разных переводчиков и при переводе разных текстов и в разных условиях. Способность осуществлять сознательные и интуитивные переводческие действия (переводческая компетенция) может развиваться в процессе обучения и практической работы.

4. Реализация переводческой компетенции происходит при участии всей языковой личности переводчика. Она предполагает наличие у него всесторонних когнитивных и лингвистических познаний, широкой общекультурной эрудиции, необходимых психологических качеств и литературно-элоквентных способностей. Все эти качества должны развиваться и поощряться при обучении переводу.

5. Задача обучения переводу заключается не в усвоении каких-то норм, правил или рецептов, которые переводчик мог бы автоматически применять во всех случаях, а в овладении принципами, методами и приемами перевода и умением их выбирать и применять по-разному в конкретных условиях, к разным текстам и для разных целей. Частные задачи, решаемые переводчиком в процессе перевода, могут быть типовыми, позволяющими применять известный прием или способ решения, и индивидуальными, требующими нового решения на основе общих принципов переводческой стратегии и учета особенностей контекста и ситуации. Поиск решения включает и выводы о возможности использования известного приема или способа решения о необходимости его модификации или отказа от типового в пользу *уникального, окказионального.*

6. Объектом переводческой деятельности является информация, содержащаяся в исходном тексте. Содержание текста (сообщение) представляет собой семантически и формально законченное

целое, отдельные части которого взаимосвязаны, но неодинаково значимы для коммуникации. Соотношение целого и его частей по-разному выделяется в процессе перевода: в зависимости от вида перевода и его цели. Возможно более точное и полное воспроизведение в переводе отдельных элементов текста, если они оказываются более или менее важными. В этом смысле целое может быть (или не быть) относительно более значимо, чем его части.

7. Языковые единицы, составляющие текст, сами по себе не являются объектом перевода. Однако через них формируется содержание текста, и присутствие в тексте определенных языковых средств имеет семантическую значимость и может определять характер переводческих задач и создавать особые трудности для перевода. В этом смысле существует проблема передачи значения языковых единиц при переводе как части глобального содержания текста.

8. Указанное соотношение определяет и характер учебных материалов, используемых в обучении переводу. В первую очередь, это тексты разного типа, позволяющие приблизить учебный перевод к условиям работы профессионального переводчика. Вместе с тем в учебных целях используются и отдельные части текста и отдельные высказывания, позволяющие выделить типичные переводческие трудности и задачи в минимально необходимом контексте.

9. В процессе обучения переводу должны изучаться не способы перевода используемого учебного материала (текста, высказывания, слова), а методы решения типичных переводческих задач и стратегия поиска индивидуальных творческих решений. В этом смысле обучение переводу предполагает умение выделять в учебном материале типичные переводческие задачи и формулировать общие принципы и частные приемы их решения. В разных видах перевода могут применяться как общие принципы и приемы, так и специфические методы для каждого вида.

10. Характер межъязыковой коммуникации предопределяет принципиальную множественность вариантов перевода одних и тех же отрезков оригинала. В связи с этим в процессе обучения перед студентами не ставится задача создать единственно правильный (или оптимальный) перевод предполагаемого текста. Вместе с тем процесс обучения включает критическую оценку учебных переводов и отклонение неприемлемых вариантов. В задачу преподава-

теля входит доказательная демонстрация неприемлемости, опирающаяся на **сопоставительно-семантический,** контекстологический, **лингво-культурологический** и стилистический анализ текстов оригинала и перевода. Такой анализ предполагает знание студентом необходимых терминов и понятий переводоведения и языкознания. Эти знания студент получает при изучении соответствующих теоретических дисциплин, а обнаруживаемые пробелы восполняются комментариями преподавателя на занятиях по переводу.

РАЗДЕЛ 2. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

В предыдущем разделе мы уже говорили о явлении «естественного» перевода — способности человека, обладающего определенным уровнем двуязычия и не обучавшегося умению переводить, передавать на одном из известных ему языков содержание высказываний на другом языке.

У некоторых людей способность «естественного» перевода от природы развивается до такой степени, что они могут выступать в качестве профессиональных переводчиков, создавая на одном языке высказывания и тексты, коммуникативно равноценные высказываниям и текстам на другом языке. В большинстве случаев «естественный» перевод оказывается весьма приблизительным, не отвечающим требованиям, предъявляемым к профессиональному переводу, и для достижения профессионального уровня требуется формирование особой переводческой компетенции, создаваемой либо целенаправленным обучением, либо длительной практической деятельностью. **По-видимому,** «естественный» перевод служит основой для **развития** переводческой компетенции, хотя можно предположить, что некоторые навыки «естественного» перевода препятствуют ее формированию и должны **быть** преодолены.

В процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от «нормальной», непереводческой личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом, текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом. И прежде чем говорить об особенностях компетенции переводчика необходимо кратко охарактеризовать эти аспекты любой коммуникации, независимо от того, осуществляется она с помощью одного языка или является двуязычной.

Каковы же условия успешной коммуникации?

1. ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ

Осуществление общения в языковой (вербальной) форме предполагает использование языковых средств в полном соответствии с целями и обстановкой общения. Для того чтобы коммуниканты могли обмениваться мыслями с помощью языка, в их долговременной памяти должно храниться знание этого языка, знание форм и значений составляющих его единиц. Такое знание языка отдельным человеком составляет его **языковую** компетенцию, которая с большей или меньшей полнотой отражает совокупность языковых средств, которыми пользуются члены его языкового коллектива. Чем выше языковая компетентность человека, тем более успешно он может участвовать в различных видах вербальной коммуникации.

Теперь вспомним, что мы уже знаем о языке как средстве коммуникации. Язык представляет собой сложную систему знаков, взаимосвязанных различными формальными и содержательными отношениями. Каждый языковой знак имеет определенную звуковую форму, которая может быть условно изображена графически, и определенное значение, то есть какое-то мыслительное содержание, которое закреплено в памяти пользующихся языком за формой знака. Пользующиеся языком способны различать (идентифицировать) знаки языка и вспоминать их значения. В языковую компетенцию входит и знание связей, существующих между формами и значениями разных знаков как в самой системе (парадигматические связи), так и при совместном употреблении знаков в процессе общения (синтагматические связи). Использование языковых знаков в процессе общения называется речью.

Совокупность связей между знаками в системе языка составляет структуру этого языка. Структура языка потенциально определяет способ совместного употребления языковых знаков в речи. Фактически потенциальная возможность использования знаков, задаваемая структурой языка, реализуется по правилам употребления знаков в речи, специфическим для каждого языка. Эти правила могут быть обязательными (норма языка) или предпочтительными (норма речи или узус). Нарушение языка делает речь неправильной, нарушение узуса делает ее неидиоматичной, непривычной.

Языковые единицы используются для речевой коммуникации в самых различных сферах общения. Отдельные сферы общения могут отличаться тем, что в них преимущественно употребляется определенный набор языковых единиц, которые менее регулярно используются в других сферах или вообще отсутствуют в них. Языковые единицы, входящие в такие наборы, считаются принадлежащими к определенному функциональному стилю.

Совокупность людей, пользующихся для общения одним и тем же языком, называется языковым коллективом. Языковой коллектив неоднороден. Члены языкового коллектива (носители языка), живущие в разных географических районах, могут пользоваться разновидностями языка (территориальные варианты и диалекты), различающимися рядом лексических и грамматических особенностей. Определенные особенности могут существовать и в речи людей, принадлежащих к разным социальным или профессиональным группам (социальные и профессиональные диалекты).

На выбор и характер употребления языковых единиц в речевой коммуникации оказывает влияние обстановка (ситуация) общения и взаимоотношения участников общения (коммуникантов), их ролевые функции (старший и младший, кондуктор и пассажир, продавец и покупатель и т.п.). Особенности использования языка в соответствии с ситуацией и ролевой функцией составляют определенный речевой регистр (торжественный, официальный, повседневный, интимный).

2. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КОММУНИКАНТОВ

Общение людей с помощью языка осуществляется весьма своеобразным, сложным путем, и достаточное владение языком — это лишь одно из условий коммуникации. Информация, которая передается через значения языковых единиц, составляющих высказывание, служит лишь сигналом, позволяющим сделать заключение о глобальном содержании передаваемого сообщения. Это — часть, заменяющая целое, подобно стилистическому приему, который именуется синекдохой («10 голов скота»). Коммуниканты дополняют собственно языковое содержание высказывания информацией, которую они извлекают из обстановки общения и предыдущего опыта и знаний о мире («фоновых знаний»). Например, одна и та же фраза «Сегодня холодно» может означать в разной ситуации и для разных собеседников «Оденься потеплее», «Разожги камин», «Сегодня мы не пойдем гулять», Впусти собаку в дом» и многое другое.

Говорящий строит высказывание в расчете, что слушающий интерпретирует его надлежащим образом на основе учета обстановки и фоновых знаний. Дополнительные знания, необходимые для понимания речевого высказывания, могут быть разной степени общности. Часть из них известна всем или почти всем членам данного языкового коллектива, другие известны лишь людям определенной профессии, обладающим специальной подготовкой, третьи являются общими лишь для небольшой социальной, территориальной или семейной группы лиц. Во всех случаях характер подобных знаний и, следовательно, возможность интерпретировать и понимать речевые высказывания определяются историей, условиями, жизни, традициями, системой образования, литературой, государственной и общественной структурами и другими сторонами жизни языкового коллектива, которые в совокупности составляют его культуру. Принадлежность к одной культуре во многом обусловливает возможность коммуникации между членами языкового коллектива.

Способность человека к инференции — формированию правильных выводов из речевых высказываний о их полном содержании или «смысле» на основе фоновых знаний — составляет его коммуникативную компетенцию.

3. ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КОММУНИКАНТОВ

Как уже указывалось, речевая коммуникация осуществляется через посредство высказываний и текстов. Языковые единицы, составляющие текст, выступают в нем в своих контекстуальных значениях, которые формируются на основе их значений в языке и контекста их употребления в тексте.

Совокупность контекстуальных значений единиц высказывания в их взаимосвязи составляет план содержания высказывания. Как уже указывалось, план содержания высказывания составляет лишь часть информации, передаваемой с помощью высказывания. План содержания («языковое содержание») является основой для выведения глобального смысла более или менее одинаково интерпретируемого коммуникантами, владеющими соответствующим языком. Смысл высказывания неоднозначен, подвижен, поскольку его интерпретация зависит от фоновых знаний и умственных усилий получателя информации. Языковое содержа-

ние **высказывания** может передавать информацию эксплицитно, то есть через сами значения языковых единиц, или имплицитно, то есть через дополнительный смысл, связанный с этими значениями в сознании говорящего коллектива. В связи с этим речевые акты, создающие высказывания, могут быть прямыми или косвенными. Так, вопрос «Не можете ли Вы закрыть дверь?» подразумевает просьбу это сделать, а фраза «Я за рулем» может означать «Мне нельзя пить спиртное».

Главное в смысле высказывания — это намерение отправителя (автора, источника информации), то сообщение, ради которого он создал речевое произведение. Намерение автора определяет содержание высказывания и его смысл, но может реализоваться в них с разной полнотой и более или менее успешно. Поэтому авторское намерение, выводимое из содержания и смысла текста, может в разной степени соответствовать субъективному замыслу автора. В ходе коммуникации Источнику иногда приходится пояснять, «что он хотел сказать» или оправдываться («Я не это хотел **сказать»).**

Для передачи более сложных сообщений ряд высказываний объединяется структурно и семантически в единое целое — текст. Текст — единица коммуникации — может состоять и из одного высказывания. Для обеспечения целостности (когерентности) текста используются различные средства смысловой и формальной связи (когезии). Способы и средства оформления структуры зависят от типа текста и характера передаваемой информации. Существуют стандартные типы текстов, строящиеся по принятым схемам, и нестандартные типы текстов, обладающие относительно свободной структурой. Отдельный текст может в различной степени соответствовать своему типу (прототипу).

В структуре текста могут более или менее четко выделяться отдельные части: главы, разделы, подразделы, абзацы, сверхфразовые единства и отдельные высказывания. Разные части текста могут обладать неодинаковой значимостью и самостоятельностью в составе текста, но все они взаимосвязаны и взаимообусловлены. В этом смысле текст функционирует как единое коммуникативное целое, выполняя определенную функцию.

Умение создавать тексты различного типа в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения, обеспечивать надлежащую структуру текста, использовать языковые единицы текста по правилам построения речевых единиц в языке, оценивать место и соотношение

отдельных частей текста и воспринимать текст как связное речевое целое составляет **текстообразующую** компетенцию коммуникантов.

4. ОСОБЕННОСТИ ДВУЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В процессе межъязыковой коммуникации сохраняются основные закономерности использования языка как средства общения. Однако ее двуязычный характер предопределяет существование ряда отличительных особенностей. Переводчик имеет дело с параллельным использованием двух языков, двух текстов на разных языках, двух различных культур. Осуществление общения в этих условиях — задача более сложная по следующим причинам. Прежде всего автор текста оригинала не предназначает своего сообщения для Рецептора текста перевода, и поэтому условие успешной коммуникации — ориентация на получателя — не выполняется простым воспроизведением особенностей оригинала, а должно обеспечиваться особо при создании текста перевода. Два текста, участвующие в процессе межъязыковой коммуникации, **создаются** в разных ситуациях, использующие эти тексты коммуниканты могут обладать разными фоновыми знаниями, в этих текстах может быть неодинаково соотношение эксплицитного и имплицитного.

Как уже указывалось, принадлежность текстов к двум разным языковым и речевым системам исключает их формальное или содержательное тождество. Поэтому коммуникация в этом случае осуществляется на основе лишь частичного, относительного соответствия таких текстов, которое должно удовлетворять принципу коммуникативной достаточности, то есть обеспечивать успех коммуникации.

Создать условия для такого успеха должен переводчик путем выбора между возможными вариантами перевода. Такой выбор требует учета относительной важности потерь, выделения наиболее важных (доминантных) особенностей оригинала, которые должны быть обязательно воспроизведены в переводе, соблюдение принципа «наименьшего зла», который позволяет обеспечить максимально возможную, оптимальную или достаточную степень коммуникации.

Специфика межъязыковой коммуникации делает необходимым, чтобы переводчик, помимо языковой, коммуникативной и речевой компетенции для общения на каждом из языков, обладал еще и особой переводческой компетенцией. Формирование такой компетенции — важнейшая задача обучения переводу.

5. МНОГООБРАЗИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Организация подготовки переводчиков во многом определяется тем **обстоятельством,** что переводчику приходится выполнять весьма разнообразные виды деятельности, обеспечивающие разные формы межъязыковой коммуникации. Обучение разным видам перевода требует особых методических приемов. Профессиональный переводчик может специализироваться в одном или нескольких видах перевода.

Многообразие переводческой деятельности связано не только с различными видами перевода. Перевод может выполняться в разных условиях, в более или менее жестких временных рамках, с самыми различными целями, для разных заказчиков. Текст перевода может предназначаться для общего знакомства с оригиналом, для получения какой-то информации или для публикации в качестве полноценной замены оригинала. Во всех этих случаях к переводу предъявляются разные требования, и переводчик должен быть подготовлен к работе в самых различных условиях.

На характер работы переводчика оказывает влияние и его официальный статус. Он может работать в штате какого-либо бюро или отдела, один или в составе группы переводчиков, может действовать как «свободный художник», выполняя переводы по договорам и контрактам, может выступать в роли редактора переводов, консультанта или руководителя «команды» переводчиков и т.д.

И, наконец, переводчику могут быть поручены многие виды «около переводческой» деятельности: ведение переговоров, деловой переписки, прием и сопровождение делегаций, составление обзоров, протоколов бесед и иной документации, языковые и страноведческие консультации и т.п.

Специфика межъязыковой коммуникации и многообразные формы переводческой деятельности делают необходимым создание у переводчика своеобразной переводческой компетенции, для которой характерны следующие отличительные черты.

Языковая компетенция переводчика включает все аспекты владения языком, характерные для любого носителя языка, но кроме того подразумевает и ряд специфических особенностей. Так же, как и любой участник языковой коммуникации, переводчик хранит в своей памяти знания о системе, норме и узусе языка, о его словарном составе и грамматическом строе, о правилах использования единиц языка для построения речевых высказываний, о преимущественном использовании

определенных наборов языковых единиц в различных сферах общения, о территориальных, социальных и профессиональных различиях в употреблении таких единиц, о влиянии на выбор и характер использования языковых единиц обстановки общения и взаимоотношений участников общения, их ролевых функций. Все эти знания и соответствующие психофизиологические способности и **речемыслительные** механизмы необходимы для понимания текста оригинала и создания текста перевода.

Вместе с тем специфика речевой деятельности переводчика предъявляет к его языковой компетенции дополнительные требования, которые обусловлены не только тем, что переводчик должен обладать достаточной языковой компетенцией в области не одного, а двух языков. Прежде всего следует отметить, что в отличие от «нормальных» носителей языка характер и границы языковой компетенции переводчика в значительной степени навязываются извне. Обычный коммуникант обладает определенным уровнем владения языком, которым он пользуется по своему усмотрению, самостоятельно выбирая средства выражения из своего идиолекта, сообразно цели и ситуации общения, в определении которых он принимает непосредственное участие. При этом он может обходиться ограниченным набором языковых средств, не участвуя в актах коммуникации, которые требуют более обширного или более эффективного использования языка, превосходящего его возможности. Для переводчика сфера и цели общения, выбор и способ употребления языковых средств во многом задаются оригиналом и не зависят от его собственного желания. Поэтому переводчик должен обладать всесторонней языковой компетенцией как в рецептивном, так и в продуктивном **плане,** в обоих языках, участвующих в процессе перевода. Конечно, языковая компетенция каждого переводчика имеет свои пределы, но чем шире эти пределы, тем выше его общая профессиональная компетентность.

Из потенциально неограниченных требований к языковой компетенции переводчика вытекает необходимость уметь быстро расширять и пополнять свои языковые знания, особенно в сопоставительном плане. Переводчик — это человек в постоянном поиске, постоянно спрашивающий себя, а как это сказать на другом языке, а что означает это слово, а что говорят на этом языке в данной ситуации? Это человек, который, слушая и читая, слышит и видит не только что, но и как сказано, который не расстается со словарями, не упускает случая узнать что-то новое о языке, пополнить свою картотеку.

По этой же причине **языковая** компетенция переводчика отличается особой гибкостью и пластичностью, способностью быстро перестраиваться, переводить от **речевосприятия** к речепроизводству, от одного языка к другому, от одного стиля и регистра к другому, менять тип используемой лексики и синтаксический рисунок своей речи.

Успешный обмен речевыми произведениями в процессе коммуникации предполагает наличие у коммуникантов **текстообразующей компетенции,** умения создавать тексты разного типа в соответствии с принятыми в данном языковом коллективе правилами и стереотипами. Профессиональная компетенция переводчика включает знание соотношения таких правил в двух языках и умение строить тексты разного типа. В **текстообразующую** компетенцию переводчика входит и знание различий в общей стратегии построения текста в двух языках как в отношении характера смысловой связанности —**когерентности** текста (например, большая роль имплицитное™ в английском тексте по сравнению с русским), так и в способах обеспечения формальной связанности — когезии (например, более широкое использование логических связок в русском тексте по сравнению с английским).

Важное место в профессиональной компетенции переводчика занимает его **коммуникативная компетенция.** Билинг-переводчик обладает коммуникативной компетенцией в двух языках, без чего невозможно владение этими языками. Вместе с тем профессиональная компетенция переводчика предполагает не просто умение интерпретировать смысл высказываний и текстов. Коммуникативная компетенция переводчика включает умение проецировать на высказывания в тексте оригинала инференциальные возможности рецепторов перевода. Переводчик постоянно вынужден решать, сможет ли воспроизведение языкового содержания исходного высказывания в переводе служить достаточной базой для правильного вывода о глобальном смысле, учитывая различия в фоновых знаниях и в обстановке общения у рецепторов перевода. В случае необходимости переводчик корректирует соотношение языкового содержания и выводимого смысла, вводя недостающую фоновую информацию в само высказывание или сообщая ее в примечаниях и сносках. Таким образом, в отличие от обычных коммуникантов коммуникативная компетенция переводчика носит сопоставительно-динамический характер. Это не только способность **инферировать** смысл, но и умение сопоставлять **инференциальные** способности представителей двух языковых

коллективов и делать выводы о необходимости изменения языкового содержания высказывания в переводе, чтобы обеспечить возможность необходимых выводов о его полном смысле.

Профессиональная компетенция переводчика необходимо включает и некоторые **личностные характеристики,** без которых он не сможет успешно выполнять свои профессиональные функции. Перевод представляет собой сложный вид умственной деятельности, осуществление которой предполагает особую психическую организацию, большую ее пластичность и гибкость, способность быстро переключать внимание, переходить от одного языка к другому, от одной культуры к другой, от одной коммуникативной ситуации к другой. От переводчика требуется умение сосредотачиваться, мобилизовать ресурсы своей памяти, весь свой интеллектуальный и эмоциональный потенциалы.

Переводчику приходится иметь дело с самой различной тематикой, переводить тексты из различных областей **знания,** нередко весьма специального характера. От него требуется широта интересов, всесторонняя начитанность, высокая эрудированность. Это должен быть человек большой культуры и энциклопедических познаний. Еще более важно, чтобы переводчик умел постоянно обогащать свои знания, отыскивать и воспринимать новую информацию, продуктивно использовать различные справочники и другие источники сведений. Переводчики хорошо понимают первостепенную роль общей образованности, сознавая, что никакие знания не могут быть лишними в их профессии.

Особо следует отметить морально-этический компонент профессиональной компетенции переводчика. Он несет полную ответственность за качество своей работы, за моральный и материальный ущерб, который может явиться результатом его недобросовестности. Пользующиеся его услугами рассчитывают на его объективность и надежность. Не имея доступа к оригиналу, они на веру принимают установленную переводчиком эквивалентность перевода оригинала. Переводческая деятельность, как никакая другая, полностью основана на доверии рецепторов перевода к результатам работы переводчика. Оправдать это доверие переводчик может лишь за счет большой собранности, работоспособности и исключения любых элементов несерьезного, халтурного отношения к делу.

Переводчик действует в самой различной обстановке общения. Он может иметь дело с секретными политическими или коммерческими документами, присутствовать при закрытых переговорах на самом **высо-**

ком уровне, получать доступ к интимным подробностям частной жизни многих людей. Скромность, тактичность, умение держаться, хранить тайну — обязательная часть профессионального поведения переводчика. Неписаный моральный кодекс переводчика, подобно клятве Гиппократа, включает правило: «Не навреди!»

Формирование профессиональной компетенции переводчика предполагает развитие особого типа личности, соответствующей морально-этическим особенностям этой профессии.

И, наконец, профессиональная компетенция переводчика включает техническую компетенцию — специфические знания, умения и навыки, необходимые для выполнения данного вида деятельности. Переводческие знания обеспечивают понимание сущности и задач переводческой деятельности, знакомство с основными положениями теории перевода, с вариантами переводческой стратегии и техническими приемами перевода. Стратегия переводчика охватывает три группы общих принципов осуществления процесса перевода: некоторые исходные постулаты, выбор общего направления действий, которым переводчик будет руководствоваться при принятии конкретных решений, и выбор характера и последовательности действий в процессе перевода. Исходные постулаты переводческой стратегии во многом определяются посреднической ролью переводчика, вторичным характером его творчества. Деятельность переводчика лишь тогда имеет смысл, когда она оправдывает надежды участников межъязыковой коммуникации. Поэтому в основе общей стратегии переводчика лежит стремление как можно полнее понять переводимый текст и найти ему наиболее точное соответствие в ПЯ. Важнейший стратегический принцип переводчика — критическое отношение к своим действиям. Если оригинал кажется ему противоречивым, непонятным или вообще лишенным смысла, то причиной этого может быть не оплошность его автора, а недостаточные знания переводчика. Стратегия переводчика строится на понимании того, что любая часть текста может представлять явные или скрытые переводческие проблемы, откуда вытекает уважение к оригиналу, недопустимость бездумных или поверхностных решений. Вместе с тем среди таких проблем есть типичные, часто встречающиеся и имеющие более или менее известные, стандартные решения, а есть уникальные, окказиональные, требующие для своего решения изменения известных приемов или поиска совершенно новых. Основной принцип стратегии переводчика — максимум усилий для нахождения лучшего варианта. Стратегия переводчика при решении конкретных задач в первую очередь зависит от определения цели перевода и условий его выполнения. На основании этих факторов с учетом типа переводимого текста определяется доминанта переводческого процесса — главное, к чему будет стремиться переводчик. В соответствии с принятым решением выбираются и способы передачи исходного сообщения. Определенное влияние на стратегию переводчика могут оказывать и чисто практические условия его работы: сжатые сроки, возможность пользоваться пишущей машинкой, диктофоном, компьютером и т.п.

Выбор характера и последовательности действий в процессе перевода зависит от психического склада, знаний и опыта переводчика, но некоторые особенности стратегического подхода носят всеобщий характер. Это, прежде всего, правило, что понимание предшествует переводу, хотя в процессе перевода переводчик может неоднократно возвращаться к оригиналу, углубляя свое понимание и соответственно корректируя перевод. Общим правилом также является выделение в тексте последовательных отрезков, когда переводчик приступает к переводу очередного отрезка лишь после того, как он перевел предыдущий. В силу линейного характера процесса понимания и речепроизводства невозможно сразу переводить достаточно большой по объему текст, и отрезок оригинала, который составляет «шаг перевода» обычно равен одному — двум высказываниям.

Многие элементы переводческой стратегии вариативны и в разной степени используются отдельными переводчиками в разных условиях. Сюда относятся: предварительное знакомство с предметом исходного сообщения путем изучения параллельных текстов на ПЯ, справочников и энциклопедий; ознакомление со всем текстом оригинала до начала перевода; составление списка терминов и незнакомых слов; использование чернового (дословного) перевода или сразу выбор окончательного варианта перевода; чтение вслух отрезков перевода; преобладание предпереводческого анализа или постпереводческого редактирования и т.п.

Решающую роль в профессиональной технике переводчика играет владение специальными умениями. Не все умения, обеспечивающие успешный процесс перевода, можно выделить и описать. Часть из них носит комплексный характер и плохо поддается анализу. Среди переводческих умений наиболее важными представляются следующие:

1. Умение выполнять параллельные действия на двух языках, переключаться с одного языка на другой. Это умение частично возникает спонтанно с развитием двуязычия, но его необходимо довести до профессионального уровня, что достигается изучением переводческих соответствий и приемов перевода, а главное — через постоянные двуязычные действия — осуществление переводов как целых текстов, так и их фрагментов.
2. Умение понимать текст по-переводчески. Хотя на первом этапе переводческого процесса переводчик выступает в роли Рецептора оригинала, его понимание текста отличается от обычного глубиной и окончательностью. Обычные Рецепторы нередко довольствуются весьма приблизительным пониманием текста. Встретив, например, сообщение о том, что какой-то человек является «яркой личностью» или что он произнес «яркую речь», русский человек может не задумываться над точным значением слова «яркий». Для него ясно, что оно передает весьма положительную оценку и не нуждается в конкретизации. Однако при переводе на английский язык переводчику придется сделать окончательный выбор между возможными интерпретациями, поскольку ему надо решить, какое из английских слов (brilliant, impressive, graphic, moving, extraordinary) можно использовать в качестве соответствия. Понимание переводчиком текста оригинала в определенной степени обусловлено и особенностями языка перевода. Так, при анализе значения английского глагола в прошедшем времени переводчик будет вынужден искать в оригинале дополнительную информацию, которая позволит ему сделать в переводе выбор между совершенным и несовершенным видом. (Сравни, например: When in Paris, I went to the Opera).
3. Выполнение параллельных действий на двух языках в процессе перевода предполагает умение переходить в высказываниях на каждом из языков от поверхностной структуры к глубинной и обратно. При невозможности использования аналогичной поверхностной структуры в ПЯ переводчик ищет глубинную структуру высказывания в ИЯ, пытаясь ответить на вопрос: что означает по существу эта фраза? Что автор хотел сказать? Затем переводчик решает следующую проблему: какими способами (иначе, какими поверхностными структурами) этот глубинный смысл может быть

выражен на ПЯ? Это связано также с умением выстраивать синонимические поверхностные структуры и слова-синонимы в ПЯ и делать выбор между ними.
4. Особую важность для переводчика имеет особое умение, которое можно охарактеризовать как умение «отходить, не удаляясь». При невозможности применить прямое соответствие переводчик вынужден отходить от оригинала, но при этом он стремится остаться как можно ближе к исходному смыслу. Такая стратегия «наименьших потерь» достигается прежде всего путем варьирования языковой формы, а также путем использования наиболее близких синонимов.
5. Переводческая компетенция включает умение выбирать и правильно использовать технические приемы перевода и преодолевать трудности, связанные с лексическими, фразеологическими, грамматическими и стилистическими особенностями исходного языка. Такое умение основывается на описании этих приемов и трудностей перевода, полученном в рамках соответствующей частной теории перевода.
6. Основные переводческие умения сводятся воедино в умение анализировать текст оригинала, выявлять стандартные и нестандартные переводческие проблемы и выбирать способы их решения, наиболее соответствующие каждому конкретному акту перевода. С этим связано и умение редактировать свои и чужие переводы, обнаруживать и устранять семантические и стилистические погрешности, доказательно критиковать и оценивать предлагаемые варианты.

Собственно переводческие умения реализуются на основе всего комплекса речевых умений, составляющих владение языками, участвующими в процессе перевода. Часть умений может быть превращена в полуавтоматические или автоматические навыки и применяться переводчиками интуитивно. Все компоненты профессиональной компетенции переводчика развиваются в процессе обучения переводу или в ходе практической переводческой деятельности.

Концепция переводческой компетенции представляет большой теоретический и практический интерес. Она нуждается в дальнейшем исследовании, чтобы уточнить составляющие ее факторы и способы ее формирования и развития.

РАЗДЕЛ 3. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПЕРЕВОДА

Как было показано в предыдущем разделе, профессия переводчика предполагает умение осуществлять сложный вид умственной деятельности, требующей специфических знаний, умений и навыков. Уже этот характер переводческой деятельности делает задачу подготовки квалифицированных переводчиков весьма сложной. И в решении этой задачи особо важная роль принадлежит преподавателю перевода. Перевод — это такая учебная дисциплина, где личность преподавателя является решающим фактором для достижения цели обучения. По мнению П.Ньюмарка, 65% успеха в подготовке будущих переводчиков зависит от личности преподавателя, 20 % — от структуры курса и 15% — от учебного материала. Отсюда следует, что профессиональной компетенции преподавателей перевода следует уделять первостепенное внимание. Однако в настоящее время мы не располагаем научно обоснованными программами подготовки преподавателей перевода, таких специалистов не готовит ни одно учебное заведение, и обучать переводу нередко приходится вслепую, методом «проб и ошибок». Вместе с тем можно указать на целый ряд требований, которым должен удовлетворять квалифицированный преподаватель перевода.

Начнем с того, что преподавать перевод должен человек, который сам является опытным переводчиком, обладающий соответствующей профессиональной компетенцией, знающий переводческую деятельность «изнутри», хорошо знакомый с трудностями, возможностями и условиями работы переводчика. Собственный переводческий опыт преподавателя, возможность приводить примеры из своей практики, ссылаться на опыт своих коллег оказывают большое психологическое воздействие на обучаемых, значительно увеличивают их доверие к рекомендациям преподавателя, убеждают их в том, что он действительно знает, что говорит. Повышает эффективность преподавания умение преподавателя постоянно соотносить процесс обучения с практической переводческой деятельностью, демонстрировать, как решил бы ту или иную переводческую задачу профессиональный переводчик, убедительно предлагать собственные варианты. Важно, чтобы преподаватель перевода продолжал бы заниматься переводческой практикой, постоянно пополняя свой профессиональный опыт. Не каждый переводчик-практик способен успешно обучать переводу, но каждый преподаватель перевода должен

уметь профессионально переводить. Это обеспечивает и всестороннее знакомство преподавателя с социальным статусом профессии, условиями рынка, с типами клиентов и т.п.

Профессиональная компетенция преподавателя перевода не только включает все аспекты переводческой компетенции, но и превосходит ее по объему знаний и умений. Само собой разумеется, что его владение иностранными языками должно быть значительно выше, чем у самих переводчиков. Он должен различать тонкие смысловые и стилистические нюансы, уметь строить синонимические ряды, знать особенности построения текстов разных типов и стилей, уметь исправлять языковые и речевые ошибки обучаемых. Хотя обучение иностранному языку не входит в основную задачу преподавателя перевода, фактически ему нередко приходится выступать и в этой роли. Трудности в процессе перевода часто возникают вследствие недостаточного владения обучаемыми иностранным языком, они постоянно обращаются к преподавателю с вопросами о значении или правильном употреблении языковых средств, он не может не обращать внимание на их ошибки или отсылать их к преподавателям языковых дисциплин или к учебникам и словарям. Отказ от обсуждения чисто языковых проблем на занятиях по переводу не только подрывает авторитет преподавателя, но часто делает невозможной работу по преодолению собственно переводческих трудностей. Преподаватель перевода — это в значительной степени и преподаватель иностранного языка.

Кроме того, преподаватель перевода — это еще и преподаватель родного языка обучаемых. При обучение переводу, особенно переводу с иностранного языка, немало учебного времени расходуется на обсуждение вариантов понимания и перевода на родном языке. При этом часто обнаруживается, что, владея этим языком с детства, обучаемые плохо различают многие смысловые и стилистические тонкости, не умеют литературно грамотно и элегантно писать разными стилями, неправильно оценивают уместность употребления языковых средств в определенных ситуациях общения. Следует учитывать, что если в области иностранного языка преподаватель служит для обучаемых непререкаемым авторитетом, то указания на неправильность родной речи обычно вызывают внутреннее сопротивление и недоверие, поскольку у обучаемых существует уверенность (часто ложная), что уж свой-то язык они знают не хуже других. Исправлять ошибки в родном языке преподаватель перевода должен особенно умело и убедительно.

«С большим запасом» должен обладать преподаватель перевода и коммуникативной компетентностью. В процессе обучения постоянно приходится сопоставлять фоновые знания представителей двух языковых коллективов, подсказывать обучаемым необходимую информацию для понимания содержания оригинала, решать, на какие когнитивные знания рецепторов они могут рассчитывать, а какие дополнительные сведения следует включить в сам текст перевода. Одна из важнейших задач подготовки будущих переводчиков заключается в расширении их фоновых знаний, максимально приближая их к знаниям рецепторов, на которые ориентирован текст оригинала. Преподаватель перевода должен обладать такими знаниями и использовать все возможности, чтобы сообщать обучаемым дополнительные сведения о различных аспектах культуры, истории и повседневной жизни иноязычного коллектива. Иначе говоря, преподаватель перевода — это, в известной степени, и преподаватель страноведения, истории и литературы. Преподавание перевода всегда имеет широкую общеобразовательную функцию.

Общеобразовательная эрудиция преподавателя перевода пополняется в процессе обучения хорошими, хотя и временными знаниями в специальных областях, необходимых для понимания и перевода текстов по экономике, праву, промышленности, сельскому хозяйству, науке, образованию и пр. Как и переводчик, преподаватель перевода не может быть всезнайкой, специалистом во всех сферах деятельности, но он должен уметь приобретать и использовать на уроке минимум специальных знаний, которые дают возможность решать переводческие задачи, характерные для перевода текстов данного типа. Понятно, что прежде чем предложить обучаемым перевести специальный текст, преподаватель должен обеспечить для самого себя достаточное знание предмета. Он должен передать студентам свой опыт приобретения подобных знаний путем использования энциклопедий, справочников, учебников, специальной литературы, консультаций специалистов и т.п.

Главное отличие преподавателя от переводчика-практика состоит в том, что он не только должен обладать умением переводить, свободно пользуясь при этом всем богатством языковых средств, но, главное, он должен уметь объяснять, показывать и доказывать, что, как и почему надо делать, чтобы достичь желаемых результатов. А это значит, что он должен владеть языковыми и переводческими аспектами своего курса не только практически, но и теоретически, обладать всесторонними познаниями в области теории языка и теории перевода. Анализируя содержание и стилистические особенности оригинала, сопоставляя с оригиналом различные варианты перевода, объясняя ошибки обучаемых, преподаватель использует методы анализа и терминологию семасиологии, лексикологии, грамматики и других лингвистических дисциплин. Это предполагает наличие соответствующего запаса понятий и терминов и у студентов, чтобы они понимали объяснения преподавателя. Если преподаватель говорит, что в данном контексте английское слово «voyage» имеет отрицательную коннотацию и поэтому в русском переводе предпочтительнее использовать слово «вояж», а не «поездка» или «путешествие», то обучаемые должны знать, что такое «коннотация», чем она отличается от «денотации» и какие компоненты составляют эту часть значения слова. В идеале студенты должны получить все необходимые лингвистические знания при изучении соответствующих дисциплин до начала обучения переводу. Однако на практике нередко оказывается, что таких знаний у них нет, либо потому, что эти дисциплины еще не изучались, либо потому, что они были недостаточно хорошо усвоены. Поэтому преподаватель перевода должен быть готов дать необходимые разъяснения, напомнить значение нужных ему терминов или кратко объяснить их заново. Иначе говоря, он должен быть еще и квалифицированным языковедом.

Взаимопонимание преподавателя и студентов при использовании специальной терминологии дает возможность осуществить один из важнейших принципов обучения переводу — доказательность (сознательность) обучения. Для успешной подготовки будущих переводчиков крайне важно, чтобы они понимали правильность и целесообразность критических замечаний, рекомендаций и вариантов, предлагаемых преподавателем. Мало толку, если преподаватель просто говорит студенту, что его перевод неправилен, что данный отрезок текста надо перевести не так, а вот так. Студент может послушно записать продиктованный ему «правильный» вариант перевода, но от этого его умение переводить вряд ли возрастет. Преподаватель должен показать студенту, в чем ошибочность его варианта, продемонстрировать отклонение перевода от оригинала, указать, какой элемент оригинала упущен или искажен, выявить причину неверного решения, подвести студента к более близкому варианту перевода. В этом случае улучшенная редакция перевода будет результатом умственной работы самого студента, и он согласится с новым вариантом, потому что будет убежден в его целесообразности, а не по-

тому, что этого требует преподаватель. Задача преподавателя — научить студента мыслить «по-переводчески», идти по тому пути, по которому идет опытный профессиональный переводчик, а для этого необходимо, чтобы он воспринимал принимаемые решения как свои, к которым он пришел по внутреннему убеждению, хотя и с помощью и под руководством преподавателя.

При этом следует учитывать следующее. Во-первых, критические замечания преподавателя нередко вызывают внутреннее сопротивление студента, несогласие, стремление оправдать и отстоять свой вариант, который мог потребовать больших усилий, создаваться в творческих муках и поэтому дорог его автору. Тем более доказательной и убедительной должна быть любая критика студенческих переводов. Кроме того, эта критика должна быть очень тактичной, не оскорбляя самолюбие автора и не делая его объектом насмешек других студентов. Во-вторых, надо быть готовым к тому, что, несмотря на все старания, может не удастся сразу убедить студента в неприемлемости предлагаемого им варианта перевода. К таким случаям следует относиться спокойно, не давить на автора своим авторитетом, а предложить ему на досуге еще раз подумать над вашими замечаниями, сравнить свой перевод с оригиналом, постараться самостоятельно улучшить первоначальный вариант. В-третьих, нужно всегда помнить о вариативности перевода, о том, что, как правило, возможны несколько равноценных вариантов перевода одного и того же отрезка оригинала. Поэтому нельзя считать перевод неприемлемым только потому, что он не совпадает с тем вариантом, который кажется вам наилучшим. В-четвертых, следует оценивать серьезность погрешностей и не настаивать на исправлении всего, что вам хотелось бы улучшить, учитывая, что выбор некоторых вариантов — это дело вкуса и право каждого переводчика решать, что он предпочтет в каждом таком случае.

Не меньшее значение, чем теоретическое и практическое владение языками, имеет и всесторонняя подготовка преподавателя в области теории перевода, знание общих принципов, методов и приемов перевода, умение сформулировать и объяснить характер переводческой проблемы и возможных путей ее решения. Это дает возможность осуществить еще один важный принцип обучения переводу — обобщающий характер процесса обучения. На каждом занятии студенты работают с каким-то конкретным учебным материалом, переводят какой-то текст или отрезок

текста, выбирая определенные варианты перевода. Однако для преподавателя перевод этого текста — не самоцель, а средство развить у студентов умение переводить любой текст, помочь им овладеть общими принципами и методами перевода. Поэтому его главная задача заключается в том, чтобы выделить в переводимом материале типичные трудности, которые переводчику приходится преодолевать при переводе многих других текстов, продемонстрировать типовые переводческие приемы и указать на особенности их использования в различных случаях, показать, как общие принципы перевода реализуются при переводе данного текста. Эффективность занятия определяется не объемом переведенного материала, а количеством типовых переводческих проблем, которые были решены и выявлены в процессе работы над этим материалом. Понятно, что такая организация занятия возможна лишь в том случае, если преподаватель хорошо знает положения теории перевода и умеет конкретизировать их и правильно применять к конкретному материалу. Это требует большой предварительной работы с учебными текстами по выявлению в них типовых переводческих проблем для того, чтобы решить, какие именно общие принципы и методы будут отрабатываться на этих текстах, на какие трудности будет обращено особое внимание обучаемых.

Такой предварительный анализ текстов требует от преподавателя обладания навыками переводческого исследования. Наилучших результатов в работе добиваются преподаватели перевода, которые занимаются научными исследованиями в областях, имеющих непосредственный выход в переводческую практику, таких, как лингвистические проблемы (трудности) перевода, перевод и культура, перевод и общество, описание процесса перевода, перевод и терминология, критика перевода, переводческое сопоставление текстов и т.п. Понятно, что преподаватель должен внимательно следить за результатами исследований других ученых, специальными публикациями и научными сообщениями по различным вопросам переводоведения.

Важную роль в повышении эффективности обучения переводу играет надлежащая подготовка преподавателя к конкретному занятию. Каждое занятие занимает определенное место в общей системе подготовки и ставит перед собой определенные задачи. Одна или несколько таких задач являются главными, доминантными и должны обязательно решаться в ходе занятия, другие — сопутствующими и закрепляющими уже пройденный материал. Вместе с тем подготовка к занятию должна быть достаточно

гибкой, чтобы позволить преподавателю перестроиться на ходу, если обнаруживается необходимость изменить основное содержание занятия, чтобы восполнить неожиданно обнаружившийся пробел в знаниях или умениях обучаемых. Для этого необходимо, чтобы преподаватель был готов к занятию «с запасом»: имел дополнительный учебный материал, был готов привести дополнительные примеры, связать рассматриваемую трудность с более общими и смежными проблемами, предложить другую форму работы.

В течение всего курса обучения переводу при постановке определенной задачи занятия, при сообщении дополнительных сведений или выборе переводческой стратегии преподаватель постоянно напоминает студентам о трех основных факторах, лежащих в основе процесса перевода и создающих конкретную переводческую ситуацию. Такими общими факторами являются тип переводимого текста, цель перевода и характер рецептора, для которого предназначен перевод. Каждый из этих факторов может играть решающую роль для окончательного выбора варианта перевода. При этом следует учитывать, что различие в типе оригинала оказывает влияние на стратегию переводчика на двух уровнях. Во-первых, отличие художественных текстов от информативных (нехудожественных) определяет главную заботу переводчика: воспроизведение художественных достоинств оригинала или передача его содержания. Во-вторых, различаются «явные» переводы, которые публикуются с указанием оригинала и предназначены в качестве его репрезентанта на другом языке, и «скрытые» переводы, при опубликовании которых не указывается, что это тексты, представляющие иноязычный оригинал, и которые должны выполнять определенную функцию, наряду с другими, непереводными текстами на ПЯ. «Явно» переводятся авторские тексты и все тексты, имеющие высокий статус в ИЯ и именно этим представляющие интерес для читателей перевода. При таком типе оригинала главная задача переводчика заключается в наиболее полной передаче содержания и структурных особенностей исходного текста. Иначе говоря, основной девиз переводчика в этом случае — «верность оригиналу». При «скрытом» переводе, а так переводятся путеводители, предупредительные надписи, технические инструкции, кулинарные рецепты и другие подобные тексты, важна не столько близость к оригиналу, сколько способность текста перевода успешно выполнить свое предназначение — дать возможность туристу ориентироваться в чужой стране, технику правильно произвести необходимую работу, домохозяйке приготовить желаемое блюдо. На первый план здесь выступает требование, чтобы текст перевода содержал чет-

кие и понятные сведения, изложенные в той самой форме, в которой подобные сведения принято излагать на ПЯ. Переводы первого типа иногда называют «семантическими», или «документальными», а переводы второго типа — «коммуникативными».

Второй фактор, определяющий переводческую ситуацию, — это цель конкретного акта перевода. Помимо воспроизведения текста оригинала, создание текста перевода может иметь целью достижение какой-либо иной прагматической цели — коммерческой, пропагандистской, политической и т.п. Для достижения такой цели переводчик может вносить существенные изменения в текст перевода или даже заменять перевод реферативным изложением, парафразой или пересказом. Обучаемые должны быть ознакомлены с причинами и формами такой прагматической адаптации перевода и случаями, когда она допустима и желательна.

И, наконец, переводческая ситуация во многом зависит от характера рецепторов, на которых рассчитан перевод, от их лингвистических и фоновых знаний, от степени их знакомства с предметом, о котором идет речь в переводимом тексте. Ориентируясь на определенную категорию рецепторов, переводчик выбирает более или менее специальную терминологию, объясняет неизвестные имена и понятия (в тексте перевода или в сносках и примечаниях), использует более разговорную или более книжную лексику, пересчитывает единицы измерения и т.п. Различные формы прагматической адаптации перевода также часто связаны с предполагаемым типом рецептора.

Поскольку многообразные переводческие ситуации обычно нельзя воспроизвести в учебных условиях, преподавателю часто приходится ограничиваться напоминанием о том, что окончательный выбор варианта перевода будет зависеть от указанных компонентов этой ситуации. Однако на продвинутых этапах обучения переводу целесообразно давать студентам задачу перевести текст, предварительно указав им конкретные параметры переводческой ситуации. Очень полезно, если это возможно, привлекать студентов старших курсов к выполнению реальных (то есть не учебных) переводов для опубликования в определенных изданиях или для использования специалистами в какой-то организации или на специальной кафедре, то есть в условиях реальной переводческой ситуации.

Особо следует отметить необходимость постоянно напоминать обучаемым некоторые общие правила, лежащие в основе переводческого под-

хода к анализу оригинала и созданию текста перевода, то есть правила, которые нельзя просто заучить, но которые всегда должны учитываться и выполняться переводчиками. Такими правилами, в частности, являются:

Старайся полностью разобраться в содержании оригинала. Не все в оригинале передается в переводе, но все должно учитываться переводчиком. Для того чтобы решить, что какую-то деталь содержания можно или нужно не передавать в переводе, переводчик должен видеть эту деталь и понимать ее роль и место в общем смысле сообщения. Часто ошибки допускаются переводчиком потому, что он многого не видит в переводимом тексте.

Определяя значение языковых единиц в тексте, всегда учитывай два главных источника информации. Собственное (системное) значение единицы и контекст ее употребления (лингвистический и ситуативный). Многие ошибки перевода возникают из-за того, что переводчик либо пытается вставить в свой перевод то или иное словарное значение слова (или приписать такое значение слову оригинала), хотя это значение противоречит значению контекста и не совместимо с ним. Не менее ошибочно считать, что контекст всесилен и может придать слову любое значение, независимо от того, что это слово означает для членов данного языкового коллектива. Правильная интерпретация слова в тексте основывается на взаимодействии значения слова и контекста.

Не допускай фраз, не имеющих смысла или явно противоречащих смыслу всего текста. В подавляющем большинстве случаев переводчик имеет дело с осмысленными текстами, содержание которых развертывается в определенной логической последовательности. Порой переводчик, стараясь точнее перевести отдельную фразу, не замечает, что его перевод противоречит сказанному ранее или нарушает развитие мысли автора в тексте. Смысловая цельность (когерентность) — важнейшее свойство любого «нормального» текста.

Если можно решить переводческую проблему более просто, не ищи более сложных путей. У начинающих переводчиков стремление избежать буквализма нередко приводит к отказу от использования в переводе аналогичных средств выражения, к попыткам обязательно все перефразировать, изменить, перестроить. Опасаясь «ложных друзей», такие переводчики лишаются и «подлинных друзей», которые дают возможность найти наиболее простой и точный вариант перевода. Преподаватель должен все время напоминать студентам, что всевозможные преобразования в переводе должны быть действительно необходимыми, вынужденными, и к ним следует прибегать не ради их самих, а для решения таких задач, которые не решаются «прямым» переводом.

При подборе учебных материалов (целых текстов, отрезков текста или отдельных высказываний) необходимо убедиться, что это — именно тот материал, на котором нужно и можно учить переводу на данном этапе обучения. Такой материал должен отвечать следующим требованиям.

Во-первых, он должен быть интересен для перевода, содержать какие-то типичные переводческие проблемы, давать основу для развития переводческих умений и навыков. Желательно, чтобы в нем доминировали те проблемы, на которых преподаватель хотел бы остановить внимание обучаемых.

Во-вторых, характер текстов должен соответствовать этапу обучения. На начальных этапах обучения целесообразно использовать газетные тексты информационного, общеполитического или общечеловеческого содержания, при переводе которых студенты не будут сталкиваться со специальной терминологией, отсутствием фоновых знаний или необходимостью воспроизводить особенности индивидуального стиля автора оригинала. На продвинутом этапе учебные материалы могут включать коммерческие, научно-технические, юридические и тому подобные специальные тексты, а также небольшие отрывки художественных произведений.

В-третьих, используемые материалы должны оцениваться по степени трудности. Трудность текста для перевода может быть связана с его тематической сложностью, сложностью языка или характера изложения. Следует, однако, учитывать, что текст, кажущийся при чтении его несложным для понимания, может оказаться трудным для перевода. Поэтому важно, чтобы прежде, чем судить о степени сложности текста, преподаватель сам перевел бы этот текст.

В-четвертых, учебные материалы должны быть интересными и иметь познавательную ценность. Они могут касаться как общечеловеческих проблем (экология, демография, важнейшие события мировой истории и пр.), так и различных фактов и событий из жизни и истории страны изучаемого языка.

В-пятых, большая часть учебного материала должна быть стабильной. Найти текст, который бы удовлетворял всем требованиям, — задача не из легких, и на его поиски, а затем и на подготовку к его использованию в учебном процессе преподаватель затрачивает много

времени и сил. Поэтому желательно иметь в своем распоряжении сборники текстов и упражнений по переводу, которые бы быстро не устаревали. «Долголетие» учебных материалов обеспечивается как подбором неустаревающих общечеловеческих тем, так и адаптацией текстов в случае необходимости удалить из них упоминание о именах и событиях, имеющих лишь преходящий интерес. Вместе с тем на занятиях по переводу регулярно практикуется устный перевод текстов из текущей прессы, связывающих обучение студентов с проблемами сегодняшнего дня.

В процессе обучения переводу преподавателю постоянно приходится давать оценку переводам, выполненным студентами, оценивая их либо в виде общего сведения о качестве перевода, либо по принятой у нас пятибальной шкале. Оценка качества перевода может основываться на двух основных критериях. Первым критерием служит соответствие перевода общим методическим требованиям, учитывающим цель перевода, характер предполагаемых рецепторов и тип переводимого текста. Вторым критерием служит характер и число ошибок, обнаруженных в тексте перевода, а также выявление и оценка удачно решенных переводческих задач.

В учебных условиях цель и рецепторы перевода выбираются самим преподавателем. Во многих случаях, особенно на ранних этапах подготовки, можно ограничиваться задачей максимальной точности (эквивалентности) перевода и ориентацией на «усредненного» рецептора (типичного представителя данного языкового коллектива).

В заключение отметим, что профессиональная компетенция преподавателя перевода, разумеется, включает и общеметодические качества, которыми должен обладать любой преподаватель: профессиональный артистизм, умение вести занятия в хорошем учебном темпе, обеспечивать активность и вовлекать в работу всех студентов, поддерживать рабочую дисциплину в аудитории, учитывать индивидуальные особенности каждого обучаемого и т.п.

Раздел 4. СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ

Содержание обучения переводу во многом определяется теми знаниями, умениями и **навыками,** которые необходимы для создания у обучаемых профессиональной компетенции переводчика. В этой лекции мы остановимся более подробно на основных объектах изучения в курсе перевода.

Попробуем прежде всего кратко охарактеризовать те знания и умения, которые составляют основное содержание обучения. При этом следует иметь в виду, что между ними существует тесная связь и многие умения могут создаваться лишь на основе соответствующих знаний. В ходе обучения будущий переводчик должен получить, в основном, следующие знания:

— получить представление об основных этапах истории перевода и особенностях переводческой деятельности в современном мире;

— получить представление о понятии переводимости, нетождественности содержания оригинала и перевода, принципе обеспечения минимальных потерь;

— получить представление о понятиях межъязыковой коммуникации, эквивалентности и адекватности перевода;

— получить представление о прагматических аспектах перевода и основных способах прагматической адаптации перевода;

— получить представление о классификации переводов и различных видах переводческой стратегии;

— изучить основные модели перевода и переводческие трансформации и способы их использования при анализе процесса перевода и его результатов;

— изучить основные виды переводческих соответствий и способы перевода безэквивалентных языковых единиц;

— получить представление об основных принципах перевода связного текста;

— получить представление о грамматических и стилистических аспектах перевода.

Все указанные знания сообщаются студентам как на специальных лекциях и семинарах, так и в ходе практических занятий. При этом очень важно, чтобы студенты явно видели связь получаемых знаний с переводческой практикой, их необходимость для решения конкретных проблем перевода.

Знание истории и современного состояния переводческой деятельности

Профессиональному переводчику необходимо иметь представление о социально-исторической роли перевода и основных этапах развития переводческой деятельности. Он должен знать об огромном вкладе переводчиков в формирование национального языка, литературы и **куль-**

туры народов, о роли перевода в международных контактах в области дипломатии, политики, торговли, науки и техники. Программа обучения включает сведения о возникновении перевода в глубокой древности, его исторической эволюции, о периодах и причинах преобладания буквального, вольного и «украшательного» перевода, об особенностях истории переводческой деятельности в России и выдающихся русских переводчиках. Особое место в курсе занимает ознакомление с основными чертами переводческой деятельности в современном мире: преобладанием информативных переводов, повышенными требованиями к точности перевода, большое тематическое и стилистическое разнообразие материалов, с которыми приходится иметь дело профессиональному переводчику, специализация и технизация переводимых текстов, широкое использование технических средств в процессе перевода и т.п. Все эти знания позволяют будущим переводчикам осознать всю сложность и важность своей профессии, ознакомиться с материальными и организационными аспектами работы переводчика.

Ознакомление с понятием переводимости и отсутствием тождества между содержанием оригинала и перевода

Студенты получают представление об относительной переводимости любого текста: неизбежности потерь при переводе, различной коммуникативной релевантности таких потерь, необходимости выделять в переводимом тексте доминантные аспекты содержания и формы, которые должны быть обязательно воспроизведены в переводе тем или иным способом. Будущие переводчики осознают, что нередко передать какую-то деталь текста оригинала оказывается возможно лишь ценой утраты другой детали, и переводчику постоянно приходится решать, которую из них необходимо сохранить.

Ознакомление с понятиями межъязыковой коммуникации, эквивалентности и адекватности перевода

В основе представления о сущности переводческой деятельности лежит понимание перевода как одного из главных способов языкового посредничества, обеспечивающего возможность общения между людьми, говорящими на разных языках. Будущие переводчики изучают основные компоненты межъязыковой коммуникации и факторы, влияющие на ее осуществление, знакомятся с различными видами языкового посредничества и выделяют перевод как способ создания на языке перевода текста, предназначенного для полноправной функциональной замены текста оригинала. Функциональное, семантическое и структурное отождествление перевода с оригиналом отличает перевод от других видов языкового посредничества (реферата, аннотации, резюме, пересказа), в которых происходит перестройка содержания и структуры исходного текста. Студенты знакомятся с основными требованиями, которым должен удовлетворять перевод, для того чтобы успешно выполнять свою коммуникативную функцию: требование эквивалентности, то есть необходимой и достаточной степени близости к оригиналу, и требование адекватности, то есть способности выполнять прагматическую задачу, ради которой осуществлен перевод, произвести желаемый коммуникативный эффект. Изучаются особенности семантического (явного) перевода, где главная задача заключается в обеспечении эквивалентности и коммуникативного (скрытого) перевода — ориентированного на достижение адекватности теми способами, которые приняты в ПЯ.

Ознакомление с прагматическими аспектами перевода и основными причинами и способами прагматической адаптации перевода

Студенты знакомятся с понятием прагматики языкового знака и прагматического потенциала текста, изучают зависимость прагматического воздействия текста от характера получателя информации (рецептора или реципиента). Осознав важность передачи при переводе коммуникативного эффекта оригинала, они знакомятся с различными способами прагматической адаптации перевода, обеспечивающей адекватное понимание передаваемого сообщения, соответствующее прагматическое воздействие на представителей иного языкового коллектива («усредненного» рецептора) или на конкретного рецептора, для которого предназначен перевод. Вместе с тем студенты изучают возможные случаи использования перевода для особых прагматических целей (прагматических «сверхзадач»), достигаемых с помощью филологического перевода, различных видов упрощенного перевода, модернизированного перевода, а также для решения всевозможных политических, пропагандистских, коммерческих и иных задач, не имеющих непосредственного отношения к оригиналу и отражающих намерения переводчика или его клиента. Изучение прагматических аспектов перевода включает случаи, когда переводчик выходит за рамки собственно переводческой деятельности и создает параллельный текст на языке перевода, лишь отдаленно связанный с оригиналом (co-writing).

Знакомство с различными видами переводов и соответствующими переводческими стратегиями

Изучаются принципы классификации переводов, особенности информативного и художественного перевода, функционально-стилистические и жанровые разновидности в рамках каждого из этих видов, основные различия письменного и устного перевода. Студенты знакомятся с главными стратегическими задачами отдельных видов перевода, с их семантической или коммуникативной направленностью, с соотношением терминологичности и образности, с необходимостью учитывать при переводе различия в использовании языковых средств в аналогичных функциональных стилях и жанрах ИЯ и ПЯ. Изучаются различия письменного и устного перевода в отношении фиксированности текстов оригинала и перевода, возможности корректировки в процессе перевода, использования справочных материалов, ограниченности во времени, возможности общения с участниками межъязыковой коммуникации и т.п.

Изучение основных моделей перевода и переводческих трансформаций (приемов перевода).

Студенты знакомятся с понятием процесса перевода как совокупности действий переводчика, его этапами и принципами его описания. Обосновывается необходимость моделирования процесса перевода, задачи и объяснительная сила модели. Изучаются основные психолингвистические и лингвистические модели перевода и операционный способ описания переводческого процесса. Студенты знакомятся с обоснованием, описанием и возможностью применения отдельных моделей. Раскрывается понятие переводческой трансформации (приема перевода) и изучаются основные виды таких трансформаций:

— лексические: транскрипция и транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация и модуляция);

— грамматические: дословный перевод, членение предложений, объединение предложений, грамматические замены (транспозиция);

— лексико-грамматические: антонимический перевод, описательный перевод, компенсация.

Изучение приемов перевода включает ознакомление с причинами и способами их применения при переводе языковых единиц и речевых высказываний разного типа.

Изучение основных видов переводческих соответствий и способов перевода безэквивалентных языковых единиц

Раскрывается понятие переводческого соответствия как регулярного способа передачи в переводе значения данной единицы ИЯ. Изучаются единичные, множественные (вариантные) и окказиональные соответствия, причины и случаи их применения. Студенты знакомятся с понятием контекста, учетом лингвистического (узкого и широкого) и ситуативного контекстов при уяснении содержания оригинала и выбора варианта перевода, взаимодействием системного значения языковых единиц и их контекстуального употребления. Изучаются типы соответствий и способы их использования в области свободных и устойчивых словосочетаний и основные способы перевода образных фразеологических единиц. Студенты получают представление о видах безэквивалентности и методах передачи в переводе безэквивалентных лексических и грамматических единиц.

Знание общих принципов перевода связного текста

Студенты получают представление о связном тексте как целостной единице коммуникации, обладающей структурной связностью (когезией) и смысловым единством (когерентностью). Они знакомятся с соотношением целого и части в тексте, важностью передачи значения более крупных отрезков текста и различной значимостью отдельных деталей. Будущие переводчики знакомятся с переводческой типологией текстов, ориентированных на содержание, на форму и на воздействие, с различиями в структуре содержания и оформлении однотипных текстов в разных языках. Они получают представление о специфике перевода аудиовизуальных текстов, предназначенных для использования на радио, на телевидении или на театральной сцене. Создается понимание того, что перевод — это всегда текст (письменный или устный) на ПЯ и он должен удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к текстам данного типа на этом языке. Вместе с тем студенты знакомятся с особенностями, которыми могут обладать переводные тексты по сравнению с оригинальными (непереводными) текстами на этом же языке, с особым местом переводов в литературе и культуре народа.

Знакомство с грамматическими и стилистическими аспектами перевода

Студенты получают представление о роли грамматических структур в переводе, об использовании параллельных и трансформированных структур, о роли порядка слов при переводе, о грамматических формах и

структурах ИЯ, представляющих особые трудности для понимания и перевода текста. Указываются переводческие ситуации, в которых требуется максимальный синтаксический параллелизм, и случаи, где переводчик может свободно варьировать грамматическими структурами при передаче содержания оригинала. Изучаются трудности и способы перевода основных стилистических фигур и приемов. Отмечаются различия в использовании аналогичных стилистических средств в ИЯ и ПЯ.

Основная часть учебного времени при обучении переводу отводится для формирования профессиональных умений переводчика. Эта задача включает как выработку умения определять общую стратегию перевода, так и создание умений, необходимых для преодоления конкретных переводческих трудностей. Таким образом, основные умения, вырабатываемые на занятиях по переводу, можно разделить на две группы. К первой группе относятся умения, необходимые для осуществления предпереводческого анализа, в ходе которого определяется общая стратегия перевода в соответствии с его целью, типом переводимого текста и характером рецепторов, для которых предназначается перевод. Вторая группа включает умения, определяющие действия переводчика в процессе перевода. Рассмотрим кратко состав переводческих умений в каждой из указанных групп.

1. СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Понятие переводческой стратегии

Помимо овладения основными понятиями переводоведения, будущие переводчики должны выработать в себе правильный подход к своей работе, своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика и составляет его общую стратегию. Трудность выработки переводческой стратегии заключается в том, что ее нельзя сформировать путем изучения каких-то правил или путем тренировки в течение одного или нескольких занятий. Необходимый профессиональный подход к переводу создается у переводчика постепенно в процессе обучения при условии правильной организации этого процесса, постоянно ориентирующего будущего переводчика на применение нужных принципов, методов и приемов и корректирующего его действия.

Выработка переводческой стратегии предполагает знание и применение переводчиком общих принципов осуществления процесса перевода, которые включают три основных группы: некоторые исходные постулаты, выбор общего направления действий, которым переводчик

будет руководствоваться при принятии конкретных решений, и выбор характера и последовательности действий в процессе перевода.

Исходные постулаты переводческой стратегии определяют общее отношение переводчика к своей работе. Здесь прежде всего следует отметить необходимость учитывать посредническую роль переводчика, вторичный характер его творчества. Отсюда вытекает уважение к тексту оригинала, понимание, что перевод представляет автора оригинала (как бы приписывается ему), и поэтому он должен как можно полнее воспроизводить оригинал, быть его полноправной заменой. Деятельность переводчика лишь тогда имеет смысл, когда она оправдывает надежды участников межъязыковой коммуникации. В профессиональном плане это означает, что переводчик прилагает максимум усилий, чтобы правильно понять переводимый текст и подобрать ему наиболее точное соответствие в ПЯ. Он помнит, что любая часть текста может представлять явные или скрытые переводческие проблемы и не позволяет себе бездумных или поверхностных решений. В то же время переводчик знает, что среди таких проблем есть типичные, часто встречающиеся и имеющие более или менее известные, стандартные решения, а есть уникальные, окказиональные, требующие для своего решения изменения известных приемов или поиска совершенно новых. Важнейший стратегический принцип переводчика — критическое отношение к своим действиям. Если оригинал оказывается противоречивым, непонятным или вообще лишенным смысла, то причиной этого может быть не оплошность его автора, а недостаточные знания переводчика. Подход переводчика к создаваемому им тексту должен быть осторожным и гибким: если выбранное соответствие не «укладывается» в текст, противоречит другим частям текста, нарушает логическую последовательность изложения, то следует подыскать другое, а не пытаться подгонять под него все остальное.

Стратегия переводчика при решении конкретных задач, в первую очередь, зависит от определения цели перевода и условий его выполнения. Переводчик должен четко представлять, для чего и для кого он переводит, какую задачу будет выполнять создаваемый им текст, как и кем этот текст будет использован. В связи с этим на продвинутых этапах обучения задания будущим переводчикам по переводу учебных текстов должны сопровождаться указанием на цель перевода, характер предполагаемых читателей, печатный орган, в котором он должен быть принят к публикации и т.п. На основе таких данных переводчик может решить, будет ли он делать перевод или какой-либо другой вид языкового посредничества, а если перевод, — то черновой рабочий, или гото-

вый к опубликованию (адекватный). В соответствии с этими решениями он будет выбирать и способы передачи исходного сообщения. Определенное влияние на стратегию переводчика могут оказывать и технические условия его работы: сжатые сроки, возможность пользоваться пишущей машинкой, диктофоном или компьютером и пр.

Следующим этапом выработки переводческой стратегии является определение типа переводимого текста, который обусловливает доминанту переводческого процесса — главное, к чему будет стремиться переводчик. При этом принимаются во внимание несколько факторов. Во-первых, это различие между художественными и нехудожественными (информативными, деловыми, прагматическими, специальными) текстами. При переводе художественных текстов стратегия переводчика будет определяться стремлением создать полноценное литературное произведение на ПЯ, воспроизвести эмоционально-эстетическое воздействие оригинала. При переводе информативных текстов главным будет точная передача исходного сообщения. Во-вторых, будет учитываться основная функция перевода, связанная с характером оригинала. Здесь будут различаться ориентированность оригинала и перевода на форму (художественные тексты), на содержание (деловые, технические и др.) и на воздействие (пропагандистские, рекламные и др.). Учитывается также качество языка и всего исходного текста: чем важнее и индивидуальнее язык оригинала, тем большее внимание уделяется передаче его языковых особенностей, чем лучше написан оригинал, тем более он заслуживает максимум точного воспроизведения и тем менее оправданы отклонения и «исправления».

Результатом такого анализа может быть выбор доминанты перевода — основных элементов текста оригинала, на точное воспроизведение которых переводчик будет обращать особое внимание. Это может быть терминологическая правильность, передача образности, сохранение каких-то элементов формы и т.п. В ряде случаев стратегия переводчика может формулироваться путем общей характеристики типа текста оригинала, обусловливающего выбор способа его перевода. Так, можно говорить о семантическом типе текста (семантическом переводе), где особую важность имеют значения языковых единиц и возможно полное их воспроизведение в переводе, и о коммуникативном типе текста (коммуникативном переводе), где доминантой является целое сообщение, для передачи которого в переводе предпочтительно использовать стандартные формы таких сообщений в ПЯ.

Оценивая характер текста оригинала, переводчик также обращает внимание на степень его отдаленности во времени и пространстве. Как правило, значительная степень такой отдаленности означает его принадлежность к совершенно иной культуре, что может потребовать серьезной адаптации сообщения в процессе перевода.

Влияние на стратегию переводчика может оказывать и характер языка оригинала — его нормативность или нарушения нормы, — что будет определять общий стиль перевода.

Стратегия переводчика включает ряд действий, обеспечивающих достаточное знакомство с предметом исходного сообщения, что может оказаться решающим для правильного выбора варианта перевода. Сюда входит ознакомление со специальными учебниками, справочниками и энциклопедиями, составление терминологических списков и определение выражаемых ими понятий. Большую помощь переводчику оказывает изучение параллельных текстов на ПЯ на ту же или близкую тематику.

Стратегия переводчика определяет и его общий подход к своей работе: прежде чем начать переводить он внимательно читает весь текст, переводит заголовок после ознакомления с содержанием текста, выписывает значения незнакомых ему слов, делает черновой (дословный) перевод или сразу старается дать окончательный вариант, читает непереведенный отрезок вслух сам или какому-нибудь слушателю. Выбор таких действий зависит от знаний и опыта переводчика, однако некоторые компоненты подхода, по-видимому, носят всеобщий характер.

Это прежде всего правило, что понимание предшествует переводу, хотя в процессе перевода переводчик может неоднократно возвращаться к оригиналу, углубляя свое понимание и соответственно корректируя свой перевод. Кроме того, общим правилом является выделение в тексте последовательных отрезков, когда переводчик приступает к переводу очередного отрезка лишь после того, как он перевел предыдущий. Сразу переводить достаточно большой по объему текст невозможно в силу линейного характера процесса понимания и речепроизводства. Как правило, такой отрезок оригинала, который составляет «шаг перевода», являет одно (редко два) высказывание (предложение).

В практической работе каждый переводчик самостоятельно вырабатывает указанные элементы своей стратегии. В процессе обучения ведущая роль в формировании переводческой стратегии принадлежит преподавателю, который осуществляет следующие действия:

— знакомство студентов с общими принципами стратегии;
— давая задания по переводу учебных текстов, указывает факторы, определяющие выбор стратегии (цель, характер рецепторов, место предполагаемой публикации);
— ставит перед студентами задачу по определению элементов стратегии, вытекающий из самого текста;
— дает задания студентам по изучению справочных материалов, необходимых для определения стратегии;
— наблюдает за действиями студентов в процессе перевода, корректируя их в соответствии с указанными выше установками;
— оценивает выбираемые студентами варианты перевода с точки зрения их соответствия избранной стратегии.

При этом следует подчеркнуть, что стратегия работы во многом определяется личностными особенностями переводчика. Указанные принципы носят рекомендательный характер, и их не следует навязывать переводчику, если он добивается хороших результатов иными путями.

Однако часто многие ошибки переводчика объясняются неправильным общим подходом к своей деятельности.

2. ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Важнейшая часть обучения будущих переводчиков заключается в развитии у них **умений,** осуществляемых в процессе перевода. Такие умения могут иметь более общий или более частный характер, охватывать ряд действий или отдельное действие.

Специфика развития переводческих умений заключается в том, что они создаются лишь в результате практических действий студентов на основе имеющихся у них языковых навыков и теоретических знаний.

Формирование умений — это длительный процесс. Можно ставить целью отдельного занятия развитие того или иного умения, но нельзя ожидать, что оно окончательно сформируется в результате этого занятия. Нередко в ходе практических упражнений в переводе текстов различной трудности одновременно развиваются несколько умений. Не все умения, обеспечивающие успешный процесс перевода, можно выделить и описать. Часть их них носит комплексный характер и плохо поддается анализу.

1. Умение выполнять параллельные действия на двух языках, переключаться с одного языка на другой. Как мы уже отмечали, такое умение частично возникает спонтанно с развитием двуязычия, но его необходимо довести до профессионального уровня. Развитию этого умения способствует изучение переводческих соответствий и приемов перевода, но главный путь его совершенствования лежит через постоянное двуязычное действие, осуществление переводов как целых текстов, так и их фрагментов. Определенную роль в этом процессе играет речь преподавателя. Поскольку важный компонент такого умения заключается в использовании синонимических средств языка перевода, то занятие целесообразно вести на этом языке. Развивая навыки устного перевода, полезно рекомендовать студентам мысленно переводить все, что говорит преподаватель. В этом случае преподаватель может попеременно говорить на ПЯ и ИЯ.

2. Умение понимать текст по-переводчески. Вспомним, что хотя на первом этапе переводческого процесса переводчик выступает в роли Рецептора оригинала, его понимание текста несколько отличается от обычного прежде всего необходимой глубиной и окончательностью.

Преподавателю необходимо показать и постоянно напоминать студентам, что информацию о значении языковых единиц в тексте они должны обязательно одновременно черпать из двух источников: системного значения единицы и контекста ее употребления. Каждая единица языка обладает относительно стабильным **значением,** общим для всего языкового коллектива. Говорящие вынуждены употреблять единицу в соответствии с ее значением, если они хотят быть правильно понятыми. Слово может **быть** многозначным, но оно не может означать, что угодно. Так, английское «board» может иметь значение «комиссия, доска, питание» и ряд других, но оно никогда не может означать «Вселенная», «любовь» и **«бег».** В тексте слово может **реализовывать** одно или два из своих значений или приобрести какой-то дополнительный смысловой оттенок благодаря контексту. Английское «student» может употребляться в значении «учащийся среднего или высшего учебного заведения», «студент вуза», «учащийся средней школы», «изучающий» (I am a student of human nature»), русск. «студент» может реализовать сему мужского рода (Студентки часто учатся лучше, чем студенты) или нейтрализовать ее (Хороший студент не придет на занятия неподготовленным) и т.д. Нередко бывает, что будущий переводчик преувеличивает значение одного из двух источников информации: упорно стремится использовать

словарное значение слова, не обращая внимание на контекст, или предлагает вариант, подходящий по контексту, но совершенно не учитывающий значения слова. В таких случаях преподаватель указывает студенту ошибку, демонстрируя, как должны взаимодействовать эти два «кита», на которых основывается правильное понимание текста. Например: «In the past the race has never been a contest».

3. Выполнение параллельных действий на двух языках в процессе перевода предполагает развитие еще одного умения — умения выстраивать синонимические структуры и слова-синонимы в ПЯ и делать выбор между ними. Так, мысль о том, что раньше соревнование было не напряженным, а теперь такое напряжение появилось, можно выразить такими русскими структурами, как «борьба в состязании обострилась», «состязание стало более напряженным», «состязание стало вызывать напряженный интерес» и т.д. Слову «гасе» могут соответствовать русские слова «гонка, погоня, забег, состязание» и т.п.

Правильный выбор между различными вариантами перевода связан также с умением сопоставлять значения каждого соответствия с конкретным контекстом. Так, анализируя употребление слова «гонка» в русском языке, можно отметить, что оно ограничено теми видами спорта, где используются какие-либо технические средства. Поскольку в тексте говорится о соревновании на бегу, этот вариант придется отклонить. Не соответствует контексту вариант «погоня» (преследование более слабого с целью догнать и наказать) и вариант «забег» и (этап соревнования, имеющий начало и конец).

4. Еще раз напомним, что особую важность для переводчика имеет умение, которое можно охарактеризовать как умение «отходить, не удаляясь». При невозможности применить прямое соответствие переводчик вынужден отходить от оригинала, но при этом он стремится остаться как можно ближе к исходному смыслу. Такая стратегия «наименьших потерь» достигается прежде всего путем варьирования языковой формы, а также путем использования наиболее близких синонимов.

5. Переводческая компетенция включает также умение выбирать и правильно использовать технические приемы перевода, которые должны быть предварительно изучены студентами. Занимаясь переводом текста, преподаватель предлагает студентам использовать при переводе очередного высказывания тот или иной прием или задает им вопрос, какой прием уместно использовать в данном случае. В программу курса включается также работа над специально подобранными упражнениями, развивающими умение пользоваться творческими приемами перевода.

6. Значительное место в обучении переводу занимает развитие умения преодолевать трудности, связанные с лексическими, фразеологическими, грамматическими и стилистическими особенностями исходного языка. Используя данные частной теории перевода, преподаватель предлагает студентам упражнения, где каждая переводческая трудность такого типа представлена в достаточном количестве в составе отдельных высказываний или в связном тексте (см. раздел о переводческих упражнениях).

7. При переводе на родной язык у студентов предполагаются умения грамотно и правильно выражать свои мысли на языке перевода. Однако часто преподавателю приходится заботиться о совершенствовании этого умения с помощью специальных заданий и постоянного внимания к качеству языка перевода и развития коммуникативной и речевой компетенции. В значительно большей степени такая работа необходима при обучении переводу с родного языка на иностранный.

8. Переводчику необходимо умение редактировать свои и чужие переводы, обнаруживать и устранять семантические и стилистические погрешности, доказательно критиковать и оценивать предлагаемые варианты. В ходе учебного процесса преподаватель постоянно предлагает студентам давать свои варианты, высказывать мнения о переводах своих товарищей, обосновывать свои замечания и предложения. Целесообразно также давать студентам специальные задания по редактированию переводов, содержащих типичные переводческие ошибки и погрешности.

9. Успешное осуществление переводческого процесса предполагает умение профессионально пользоваться словарями, справочниками, банками данных и другими источниками дополнительный информации, а также умение использовать в работе пишущую машинку, диктофон или компьютер.

10. Все вышеперечисленные умения сводятся воедино в умение анализировать текст оригинала, выявлять стандартные и нестан-

дартные переводческие проблемы и выбирать способы их решения, наиболее соответствующие каждому конкретному акту перевода. Такое умение вырабатывается только в ходе практической работы под руководством преподавателя по переводу текстов различной степени трудности. Эта работа проводится как в процессе развития частных умений, так и на завершающем этапе обучения.

Переводчик-профессионал должен не только обладать необходимыми умениями для осуществления процесса перевода, но и уметь применять эти умения в реальных условиях переводческой деятельности. Поэтому в ходе обучения переводу проводится работа по развитию навыков перевода, то есть приданию действиям переводчика автоматического или полуавтоматического характера. Это достигается как постоянными упражнениями в использовании переводческих умений, так и регулярными заданиями по практическому выполнению переводов определенного объема в указанный отрезок времени.

Раздел 5. УПРАЖНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

В предыдущей лекции мы отмечали, что содержание курса перевода включает как сообщение необходимых профессиональных знаний, так и развитие переводческих умений и навыков. При этом умения и навыки перевода составляют и конечную цель курса перевода, так как они обеспечивают практическую профессиональную деятельность переводчика. Умения и навыки перевода создаются на основе использования специально подобранных учебных материалов. К числу таких материалов относятся переводческие упражнения и учебные тексты. В данной лекции мы рассмотрим ряд вопросов, связанных с использованием переводческих упражнений.

1. ВИДЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Упражнения — это основной способ выработки необходимых умений. Переводческие умения могут развиваться и в процессе перевода связного текста. Однако перевод любого текста всегда связан с решением целого ряда переводческих задач и практически очень трудно найти такой текст, в котором какая-то переводческая проблема преобладала или хотя бы встречалась достаточно часто. Специально подобранное упражнение дает возможность сосредоточить внимание обучаемых на способах решения отдельной переводческой задачи. Работа с упражнениями составляет значительную часть курса обучения переводу. В процессе этой работы изучаются способы преодоления трудностей перевода, отрабатываются технические приемы перевода, развиваются переводческие умения и создается основа для совершенствования навыков перевода.

По характеру выполняемых речевых действий упражнения подразделяются на предпереводческие и собственно переводческие. Предпереводческие упражнения имеют целью создать условия для успешного осуществления переводческого процесса, создать необходимую коммуникативную установку, проверить наличие у студентов языковых и фоновых знаний, показать им, как решают типовые переводческие задачи опытные высококвалифицированные переводчики. Основными упражнениями этого типа является сопоставление параллельных текстов на ИЯ и ПЯ с целью выявления их различий, сопоставление опубликованных переводов с их оригиналами и критический анализ использованных переводчиком методов и приемов, ответы на вопросы к тексту, проверяющие глубину понимания и наличие необходимых фоновых знаний, обсуждение концепций, лежащих в основе содержания текста, и связанных с ними терминов и понятий, различные упражнения по совершенствованию владения языком перевода (составление синонимических рядов и дифференциация значений синонимов, стилистическая оценка предлагаемых вариантов, перефразирование высказываний, выступления на заданную тему и пр.).

Собственно переводческие упражнения подразделяются на:

— языковые, развивающие умение решать переводческие задачи, связанные с особенностями семантики единиц и структур ИЯ и ПЯ;

— операционные, отрабатывающие умение использовать различные способы и приемы перевода;

— коммуникативные, создающие умение успешно выполнять необходимые действия на разных этапах переводческого процесса.

В соответствии с видом упражнения формулируется и задание по его выполнению. В языковых упражнениях в задании указывается языковая единица или структура, значение которой должно особо учитываться при переводе. Здесь в задачу студента может входить перевод изолированных языковых единиц, передача значений указанных единиц и структур в составе высказываний, перевод высказываний, содержащих

определенные единицы и структуры. В операционных упражнениях ставится задача использовать при переводе указанный прием или самостоятельно выбрать подходящий прием и обосновать выбор и способ его применения. Коммуникативные упражнения включают задания по определению контекстуальных значений языковых единиц, интерпретации смысла высказывания, подбора соответствий и вариантов перевода и комплексное решение переводческих задач при переводе высказываний и отрезков текста разной трудности. Иначе говоря, такие упражнения развивают умение осуществлять отдельные этапы переводческого процесса в целом.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ с УПРАЖНЕНИЯМИ

Каждое упражнение предназначается для решения определенной задачи, которая формулируется в задании в соответствии с его типом. Однако во многих случаях выполнение задания требует решения, помимо основной, еще и ряда побочных задач. Преподаватель должен предварительно решить, какие дополнительные проблемы он будет обсуждать со студентами при работе с упражнением.

Как правило, упражнение включает 15—20 предложений, содержащих определенную переводческую трудность. Эти предложения подбираются из разных текстов, поскольку, как уже указывалось, трудно подбирать связный текст, в котором нужная проблема представлена в достаточном количестве. Материалом для таких упражнений служат тексты, лишенные индивидуально-авторских особенностей в употреблении языковых средств. Необходимость использовать высказывания, вырванные из контекста, создают трудности для их понимания и перевода. Эти трудности преодолеваются тремя путями. Во-первых, преподаватель стремится подбирать самодостаточные предложения, интерпретация которых не нуждается в более широком контексте. В случае необходимости возможна небольшая модификация отдельных предложений, уточняющая их содержание, но не нарушающая их естественность. Во-вторых, преподаватель всегда должен быть готов сообщить студентам дополнительные сведения, устраняющие многозначность. В-третьих, одним из способов работы с упражнениями может быть обсуждение вариантов понимания и перевода, которые будут правильны при различных лингвистических и ситуативных контекстах, в которых может быть помещено данное высказывание.

Вообще комментарий преподавателя играет первостепенную роль в работе с упражнениями. Помимо дополнения контекста высказывания, преподаватель сообщает студентам необходимый фактический материал, знакомит их с неизвестными им реалиями, исправляет языковые ошибки, подсказывает правильный путь анализа и возможные варианты перевода. Особое значение имеют постоянные ссылки на изученные знания и приемы, обобщение способов решения переводческих задач, формулирование рекомендаций, напоминание о принципах переводческой стратегии. Как правило, преподавательский комментарий не ограничивается обсуждением проблем, непосредственно связанных с переводом данного высказывания. Языковая трудность, упоминаемый в высказывании факт или допущенная ошибка в интерпретации или в переводе могут быть использованы преподавателем в качестве повода для знакомства с языковым правилом, системой понятий, концепцией или фактическим материалом, знание которых поможет избежать ошибок в будущих переводах.

В зависимости от характера упражнения оно может выполняться в аудитории без предварительной подготовки или даваться как домашнее задание с последующей проверкой и обсуждением с преподавателем.

3. ЯЗЫКОВЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Как уже было указано, языковые упражнения имеют целью развитие умения преодолевать трудности, связанные с особенностями семантики и употребления определенных типов языковых единиц в ПЯ. Такие упражнения удобно классифицировать по характеру этих единиц как лексические, фразеологические, грамматические и стилистические. Лексические проблемы перевода, решение которых отрабатывается при помощи упражнений, включают различные виды переводческих соответствий. Как известно, лингвистическая теория перевода выделяет два основных типа соответствий: моноэквиваленты, выбор которых относительно независим от контекста, и полиэквиваленты (вариантные соответствия), выбор которых требует учета как собственного значения слова, так и контекста его употребления.

Умение использовать при переводе каждый из этих двух типов соответствий закрепляется с помощью ряда упражнений. Кроме того, специальные упражнения направлены на тренировку в переводе безэквивалентной лексики и в преодолении трудностей, связанных с так называемыми «ложными друзьями переводчика».

В отношении моноэквивалентов в задачу обучения входит обогатить память переводчика набором основных соответствий, без знания которых невозможно осуществление различных видов устного перевода и серьезно замедляется процесс письменного перевода, а также тренировка в использовании приемов транскрибирования и калькирования для создания новых моноэквивалентов. Здесь, наряду с упражнениями по подбору соответствий для собственных имен, географических названий, названий политический партий, профсоюзов, фирм, компаний и других политических, коммерческих и тому подобных организаций, как в изолированной форме, так и в составе высказываний, очень эффективно применение терминологических диктантов (Quizzes). При этом используется следующая методика. В начале каждого занятия на диктант отводится 10 — 15 минут. Преподаватель в быстром темпе диктует 20 — 30 изученных терминов и названий на русском или иностранном языке, нумеруя их по порядку. Студент на отдельном листке под каждым номером быстро, не задумываясь, пишет моноэквивалент на другом языке, оставляя в случае незнания термина прочерк против соответствующего номера. На следующем занятии студент получает новую порцию лексических единиц, в состав которой включаются и слова из предыдущего диктанта, которые были пропущены студентами или неправильно переведены. Опыт показывает, что такая процедура позволяет задавать студентам выучить к каждому занятию 20 — 30 слов, имеющих моноэквиваленты. (Слова задаются списком, где указаны их эквиваленты, и, в случае необходимости, преподаватель разъясняет их значения и стоящие за ними реальности).

Упражнения, связанные с использованием в переводе вариантных соответствий, предназначены, в первую очередь, для развития умения выявлять контекстуальные значения слов на основе взаимодействия их словарного значения с лингвистическим или ситуативным контекстом. Особое внимание обращается на трудности перевода слов с широким недифференцированном значением, при переводе которых может использоваться большое число разнообразных соответствий, не учитываемых словарями. Отрабатываются также способы передачи коннотативного значения слова и правильное использование двуязычных и толковых словарей при нахождении контекстуального варианта перевода.

Каждой серии упражнений предпосылается небольшое введение, обобщающее характер трудностей данного типа и способы их преодоления. В области словосочетаний трудности перевода могут быть связаны

с особенностями отдельных типов свободных словосочетаний в ИЯ и с проблемами перевода фразеологизмов.

Следующая группа упражнений посвящается отработке методов перевода безэквивалентной лексики. Отсутствие у слов прямого соответствия в другом языке не означает невозможность передачи его значения в контексте высказывания. Теория перевода предлагает целый ряд способов создания окказиональных соответствий для безэквивалентных лексических единиц: заимствование, калькирование, использование аналогов в ПЯ, лексико-семантические замены, описание.

Все эти способы предварительно объясняются студентам и затем практически используются ими при выборе упражнений. Задания при работе с упражнениями этого типа могут включать как требование самостоятельно выбрать способ перевода, так и предложение перевести высказывание, применяя указанный способ. Особое внимание уделяется трудностям, связанным с переводом неологизмов, поскольку новые слова, появляющиеся в одном языке, как правило, не имеют соответствий в другом языке.

Особый раздел среди лексических упражнений составляют задания, раскрывающие проблемы, связанные с существованием в ИЯ и ПЯ слов, именуемых «ложными друзьями переводчика» или псевдоинтернациональными словами. В такие упражнения включаются слова со сходной формой, но совершенно иным значением слова, частично различающиеся в семантическом или прагматическом аспекте, а также с различной сочетаемостью, препятствующей их взаимозаменяемости (decade — декада, career — карьера, organizational defects — организационные дефекты, the American Revolution — Американская Революция).

Особой группы упражнений требует преодоление трудностей, связанных с особенностями употребления в ИЯ некоторых типов свободных и устойчивых словосочетаний. Так, в английском языке необходимо выделить различные типы атрибутивных словосочетаний, создающих проблемы для понимания и перевода соответствующих отрезков текста. Специфические трудности возникают и при переводе образных фразеологических единиц, пословиц и поговорок. В отношении атрибутивных словосочетаний основное внимание при работе с упражнениями уделяется проблеме правильной интерпретации значений таких словосочетаний, обусловленной большой широтой семантических связей между определяемым словом, употреблением многочленных словосочетаний, атрибутивных групп с внутренней предикацией

и специфических производных образований. Отрабатываются также такие преобразования этих словосочетаний в процессе перевода, как замена их на глагольно-наречные группы, перестановка членов словосочетания, перенос определения к другому слову и т.п.

Упражнения по переводу образных фразеологических единиц включают тренировку в использовании основных способов передачи их значений в переводе (эквиваленты, фразеологические аналоги, калькирование и описательный перевод) с учетом ограничений, обусловленных комплексным характером семантики фразеологизмов (переносное значение, прямое значение, эмоционально-этническая характеристика). В этой группе упражнений осуществляется анализ и перевод словосочетаний как в изолированной форме, так и в составе высказываний и отрезков текста.

Грамматические проблемы перевода вызывают необходимость в упражнениях по преодолению трудностей, связанных как с формами и структурами ИЯ, имеющими соответствия в ПЯ, так и безэквивалентными формами и структурами. Особого внимания требует передача в переводе значений модальных форм. При наличии грамматических соответствий студенты должны овладеть умением выбирать правильную грамматическую форму в переводе, учитывая ее семантические и стилистические функции, а также ее взаимодействие с ее «лексическим наполнением»; использование параллельных структур в ПЯ может осложняться необходимостью прибегать к синтаксическим трансформациям, изменять порядок слов, членить или объединять предложения при переводе. Упражняясь в умении преодолевать переводческие трудности, связанные с безэквивалентными явлениями в ИЯ, студенты учатся определять релевантность грамматического значения для формирования смысла высказывания, передавать в переводе эти значения, когда они существенны для общего содержания, решать задачу выбора соответствий для таких специфических структур, как, например, абсолютные и каузативные конструкции в английском языке. Упражняясь в передаче модальности, студенты учатся выбирать соответствия значениям модальных глаголов, модальных слов и форм наклонения.

При переводе с английского языка особое внимание будет обращено на тонкие различия в употреблении модальных глаголов в сочетаниях как с простыми, так и с перфектными формами инфинитива.

В области стилистики упражнения должны обеспечивать тренировку в передаче стилистически маркированных значений слов оригинала, а также в поисках соответствий в переводе различным стилистическим приемам (сравнения, метафоры, игра слов и пр.) и синтаксическим выразительным средствам. Особое внимание уделяется здесь различиям в употреблении и переводе стандартных стилистических средств и индивидуально-авторских стилистических особенностей. Решение стилистических проблем перевода предполагает умение творчески использовать различные способы компенсации в переводе потерь, вызванных невозможностью достаточно полно и точно воспроизвести тонкие стилистические нюансы оригинала.

4. ОПЕРАЦИОННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Упражнения этого типа имеют целью развитие умения применять в процессе перевода изученные в теоретическом курсе модели, трансформации и технические приемы перевода. Подобные упражнения можно разделить на четыре основные группы.

Первая группа упражнений направлена на идентификацию метода или приема, примененного в выполненных переводах. Студентам предлагается сопоставить исходные высказывания с их переводами и указать, какие стандартные методы были использованы в каждом случае. Высказывания, составляющие такие упражнения, могут быть переведены либо одним определенным способом, либо разными приемами. Приводимые примеры переводов необязательно являются образцовыми, но должны достаточно наглядно иллюстрировать применение известного студентам приема. Такие примеры выигрывают в убедительности, если в упражнении указывается, из какого опубликованного перевода они заимствованы.

При выполнении упражнений второй группы обучаемым предлагается не только идентифицировать использованный прием, но и оценить уместность его применения. Этот тип упражнений включает две разновидности. В одном случае приводится как оригинал, так и перевод и оценивается правильность выбора приема. В другом случае студентам даются лишь высказывания на языке оригинала и предлагается оценить, можно ли при их переводе использовать данный прием.

В третьей группе упражнений ставится задача применить при переводе определенный прием, даже если высказывание в оригинале могло бы быть переведено и каким-либо иным способом. Разумеется, материал упражнений подбирается таким образом, чтобы составляющие его высказывания требовали при переводе именно данного приема.

И, наконец, четвертая группа операционных упражнений предназначена для выработки умения выбирать и применять прием перевода, наиболее подходящий для перевода конкретного высказывания. Выполняя такое упражнение, студенты самостоятельно определяют, какой прием будет использован и каким образом он будет реализован в тексте перевода.

5. КОММУНИКАТИВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Задача упражнений этого типа заключается в создании у обучаемых умения выполнять необходимые коммуникативные действия, входящие в переводческий процесс. Такие действия могут осуществляться с помощью каждого из языков, участвующих в переводе, или в процессе самой межъязыковой коммуникации. Упражнения, требующие самостоятельных речевых действий, могут подразделяться на несколько основных типов.

К первому типу относятся упражнения, которые требуют от обучаемых различных действий с единицами ИЯ и ПЯ разного уровня. Так, на уровне слова могут быть предложены задания по объяснению различий между синонимами в данном ряду, по составлению параллельных рядов синонимов в ИЯ и ПЯ и т.п. В области словосочетания обучаемые описывают возможные сочетания предлагаемых слов в ИЯ и сочетаемость их эквивалентов в ПЯ, составляют параллельные ряды словосочетаний в двух языках, различных по составу, но эквивалентных по общему значению, составляют список идиоматических выражений в ИЯ, не имеющих соответствий в ПЯ, и т.п. В области грамматики обучаемым предлагается сопоставлять различные способы выражения в ИЯ и ПЯ одинаковых грамматических категорий (время, род, одушевленность и т.п.).

Вторая группа упражнений предполагает идентификацию и обсуждение обучаемыми переводческих трудностей, имеющихся в предлагаемых текстах. Предметом обсуждения могут быть как очень общие, так и более частные проблемы перевода. С одной стороны, может быть поставлена задача оценить цель текста оригинала, тип этого текста и обусловленные этими факторами особенности переводческой стратегии. С другой стороны, предлагается обсудить особые проблемы, которые возникают в связи с наличием в исходном тексте специфических лексических, грамматических или стилистических явлений. Общей целью таких упражнений является развитие умения осуществлять предпереводческий анализ текста.

Следующая группа упражнений включает различные манипуляции с текстами оригинала и перевода. Сюда относятся задания составить план содержания оригинала, сформулировать основную мысль автора, пересказать этот текст более или менее подробно. В отношении текста перевода, даваемого в упражнении с оригиналом или без него, может ставиться задача перефразировать текст, исправить нарушения нормы или узуса, приблизить его к оригиналу, эксплицировать подразумеваемый смысл и т.п.

Особую группу упражнений составляют задания по переводу разными способами одного и того же текста в зависимости от поставленной цели перевода и предполагаемого типа рецептора. В качестве цели может быть указан характер газеты или журнала, где будет опубликован перевод, предполагаемое использование перевода в рекламных целях, политических или пропагандистских целях, стремление модернизировать перевод и т.д. Задание может предусматривать разные варианты перевода для профессионалов и непрофессионалов и для различных возрастных групп, для конкретных прагматических ситуаций.

Как уже отмечалось, в задачу курса перевода входит развитие на основе специальных знаний и умений автоматических и полуавтоматических навыков перевода. Поэтому система переводческих упражнений дополняется регулярными заданиями по переводу в аудитории текстов разной степени трудности и определенного объема за указанный отрезок времени.

Раздел 6. МЕТОДИКА РАБОТЫ СО СВЯЗНЫМ ТЕКСТОМ

При работе с упражнениями формирование необходимых умений и навыков проводилось, как правило, на отдельных высказываниях, в которых имелись соответствующие переводческие трудности. Очевидно, однако, что на практике переводчику приходится переводить не отдельные высказывания, а связные тексты. Поэтому работа с текстами составляет важную часть любого курса обучения переводу.

Перевод связного текста предполагает комплексное использование переводческих методов и приемов с учетом того, что текст представляет собой единое целое в смысловом и структурном планах. Исходя из структуры и содержания текста, переводчик решает, следует ли использовать тот или иной прием и каким образом это лучше сделать. Особенности конкретного текста могут в той или иной степени

модифицировать способ применения переводческого приема или заставить переводчика отказаться от использования стандартных методов перевода и попытаться найти новый, ранее неиспользованный путь. Вследствие этого работа с текстом включает два взаимосвязанных этапа. С одной стороны, преподаватель выделяет общие переводческие проблемы, а с другой стороны, он обращает внимание и на специфические особенности данного текста, которые должны быть учтены при выборе варианта перевода.

Мы уже отмечали, что стратегия переводчика определяется не только характером переводимого текста и содержащимися в нем переводческими трудностями, но и типом рецептора, на которого ориентирован перевод. В основном курсе перевода преподаватель, как правило, не ставит перед студентами задачу учитывать особенности конкретного рецептора и ориентирует их на «усредненного» рецептора-представителя данного языкового коллектива.

При работе над переводом связного текста используются два основных вида аудиторной работы — аналитический и синтетический. Занятия аналитическим переводом предполагают подробный анализ под руководством преподавателя всего комплекса переводческих трудностей, выявление типичных проблем и обсуждение стандартных способов их решения, определение индивидуальных особенностей текста и связанных с ними конкретных вариантов перевода. Выполняя синтетический перевод, студент самостоятельно переводит заданный текст определенного объема в указанное время, а затем его перевод проверяется преподавателем с последующим разбором всех достоинств и недостатков проделанной работы.

Аналитический перевод (перевод с анализом) требует серьезной предварительной подготовки. Необходимо подобрать такой текст, который был бы интересен по содержанию и включал бы достаточное число типичных переводческих трудностей. Преподаватель заранее решает, какие из таких трудностей будут объектом детального разбора на занятии, какие приемы будут использованы при решении каждой переводческой задачи, какой дополнительный лингвистический и фактологический комментарий необходимо дать студентам в процессе анализа. Напомним, что цель занятия заключается не в том, чтобы перевести как можно больше предложений, а в том, чтобы практически отработать применение достаточного числа способов и приемов перевода.

Началу работы над текстом обычно предшествует предпереводческий анализ текста, в ходе которого студенты под руководством преподавателя определяют тему, характер и структуру текста, цель перевода и тип предполагаемого рецептора. В случае необходимости преподаватель сообщает студентам дополнительную фактическую информацию или дает им задание найти эту информацию самостоятельно. К следующему занятию студенты готовят свой предварительный перевод текста. Анализ выполненных переводов проводится на занятии после того, как студенты получили от преподавателя проверенные работы или без предварительной проверки. В любом случае занятие делится на две части. В первой части преподаватель разбирает со студентами те высказывания в тексте, перевод которых представляет особые трудности или требует решения типичных переводческих проблем. Во второй части занятия обсуждается перевод всего текста, фраза за фразой. Преподаватель просит одного из студентов зачитать свой перевод очередного высказывания, а затем предлагает другим студентам высказать замечания и предложить свои варианты. Некоторые варианты коллективно оцениваются как допустимые, другие отклоняются как ошибочные. Продемонстрируем процедуру такого разбора на примере анализа переводов следующего английского текста.

FAO... LET THERE BE BREAD

1. A new excitement has been added to the queer race that Man has run against himself down through the ages, testing whether he can produce food fast enough to feed his fast-growing family.

2. In the past the race has never been a contest.

3. Never, in all the yesterdays since he clambered out of the primeval ooze, has Man the Provider caught up with Man the Procreator: there has been famine somewhere in the world in nearly every year of recorded history.

4. Even today after twenty centuries of Christian Enlightment, half man's family goes hungry and vast numbers of them are actually starving to death.

5. Nevertheless, the race has suddenly grown closer, close enough to be charged with suspense.

6. For the Provider has latterly been getting expert coaching from the sidelines and, despite the fact that the Procreator, running strong and easy, is adding to his family at the unprecedented rate of nearly fifty million a year, the gap is steadily closing.

7. The coach responsible for this remarkable turn of events is the Food and Agriculture Organization, more familiarly known as FAO, a specialized Agency of the United Nations.
8. And for its achievements in this crucial contest it richly deserves two cheers.
9. Not least of all because when it comes to the categorical imperatives of eating, every quack can be an expert and, in consequence, FAO operates in an area where lunacy often passes for logic.
10. As its name suggests, FAO worries even more about the eater than about the farmer.
11. The emphasis is natural enough, for farmers (and fishermen and producers of food generally) comprise only about three-fifths of the world's gainfully employed; but we all eat and, to hear FAO tell it, most of us eat wrong.
12. It was, indeed, out of concern for the well-being of eaters the world over that FAO was born.
13. First there was the calorie, invented in the 1890's by an America agricultural chemist named Wilbur Atwater.
14. Then came the vitamin, discovered in 1911 by a Polish-bom American biochemist named Casimir Funk.
15. Calorie and vitamin together ushered in the wondrous era of nutrition, which, wigged and bearded as a science, got us all to thinking of our diet.
16. To the agricultural economists, however, nutrition was more than a science of diet; it was a signpost pointing the way to an economy of abundance.
17. Thanks to nutrition, they considered, farmers could be spurred to greater production of selected crops, international trade would flourish, and all the world would eat better.
18. Throughout the 1930's they urged a «marriage of health and agriculture»; when the war came, with its urgent demand for bumper crops, they had their ideas already formulated.

Текст достаточно сложен, и наилучшей формой работы с ним будет дать его для самостоятельного перевода в качестве домашнего задания или в аудитории, а затем проверить переводы студентов и подробно разобрать их в классе.

Аудиторная работа с переведенным и проверенным текстом включает в себя три основных компонента: выделение и обсуждение основ-

ных переводческих проблем в тексте, общая характеристика работы каждого студента с указанием главных недостатков, от которых ему следует избавиться в первую очередь, и детальный разбор перевода всего текста фраза за фразой, с учетом индивидуальных особенностей текста.

Первая часть работы включает обсуждение проблем, имеющих общетеоретическую и практическую значимость, а также тех трудностей, которые вызвали появление ошибок у многих или даже у большинства переводчиков. Анализируемый текст дает для этого достаточно материала.

Прежде всего следует обратить внимание на характер переводимого текста. Он представляет собой сочетание серьезности темы (нехватка продуктов питания) и образной «упаковки», оформленной в виде своеобразного репортажа о спортивном состязании двух бегунов. Это сразу определяет стратегию переводчика. С одной стороны, ему необходимо дать точные соответствия терминам, названию организации и собственным именам, упоминаемым в тексте. С другой стороны, переводчик должен сохранить образную структуру оригинала. Поэтому неприемлемыми следует признать все переводы, где вместо описания спортивного состязания просто говорится о том, что производство продуктов питания в мире не удовлетворяет потребности растущего населения. Если кто-то из студентов пошел по этому пути, преподаватель в первую очередь указывает на принципиальную неправильность такого подхода.

Вторым возможным нарушением правильной переводческой стратегии, на которое следует обратить особое внимание будущих переводчиков, — это наличие в переводе фраз, не имеющих смысла, или таких отдельных высказываний, смысл которых противоречит смыслу текста в целом. Так, в нашем тексте речь идет об улучшении положения в мире с производством продуктов питания и о большой положительной роли ФАО в этом переломе. Поэтому такие переводы, как, например, «Тем не менее, разрыв между соревнующимися неожиданно сократился до такой степени, что это вызывает тревогу» (предложение № 5) или «ФАО была создана вовсе не из-за заботы о потребителях пищи во всем мире», должны быть отвергнуты «с порога». А перевод: «В прошлом эта гонка никогда не была состязанием» (предложение № 2) не может быть принят, так как фраза противоречит предшествующему утверждению, что речь идет о соревновании двух бегунов, и поэтому это утверждение лишено смысла.

Следующим важным элементом переводческой стратегии, который может вызвать затруднения у многих студентов при переводе данного текста, является необходимость учитывать реальное употребление в языке перевода избираемого варианта. Для иллюстрации этого положения можно выбрать несколько примеров возможных или действительных переводов.

Так, при переводе предложения № 1 некоторые студенты выберут в качестве соответствия английского «race» его ближайший словарный эквивалент «гонка». Преподаватель предлагает студентам указать, какие спортивные состязания по-русски называются «гонками». Получив в ответ ряд примеров («автомобильные гонки, велосипедные гонки» и т.п.), преподаватель подводит студентов к выводу, что спортивные гонки предполагают наличие каких-то средств передвижения и этот термин не применяется, когда люди просто бегут наперегонки. Поскольку в тексте речь идет как раз о состязании бегунов, длящемся на протяжении многих веков, для перевода слова «race» необходимо подобрать другое соответствие. Теперь преподаватель организует очень полезную работу по сопоставлению значений русских синонимов. Студенты (самостоятельно или по подсказке преподавателя) подбирают синонимичный ряд названий соревнований по бегу: забег, погоня, состязание, соревнование, марафон и сопоставляют их значение с ситуацией, описываемой в тексте. В результате обсуждения первые два слова отвергаются из-за ограниченности по времени (забег) и враждебных намерений догоняющего (погоня), следующие два слова признаются возможными, хотя и более общими вариантами, а последнее слово — допустимым благодаря подразумеваемой большой длительности соревнования. Окончательный выбор из числа приемлемых вариантов предоставляется каждому переводчику, а преподаватель лишний раз напоминает студентам о принципиальной вариативности перевода.

При переводе предложения № 11 возможны две ошибки указанного типа. Во-первых, кто-то мог выбрать в качестве соответствия английскому «fishermen» русское слово «рыболовы» (вместо правильного «рыбаки»). При обсуждении студенты легко придут к выводу, что «рыболов» — это, скорее, любитель с удочкой, чем производитель продуктов питания. Во-вторых, дословный перевод «most of us eat wrong» — «большинство из нас ест неправильно» неожиданно оказывается ошибочным, так как по-русски «неправильно есть» относится к неумению вести себя за столом или пользоваться столовыми приборами, а не к неправильному питанию.

Важное место при обсуждении будет занимать анализ грубых искажений смысла, допущенных студентами при переводе текста в связи с недостаточными знаниями английского языка. Так, возможные ошибки в переводе предложения № 5 могут быть вызваны непониманием значения сочетаний «a close race» и «to be charged with suspense». Разбирая эти ошибки, преподаватель указывает ряд способов обозначения небольшого разрыва между победителем и другим участником соревнования (a narrow victory, to win by a small margin, to be a good second) и объясняет переносные значения глагола «to charge» (The atmosphere was charged with electricity, etc.) и особое употребление существительного «suspense» при характеристике особо захватывающих моментов в детективных и приключенческих рассказах и фильмах (ср.: «to suspend breath» — «затаить дыхание»). В результате обсуждения студенты приходят к приемлемым вариантам типа: «Разрыв между соперниками неожиданно сократился настолько, что борьба стала захватывающей», «Расстояние между бегунами неожиданно уменьшилось настолько, что состязание стало вызывать напряженный интерес» и т.п. Искажение смысла при переводе предложения № 12 может быть вызвано тем обстоятельством, что студенты связывают значение предлога «out of» только с идеей удаления или отсутствия (cf. To run out of money; out of sight, out of mind) и не учитывают, что в сочетании с названиями чувств и эмоций (love, hatred, affection, concern, etc.) этот предлог имеет значение «ради, из-за» (e.g. He did it out of love for his mother).

Причиной ошибки может быть и непонимание синтаксической структуры предложения. Так, при переводе предложения № 6 студенты могут решить, что глагол «to get» является здесь вспомогательным, и объединить его с прилагательным «expert» в качестве именной части сказуемого (... has been getting expert), в то время как это переходный глагол с прямым дополнением (has been getting... coaching — то есть получал тренерские указания). Не мешает лишний раз напомнить студентам о полезности элементарного грамматического разбора предложений, который показывает, кто делает и в отношении кого делает.

В заключение первой части обсуждения можно указать на случаи элементарной невнимательности, которые нередко встречаются в студенческих переводах. В данном тексте это могут быть ошибки при передаче цифр и дат, например: пять миллионов вместо пятидесяти (предложение №6) и 1890 вместо 90-е годы 19-го столетия (предложение № 13).

Все обсуждение проводится на примере ошибок, фактически допущенных студентами в их переводах. Преподаватель зачитывает ошибочный вариант, предлагает студентам оценить его, а затем объясняет характер и причину ошибки и правильный путь ее исправления. В некоторых случаях преподаватель сам предлагает на суд студентов ошибочный перевод, чтобы убедиться, что их правильный выбор не был случайным. Например, если при переводе предложения № 11 все студенты правильно выбрали слово «рыбаки» в качестве соответствия английскому «fishermen» преподаватель может задать вопрос: «А почему не рыболовы?»

В следующей части занятия преподаватель проводит разбор работы каждого студента. Он дает общую оценку перевода, указывает его положительные и отрицательные стороны и особо выделяет те недостатки, над устранением которых студент должен работать в первую очередь. Это могут быть ошибки общего характера: неправильный выбор переводческой стратегии, склонность к буквализму или, напротив, к неоправданным отступлениям от оригинала, невнимательность, недостаточные фоновые знания и т.п. Могут быть и индивидуальные недостатки лингвистического или психологического характера: незнание какого-то раздела грамматики, лексики и фразеологии, неумение или нежелание пользоваться словарями и другими справочными материалами, излишняя медлительность, нерешительность в выборе окончательного варианта перевода (попытка оставить в тексте перевода два или более возможных варианта) и т.п. Некоторые недочеты в отдельных переводах будут совпадать с общими ошибками, разобранными в первой части занятия, и не потребуют дополнительных разъяснений. В других случаях преподаватель иллюстрирует свои замечания соответствующими примерами из обсуждаемого перевода.

В заключительной части занятия осуществляется разбор перевода всего текста. Преподаватель последовательно рассматривает предложение за предложением, выделяя в каждом переводческие проблемы и способы их решения. Работа проводится в форме диалога: преподаватель указывает на переводческую трудность, предлагает студентам найти пути ее преодоления и обсуждает с ними предложенные варианты, одобряя или корректируя их. При этом каждый студент получает аргументированное объяснение на все вопросы по поводу степени приемлемости его собственного варианта перевода. Напомним, что может быть несколько вполне допустимых переводов одного и того же предложения

и не следует настаивать на каком-то одном «единственно правильном» варианте».

Рассмотрим теперь примерную схему обсуждения.

Заголовок текста не представляет особых трудностей для перевода. Можно лишь напомнить студентам, что заголовки книг и кинофильмов порой переводятся весьма вольно, чтобы добиться большего эмоционального эффекта. Например, подобный текст в переводе мог бы быть озаглавлен: «Накормите голодных!». Однако в данном случае нет надобности менять заголовок, так как он достаточно броский. Сокращение FAO в тексте расшифровывается (Food and Agricultural Organization) по-русски транскрибируется как ФАО и в этой форме используется как в заголовке, так и в самом тексте. Очевидна неуместность в русском заголовке многоточия: поскольку оно предваряет девиз или лозунг, который провозглашает ФАО, то уместнее здесь будет двоеточие (ФАО:). Сам девиз переводится без труда: дословный перевод уже дает приемлемый вариант: «Пусть будет хлеб!». Однако английский заголовок содержит явную аллюзию на библейскую известную фразу: «And the Lord said: Let there be light. And there was light» (ср. «Да будет свет»). Поэтому естественным будет выбор в пользу более торжественного варианта: «Да будет хлеб!».

Предложение № 1 также не содержит больших переводческих трудностей, но его хорошо использовать для эксплицирования возможного подхода к поиску вариантов перевода. Здесь переводчик имеет дело со сложноподчиненным предложением, прежде всего он должен решить, какой будет синтаксическая структура в переводе. Одним из возможных путей является попытка сохранить элементы исходной структуры, и тогда главная трудность будет заключаться в переводе главного предложения. Решение этой задачи складывается из трех этапов. Сначала переводчик решает, можно ли использовать в переводе структуру, аналогичную английской. В оригинале фраза построена с помощью глагола to add буквально: «Новое возбуждение было добавлено к состязанию» (мы уже отметили неприемлемость слова «гонка»). Понятно, что так построить фразу по-русски нельзя. Поэтому следует попытаться описательно интерпретировать ее смысл. По-видимому, «добавление» эмоции к состязанию может означать, что теперь оно связано с эмоцией, вызывает ее. Теперь остается отыскать русские структуры, с помощью которых можно выразить эту мысль. Здесь возможны два варианта.

Можно дать характеристику самому состязанию и сказать, что оно стало более напряженным или что борьба в нем обострилась. А можно описать ситуацию с точки зрения восприятия ее зрителями. Тогда возможны варианты типа: состязание стало захватывающим или стало вызывать большой интерес. Окончательный выбор одного из возможных вариантов остается за переводчиком.

При выборе этого предложения можно обратить внимание студентов еще на две небольшие детали. В тексте состязание названо «queer» и, возможно, некоторые студенты выберут для соответствия русское «странный». Оно представляется неудачным по двум причинам. Во-первых, стремление накормить род человеческий вряд ли можно назвать странным. Во-вторых, эпитет «странный» часто подразумевает негативную оценку явления, что опять-таки здесь неуместно. Более приемлемыми представляются варианты — «необычное» или «своеобразное». Далее, в оригинале дважды повторяется наречие «fast». Повторение русского «быстро» можно избежать, тем более, что дело, видимо, не в том, чтобы производить продукты быстро, а чтобы их было достаточно. Итак, например: »Своеобразное состязание, в котором человек на протяжении веков выступал против самого себя, пытаясь производить достаточно продуктов, чтобы прокормить свою быстро растущую семью, стало теперь более захватывающим». Еще раз подчеркнем, что это лишь один из возможных вариантов. Важно лишь, чтобы смысл предложения был полностью воспроизведен в переводе. Вместе с тем следует предостеречь студентов от излишних мудрствований там, где возможен прямой перевод.

В предложении № 2 переводчик сталкивается с проблемой интерпретации смысла. Здесь противопоставлены два синонима. Студенты должны решить, в каком смысле «race» (вид состязания) не было «contest» (опять-таки состязание). Ответ на этот вопрос содержится в следующем предложении, где говорится, что один из бегущих всегда имел превосходство над другим, который никак не мог за ним угнаться. Поэтому: «В прошлом это никогда не было состязанием равных» или «В прошлом в нем никогда не было равной борьбы» или даже «В прошлом это никогда не было настоящим состязанием».

В предложении № *3* нужно решить несколько небольших проблем. Ясно, что оригинальное «in all the yesterdays» придется передать более прозаичным «раньше» или «прежде», а вот «primeval Ooze» может заставить немного подумать. «Ooze» — это «ил, тина грязь» и весь образ

обозначает не какой-то реальный этап человеческой истории, а общее представление о начале этой истории. Поэтому придется отклонить такие варианты, как «с тех пор, как он вышел из первобытнообщинного строя» (получается, что при первобытнообщинном строе люди не голодали), и признать допустимым переводы типа: «... как он выбрался из первобытной тины», «... как он выкарабкался из первобытного болота» или даже «... как он вышел из первобытного мрака» (ср. «из мрака времен»).

Теперь надо найти соответствия оппозиции «provider — procreator». Желательно, чтобы и в переводе она была бы столь же немногословна и четко выражена. Меньше шансов, что удается воспроизвести аллитерацию «pro-pro», но аллитерация, столь обычная в английской речи, в русском языке употребляется значительно реже и часто утрачивается при переводе. Рассмотрев ряд возможных соответствий для первого члена оппозиции, таких, как «добытчик, поставщик, кормилец, производитель пищи», можно показать преимущество двух последних, попутно отметив, что просто «производитель» связан с совсем другими ассоциациями (ср. бык-производитель). Для второго члена оппозиции наиболее вероятными предложениями у студентов могут быть слова «отец, родитель, продолжатель рода, производитель потомства». Первые два варианта не дают четкого противопоставления, так как и «отец», и «родитель» одновременно являются и «кормильцами». Последние два варианта, по-видимому, могут быть использованы в комбинациях «кормилец — продолжатель рода» и «производитель пищи — производитель потомства». Каждое их этих противопоставлений имеет свои преимущества, и окончательный выбор — дело вкуса переводчика.

Остаются две небольших тонкости. Во-первых, слово «famine» более весомо, чем просто «голод», что можно компенсировать, подобрав весомый глагол типа «царил» или «свирепствовал». Во-вторых, «recorded history» часто воспринимается как «письменная история, летопись», хотя фактически речь может идти и о неписьменных источниках сведений. Поэтому вариант «известной нам истории» более безопасен.

Итак, примерно: «Никогда прежде, с тех пор как он вышел из первобытного мрака, человек-кормилец не мог догнать человека — продолжателя рода: почти каждый год на протяжении известной нам истории где-нибудь в мире свирепствовал голод».

В предложении № 4 перевод сочетания «Christian Enlightment» дает возможность показать, как можно улучшать перевод, используя структурный потенциал языка (принцип: «отходить, не удаляясь»). От-

клонив как неточные варианты «после двадцати веков христианства» или «спустя двадцать веков после Рождества Христова», можно отметить, что и дословный перевод: «после двадцати веков христианского просвещения» тоже не вполне удовлетворителен. Термин «просвещение» ассоциируется, скорее, с эпохой просвещения или с министерством просвещения и плохо сочетается с христианством. Можно попытаться улучшить окончательный вариант с помощью морфологических («христианская просвещенность») или синтаксических («просвещенное христианство») средств. И, наконец, для «man's family», отклонив упрощенный вариант «человечество», предпочтем дословное «человеческая семья» или лучше «род человеческий» (возможная ошибка: «половина семей»). В итоге получаем: «даже сегодня после двадцати веков просвещенного христианства половина рода человеческого голодает, а многие члены этого рода буквально умирают от голода».

Переводческие проблемы в предложении № 5 были уже рассмотрены выше, и мы можем ограничиться одним из допустимых вариантов: «Тем не менее расстояние между соперниками неожиданно сократилось настолько, что состязание стало вызывать напряженный интерес».

Перевод предложения № 6 не вызывает обычно особых затруднений при условии, что переводчик правильно понял его грамматическую структуру, о чем мы уже говорили. Следует лишь обратить внимание студентов на то, что союз «for» часто употребляется в качестве вводного слова в начале предложения (не придаточного) и соответствует русскому «ведь» или «дело в том, что». В тексте продолжается развертывание образа спортивного состязания, появляется тренер, дающий советы (coaching)с беговой дорожки или просто со стороны (from the sidelines), в то время как возглавляющий соревнование участник бежит уверенно и легко (strong and easy). Если не было допущено ошибок при передаче цифры, можно предложить студентам дать окончательный вариант перевода, например: «Дело в том, что кормилец получает в последнее время советы опытного тренера со стороны, и, несмотря на то, что продолжатель рода бежит уверенно и легко, ежегодно добавляя к своей семье небывало большое количество людей почти в 50 миллионов, разрыв между ними неуклонно сокращается».

В предложении № 7 требуется дать принятые соответствия двум терминам в системе органов ООН. Кроме того, можно обратить внимание на то, что английское «responsible» применяется и в положительном смысле (ср.: Who is responsible for this beautiful picture?), а русское «быть ответственным за что-то» часто означает быть виноватым, подлежать наказанию. Поэтому в переводе более уместны положительные формулировки типа «которому мы обязаны, которому принадлежит заслуга» и пр. Итак: «Тренер, которому мы обязаны таким замечательным поворотом событий, — это «Продовольственная и сельскохозяйственная организация», более известная как ФАО — специализированное учреждение ООН».

Обычной ошибкой при переводе предложения № 8 будет считать, что «two cheers» означает две причины для похвал. На самом деле цифра два здесь в значительной степени условна. «To give two (or three) cheers to smb» — это распространенный способ выражать одобрение (Hip, hip, hurray) и в тексте не говорится о каких-то двух основаниях хвалить ФАО. Поэтому возможный перевод: «И за свои достижения в этом решающем состязании ФАО, несомненно, заслуживает всяческих похвал».

Предложение № 9 содержит некоторые переводческие проблемы. Многим студентам оказывается трудным понять, что «Not least of all because» указывает на одну из причин одобрения и означает «И не в последнюю очередь потому...» В качестве возможных вариантов можно допустить «И прежде всего потому...» или «Главным образом потому...», хотя они несколько смещают акцент. Переводя «categorical imperatives», можно либо оставить Кантовский термин «категорический императив», либо заменить его более простым «насущная (настоятельная) необходимость (потребность)». «Quack» — явно отрицательная характеристика, и здесь у переводчика широкий выбор негативных наименований: «шарлатан, знахарь, профан, невежда, дурак» и пр.

Глагол «to be» часто заменяется при переводе русскими глаголами с более конкретным значением. В данном случае вместо «может быть» есть хороший выбор: «может слыть, может стать, может сойти за...» и т.п. Далее надо подобрать соответствие противопоставлению «lunacy-logic». Дословное «безумие-логика» не может удовлетворять: Безумие не может сойти за логику, это — слишком разноплановые понятия. Ошибочным может быть не само безумие, а его результат, предлагаемые бредовые идеи, бред. А противопоставлены ему идеи логические, здравые, здравый смысл. Из этих вариантов и можно выбирать. И, наконец, забавная ошибка может возникнуть при переводе слова «area». Оно здесь употреблено в переносном смысле и поэтому может быть переведено как «область» или «сфера», но не как «район» или «место», что означало бы, что на Земле есть особые места, где живут особенно легковерные люди. В результате получаем при-

мерный перевод: «И не в последнюю очередь потому, что, когда речь идет о категорическом императиве питания, любой шарлатан может стать знатоком, и поэтому ФАО действует в такой области, где бредовые идеи часто сходят за здравые».

Единственное, что может заставить призадуматься в предложении № 10, — это как быть со словом «eater»: дать дословное «едок» или более общее «потребитель пищи». Скорее, выбор будет в пользу первого, так как и английское слово достаточно экзотично: «Как показывает само ее название, ФАО заботится больше о едоке, чем о фермере».

Две основные возможные ошибки в переводе предложения № 11 были уже разобраны выше. Остается лишь найти экономический термин для «gainfully employed» — «самодеятельное или экономически активное население», и перевод предложения не должен вызывать затруднений, например: «Такой акцент вполне естественен, так как фермеры (и рыбаки, и производители продуктов питания вообще) составляют лишь около трех пятых всего самодеятельного населения в мире, а едим-то мы все, и, как утверждает ФАО, большинство из нас питается неправильно».

Мы уже обсуждали причины возможной ошибки при переводе предложения № 12. Остается не забыть передать эмфазу, которая в английском тексте выражена с помощью синтаксической конструкции, а в русском обычно достигается применением лексических единиц типа «именно», «как раз», «никто иной, как» и т.п. Необходимо также решить, будет ли английское «was born» передано торжественным «была рождена» или более прозаическим «была создана», «возникла». Сделав необходимый выбор, получаем: «ФАО и была создана именно из-за заботы о благополучии едоков во всем мире».

Основная задача при переводе предложения № 13, помимо необходимости правильно протранскрибировать имя собственное, заключается в передаче сообщения, что «the calorie was invented». «To invent», конечно, означает «изобретать», но можно ли сказать, что калория была изобретена? Калория — это понятие, единица измерения и изобрести ее можно лишь в ироническом смысле. Если же иронии нет, то новое понятие может быть кем-то введено или предложено. Может быть, так и написать: «Вначале было понятие калории, введенное в 90-х годах прошлого века американским агрохимиком по имени Уилбур Этуотер».

В предложении № 14 подобной проблемы не возникает, так как витамин был действительно открыт. Используется общепринятая модель: «американец немецкого, польского, русского и пр. происхождения». Имя ученого, открывшего витамины, может быть передано в одном из двух вариантов: Функ (с польского) и Фанк (с английского). Подобное варьирование имени отмечается у многих европейцев, позднее перебравшихся в США (ср. Фриз и Фрайс, Хомский и Чомски и т.п.). Итак: «Затем появился витамин, открытый в 1911 г. американским биохимиком польского происхождения Казимиром Фанком».

Несколько несложных задачек нужно решить при переводе предложения № 15. Прежде всего надо позаботиться о том, чтобы мысль была выражена достаточно логично, так как русский текст в этом отношении более требователен, чем английский. В самом деле, в оригинале говорится об эре питания (era of nutrition), которая (эра?) или которое (питание?) позднее превратилась(лось) в науку. По-русски ни эра, ни питание превратиться в науку не могут. Хотя общий смысл высказывания понятен, логически оно неприемлемо в русском тексте. Логически в науку может развиться какое-то учение, идея, теория и т.п. Поэтому в переводе появятся дополнительные слова, например: «эра нового учения о питании» или «эра теории правильного (рационального) питания». Далее, надо решить, что делать с образом «wigged and bearded». Причастные формы, естественно, сохранить нельзя, но и перевод по прямому смыслу «обзаведясь париком и бородой науки» тоже недостаточен: у русского читателя образ зрелой науки не ассоциируется с париком или бородами. Скорее всего придется пожертвовать образом и удовлетвориться прозаическим: «всеми атрибутами» или «всеми признаками науки». И, наконец, последнее слово в предложении потребует объяснения, что английское «diet» — это не только диета, но и «рацион», «содержание питания» (ср.: You must change your diet — Вы должны иначе питаться). Учитывая все сказанное, возможным вариантом будет: «Калория и витамины совместно провозгласили начало замечательной эры учения о рациональном питании, которое, обзаведясь всеми атрибутами науки, заставило всех нас подумать о том, как мы питаемся».

Перевод предложения № 16 обычно не вызывает особых трудностей. Можно заколебаться, выбирая между «экономисты-аграрники», «экономисты-аграрии» и «экономисты-сельскохозяйственники», но это не играет большой роли для перевода. Здесь, видимо, можно не повторять дополнения, введенные в предыдущем предложении, и удовлетвориться «рациональным питанием» (nutrition) и «диетой» (diet). Порой

ности. Анализ особенностей устного перевода позволяет выделить четыре типа умений, которыми должен владеть устный переводчик. Во-первых, устный переводчик должен владеть описанными выше умениями, общими для всех видов перевода. Исключение составляют умения детально анализировать текст оригинала, многократно сопоставлять его с текстом перевода и редактировать, и корректировать этот текст. Вспомним, что устный перевод характеризуется одноразовым восприятием текста оригинала и одномоментным созданием текста перевода. Как правило, здесь оказывается невозможным повторное обращение к оригиналу или переводу. Кроме того, во многих видах устного перевода переводчик переводит текст оригинала по частям, не имея доступа к этому тексту в целом. Это ограничивает число переводческих умений, общих для письменного и устного перевода.

Во-вторых, существуют умения, необходимые как для письменного, так и для устного перевода, но требующие в последнем случае определенной перестройки. Например, всякий перевод предполагает умение переключаться с одного языка на другой, осуществлять межъязыковую коммуникацию. Однако при устном переводе это умение должно реализовываться в короткий промежуток времени, включать **значительные** элементы автоматизма. Иначе говоря, такое умение должно превращаться в навык перевода.

Это же необходимо и для переводческих умений, относящихся к оперированию различными видами **языкового** материала, интерпретированию значений языковых единиц в оригинале и выбору эквивалентных им единиц в языке перевода. Все эти операции должны осуществляться при устном переводе автоматически или полуавтоматически.

В-третьих, необходимо развивать особую группу умений, связанных со спецификой устного перевода и общих для всех его видов. Прежде всего устный перевод предполагает быстрое и адекватное понимание устной речи, произносимой в разном темпе и с различными особенностями произношения. Отсюда необходимость в развитии умения, а затем и навыка полноценного аудирования. Далее, во всех видах устного перевода важную роль играет опора на память переводчика — кратковременную (оперативную) или долговременную. Поэтому требуется особая работа по развитию профессиональной памяти, умения запоминать значительные отрезки содержания (именно содержания, а не его выражения на языке оригинала). И, наконец, устный перевод предполагает умение воспроизводить перевод в форме устной речи. Переводчик должен владеть техникой устной речи на родном и иностранном языках, обладать

необходимым активным запасом слов и структур, уметь перефразировать свои мысли, обладать умением выступать перед различной аудиторией в самых разных условиях устной коммуникации.

В-четвертых, в каждом виде устного перевода могут обнаруживаться специфические особенности, предполагающие развитие специальных умений, необходимых для осуществления данного вида перевода. Такие умения связаны с необходимостью одновременно выполнять несколько действий, совмещать речевые операции разного типа. Это может быть одновременность слушания и говорения (синхронный перевод), говорения и чтения (перевод с листа), слушания и кодирования записи, **декодирования** записи и говорения (**последовательный** перевод).

Указанная классификация умений отражает и их взаимозависимость: развитие умений каждой следующей группы опирается на уже имеющиеся у переводчика умения предшествующих групп. Это определяет и последовательность обучения различным видам перевода. Сначала изучаются виды перевода, требующие более общих и менее сложных умении, а затем более специфические виды перевода. Оптимальным представляется следующий порядок обучения переводу: письменный перевод — перевод на слух отдельных фраз (последовательный перевод без записи) — двусторонний перевод — перевод с листа — последовательный перевод с записью — синхронный перевод со зрительной опорой, синхронный перевод без опоры. Указанная последовательность не означает, что каждый последующий вид перевода начинает изучаться только после завершения работы над предыдущим. Можно планировать и параллельное обучение нескольким видам перевода. Однако последние, наиболее сложные три вида, изучаются, как правило, на завершающих этапах учебы.

Кратко остановимся на общей характеристике обучения отдельным видам перевода.

\. **Перевод на слух** (последовательный перевод отдельных фраз и небольших абзацев).

Условия осуществления: оратор (говорящий) произносит одну или несколько связанных по смыслу фраз и делает паузу, после чего переводчик проговаривает перевод услышанного для участника или участников коммуникации, не владеющих языком оригинала.

Факторы, усложняющие задачу:

— особенности речи оратора (слишком быстрый темп, нечеткая дикция, акцент, неправильная речь);

— возможное увеличение объема переводимого отрезка, когда оратор не сумел и не захотел своевременно сделать паузу;
— использование в речи оратора трудно воспринимаемых на слух единиц, не выводимых из контекста — названий, дат, чисел и т.п. (прецизионная лексика);
— обстановка работы: большая аудитория, посторонний шум, факторы, создающие нервозность или повышенное чувство ответственности и риска, и т.д.;
— особые требования к поведению переводчика: держаться скромно, но свободно, не жестикулировать, регулировать громкость речи, правильно выбрать место и пр.

Факторы, облегчающие задачу:
— возможность заранее услышать речь оратора, ознакомиться с его манерой говорить;
— возможность учитывать реакцию аудитории;
— в некоторых случаях возможность переспросить и скорректировать перевод.

Необходимые умения:
— хорошее понимание беглой устной речи;
— одновременное слушание, мысленный перевод и запоминание;
— свободная и правильная устная речь на языке перевода;
— точное запоминание и воспроизведение (с возможной опорой на запись) прецизионных слов.

2. Двусторонний перевод.

Условия осуществления: беседа двух или более участников, говорящих на родных языках. Переводчик переводит относительно краткие высказывания то на одном, то на другом языке.

Факторы, усложняющие задачу:
— небрежная речь в условиях личного контакта с людьми, говорящими на том же языке;
— краткие, незаконченные реплики, рассчитанные на особые знания собеседника;
— одновременные замечания нескольких лиц;
— неудобное положение переводчика, мешающее ему видеть и хорошо слышать некоторых участников беседы.

Факторы, облегчающие задачу:

— непосредственное участие переводчика в беседе, дающее возможность уточнять сказанное и корректировать перевод;
— возможность заранее ознакомиться с темой беседы и с позициями ее участников;
— ограниченная аудитория и относительно неформальная обстановка, не требующая умения выступать публично.

Необходимые умения: те же, что и при переводе на слух, плюс умение быстро переключаться с одного исходного языка на другой и с речи на одном языке на речь на другом языке.

***3.* Перевод с листа.**

Условия осуществления: переводчик получает текст, который он ранее не видел или видел лишь непосредственно перед переводом. Читая оригинал одними глазами, он произносит перевод так, как будто текст написан на языке перевода.

Факторы, усложняющие задачу:
— необходимость сохранять равномерный темп говорения, избегая излишних пауз, повторений или исправлений;
— необходимость обеспечить повышенную скорость чтения (около 200 слов в минуту при средней скорости говорения — 100 слов в минуту);
— необходимость одновременно читать, переводить и проговаривать свой перевод;
— необходимость членить текст при чтении на такие отрезки, которые могут быть успешно переведены.

Факторы, облегчающие задачу:
— наличие зрительной опоры, позволяющей воспринимать следующий отрезок оригинала, самостоятельно определяя его величину;
— зрительное восприятие прецизионных слов, значительно облегчающее их перевод;
— возможность самостоятельно определять темп перевода.

Необходимые умения:
— умение быстро переключаться на язык перевода при широком использовании полуавтоматической подстановки готовых соответствий;
— умение совмещать проговаривание перевода с чтением следующего отрезка оригинала;
— умение быстро читать про себя.

4. Последовательный перевод с записью.

Условия осуществления: оратор произносит речь значительной длины (25—30 минут и более). Переводчик переводит мысленно текст, ведя краткую запись, опираясь на которую он сможет воспроизвести свой перевод после окончания выступления. В соответствии с поставленной задачей перевод может осуществляться в полной или в сокращенной форме.

Факторы, усложняющие задачу:

— чрезмерно большая длительность выступления, создающая слишком большую нагрузку на память, внимание и нервное напряжение переводчика;

— необходимо длительное время вести запись с помощью достаточно сложного условного кода;

— повышенная скорость речи оратора, которую переводчик не может регулировать;

— особо сложные условия воспроизведения — большая аудитория, необходимость сокращения без утраты существенных элементов и т.п.

Факторы, облегчающие задачу:

— детально разработанная система краткой записи, быстро поддающейся дешифровке;

— возможность самостоятельно определять форму и темп перевода;

— возможность предварительной тренировки по отработке важнейших компонентов переводческого процесса: аудирования, запоминания, кодирования, декодирования, техники устной речи.

Необходимые умения:

— те же, что и при переводе на слух без записи;

— быстрое и правильное ведение записи;

— способность запоминать основное содержание устного выступления значительной длины;

— способность одновременного декодирования записи и проговаривания перевода;

— способность обобщать и компрессировать смысл ряда последовательных высказываний.

5. Синхронный перевод со зрительной опорой.

Условия осуществления: переводчик снабжен наушниками, через которые он слышит устное выступление оратора, и одновременно (с отставанием 2—3 с) проговаривает в микрофон перевод, опираясь на текст выступления, переданный ему заранее или непосредственно перед началом выступления.

Факторы, усложняющие задачу:

— необходимость тройного распределения внимания — одновременное слушание, чтение и говорение;

— слишком быстрый или слишком медленный темп речи оратора;

— дефекты произношения или акцент, затрудняющие восприятие речи оратора;

— большая нервная нагрузка, вызывающая быстрое утомление;

— отступление оратора от текста выступления, добавление или опущение какой-то его части, затрудняющие использование зрительной опоры;

— неполадки и сбои в передающей аппаратуре.

Факторы, облегчающие задачу:

— построение речи оратора, позволяющее использовать параллельные структуры;

— размеренный темп выступления с достаточными паузами между отдельными высказываниями;

— хорошее знание переводчиком обсуждаемой проблемы, взглядов оратора и других факторов, облегчающих вероятностное прогнозирование;

— тщательная предварительная подготовка — знакомство с повесткой дня, проблематикой, документацией и пр., изучение терминологии, принятых сокращений, профессиональных жаргонизмов и т.п.;

— выполнение перевода «командой» переводчиков, обеспечивающее смену переводчика каждые 20—30 мин;

— хорошее владение техникой и приемами синхронного перевода.

Необходимые умения:

— совокупность умений, требующихся при переводе на слух и переводе с листа;

— способность одновременно осуществлять слушание, чтение, переключение и говорение;

— способность моментального переключения (перевода) при широком знании и использовании стандартных клише и регулярных соответствий;

— умение членить воспринимаемый устный текст, определяя минимальную смысловую группу, которую можно начинать переводить;
— способность обобщать и компрессировать смысл услышанного;
— способность умело исправлять неудачно начатый перевод незаметно для слушающих;
— способность строить и четко произносить правильные и законченные фразы независимо от качества оригинала и полноты его восприятия.

6. Синхронный перевод без зрительной опоры.

Условия осуществления: те же, что и в предыдущем случае, но без текста, а в целом на слух. Как правило, переводчик находится в кабине, но существует также метод «нашептывания» (chuchotage), когда переводчик сидит рядом с рецептором перевода и шепчет свой перевод.

Факторы, усложняющие задачу:
— те же плюс необходимость при «нашептывании» иногда слушать оратора без наушников при сильных фоновых помехах;
— большая зависимость от характера и правильности речи оратора.

Факторы, облегчающие задачу: те же, что и в п. 5.

Необходимые умения:
— те же, кроме работы с текстом, плюс свободное и точное восприятие любых разновидностей устной речи;
— способность четко распознавать и при необходимости фиксировать в ходе перевода прецизионные слова;
— в зависимости от принятой системы, способность одинаково успешно переводить с иностранного языка и на иностранный язык.

Умения и навыки, необходимые для осуществления различных видов устного перевода, создаются в процессе **обучения** с помощью специальных упражнений, а также путем тренировок в выполнении перевода определенного вида. Так как многие умения должны развиваться одновременно для нескольких видов перевода, систему упражнений можно строить не для каждого вида перевода, а на основе классификации самих умений. При этом можно выделить следующие группы упражнений.

Упражнения на развитие навыков аудирования:

1. Письменный перевод звукозаписи.

2. Перевод-диктовка.
3. Перевод прецизионных слов.
4. Перевод-пересказка.
5. Абзацно-фразовый перевод на слух.
6. Упражнения в сложном аудировании (со счетом сначала русский, потом иностранный текст с последующим пересказом).

Упражнения на одновременность действий:

1. Зрительное восприятие текста со счетом.
2. Перевод на слух для отработки штампов (в записи — домашнее задание) и псевдоинтернациональных слов и сочетаний.
3. Дешифровка символов.
4. Кодирование письменного текста.
5. Кодирование устного текста.
6. Упрощенный перевод (с текстом и без него).

Упражнение по технике речи:

1. Упражнения в варьировании высказывания.
2. Упражнения по **избежанию** дословности.
3. Риторические упражнения (этикетные формулы).

Подобные упражнения могут выполняться в разной последовательности в зависимости от индивидуальных особенностей аудитории. При подготовке синхронных переводчиков, кроме того, целесообразно использовать систему упражнений, обеспечивающих переход от письменного перевода к устному, выделяя каждый раз один из факторов на каждом этапе формирования необходимых умений. При этом полезно четко формулировать цель упражнений. Можно предложить следующую примерную схему тренировки.

1. Тренировка в переводе устной речи.

Цель: отучить студентов от зависимости от письменного текста и возможности неоднократного обращения к нему в процессе перевода. Вид упражнений: перевод-диктовка. Предложения диктанта читаются трижды: в нормальном темпе, в темпе диктовки и снова в нормальном темпе. Студенты переводят услышанное в письменной форме. Переводы проверяются и обсуждаются.

2. Тренировка в переводе с листа.

Цель: сохраняя зрительную опору, отучить студентов от неспешного составления письменного перевода и возможности корректировать и улучшать его. В ходе выполнения этого упражнения переводчики сосредотачи-

вают свое внимание на умении быстро принимать решение, не боясь рисковать. Вид упражнения: студентам предлагаются отрывки текстов оригинала (позднее, законченные небольшие тексты) и ставится задача перевести их устно без подготовки. Студенты учатся быстро выбирать вариант перевода, самостоятельно устанавливать темп речи и преодолевать противоречие между необходимым временем для понимания и немедленной «подачей».

3. Тренировка в последовательном переводе.

Цель: завершить переход от навыков письменного перевода (от текста к тексту) к чисто устному переводу (от устного восприятия к устному воспроизведению), но без двух основных трудностей синхронного перевода: (а) необходимости одновременно слушать и говорить (раздвоения внимания) и (б) необходимости преодолевать структурные различия между ИЯ и ПЯ в быстром темпе. При этом исключаются также важнейшие факторы профессионального последовательного перевода: опора на память и использование особой системы записи. Кроме того, такое упражнение вырабатывает у студентов умение схватывать законченные семантические группы, а не отдельные слова и сочетания. Вид упражнения: читаются вслух отрезки текста, достаточно короткие, чтобы не требовать больших усилий для запоминания. Студенты незамедлительно переводят устно, переводы записываются на магнитную ленту и затем анализируются. Чтобы активизировать внимание всей группы, отвечающий выбирается лишь после чтения отрывка.

4. Тренировка в полусинхронном переводе.

Цель: выделить одну из основных трудностей синхронного перевода — необходимости преодолевать структурные различия между ИЯ и ПЯ, — отвлекаясь от второй такой трудности — необходимости одновременно слушать и говорить. В учебных целях при выполнении этого упражнения можно предложить студентам фиксировать свои переводы в письменной форме, что позволит проводить анализ полученных результатов. Вид упражнения: предложения разбиваются на короткие отрезки, которые по очереди зачитываются для студентов только по одному разу в темпе диктовки. При чтении каждого отрезка оригинала студенты могут немедленно начинать писать перевод или ждать, пока будет прочитан следующий отрезок. При этом студентам не разрешается вносить какие-либо изменения в уже написанное.

Таким образом, они решают основную задачу синхронного переводчика, но без необходимости поспевать за нормальным темпом речи и одновременно слушать и говорить. Им приходиться выбирать, останавливаться

ли на определенной структуре и наборе слов в языке перевода до получения всей необходимой информации из оригинала, рискуя при этом, что такой поспешный вариант окажется преждевременным и неисправимым и начатое предложение «идет не в ту сторону», или ждать, пока будет ясно значение всей смысловой группы, что дает полную уверенность в правильном выборе структуры в ПЯ. Однако в последнем случае возникает опасность двоякого рода. Во-первых, необходимую информацию возможно придется ждать так долго, что это потребует от переводчика большого напряжения памяти, и в результате окажется, что пока он осмысливает эту информацию, формулирует и «выдает» свой перевод, оратор уже произнес следующую смысловую группу или целое предложение, которое переводчик не сможет воспроизвести в переводе. Во-вторых, для живой спонтанной речи характерно отсутствие полной логической связанности, и, если оригинал — это не составленный заранее текст, то окончательную информацию переводчик может так никогда и не дождаться.

5. Тренировка в упрощенном синхронном переводе.

Цель: завершить переход от письменного к устному воспроизведению, введя элемент синхронности, но исключая по возможности на этом этапе необходимость структурной перестройки, особенно изменения порядка слов. Это позволяет студентам сосредоточить внимание на развитии нового умения одновременно слушать и говорить. Вид упражнения: студентам предлагаются для синхронного перевода оригинальные выступления ораторов, адаптированные с целью позволить использование в переводе параллельных структур. По мере овладения студентами умения переводить синхронно такие тексты, им даются для перевода все менее адаптированные тексты. На завершающем этапе студенты переводят неадаптированные выступления ораторов на их родном языке.

6. Тренировка в различных видах синхронного перевода.

Цель — развить умение справляться с особыми трудностями в разных условиях работы:

синхронный перевод «с текстом»:

— с предоставлением времени на подготовку;

— без предварительной подготовки;

— с краткой предварительной подготовкой;

синхронный перевод через «пилота», когда переводчик не знает языка оратора и вынужден переводить с перевода одного из своих коллег, работающего с третьим языком.

Вид упражнения: обеспечение студентов текстами на исходном языке, варьируя время для предварительного ознакомления с ними. Ознакомление студентов с трудностями, которые возникают из-за того, что оратор отклоняется от своего текста. Воспроизведение в учебных условиях ситуации работы через «пилота».

Как видно из всего сказанного, развитие навыков устного перевода требует достаточно большого учебного времени и значительных усилий со стороны преподавателя по организации работы и подготовке необходимых материалов.

РАЗДЕЛ 8. ОБУЧЕНИЕ ДРУГИМ ВИДАМ ЯЗЫКОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Основная задача обучения переводу в языковом вузе — подготовить будущих переводчиков, обладающих знаниями, умениями и навыками, необходимыми для этой сложной профессии. В предыдущих разделах мы рассматривали методические вопросы, связанные с развитием умений, лежащих в основе успешного осуществления различных видов устного и письменного перевода. Однако профессиональная деятельность переводчика не ограничивается занятием собственно переводом, то есть созданием текста, предназначенного для полноправной замены иноязычного оригинала. Переводчик выступает в качестве языкового посредника, обеспечивающего межъязыковую коммуникацию, передачу содержания оригинала средствами другого языка, а такое языковое посредничество может осуществляться не только через перевод, но и другими способами. Содержание иноязычного текста может быть пересказано, изложено выборочно, упрощенно или обобщенно, аннотировано или отреферировано. Все эти способы языкового посредничества включают в себя элементы перевода, предполагают создание текста на другом языке, основанного на содержании оригинала. Их степень ориентированности на оригинал различна и определяется самим характером создаваемого документа или поставленной перед переводчиком конкретной задачей. Терминологически они могут обозначаться как разновидности перевода: упрощенный перевод, реферативный перевод и т.п., но их функции и предъявляемые к ним требования отличают их от собственно перевода. В отличие от перевода они часто именуются адаптивным транскодированием или адаптивным переносом. Термин «адаптивный» указывает на то, что

при этом содержание оригинала подвергается определенной модификации или переработке.

Будущие переводчики должны быть ознакомлены с различными видами языкового посредничества и быть готовыми осуществлять любой из них. Некоторые виды адаптивного транскодирования не требуют особой подготовки, другие предполагают наличие специальных умений, которые создаются в процессе обучения. Остановимся кратко на способах формирования соответствующих умений на занятиях по переводу.

Наиболее часто в своей практической деятельности переводчику приходится, помимо собственно перевода, осуществлять упрощенный перевод, перевод-пересказ и составлять аннотации и рефераты.

Упрощенный перевод выполняется в связи с нехваткой времени для полноценного перевода или по желанию заказчика. Осуществляя такой перевод, переводчик довольствуется более или менее полным изложением содержания оригинала, не стараясь подобрать наиболее точные соответствия и не заботясь о стилистической шлифовке вариантов. Иногда упрощенный перевод используется как черновой или рабочий и служит в качестве основы для последующей доработки и подготовки к опубликованию.

Перевод-пересказ может быть выборочным или обобщенным. Выборочный перевод передает содержание отдельных частей оригинала. Состав выборки задается указанием на характер информации, которую нужно извлечь из текста, которая интересует заказчика. Обобщенный перевод излагает общее содержание текста оригинала. И в выборочном, и в обобщенном переводе могут быть использованы элементы собственно перевода, когда такой перевод какого-то предложения или абзаца в оригинале помогает решить поставленную задачу.

Аннотация представляет собой особо краткое изложение содержания текста. Различаются библиографические и реферативные аннотации. В библиографической аннотации указываются лишь выходные данные текста и тематические рубрики, к которым относится его содержание. Такие аннотации обычно составляются библиотечными работниками, а не переводчиками. Последние имеют дело лишь с реферативными аннотациями, которые излагают содержание иноязычного текста в тезисной форме. Переводчик сам составляет реферативную аннотацию оригинала или переводит уже имеющуюся аннотацию на языке оригинала.

Наиболее сложным и часто осуществляемым видом адаптивного транскодирования является составление рефератов иноязычных текстов. К этому роду документов предъявляются особые требования, и на них мы остановимся немного подробнее.

Как и во всех видах языкового посредничества, кроме собственного перевода, составление реферата предполагает определенную переработку содержания оригинала (иную коммуникативную ценность документа) и наличие особой цели, которую должен обеспечивать реферат. Такая цель может ставиться путем указания на объем реферата (например, не более одной трети от объема оригинала или не более 2000 печатных знаков) или на характер информации, которую необходимо отыскать и обобщить, или обозначением и того, и другого. В любом случае задача заключается в изложении основного содержания оригинала в сокращенной форме на другом языке.

Реферат может составляться по одному источнику (тексту) или по нескольким источникам (обзорные рефераты). В последнем случае число источников может указываться в задании или же поиск и отбор источников возлагается на самого переводчика (например, все материалы по определенному вопросу, опубликованные в таких-то журналах за такой-то период).

Рефераты имеют стандартную структуру и отличаются рядом языковых особенностей. В структуре реферата можно выделить шесть основных разделов.

Первый раздел должен содержать подробную характеристику реферируемого издания. Здесь указывается имя автора, название текста, издательство, место и время издания, количество страниц.

Во втором разделе указывается общая тема или тематическая рубрика документа.

В третьем разделе формулируется основная мысль текста. Она может быть эксплицитно выражена в тексте или только подразумеваться. В некоторых рефератах этот раздел может отсутствовать, но в любом случае переводчик должен уяснить для себя основной замысел автора текста и постоянно учитывать этот замысел при составлении реферата.

Четвертый раздел — это главная часть реферата. В нем дается краткое и обобщенное изложение содержания текста, и к нему, главным образом, относятся общие требования к реферату, о которых речь пойдет ниже. Работа над этим разделом требует особых приемов, которыми должны овладеть будущие переводчики.

В пятом разделе реферата могут содержаться выводы, вытекающие из содержания текста, заключения, к которым приходит автор или которые можно сделать на основе изложенного материала. Этот раздел присутствует не всегда: переводчик делает соответствующие выводы, когда считает это целесообразным или когда этого требует полученное им задание по составлению реферата.

Шестой раздел также факультативен, так как он содержит комментарии переводчика, оценивающие новизну и значимость реферируемого текста, доказательность доводов автора, наличие других работ по этой тематике. Понятно, что такие комментарии возможны лишь при условии, что переводчик является высококвалифицированным специалистом в данной области, способным дать самостоятельную оценку содержания текста оригинала.

Реферат представляет собой текст особого жанра, который обладает определенными жанрообразующими признаками. Такими признаками являются фактографичность, обобщенно-отвлеченный характер изложения, предельная краткость, подчеркнутая логичность. Эти особенности изложения определяют и характер языковых средств, регулярно используемых в рефератах. Среди основных лингвистических особенностей документов этого жанра можно отметить преобладание простых предложений, неопределенно-личных и безличных форм, причастных и деепричастных оборотов, ограничение видовременных форм, преобладание пассива, номинализации, терминологии и обобщающих слов, отсутствие субъективно-оценочных элементов.

Такой характер изложения обеспечивается применением специальных методов сокращения излагаемого материала, главными из которых являются компрессия и опущение.

Компрессия достигается, в основном, следующими приемами:

1. Генерализация, то есть обобщенное изложение содержания текста. Как правило, это осуществляется последовательным суммированием информации, содержащейся в одном-двух абзацах.
2. Селекция, то есть выбор в самом тексте высказываний, которые суммируют какую-то часть содержания. Такие высказывания чаще обнаруживаются в начале или в конце абзаца.
3. Синтаксическая и лексическая компрессия — замена предложений и словосочетаний более краткими оборотами.

Опускаются обычно такие элементы текста, как:

1. Всевозможные повторы как прямые, так и косвенные, включая различные парафразы, разные способы выражения одной и той же мысли.

2. Различные подробности, детализирующие или иллюстрирующие высказанную мысль, конкретные примеры.

3. Всевозможные стилистические украшения: риторические вопросы, художественные эпитеты, метафоры и т.п.

Успешное составление рефератов требует от переводчика ряда особых умений, в том числе:

1. Умение быстро и полно охватить содержание текста.

2. Умение в короткий срок разобраться в сути рассматриваемых в тексте проблем, отыскивать необходимую информацию в справочной литературе.

3. Умение оценить относительную значимость и новизну отдельных частей текста, выделить главную мысль и намерение автора.

4. Умение четко выражать свои мысли, избегая многословия, повторений и логических неувязок и противоречивости.

Для развития подобных умений целесообразно использовать специальные упражнения типа:

1. Упражнение по быстрому охвату содержания значительного по объему текста. Студентам предлагается просмотреть бегло текст и найти в нем решение поставленной задачи. Такая задача может формулироваться по-разному и требовать обнаружения как формальных, так и содержательных элементов. Начинать можно с задания отыскать в тексте все случаи употребления определенных языковых средств (синтаксических структур, специальной лексики. стилистических приемов, единиц измерения, оценочных слов и т.п.). Затем задание усложняется: студенту предлагается найти в тексте ответы на поставленные вопросы. Вопросы варьируются: от таких, ответ на которые дают отдельные предложения в самом тексте, до более сложных, требующих для ответа объединения или обобщения информации, содержащейся в разных частях в тексте, и кончая требованием отыскать в тексте доводы в поддержку того или иного утверждения или заключения.

2. Упражнение по составлению плана содержания. Студентам предлагается составить план текста, в котором содержание каждого

абзаца или двух соседних абзацев было бы выражено в одном предложении. Иначе говоря, требуется понять и обобщить содержание каждого абзаца текста.

3. Упражнение на компрессию текста. Студентам предлагается сократить отрезок текста в 2 — 3 раза, сохранив его основное содержание. При этом они должны указать, какие элементы текста и каким способом будут скомпрессированы и обосновать свое решение.

4. Упражнение по формированию выводов и оценке содержания текста. Студентам предлагается кратко резюмировать основную мысль и намерение автора текста и оценить убедительность его доводов.

При выполнении упражнений обращается внимание на возможность использования прямого перевода отдельных предложений текста, которые сокращенно или обобщенно передают часть содержания и могут быть непосредственно перенесены в реферат. Большая доля учебного времени отводится на обсуждение полных рефератов, выполненных студентами в качестве домашнего задания.

Осуществляя любой вид языкового посредничества, переводчик ориентируется на определенный тип получателя информации (рецептора перевода). Выбор варианта перевода во многом зависит от характера предполагаемого рецептора. Поэтому при обучении переводу преподаватель постоянно обсуждает со студентами возможные изменения, которые нужно будет вносить в текст перевода в связи с различными прагматическими факторами, осуществлять прагматическую адаптацию перевода.

При работе с упражнениями или со связным текстом преподаватель постоянно ставит перед студентами задачу обнаружить в переводимом материале элементы, нуждающиеся в прагматической адаптации, и способы осуществления такой адаптации. Решение подобной задачи предполагает развитие у обучаемых нескольких специфических умений.

Прежде всего будущие переводчики должны уметь определить тип рецептора, для которого они будут выполнять свой перевод. В некоторых случаях им может быть дано задание ориентироваться на конкретного человека или группу людей. Чаще всего такая ситуация возникает при устном переводе, когда переводчик непосредственно общается с участниками коммуникации, чей уровень языковых и специальных познаний ему известен. В

других случаях переводчику может указываться лишь принадлежность рецепторов перевода к определенной профессиональной, возрастной или какой-либо иной категории (технические специалисты, подростки, лица определенного вероисповедания и пр.). Ориентация на конкретного рецептора нередко оказывает решающее влияние на выбор варианта перевода. Однако чаще всего переводчику приходится принимать во внимание особенности так называемого «усредненного рецептора». Вспомним, что под усредненным рецептором подразумевается типичный средний представитель культуры того народа, на языке которого делается перевод. Этот термин достаточно условен: понятно, что каждый член языкового коллектива обладает своими собственными лингвистическими и фоновыми знаниями и по-своему воспринимает и понимает текст перевода. Однако в практических целях можно говорить, что какие-то названия или факты хорошо известны «среднему» англичанину и неизвестны «среднему» русскому, что такое-то сообщение знакомо и понятно англичанину и непонятно русскому или воспринимается по-разному представителями этих двух народов и культур. Учитывая такие различия, переводчик использует приемы прагматической адаптации, которые мы рассматривали во второй части этой книги.

Вместо заключения хотелось бы выразить надежду, что ознакомление с материалом данного пособия дает представление об идейном богатстве современного лингвистического переводоведения и о многогранности и большой социальной значимости переводческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Гак *В.Г., Львин Ю.И.* Практический курс перевода. — М., 1962
Комиссаров В.Н. Теория перевода. — М., 1990.
Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. — М. , 1990.
Латышев Л.К. Технология перевода. — М., 2000.
Маньяр-Белоручев Р.К. Последовательный перевод. — М., 1969.

Приложение

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Адаптивное транскодирование — вид языкового посредничества, при котором содержание оригинала передается в преобразованной форме, обеспечивающей заданный объем и характер передаваемой информации.

Адаптированный перевод — вид адаптивного транскодирования, при котором в процессе перевода осуществляется упрощение структуры и содержания оригинала с целью сделать текст перевода доступным для Рецепторов, не обладающих познаниями, которые требуются для полноценного понимания сообщения, содержащегося в оригинале.

Адекватный перевод — перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении А.п. — это «правильный» перевод.

Антонимический перевод — лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением.

Безэквивалентная лексика — лексические единицы ИЯ, не имеющие регулярных (словарных) соответствий в ПЯ.

Безэквивалентные грамматические единицы — грамматические формы и структуры ИЯ, не имеющие однотипных соответствий в ПЯ.

Буквальный перевод — перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего, либо нарушаются нормы и узус ПЯ, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала.

Вариантное соответствие *см.* Множественное соответствие

Вольный перевод *см.* Свободный перевод

Генерализация — лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением.

Готовый к опубликованию перевод *см.* **Официальный перевод**

Грамматическая замена — грамматическая трансформация, при которой грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением.

Двуязычная коммуникация *см.* **Межъязыковая коммуникация**

Дословный перевод *см.* **Синтаксическое уподобление**

Единица несоответствия — элемент содержания оригинала, не переданный или искаженный при переводе, или элемент содержания текста перевода, неправомерно добавленный при переводе.

Единица перевода — минимальная единица текста оригинала, которая переводится как единое целое, в том смысле, что ей можно отыскать соответствие в переводе, но нельзя обнаружить в переводе единиц ПЯ, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются.

Единица переводческого процесса — минимальный отрезок текста оригинала, выступающий в качестве отдельной «порции» перевода, в том смысле, что переводчик приступает к переводу каждого такого отрезка после завершения перевода отрезка предыдущего.

Единица эквивалентности — минимальная единица содержания оригинала, сохраняемая в переводе.

Единичное (постоянное) соответствие — наиболее устойчивый (постоянный) способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста.

Жанрово-стилистическая классификация переводов — подразделение переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала на художественный перевод и информативный перевод и функциональные подвиды перевода.

Жанрово-стилистическая норма перевода — требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю.

Информативный перевод — перевод оригиналов, не принадлежащих к художественной литературе (общественно-политических, научно-технических, официально-деловых и пр.), т.е. текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на Рецептора.

Источник (информации) — создатель (автор) текста оригинала, отправитель сообщения.

Исходный язык (ИЯ) — язык оригинала, язык с которого делается перевод. Калькирование — способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) — их лексическими соответствиями в ПЯ.

Канонический перевод *см.* **Официальный перевод**

Коммуникативная равноценность — способность текста выступать в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста. Коммуникативно равноценные тексты являются формами существования одного и того же сообщения и объединяются воедино (отождествляются) в процессе коммуникации.

Компенсация — способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале.

Конвенциональная норма перевода — требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности.

Конкретизация — лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более широкое значение, единицей ПЯ с более узким значением.

Контекстуальная замена *см.* **Окказиональное соответствие**

Лексико-семантическая замена — способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Лексический контекст — совокупность лексических единиц, в окружении которых, используется данная единица текста.

Лингвистика перевода или лингвистическое переводоведение — раздел языкознания, изучающий перевод как лингвистическое явление.

Лингвистическая теория перевода — теоретическая часть лингвистики перевода.

Лингвистический контекст — языковое окружение; в котором употребляется данная единица языка в тексте.

Литературное переводоведение — раздел литературоведения, изучающий перевод как вид литературного творчества.

Макроконтекст *см.* **Широкий контекст**

Межъязыковая (двуязычная) коммуникация — речевое общение между коммуникантами, пользующимися разными языками.

Межъязыковая трансформация *см.* **Переводческая трансформация**

Микроконтекст *см.* **Узкий контекст**

Множественное (вариантное) соответствие — один из регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, частично воспроизводящей в, ПЯ ее значение.

Модель перевода — условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые, можно осуществить процесс перевода всего оригинала или некоторой его части.

Модуляция (смысловое развитие) — лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы.

Норма перевода — совокупность требований, которым должен отвечать перевод.

Норма переводческой речи — требования, которым должен удовлетворять язык перевода.

Норма эквивалентности перевода — требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу.

Нулевой перевод — отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы ИЯ, вследствие его избыточности.

Общая теория перевода — раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода.

Объединение предложений при переводе — способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное.

Однотипное соответствие — грамматическое соответствие в ПЯ, имеющее наименование, определение и грамматическое значение, аналогичное замещаемой единице ИЯ.

Окказиональное соответствие (контекстуальная замена) — нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста.

Описательный перевод *см.* **Экспликация**

Официальный (готовый к опубликованию) перевод — окончательный вариант перевода, представляемый переводчиком в качестве полноценного воспроизведения оригинала.

Перевод — вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста.

Переводоведение — совокупность научных дисциплин, изучающих различные аспекты перевода.

Переводческая (межъязыковая) трансформация — преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

Переводческое соответствие — единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ.

Переводящий язык (ПЯ) — язык, на который делается перевод.

Письменный перевод — вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом, письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Постоянное соответствие — наиболее постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста.

Прагматика перевода (прагматический аспект перевода) — влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода.

Прагматическая адаптация перевода — изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного Рецептора перевода.

Прагматическая норма перевода — требование обеспечения прагматической ценности перевода.

Прагматическая ценность перевода — степень соответствия текста перевода тем задачам, для решения которых был осуществлен процесс перевода.

Прагматический потенциал текста — способность текста оказывать воздействие на Рецептора, вызывать у него интеллектуальную или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Приближенный перевод — использование в переводе грамматической единицы ПЯ, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ.

Прием лексических добавлений — использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

Прием местоименного повтора — повторное указание в тексте перевода на уже упоминавшийся объект с заменой его имени на соответствующее местоимение.

Прием опущения — отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых нерелевантны или легко восстанавливаются в контексте.

Прием перемещения лексических единиц — использование ближайшего соответствия переводимой единице ИЯ в другом месте высказывания в тексте перевода.

Прием пословного перевода — подстановка ближайших соответствий вместо лексических единиц оригинала при сохранении синтаксических связей между ними в качестве промежуточной стадии в процессе поиска оптимального варианта перевода.

Процесс перевода (собственно перевод) — действия переводчика по созданию текста перевода.

Психолингвистическая классификация переводов — подразделение переводов на виды и подвиды по способу (речевой форме) восприятия оригинала и создания текста перевода.

Рабочий перевод — предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне способа описания ситуации предметно-логического содержания оригинала.

Разнотипное соответствие — грамматическое соответствие в ПЯ, не совпадающее с исходной единицей по названию и определению.

Рецептор (информации) — получатель сообщения, слушающий или читающий участник коммуникации.

Свободный (вольный) перевод — перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта.

Синтаксический контекст — синтаксическая структура, в рамках которой употреблено данное слово в тексте.

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) — способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ с сохранением набора полнозначных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.

Ситуативная модель перевода — модель перевода, представляющая процесс перевода как процесс описания при помощи ПЯ той же ситуации, которая описана в оригинале.

Ситуативный (экстралингвистический) контекст — обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает Рецептору правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Ситуация — совокупность идеальных или материальных объектов и, связей между ними, описываемых в содержании высказывания.

Смысловая доминанта — наиболее важная часть содержания оригинала, которая должна быть непременно сохранена в переводе и ради сохранения которой могут быть принесены в жертву другие элементы переводимого сообщения.

Собственно перевод *см.* Процесс перевода

Сокращенный перевод — перевод, при котором осуществляется опущение отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера.

Сопоставительный анализ перевода — анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала.

Специальная теория перевода — раздел лингвистической теории перевода, изучающий особенности процесса перевода текстов разного типа и влияние на этот процесс речевых форм и условий его осуществления.

Способ описания ситуации — часть содержания высказывания, указывающая на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.

Тип эквивалентности *см.* Уровень эквивалентности

Точный перевод — перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от жанрово-стилистической нормы и узуальных правил употребления ПЯ.

Транскрипция — способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв ПЯ.

Транслитерация — способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв ПЯ.

Трансформационно-семантическая модель перевода — модель перевода, представляющая процесс перевода как ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц ИЯ к единицам ПЯ.

Трансформационный перевод — перевод с использованием одной из переводческих трансформаций.

Узкий контекст (микроконтекст) — лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения.

Уровень (тип) эквивалентности — степень смысловой близости оригинала и перевода, определяемая частью содержания оригинала, сохраняемой при переводе.

Устный перевод — вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения.

Художественный перевод — перевод произведений художественной литературы, т.е. текстов, основная функция которых заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя.

Цель коммуникации — часть содержания текста (высказывания), указывающая на общую речевую функцию текста в акте коммуникации.

Частная теория перевода — раздел лингвистической теории перевода, изучающий лингвистические аспекты перевода с одного данного языка на другой данный язык.

Черновой перевод — предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей на уровне указания на ситуацию предметно-логического содержания оригинала при возможных пропусках и отклонениях от нормы ПЯ.

Членение предложения — способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в ПЯ.

Широкий контекст (макроконтекст) — лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена данная языковая единица.

Эквивалентность перевода — общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода.

Эквивалентный перевод — перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Экспликация (описательный перевод) — лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение этого

значения на ПЯ.

Экстралингвистический контекст *см.* **Ситуативный контекст**

Этап переводческого процесса — часть переводческого процесса, характеризуемая действиями переводчика определенного типа.

Языковое посредничество — преобразование в процессе межъязыковой коммуникации исходного сообщения в такую языковую форму, которая может быть воспринята Рецептором, не владеющим ИЯ.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

1. О методике преподавания переводческих приемов // Научно-методический бюллетень ВИИЯ. — М., 1956, № 8.
2. Проблема определения антонима: о соотношении логического и языкового в семасиологии // Вопросы языкознания. — 1957, № 2.
3. (Совместно с Я.И.Рецкером и В.И.Тарховым). Пособие по переводу с английского языка на русский: В 2 частях. Часть 1. — М., 1960.
4. О лексическом значении слова // Ученые записки МОПИ им. Н.К.Крупской: Труды кафедр иностранных языков. — Вып. 6 (английский язык).— 1961, т. CIII:
5. Семантическая характеристика слов-антонимов (на материале английского языка): Канд. дисс. — М., 1962.
6. Аффиксальные слова-антонимы в современном английском языке // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. — 1962, № 2.
7. Понимание и перевод побудительных конструкций в современном английском языке // Ученые записки МОПИ им. Н.К.Крупской: Иностранные языки. — Вып. 10 (английский язык). — 1962, т. CX.
8. Учебное пособие по военной терминологии: Английский язык. — М., 1962.
9. Словарь антонимов современного английского языка. — М., 1964,
10. (Совместно с Я.И.Рецкером и В.И.Тарховым). Пособие по переводу с английского языка на русский: В 2 частях. Часть II. — М., 1965.
11 Специфика переводческих исследований // Тетради переводчика. — М., 1968, № 5.
12. Опыт обучения английскому языку на основе магнитофонного курса с элементами программирования // Иностранные языки в высшей школе. — М., 1969, вып. 5.
13. Эксплицирование как проблема перевода // Проблемы прикладной лингвистики. Тезисы межвузовской конференции: В 2 частях. Ч. I. — М., 1969.
14. К вопросу о сопоставительном изучении переводов // Тетради переводчика. — М., 1970, вып. 7.

15. Вопросы теории перевода в современной лингвистике // Лингвистика и методика в высшей школе. — М., 1970, вып. V.
16. Основные понятия науки о переводе // Вопросы теории и методики преподавания перевода. Тезисы Всесоюзной конференции: В 2 частях. Часть I. — М., 1970.
17. На пути к созданию науки о переводе // Тетради переводчика. — М., 1971, № 8.
18. Обучение иностранному языку и перевод // Русский язык за рубежом. — 1971, № 2.
19. Выделение компонентов в смысловой структуре слова // Иностранные языки в высшей школе. — 1972, вып. 7.
20. Лингвистические модели процесса перевода // Тетради переводчика. — М., 1972, № 9.
21. К определению понятия «перевод» // Учебно-методические разработки к курсу теории перевода. — М.: МГШИЯ им. М.Тореза, 1972.
22. Лингвистические и экстралингвистические аспекты перевода // Linguistische Arbeitsberichte. — Leipzig, 1973, №7.
23. Слово о переводе. — М.: Международные отношения, 1973.
24. Курс теории перевода в языковом вузе // Метод и специфика теоретических дисциплин в программе языкового вуза: Тезисы докладов 10-й научно-методической конференции ВИИЯ. — М., 1974.
25. О разделах переводоведения // Тетради переводчика. — М., 1974, № 11.
26. О двояком подходе к изучению переводческой деятельности // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Материалы Всесоюзной научной конференции: В 2 частях. Ч. I. — М., 1975.
27. (В соавторстве с Г.Я. Туровером) Перевод как лингвистический источник // Тетради переводчика. — М., 1975, № 12.
28. Проблемы лингвистического анализа перевода: Докт. дисс. — М., 1975,
29. Теория перевода на современном этапе // Тетради переводчика. — М., 1976, вып. XIII.
30. Zur Theorie der linguistischen Ubersetzungsanalyse // Ubersetzungswissenschaftliche Beiträge. — Leipzig, 1977.

31. Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М.: Международные отношения, 1978.
32. Перевод в аспекте корреляции «язык—речь» // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. — М., 1978, вып. 127.
33. Задачи лингвистического изучения переводов научно-технических материалов // Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода зарубежной научно-технической литературы»: Тезисы докладов и сообщений. — М., 1978.
34. К проблеме нормы в научно-техническом переводе // Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода зарубежной научно-технической литературы»: Тезисы докладов и сообщений. — М., 1978.
35. Проблема связи языка с действительностью в современном языкознании // Лингвистика и методика в высшей школе. — М., 1978, вып. VIII.
36. Лингвистика перевода. — М.: Международные отношения, 1980.
37. О методике преподавания перевода в высшем учебном заведении // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. — М., 1980, вып. 166.
38. Лингвистические основы научно-технического перевода // Пособие по научно-техническому переводу: В 2 частях. Ч. I. — М., 1980.
39. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. — 1982, № 19.
40. Проблемы оценки качества научно-технических переводов // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. — М., 1982.
41. Теоретические аспекты лингвистики перевода // Проблемы теории и методики перевода в вузах республики: Тезисы докладов республиканской научно-методической конференции. — Ташкент, 1982.
42. Лингвистические и лингвопсихологические основы подготовки профессиональных переводчиков // Aquivalenz bei der Translation: Ubersetzungswissenschaftliche Beiträge. — Leipzig, 1982.
43. Прагматические аспекты перевода // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. — М., 1982, вып. 193.
44. Фундаментальные проблемы развития лингвистики перевода // Fremdsprachen. — 1982, *N3.*

45. Парапереводческие аспекты межязыковой коммуникации // Всесоюзная конференция «Совершенствование перевода научно-технической литературы и документов»: Тезисы докладов и сообщений. — М., 1982.
46. Межъязыковая коммуникация и перевод // Тетради переводчика. — 1984, № 21.
47. Коммуникативная функция языкового знака // Всесоюзная научная конференция «Коммуникативные единицы языка»: Тезисы докладов. — М., 1984.
48. Роль языковых значений в речевой коммуникации // СНТ МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1984, вып. *238.*
49. Training professional Translators: The Role of Translation Theory // X. Weltkongress der FIT. Der Ubersetzer und seine Stellung in der Offentlichkeit. — Wien, 1985.
50. The Practical Value of Translation Theory // Babel. — 1985, N 4.
51. Коммуникативная функция и осмысленность слова // СНТ МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1985, вып. 252.
52. Рецензия на книгу: А.В. Кунин «Англо-русский фразеологический словарь» // Иностранные языки в школе. — 1986, № 5.
53. Некоторые методологические проблемы коммуникативной лингвистики // СНТ МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1986, вып. 272.
54. ФИТ: Союз практики и теории перевода // Тетради переводчика. — 1987, № 22.
55. Эвристическая ценность модели перевода // СНТ МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1987, вып. 295.
56. Социально-историческая значимость многообразия языков // СНТ МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1987, вып. 284.
57. The Semantic and the Cognitive in the Text: A Problem in Equivalence // Meta. — 1987, vol. *32,* N 4,.
58. Соотношение когнитивного и семантического в тексте и проблема эквивалентности перевода // Semantik, Kognition und Aquivalenz. — Leipzig, 1988.
59. Речемыслительный процесс в зеркале перевода // СНТ МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1988, вып. 308.
60. Рецензия на книгу: А.В. Кунин «Курс фразеологии современного английского языка» // Иностранные языки в школе. — 1988, № *3.*

61. Training Translators for the XXI Century // P. Nekeman (ed.) Translation, Our Future: XIth Congress of FIT. Proceedings. — Maastricht, 1988.
62. Советское переводоведение на новом этапе // Тетради переводчика. — М., 1989, вып.23.
63. Проблема интерференции в теории перевода // Interferenz in der Translation. — Leipzig, 1989.
64. Важная веха в истории перевода // Вопросы истории перевода: СНТ МГПИИЯ им. М. Тореза. — М., 1989, вып. 330.
65. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990.
66. A Manual of Translation. — М.: Высшая школа, 1990.
67. Language and Culture in Translation: Competitors or Collaborators. // TTR. — 1991, vol. IV, N 1.
68. Сопоставительно-переводческий анализ имплицитного смысла высказывания // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: Текст, структура и анализ. — М., 1991.
69. Культурно-этническая концепция перевода // СНТ МГЛУ им. М. Тореза. —М., 1991, вып. 375.
70. Естественность художественного перевода // Литература и перевод: Проблемы теории. — М., 1992
71. Some Epistemological Implications of Translation Theory // Wissenschaftliche Grundlagen der Sprachmittlung: Gedenkenschrift fer Otto Kade. — Frankfurt / M., 1992.
72. On the Pragmatic Approach to Translation // Text and Meaning. — Kent, Ohio, 1993.
73. New Trends in Translation Studies // Folia Translatologica». — Prague, 1993.
74. Norms in Translation // Translation as Social Action. — L., 1993.
75. Когнитивные аспекты перевода // Перевод и лингвистика текста. — М., 1994.
76. Translating Competence: Its Make-Up and Specificity // Translation - A Vital Link: Proceedings of XIII FIT Congress. — L., 1994.
77. Intuition in Translation // Target. — 1995, 7:2.
78. Общие принципы организации обучения переводу // СНТ МГЛУ. — М., 1996, вып. 423.
79. Интуитивность перевода и объективность переводоведения // СНТ МГЛУ. — М., 1996, вып. 426.
80. Assumed Translation: Continuing the Discussion // Target. — 1996, 8:2.
81. On Linguistic Basis of Creativity in Translation // La Traduzione. Saggi e documenti. — Roma, 1996.
82. Коммуникативные концепции перевода // Перевод и коммуникация. — М., 1997.
83. Новые тенденции в переводоведении // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: СНТ НГЛУ. В 2 частях: ч. I. — Нижний Новгород, 1997.
84. Теоретические основы методики обучения переводу. — М., 1997.
85. Translatology at the End of the Century: A Look Back // Ars Transferendi. Sprache, Ubersetzung, Interkulturität. — Frankfurt / M., 1997.
86. La traduzione nella cultura russa. In.: Tradurre. Un approcio multidisciplinare». Torino, 1997.
87. Russian Tradition // Encyclopaedia of Translation. — L., 1988.
88. Translation in Russian Culture // Revista Internazionale di Tecnica della Traduzione. — 1998, N 3.
89. Переводческие аспекты межкультурной коммуникации // СНТ МГЛУ. — М., 1999, вып. 444.
90. Переводоведение в 20-м веке: Некоторые итоги // Тетради переводчика. — М., 1998, вып. 24.
91. Общая теория перевода. М.: ЧаРо, 1999.
92. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999—2000.